

СОВЕТСКО- ФИНСКАЯ ВОЙНА

1939-1940 г.г.

БИБЛИОТЕКА
ВОЕННОЙ
ИСТОРИИ

БИБЛИОТЕКА
ВОЕННОЙ
ИСТОРИИ

СОВЕТСКО- ФИНСКАЯ ВОЙНА

1939-1940 г.г.

ХРЕСТОМАТИЯ

РЕДАКТОР-СОСТАВИТЕЛЬ А. Е. ТАРАС

Минск
Харвест
1999

УДК 947
ББК 63.3(0)61
К 78

Серия основана в 1998 году

К 78 Советско-финская война 1939—1940 гг. Хрестоматия./Ред.-сост. А. Е. Тарас.— Мн.: Харвест, 1999.— 464 с.— (Библиотека военной истории).

ISBN 985-433-692-1.

Война СССР с Финляндией, состоявшаяся в конце 1939 — начале 1940 гг., длилась всего лишь 105 дней и ночей. Однако несмотря на свою скоротечность, она является одной из самых трагических страниц в новейшей истории обеих стран.

Более 50 лет подряд об этой войне у нас либо вообще не упоминали, либо говорили и писали откровенную ложь. Только в последние годы начали появляться правдивые исследования о ней. В предлагаемой хрестоматии собраны лучшие публикации на тему советско-финской войны за последние десять лет. В совокупности они дают достаточно объективную и детальную картину той страшной бойни.

Хрестоматию с интересом прочтут военнослужащие, профессиональные историки, а также самые широкие круги читателей.

УДК 947
ББК 63.3(0)61

ISBN 985-433-692-1

© А. Е. Тарас, составление
и редакция серии, 1999.

Предисловие

Что знают бывшие советские граждане о советско-финской войне, произошедшей 60 лет назад? Только то, что они читали в доступной широким массам литературе. А там можно прочесть вот что:

«Реакционная политика правительства Финляндии, **превратившего территорию страны в плацдарм для нападения на СССР**, привела к советско-финляндской войне 1939-1940 гг., окончившейся военным поражением Финляндии» (Советская историческая энциклопедия, том 15, — М., 1974, с. 174).

«Правительства западных стран подстрекали Финляндию к проведению антисоветского курса, считая, что финская территория является хорошим плацдармом для нападения на СССР. Советский Союз был заинтересован в том, чтобы установить нормальные отношения с Финляндией, не дать вовлечь ее в авантюры империалистических держав, помешать им использовать финскую территорию в антисоветских целях. Исходя из этого, Советское правительство еще в мае 1939 г. начало переговоры с Финляндией по проблемам взаимной безопасности..., Советский Союз предлагал заключить договор о взаимной помощи. Но финская сторона отвергла эти и последующие советские предложения, **одновременно продолжая свои провокации**. В результате 30 ноября возник Финляндско-советский военный конфликт» (Новейшая история СССР 1939–1975 гг. Учебное пособие для студентов ВУЗов. — М., 1977, с. 12–13).

«Обстановка на северо-западных рубежах СССР в 1939 г. требовала от Советского правительства и командования Советской армии безотлагательной выработки мер оборонительного характера. Главный Военный Совет по предложению И. В. Сталина поручил командующему Ленинградским военным округом командарму 2 ранга К. А. Мерецкову подготовить план действий округа **на случай провокации финской реакции...** Согласно плану, советские войска должны были сковать ее силы, а затем нанести решительный контрудар» (История Второй мировой войны 1939–1945 гг., том 3. — М., 1974, с. 359).

«26 ноября 1939 г. артиллерия с финляндской территории обстреляла советские войска, находившиеся под Ленинградом. Среди советских бойцов были убитые и раненые. Со-

---

храня выдержку, правительство СССР в тот же день заявило, что оно «хотело бы, чтобы такие возмутительные факты впредь не имели места»... **Вооруженные провокации со стороны Финляндии между тем продолжались.**

Ввиду того, что вылазки на советскую территорию не прекращались, у Советского правительства оставался только один путь к достижению безопасности северо-западной государственной границы – отдать приказ войскам Ленинградского военного округа **дать решительный отпор агрессивной финской военщине.** Приказ последовал 30 ноября. Одновременно СССР еще раз предложил Финляндии заключить договор о дружбе и взаимопомощи. Но на это предложение правительство Финляндии не реагировало **и объявило войну СССР** (там же, с. 361).

Ужасно, не правда ли? Сначала негодяи-финны предоставили свою территорию для размещения иностранных войск, готовивших нападение на Страну Советов (правда, так и осталось невыясненным, чьи же это были войска и были ли они вообще, но это пустяк). Мало того, они еще постоянно дразнили могучего соседа «вооруженными вылазками», просто-таки вызывая его на бой, словно задиристый мальчишка (видимо не сомневались, что запросто разгромят 3-х миллионную РККА своей 30-тысячной армией). А потом обнаглели настолько, что **ОБЪЯВИЛИ ВОЙНУ (!)**, которую сами же и спровоцировали. И вот тогда Красной Армии уже не оставалось ничего иного, кроме как дать решительный отпор беспредельно зарвавшимся провокаторам.

Учитывая их невероятную мерзопакостность, не приходится удивляться тому, что они не могли воевать «по-человечески». Вот что писала газета «Правда» в своем выпуске от 3 декабря 1939 г.: «Белофинны все время практикуются воевать бандитскими способами. Они учатся стрелять с деревьев, рассыпаться небольшими группами, подкладывать мины... Живут по звериному в окопах».

Спустя 45 лет ей вторит советский генерал, когда-то воевавший против финнов лейтенантом, командиром танка: «Иногда мы, видя, как яростно, коварно, как-то по бандитски дерутся против нас финны, задумывались: кто они такие? Мало походили их отряды на подразделения регулярной армии. По методам борьбы – ни дать, ни взять живодеры! Допросы пленных подтверждали наши сомнения, против частей Рабоче-Крестьянской Красной Армии сражались наймиты финской буржуазии, возглавляемые отъявленными душегубами, сынками капиталистов и помещи-

ков» (Ивановский Е. Ф. Атаку начинали танкисты. — М., 1984, с. 15).

В чем заключалось коварство и душегубство финнов? Прежде всего в том, что они не желали выходить в чистое поле и сражаться в «честном бою»: один «белофинн» против 100 красноармейцев. И еще в том, что не дали советским танкам ворваться в Хельсинки, чтобы водрузить там красный флаг на крыше здания парламента, как это предусматривал приказ от 30 ноября. Такие вот подлецы оказались. Зато были горазды на коварные выдумки. Генерал Ивановский вспоминает: «Я уж не говорю о снайперах-кукушках, сидевших на деревьях и метко стрелявших оттуда, — это известно. Противник изыскивал самые изощренные способы нанести нам урон: применял мины-ловушки, мины-сюрпризы, минировал все, что только можно» (там же, с. 13).

Далее он рассказывает о том, как действовали славные красные воины: сначала обрабатывали финские укрытия огнеметами, а потом давили танками охваченных пламенем людей, выскакивавших оттуда наверх (там же, с. 14–15). Видимо, с его точки зрения это пример того, что следует считать истинным благородством и гуманизмом на войне.

Возвращаясь к приведенному выше традиционному советскому описанию причин войны, хочу сразу подчеркнуть, что все содержащиеся в них утверждения являются наглой ложью, выдумками большевистской пропаганды. Финляндия не превращала свою территорию в плацдарм для агрессии третьих стран против СССР. Напротив, она шла по шведскому пути, т.е. соблюдала полный нейтралитет по отношению ко всем государствам. Другое дело, что Сталин и его клика не верили финскому руководству, но это уже наша проблема, не финская.

Финны не были сумасшедшими и потому всячески избегали вооруженных столкновений, других острых конфликтов на границе. Напротив, спецгруппы НКВД в течение ряда лет систематически устраивали там разного рода провокации, всякий раз обвиняя в них сопредельную сторону. И печально знаменитый обстрел воинской части под Ленинградом 26 ноября 1939 г. тоже был осуществлен ими. Разве тех преступников, что сидели тогда в Кремле, волновала жизнь какого-то десятка красноармейцев? Эта величина являлась для них просто микроскопической, ведь они расстреляли или сгноили в лагерях миллионы советских людей!

Финны действительно отклонили все предложения насчет договора о «взаимной безопасности», подозревая,

---

что он может привести лишь к одному — к полной потере независимости. И они были абсолютно правы, в этом убеждает пример Эстонии, Латвии и Литвы, заключивших в 1939 г. такой договор. Спустя всего год эти страны уже находились в «счастливой семье советских народов», а на их территории набирал обороты террор НКВД против «представителей буржуазных и эксплуататорских слоев населения», т.е. против крестьян, торговцев, предпринимателей, интеллигенции, чиновников госаппарата, служащих армии и полиции, священнослужителей... Не удивительно, что весь финский народ встал на защиту своей Родины. Финляндия — страна буржуазная, в том смысле, что подавляющее большинство финнов всегда владело какой-то собственностью. Не хотели они, чтобы нажитое веками имущество у них отобрали пришедшие комиссары, чтобы всех протестующих чекисты поставили к стенке или загнали за колючую проволоку, чтобы хозяевами жизни стали тупые алкоголики-пролетарии. Именно этих патриотов прежние и нынешние Ивановские клеймят как «наймитов буржуазии», «фашистов», «кулацких сынков», «живодёров», «зверье».

Финляндия не объявляла войну СССР. Ее парламент и правительство всего-навсего констатировали, что страна находится в состоянии войны с СССР, ибо красные самолеты бомбят столицу и другие города, а советские войска штурмуют финские позиции на Карельском перешейке. Не было никакого контрудара Красной Армии, имело место вторжение в мирную нейтральную страну с целью полной ее оккупации и установления там власти коммунистов.

В этой связи поражает «логика» многих соотечественников, в том числе обладающих учеными степенями и претендующих на некую «объективность». Они признают, что Иосиф Джугашвили и его подручные, такие как Молотов, Жданов, Ворошилов, Мехлис, Буденный, Каганович и иже с ними, установили в СССР режим жесточайшего террора. Однако на международной арене эти бандиты и убийцы почему-то оказываются в их глазах радетелями безопасности того самого народа, который они так настойчиво уничтожали. Глупость это, чтобы не сказать хуже. Надо напомнить тем, кто уже забыл, что СВОЕЙ ГЛАВНОЙ ЦЕЛЮЮ большевики всегда считали торжество мировой революции. Иначе говоря, они стремились распространить тот бесчеловечный кровавый режим, который существовал в России, на весь остальной мир.

...Не сидели на деревьях никакие снайперы-кукушки. Просто каждый финский солдат был снайпером, к тому же воевал умело, применительно к местности, с учетом вооружения, уровня подготовки и психологии противника. И воевали финны не по-бандитски, а просто грамотно, исходя из своих сил и возможностей. Ну, и так далее. Ложь, ложь, и еще раз ложь. Полвека сплошного вранья.

Только с 1989 года, в связи с изменением общей политической ситуации в СССР, стали появляться отдельные публикации журналистов и историков, в которых раскрывалась подлинная картина той короткой, но чрезвычайно жестокой бойни, ее подлинные причины и последствия. Из них и составлена эта хрестоматия.

* * *

Во избежание недоразумений редактор-составитель должен пояснить, что согласно Закона РБ об авторских и смежных правах, в работах составного характера (хрестоматиях, справочниках, энциклопедиях и т. п.) перепечатка текстов из различных источников осуществляется без согласия их авторов, редакторов, издателей, а также без выплаты гонораров. Большинство публикуемых в хрестоматии материалов дано в сокращенном виде. Все сокращения и другие изменения произведены редактором по его усмотрению.

Анатолий ТАРАС
30 октября 1999 г.

ЧАСТЬ I

Общая картина войны

Выстрелы были! Но с другой стороны

Непосредственной причиной «зимней войны» послужили выстрелы в Майнила, прогремевшие в 16 часов по московскому времени 26 ноября 1939 года. По этому поводу нет разногласий. Однако существовали постоянные и скрытые споры по вопросу о том, с чьей стороны были произведены эти выстрелы.

Официальная историография советской эпохи до сих пор утверждает, что «зимней войне» предшествовали акты провокаций с финской стороны.

Финны с полным правом пытались с самого начала доказать, что эти выстрелы были произведены не с территории Финляндии. Провокация подобного рода при существовавшей тогда ситуации была бы с финской стороны крайне неразумной. Совместное расследование представителями двух стран, по мнению советских властей представлялось ненужным, а результаты советского расследования никогда не публиковались.

В записях результатов наблюдений финских пограничных постов можно прочитать, что с 14.30 до 15.00 было зафиксировано пять пушечных выстрелов и, кроме того, два минометных выстрела с 15.00 до 15.05. Финские пограничники не могли видеть, куда были нацелены эти выстрелы и откуда они были произведены. Однако явным было и то, что никакой финской артиллерии, достаточно дальнобойной для обстрела деревни Майнила, не существовало.

В период гласности не было найдено никакой информации об имевшей место стрельбе. С другой стороны, русские ученые уже в 1989 году подтвердили, что новости касательно Майнила пришли в Ленинград из Москвы, а не наоборот. Только после этого войска на Карельском перешейке были проинформированы о происшедшем инциденте.

Конечно, можно спросить: будет ли вообще когда-нибудь обнаружен приказ произвести эти выстрелы? Инцидент такого рода должен был подготавливаться в обстановке строгой секретности, и можно предположить, что никаких письменных свидетельств не существовало. Но, с другой стороны, в бывшем Советском Союзе бюрократия была столь сильна, что даже большинство сведений о судьбах тех,

кто пропал без вести, было, как обнаружилось позже, аккуратно зафиксировано.

Первое непосредственное доказательство того, как инсценировалась драма в Майнила, было обнаружено в документах А. А. Жданова. Андрей Жданов принимал участие во многих важных политических акциях. В 1939 году он являл-

ся членом Военного совета Ленинградского военного округа. Перед округом была поставлена задача организовать «контратаку» против Финляндии, так как политическое урегулирование, то есть выполнение советских требований, не было достаточно скоро достигнуто. Естественно, что на Андрея Жданова, главного политрука военного округа, легла большая ответственность. Необходимо было инсценировать какое-нибудь нападение, против которого войска округа могли бы предпринять контратаку

Н. С. Хрущев рассказывает в своих мемуарах, что начальник Главного управления артиллерии Г. И. Кулик был послан наблюдать за бомбардировкой финской границы. Мне все же кажется, что Г. И. Кулик не был организатором инцидента в Майнила. В начале войны он наблюдал за наступлением, проводившимся севернее Ладожского озера.

В последнюю неделю ноября в Ленинграде находился начальник Политуправления Красной Армии Л. З. Мехлис. Он также подготавливал предстоящую войну, точнее, занимался пропагандой, направленной на Финляндию и проводимой в так называемой Народной армии Финляндии (то есть в армии Куусинена) и в Советской Армии. Мне представляется, что активность Мехлиса также не была непосредственно связана с инцидентом в Майнила.

Среди бумаг Жданова в бывшем партийном архиве в Москве имеются тысячи записей, сделанных от руки. В пакете, датированном временем «зимней войны», содержатся три записи, касающиеся развязывания этой войны (РЦХИДНИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 163. Л. 312–314). Они не прошли бы в суде в качестве доказательства, но представляют интерес для историка.

В первой из этих записей содержится программа Жданова из 6 пунктов. Она состоит в следующем: 1) к границе должен быть подтянут батальон войск НКВД; 2) происходит инцидент с выстрелами; 3) затем организуется митинг для демонстрации всеобщего возмущения. Не совсем понятно, что подразумевал Жданов под словом, идущим отдельным пунктом 4 — «люди», но весьма вероятно, что это политработники, так как вслед за этим следует пункт 5 — распространение 30000 пропагандистских листовок. Последним пунктом следует 6 — речь В. М. Молотова с перечислением агрессивных действий Финляндии. Перед началом войны между шестью-семью часами утра по радио должно было быть зачитано «Обращение ЦК финской Компартии к трудящемуся народу Финляндии».

Каждый из этих кратких пунктов сам по себе не имеет особого смысла, но вместе они образуют цепь событий, которые, как показано, действительно имели место. Вечером, в 23 часа по московскому времени, В. М. Молотов произнес речь, сравнимую с объявлением войны. Артиллерийский огонь, предварявший «контратаку», начался 30 ноября в 7 часов утра по московскому времени. Имело место также и «революционное обращение к трудящимся Финляндии».

Во время войны между Советским Союзом и Финляндией русских военнопленных спрашивали, в частности, об инциденте в Майнила. Лишь единицы из этих пленных были около деревни Майнила, один из них рассказывал, что, по слухам, там проходили полевые испытания нового типа миномета. Вблизи от Майнила видели начальника НКВД Ленинградской области комиссара 3 ранга С. А. Юглидзе. С этим фактом неплохо увязывается и то обстоятельство, что С. А. Юглидзе — одно из ближайших к Берии лиц — был награжден орденом Красного Знамени в связи с «зимней войной».

В своих записях Жданов упоминает финский корпус Антилла (армия Куусинена), и это свидетельствует о том, что данная информация относится к ноябрю 1939 года. Упоминаются четыре полка, а мы знаем, что число полков увеличилось с трех до четырех между 18 и 23 ноября. Этот факт фиксирует время более точно.

Жданов планировал, что КАУР (Карельский укрепленный район) будет заблаговременно предупрежден — 25 ноября, то есть за день до инцидента. Согласно показаниям одного из военнопленных, за час до инцидента все часовые вне помещений были сняты со своих постов. Упоминаемое Ждановым время доказывает, что дата инцидента в Майнила была установлена заранее.

Касательно инцидента следует подчеркнуть, что Жданов использовал слово «расстрел», смысл которого отличен от понятия «артиллерийский огонь». Это слово в большинстве случаев используется, когда имеются в виду казни, исполнение приговора. Отсюда следует, что конкретная форма инцидента в Майнила была определена позже. Возможно, Жданов думал об инсценировании ситуации, в которой финский патруль атакует советские войска, и, возможно, намечал, что будет обнаружено несколько трупов в Майнила. Жданов приводит в своих записях количество от 5 до 25 человек. 26 ноября ТАСС сообщил, что всего было убито или ранено 13 пограничников, но не обнаружено никаких доказательств того, что кто-либо видел этих убитых и раненых.

После событий в Майнила советские газеты информировали и о других инцидентах. Некоторые из них произошли, согласно этим газетным сообщениям, 28 ноября на восточной границе Финляндии, а также 29 ноября снова на Карельском перешейке. С финской стороны эти инциденты замечены не были. Только из района Петсамо (Печенга) поступило сообщение об инциденте, но при этом говорилось, что он был вызван советскими войсками.

Нетрудно найти прецеденты такого рода приграничных столкновений. Германское нападение на Польшу также предварялось инсценированием пограничного инцидента. Географически более близкий случай произошел в XVIII веке на шведско-русской границе по приказу короля Густава III.

В России также обнаружили устные свидетельства о событиях в Майнила. В большинстве случаев подобная информация «негативна», то есть «не замечает» никакого инцидента в Майнила. Наиболее интересное свидетельство было высказано еще в 1985 году генералом КГБ Окуневичем писателю из Санкт-Петербурга Игорю Буничу. Генерал Окуневич во время этого инцидента, будучи в чине майора НКВД, вместе с 15 другими военнослужащими, производившими пробные выстрелы из нового секретного оружия, находился в районе, указанном выше. Их сопровождали два «эксперта по баллистике» из Москвы. Было произведено пять выстрелов. Это воспоминание согласуется с информацией из финских источников.

Так как выстрелы в Майнила не были сделаны с финской стороны, то логически очевидно, что стреляли советские орудия. Записи Жданова показывают, кто планировал этот инцидент. По крайней мере, Жданов сделал набросок генеральной линии. Во-вторых, из этих записей обнаруживается, что инсценировка проводилась политически, надежными частями войск НКВД. Возможно, приказы о выполнении этой операции могут быть еще обнаружены в архивах КГБ. Но не исключено, что соответствующие документы в свое время были уничтожены из политических соображений.

Охто Маннинен
(Журнал «Родина», № 12/1995)

Северный узел межгосударственных противоречий

Три военные кампании конца 1939 — начала 1940 года, следовавшие одна за другой (сначала германо-польская, затем советско-финляндская и, наконец, скандинавская), поразили мировое общественное мнение своей внезапностью, необычностью хода и неожиданностью результатов.

Начиная войну против Польши, германское военное руководство ни в малейшей степени не сомневалось в быстрой победе. Превосходство в силах было целиком на немецкой стороне: по пехоте — 1,6 : 1, по артиллерии и минометам — 1,4 : 1, по танкам — 3,2 : 1, по боевым самолетам — 4 : 1.

Уже первые дни наступления вермахта заставили содрогнуться весь мир: моторизованные корпуса при мощной поддержке авиации лавиной устремились вглубь Польши. В этой военной машине все отличалось от стереотипов неподвижных позиционных фронтов прошлой войны. Поражали воображение стремительные темпы наступления, мощные комбинированные удары, четкое взаимодействие видов вооруженных сил, массовое применение новых средств вооруженной борьбы.

В первых числах октября 1939 года вермахт практически ликвидировал последние очаги сопротивления польских регулярных частей. Польша потерпела полное поражение, а ее армия, считавшаяся одной из сильнейших в Европе, потеряла 66,3 тыс. убитыми, 133,7 тыс. ранеными, около 420 тыс. пленными. Потери немцев были незначительными: 10,6 тыс. убитыми, 30,3 тыс. ранеными и 3,4 тыс. пропавшими без вести. В целом эта молниеносная операция вермахта, сопровождавшаяся мощной пропагандистской кампанией, породила в умах людей страх перед столь зловещей силой, страх, который захлестнул весь мир.

Месяц с небольшим спустя война вспыхнула на севере Европы, на этот раз между Советским Союзом и Финляндией, население которой в 1939 году насчитывало всего лишь около 4 млн. человек (в СССР — 172 млн.). В мировой таблице о рангах малочисленные и слабо вооруженные силы Финляндии не считались серьезным соперником Красной Армии, которая в октябре 1939 года совершила успешные походы в Польшу, Прибалтийские страны. Не считали Финляндию серьезным противником и в Кремле: в этом же ме-

---

сяце Сталин отверг «план Б. М. Шапошникова», согласно которой финская кампания обещала быть далеко не легким делом.

Был принят «план К. А. Мерецкова». В нем ставка делалась на мощный первоначальный удар крупных сил и средств по «несговорчивым» финнам. Превосходство в силах было целиком на советской стороне: по живой силе — 2 : 1, артиллерии — 5 : 1, танкам — 7,5 : 1, боевым самолетам — 10 : 1. Вся эта масса советской боевой техники и войск перебрасывалась с Украины и из Белоруссии в величайшей спешке, в жгучий ноябрьский мороз. Личный состав был в летнем обмундировании. У Сталина и его ближайших советников — Ворошилова, Буденного, Берии, Жданова, Кулика, Мехлиса — не было и тени сомнения в том, что после двух-трех недель боевых действий финны запросят мира и Советский Союз улучшит свои стратегические позиции на чрезвычайно важном для него северном фланге. Стремление быстрее использовать скованность Берлина советско-германскими соглашениями, в том числе и секретным, по которому Финляндия относилась к сфере влияния СССР, явно толкало Сталина к поспешным, недостаточно продуманным и опрометчивым шагам. В мае 1941 года один из высокопоставленных немецких дипломатов в Москве во время ужина в ресторане «Арагви» доверительно заявил: «Буду до конца откровенным — напад 30 ноября 1939 года на Финляндию, он (Сталин) поставил нас в тяжелое положение. Он понимал, что наши руки связаны...». Впрочем, многие на Западе, в том числе и военные специалисты, считали, что финская армия не сможет долго продержаться и финский вариант блицкрига неизбежен.

Однако произошло неожиданное: блицкрига не получилось. Финская разведка довольно точно оценила назревающий конфликт и определила основные направления возможных ударов Красной Армии, с учетом которых еще в 1927 году начала строиться оборона страны с использованием ее суровых природно-климатических условий. Высокой моторизации советских войск была противопоставлена отличная одиночная тактическая и стрелковая подготовка финнов. Они планировали блокировать немногочисленные дороги, к которым неизбежно привязывались соединения наступающих, и атаковать их с флангов и тыла. Для действий в типичных для Финляндии бездорожных и глухих лесных районах были созданы многочисленные подвижные лыжные отряды, имевшие облегченное обмундирование и обувь. Все имущество таких отрядов, вооруженных автоматами, винтовками

и небольшим количеством минометов, было на спинах солдат и офицеров, на специально приспособленных санях-лыжах и волокушах.

В первые дни Красная Армия имела некоторый успех. Однако по мере ее продвижения финны наращивали сопротивление, развив активную диверсионно-партизанскую деятельность в ближайшем тылу советских войск, а на флангах создав гарнизонные узлы сопротивления. Снабжение наших частей и соединений было нарушено: на редких дорогах возникли заторы, километровые «пробки». Танки и тяжелая техника увязали в снегу и останавливались перед многочисленными препятствиями. Некоторые соединения (например, 44-я стрелковая дивизия) попали в окружение, а личный состав, бросив значительную часть боевой техники, пытался мелкими группами пробиться к границе. Войска несли огромные небоевые потери в технике от поломок. В частях и соединениях начались массовые обморожения и простудные заболевания.

Только после месяца ожесточенных боев было в конце концов уточнено, где проходит линия Маннергейма. Стало очевидным, что для завершения кампании необходимы специальная подготовка, формирование лыжных подразделений, совершенствование управления войсками и налаживание взаимодействия между видами и родами вооруженных сил. В начале января 1940 года был отдан приказ о переходе к обороне и произведена реорганизация войск, что фактически явилось признанием провала первоначальных планов и замыслов. «Сталин, — вспоминал тогдашний командующий 7-й армией командарм 2 ранга К. А. Мерецков, — сердился: почему не продвигаемся? Неэффективные военные действия, подчеркивал он, могут сказаться на нашей политике. На нас смотрит весь мир. Авторитет Красной Армии — это гарантия безопасности СССР. Если застрянем надолго перед таким слабым противником, то тем самым стимулируем антисоветские усилия империалистических кругов».

Слова Сталина в отношении «застрянем» оказались пророческими, хотя сам он был виноват во многом. В период с начала второй мировой войны и до момента нападения Германии на СССР эта война оказалась самой длительной в Европе. Она продолжалась 105 дней, в то время как вермахт закончил кампанию в Польше за 36 дней, завоевал Норвегию за 50, разгромил англо-французскую коалицию за 35, захватил Югославию и Грецию за 21 день, а Данию — за двое суток.

Эта война оказалась и самой кровопролитной. Ожесточенные бои продолжались почти до середины марта 1940 года. И если вермахт, оккупировав почти всю Западную и Центральную Европу, потерял 211600 человек (из них 40,5 тыс. убитыми), то потери Красной Армии в Финляндии составили 289510 человек (72408 убитыми, 186129 ранеными, 17520 пропавшими без вести, 12213 обмороженными и 240 контуженными). Финские потери, по официальным данным, составили 25 тыс. убитыми и 45 тыс. ранеными.

Потери в финской кампании оказались для Красной Армии весьма чувствительными. Война последовала за волной репрессий, когда по словам приближенного к Сталину Л. З. Мехлиса, «Центральный Комитет ВКП(б) разгромил вражеский заговор в стране и в армии».

Всего лишь за несколько месяцев до начала войны, в марте 1939 года, на XVIII съезде ВКП(б) Ворошилов, похваляясь результатами репрессий и очищения Красной Армии от «мерзких» людей, изменивших своему государству, уверял, что после «чистки» армия стала намного сильнее и что враг будет накоротке смят и уничтожен. Большая часть наиболее квалифицированных командно-политических кадров была репрессирована. В ходе боев в Финляндии погибло и пропало без вести еще 4046 старших и средних командиров и 9988 младших. К концу войны некомплект начсостава в армии составлял 21 проц. к штатной численности. Создалось критическое положение с командными кадрами. В «Акте о приеме наркомата обороны Союза ССР тов. Тимошенко С. К. от тов. Ворошилова К. Е.» (май 1940 г.) говорилось: «Для полного отмобилизования армии по военному времени недостает 290000 человек комсостава запаса».

Большие потери Красная Армия понесла и в боевой технике. В ходе кампании было потеряно 422 боевых самолета и 3543 танка. Значительные потери в танках старых образцов и задержка в производстве танков новых образцов создали напряженное положение в автобронетанковых войсках. Выступая в декабре 1940 года на совещании комсостава, начальник Главного автобронетанкового управления Красной Армии комкор Я. Н. Федоренко подчеркнул, что войскам «придется учиться на минимальном количестве материальной части... Я хочу просить высший командный состав о том, чтобы принять все меры к тому, чтобы сберечь материальную часть. В этом году вышла из строя масса боевых и вспомогательных машин. 21000 машин по заявкам округов требует капитального ремонта».

Возникли значительные трудности в экономике страны в целом, особенно с продовольствием: с раннего утра у магазинов стали выстраиваться длинные очереди за хлебом. 17 января 1940 года Берия информировал Ворошилова о том, что «злой дьявол для всех дипломатов», аккредитованных в СССР, стали «хлебные очереди в Москве». Шведский военный атташе майор Флодстрем, в частности, говорил, что многие дипломаты «ходили, смотрели и измеряли очередь шагами. Лично Флодстрем где-то на Арбате также измерял очереди шагами и насчитал более двух тысяч шагов». И все это всего лишь за полгода до нападения фашистской Германии на СССР.

Слабость Красной Армии в начале войны с Финляндией, неожиданная для мировой общественности, особенно резко проявилась на фоне только что закончившейся молниеносной кампании вермахта в Польше. Подтвердились в определенной мере прогнозы зарубежных военных специалистов, что массовые репрессии, которым подверглись наиболее квалифицированные кадры командного состава Красной Армии, значительно ослабили ее военную мощь, несмотря на обилие в ней военной техники.

Финская кампания Красной Армии как бы на миг высветила тот дисбаланс военной мощи в пользу фашистской Германии, который возник в результате раскола антифашистских сил как в каждой из европейских стран, так и в Европе в целом. Советский Союз уже не стал рассматриваться как серьезный фактор силы или надежный союзник в наступившей войне. Москва оказалась в еще большей изоляции. 29 декабря 1939 года английский посол Сииде, посетивший заместителя наркома иностранных дел Потемкина по случаю ухода «в отпуск на 1–2 месяца», заявил, что «английское правительство не желало бы ничего большего, как сохранение Советским Союзом нейтралитета в происходящей войне. Сейчас оно вынуждено констатировать, что фактически с каждым днем все определеннее Советский Союз выступает в качестве союзника Германии».

Западные державы стали занимать открыто враждебную позицию в отношении СССР, рассматривая его как потенциального противника. 18 декабря 1939 года советский посланник в Швеции А. М. Коллонтай записала в своем «Дипломатическом дневнике»: «Парижская пресса высказывает опасение, что теперь Советский Союз уже окончательно сблизится с Германией и полчища Гитлера и большевиков двинутся на западные державы, чтобы снести с лица земли всю высо-

---

кую культуру, достигнутую человечеством за многие тысячелетия».

Стали заметны изменения и в политике США. Вторым секретарь американского посольства в Москве Болен, делясь своими впечатлениями о ходе советско-финляндской войны, говорил в конце декабря 1939 года: «Самая критическая оценка Советских Вооруженных Сил, имевшая место до финского конфликта, кажется теперь пропагандой в пользу Советов. Ввиду такого неожиданного оборота дел, которого никто фактически не ожидал, в ряде стран возникает сильная тенденция увеличить активную помощь финнам, в частности, американское правительство предлагает наладить регулярное снабжение финнов последними моделями самолетов... Немцы в Москве очень довольны и смеются, что, чем больше русские завязнут в Финляндии, тем выгоднее это для Германии, так как последняя тогда будет иметь Советский Союз в своих руках и сможет выставить требования любого экономического и политического характера, угрожая в противном случае оказанием неофициальной помощи Финляндии».

По мнению Болена, как, впрочем, и подавляющего большинства зарубежных государственных деятелей и военных специалистов, «основное несчастье Советской Армии — это плохая экипировка, солдаты не имеют даже теплых перчаток. Снабжение и питание из рук вон плохое, а тактика ведения боя показывает малую компетентность командного состава».

В возникшем советско-финляндском военном конфликте западные союзники увидели реальную возможность изменить сам характер второй мировой войны.

По свидетельству английского историка Л. Вудворда, западные страны намеревались с помощью финляндско-советского военного конфликта подтолкнуть фашистскую Германию к войне против Советского Союза. Прежде всего предполагалось запугать Швецию, Норвегию и отчасти Германию угрозой «неминуемой советской экспансии» в Швецию и Норвегию. Опасаясь за судьбу Балтики и шведской железной руды, Германия, по расчетам западных стратегов, попросит Швецию дать возможность защитить ее от русских и таким образом ввяжется в вооруженную схватку с Советским Союзом. Это приведет к распылению сил рейха и ослаблению угрозы вторжения во Францию и Англию.

Антисоветские замыслы западных держав нашли горячую поддержку в Швеции, Норвегии, Дании. Швеция, как за-

метил М. Якобсон, была на самой грани войны с Советским Союзом. Начался сбор средств и набор «добровольцев» в так называемую дивизию «стран группы Осло». Норвежская газета «Гиденс тейн» в декабре 1939 года поместила интервью своего корреспондента с руководителем набора добровольцев майором Винге, который недвусмысленно высказался о классовой направленности предстоящей войны: «Она (т. е. дивизия «стран группы Ослов». — А. Н.) обойдется очень дорого. Она будет стоить миллионы. Но я знаю, что эти деньги оправдают себя. Я уверен, что правда дойдет до сознания скандинавских миллионеров. Если мы не остановим этой опасности против свободы сейчас, то скоро настанет такое время, когда вообще не будет никаких миллионеров».

2 и 3 января 1940 года заседания английского военного кабинета были полностью посвящены обсуждению планов возможной интервенции западных союзников в северные районы Скандинавского полуострова, Южную Норвегию и Южную Швецию.

Эта интервенция должна была, с одной стороны, объединить Скандинавские страны с Финляндией в их борьбе против СССР, а с другой — создать угрозу для фашистской Германии с севера, лишить ее шведской руды и таким образом вынудить командование вермахта пойти на «распыление сил», т. е. осуществить высадку своих войск в Северной Европе.

Начальники штабов в докладе военному кабинету высказывались за необходимость опередить вермахт в высадке в Скандинавии, для чего потребуются не только значительные силы флота, но и сухопутных войск.

В своем докладе военному кабинету вступление союзных войск в вооруженную борьбу в Северной Европе начальники штабов рассматривали как качественный перелом во всей политике западных держав, направленный на захват стратегической инициативы в начавшейся войне. «Следует иметь в виду, — говорилось в докладе, — что переход в наступление в Скандинавии весной 1940 г. обозначит кардинальное изменение в нашей политике. До сих пор, пока мы наращивали наше вооружение, она была оборонительной на суше и в воздухе. Обсуждаемый план позволит нам перейти к наступательным операциям, которые могут оказаться решающими. Возможности, предоставленные нам, невероятно велики, и мы не видим равных им в будущем на каких-либо других театрах».

Перспектива отвлечения ударных сил вермахта с Запада, надежды на возможность столкновения Германии с СССР на

приморском театре представлялись для правящих кругов Англии и Франции чрезвычайно заманчивыми. Эти иллюзии подогревались распространившимися на Западе слухами о «стремлении» немецко-фашистского руководства заключить мир с Англией и Францией, чтобы обрушиться на СССР.

Так, в начале января 1940 года американский посол в Норвегии доносил в Вашингтон: «По данным, исходящим из близких к Герингу кругов, Германия в случае заключения мира на Западе порвет договор с СССР и окажет помощь».

В возникшей ситуации англо-французское командование пришло к выводу о решающем для войны значении Североевропейского театра военных действий. «Если рекомендации комитета начальников штабов будут приняты, — говорил 3 января на заседании военного кабинета английский маршал авиации С. Ньюолл, — то Скандинавия будет рассматриваться в настоящее время как решающий театр военных действий. Вопрос о безопасности нашей территории, Франции и других районов будет отодвинут на второе место».

На заседании кабинета рассматривались два варианта плана вторжения союзных войск в Северную Европу. Комитет начальников штабов предлагал одновременно высадку десантов в северных районах Скандинавского полуострова, в Южной Швеции и Южной Норвегии. Черчилль выступал за захват первоначально только Нарвика, однако с последующей оккупацией железорудных районов Швеции, граничащих с Финляндией.

Чемберлен, а затем и весь кабинет поддержали вариант Черчилля. Но слухи о предстоящем вторжении серьезно встревожили общественность Скандинавских стран. 7 января король Норвегии Хокон VII в телеграмме, адресованной английскому королю Георгу VI, настоятельно просил последнего предотвратить такие шаги, ибо, по его мнению, они с неизбежностью вовлекут бы Норвегию в войну и явятся бы величайшей опасностью для существования ее как суверенного государства.

Даже в правящих кругах Финляндии возникли подозрения, что Англия и Франция стремятся не столько помочь Финляндии, сколько использовать ее в своих корыстных интересах. 4 января германский посланник В. Блюхер доносил из Хельсинки в МИД рейха о своей беседе с министром иностранных дел Финляндии В. Таннером, который заявил, что Финляндия не заинтересована в том, чтобы представлять из себя поле битвы для великих держав.

24 января 1940 года начальник имперского генерального штаба Англии генерал Э. Айронсайд представил военному кабинету меморандум «Главная стратегия войны». Айронсайд писал, что в континентальной Европе Германия имеет перед западными союзниками значительные преимущества. Находясь в центре континента и обладая развитой системой коммуникаций, она может наносить удары в любом направлении. Однако на Скандинавском ТВД, где большую роль играют морские сообщения, она потеряет эти преимущества и, следовательно, станет наиболее уязвимой.

Анализируя соотношение сил между Германией (140 дивизий) и западными союзниками (110 дивизий), Айронсайд приходил к выводу, что если Германия не добьется распыления наших сил, то она вряд ли сможет перейти в наступление на западном фронте с реальными шансами на решающий успех. В то же время он считал, что западные союзники, не располагая преимуществом в сухопутных и военно-воздушных силах, также не смогут в 1940 году перейти в решающее наступление против рейха с территории Франции. В такой обстановке западные союзники будут в силах «вырвать стратегическую инициативу у Германии» лишь действиями на периферийных театрах и особенно с помощью экономической блокады.

В этом отношении Северная Европа, подчеркивал Айронсайд, является тем районом, который предоставляет нам наилучшие возможности. Прекращение поставок шведской железной руды не только нанесет рейху серьезный удар, но и заставит его в целях восстановления поставок руды втянуться в боевые действия в этом районе и тем самым распылит свои военно-морские, военно-воздушные и сухопутные силы.

В этом меморандуме начальник имперского генерального штаба изложил позицию, которую западные союзники должны были занять в отношении СССР. «В настоящее время, — писал он, — невозможно определить, является ли Россия действительно партнером Германии или она ведет самостоятельную игру... Однако при определении нашей стратегии в создавшейся обстановке будет единственно верным решением считать Германию и Россию партнерами». Поэтому «позиционные преимущества, полученные Россией, могут стать доступными и для Германии». Следовательно, необходимо будет предпринимать активные боевые действия и против Советского Союза.

«На мой взгляд, — подчеркивал Айронсайд, — мы сможем оказать эффективную помощь Финляндии лишь в том случае, если атакуем Россию по возможности с большего количества направлений и, что особенно важно, нанесем удар по Баку — району добычи нефти, чтобы вызвать серьезнейший государственный кризис в России». Айронсайд, выражая мнение определенных кругов английского правительства и командования, отдавал себе отчет в том, что подобные действия неизбежно приведут западных союзников к войне с СССР. Но в сложившейся обстановке считал это совершенно оправданным.

Примерно в это же время сделал оценку обстановки и французский генеральный штаб. 31 января генерал М. Гамелен, выражая точку зрения генерального штаба Франции, с уверенностью заявил, что в 1940 году Германия не начнет решительного наступления на западные страны, и предложил английскому правительству план высадки экспедиционного корпуса в Петсамо, чтобы совместно с Финляндией развернуть активные боевые действия против Советского Союза. По мнению французского командования, Скандинавские страны еще «не созрели» для самостоятельных действий на стороне Финляндии. Высадка же экспедиционного корпуса укрепит их решимость и ободрит в борьбе против Советского Союза.

Английское правительство в принципе было готово пойти на войну с СССР. «События, видимо, ведут к тому, — заявил Чемберлен 29 января на заседании кабинета министров, — что союзники открыто вступят в боевые действия против России». Однако при оценке зрелости Скандинавских стран англичане выражали опасение, как бы участие англо-французских войск на стороне Финляндии не отпугнуло скандинавов от борьбы с СССР, тогда Норвегия и Швеция опять «вползут в раковину политики нейтралитета».

5 февраля английский премьер отправился в Париж, чтобы вместе с французами обсудить на высшем военном совете конкретный план совместной интервенции в Северную Европу.

На совете Чемберлен выдвинул план высадки экспедиционного корпуса в Норвегии и Швеции, что, по его мнению, расширило бы финляндско-советский военный конфликт и в то же время блокировало поставки шведской руды в Германию. Однако первая задача являлась главной. «Предотвращение разгрома Финляндии Россией этой весной имеет чрезвычайно важное значение, — подчеркивалось в поста-

новлении военного кабинета Англии, — и это могут сделать только значительные силы хорошо подготовленных войск, посланных из Норвегии и Швеции или же через эти страны». Даладье присоединился к мнению Чемберлена. Было решено помимо французских контингентов направить на Скандинавский театр и в Финляндию 5, 44 и 45-ю английские пехотные дивизии, сформированные специально для посылки во Францию.

13 февраля комитет начальников штабов Англии дал указание своим представителям в объединенном военном комитете союзников подготовить директиву, на основании которой планирующие органы штаба смогли бы подготовить план действий англо-французских войск в Северной Финляндии «Петсамская операция», предусматривавший высадку более 100 тыс. англо-французских войск в Норвегии и Швеции.

При рассмотрении этого плана 15 февраля начальник имперского штаба генерал Айронсайд подчеркнул, что войска, которые будут действовать в Северной Финляндии, должны иметь линию коммуникаций. Если они высадятся в Петсамо, то будут вынуждены повернуть либо на восток, захватив Мурманск и Мурманскую железную дорогу, либо на запад, открыв себе путь через Нарвик.

В результате обсуждения было решено оказать помощь Финляндии, высадив десант в Петсамо или его окрестностях с целью перерезать Мурманскую железную дорогу, и в последующем захватить Мурманск, чтобы превратить его в базу для осуществления операции.

В первом разделе плана, где излагались политические факторы, которые могут оказать влияние на ход операции, говорилось, что высадка в районе Петсамо неизбежно приведет вооруженные силы союзников к прямому и немедленному столкновению с русскими вооруженными силами, и поэтому следует исходить из того положения, что война с Россией станет естественным результатом, так как вторжение на русскую территорию будет являться необходимой составной частью предстоящей операции.

Шведский посланник в Москве В. Ассарсон 22 февраля предупреждал В. М. Молотова о планах западных союзников. И хотя нарком отвечал ему, что «Англия и Франция только проиграют от вмешательства в конфликт», в Кремле с большой тревогой относились к этой угрозе. По оценке А. Н. Яковлева, СССР находился «на волоске» от военного столкновения с Англией и Францией, которые требовали

пропуска своих войск через территорию Швеции и Норвегии в Финляндию.

Напряженность создавшейся обстановки хорошо передала в своем «Дипломатическом дневнике» прозорливый и опытный дипломат А. М. Коллонтай. 26 февраля она записала: «Весь февраль этот вопрос волновал и занимал Стокгольм, Париж и Лондон, да и всю Европу. Что значит пропустить войска западных держав в Финляндию? Это равносильно объявлению войны Германии. Французы нажимали, кабинет Черчилля — Галифакса уговаривал, но премьер Швеции П. А. Хансон человек с крепкой волей.

«Пока я жив, мы нейтралитета не покинем». Эта позиция Хансона нам на руку. Я опять на днях «пила кофе» с его женой в его домике в Ольстене. В беседе со мной он объяснил причину проволочек финнов и затяжку в переговорах с нами несомненным нажимом Парижа и Лондона на Хельсинки.

«Таннер, мягко говоря, наивен, — сказал Хансон. — Он верит обещаниям помощи со стороны западных держав, но они сами боятся Гитлера и эффективную помощь финнам не дадут».

В феврале 1940 года, после того как советские войска развернули на Карельском перешейке мощное наступление, положение финской армии стало критическим. Финляндия была уже не в состоянии продолжать сопротивление и 12 марта подписала договор о мире с СССР. На следующий день генерал Айронсайд сделал в своем дневнике следующую запись: «Вот пришло и наше второе поражение, и мы обязаны сейчас подыскивать что-либо другое». Через две недели в Лондоне состоялось заседание высшего военного совета союзников. Чемберлен открыл его словами: «Из последних событий наиболее важным является крах Финляндии... Этот крах оказал большое влияние на общую обстановку и должен быть откровенно расценен как удар по делу союзников». Неожиданный исход кампании на севере, по свидетельству Чемберлена, вызвал страшную депрессию в нейтральных странах и у самих союзников.

Напротив, ход и результаты этой войны вызвали у руководства фашистского рейха большие надежды и породили новые планы. В опьянении от быстрой победы над Польшей Гитлер какое-то время носился с мыслью, не разорвать ли свежееиспеченный договор о ненападении с Советским Союзом и не атаковать ли внезапно и нашу страну? Однако военное руководство вермахта и после советско-германских договоренностей сначала с опаской смотрело на Россию — в прошлом традиционного союзника Лондона и Парижа.

В 1938—1939 гг. германский генеральный штаб оценивал Красную Армию как очень серьезного противника, столкновение с которым считал пока нежелательным. «Русские вооруженные силы военного времени, — говорилось, например, в сводке 12-го отдела генштаба от 28 января 1939 года, — в численном отношении представляют собой гигантский военный инструмент. Боевые средства в целом являются современными. Оперативные принципы ясны и определены. Богатые источники страны и глубина оперативного пространства — хорошие союзники [Красной Армии]».

Характерно в этой связи мнение начальника штаба верховного главнокомандования вермахта В. Кейтеля и главнокомандующего сухопутными войсками В. Браухича. На вопрос Гитлера, чем кончится дело, если рейх нападет на Польшу, а Франция и Англия придут ей на помощь, оба генерала ответили, что Германия покончит с Польшей в течение месяца. Кейтель полагал также, что затем Германия еще разгромит Францию и Англию. Если же против Германии выступит и Советский Союз, то, по мнению Браухича, она потерпит поражение. После окончания советско-финляндской войны тот же Браухич, оценивая военный потенциал СССР, так описывал предстоящие боевые действия вермахта на Восточном фронте: «Предположительно крупные приграничные сражения, продолжительностью до 4 недель. В дальнейшем следует ожидать лишь незначительного сопротивления». Гитлер же на совещании руководителей вермахта 9 января 1941 года говорил, что «русские вооруженные силы — глиняный колосс без головы».

В Берлине торопились использовать неожиданно проявленную Красной Армией слабость в войне против Финляндии для форсированной подготовки операции «Норд» по захвату стратегически важного плацдарма в Северной Европе для ширококомасштабного развертывания вооруженной борьбы на суше и на море сначала против западных союзников, а затем и против СССР. Такая операция фактически обесценивала те территориальные приобретения СССР в Финляндии, которые он получил в ходе тяжелой советско-финляндской войны.

К середине января 1940 года, когда Красная Армия, истощенная декабрьскими боями, готовилась к штурму линии Маннергейма, штаб ОКВ закончил составлять оперативно-стратегические установки на захват Дании и Норвегии. 1 марта 1940 года, т. е. за две недели до окончания советско-финляндской войны, Гитлер подписал приказ на проведение

операции «Везерюбунг», который в целях строжайшей секретности был размножен всего лишь в 9 экземплярах.

Высадка 9 апреля немецких десантов на побережье Дании и Норвегии произвела эффект грома среди ясного неба. Она застала врасплох не только Лондон и Париж, но и СССР, который в то время был больше занят поиском виновников «роковых просчетов» в войне с Финляндией.

В Берлине панически боялись реакции Запада и Востока, особенно объединенной. Однако с разобщенных Востока и Запада шли утешительные для рейха вести.

9 апреля 1940 года германский посол в Москве Ф. В. Шуленбург нанес визит Молотову, чтобы «проинформировать» его о предпринятой германским правительством акции в отношении северных стран. Этой операцией, подчеркнул посол, германское правительство хочет лишь предупредить возникновение на севере нового очага войны.

Ответ Молотова соответствовал тем чрезвычайно напряженным отношениям, которые сложились в то время между СССР и западными союзниками. Молотов заявил, что ему понятны действия германского правительства, так как, видимо, Англия слишком далеко зашла в отношении нарушения нейтралитета Норвегии и Дании. Не исключено, что Англия действительно готовилась к занятию побережья Норвегии и Дании. Поэтому меры Германии в отношении этих стран следует считать вынужденными.

Вполне возможно, что Сталин и его ближайшее окружение отнеслись к вторжению вермахта в Скандинавские страны как к наименьшему из двух неизбежных зол, и поэтому из Кремля вскоре последовало поздравление руководству третьего рейха с победой на севере Европы. Однако безусловно и то, что в ходе «зимней войны» Красная Армия понесла значительные потери в живой силе и технике. Она требовала передышки, коренной перестройки и переоснащения. Все это порождало у Сталина элементы неуверенности в собственных вооруженных силах, тактику «выжидания», боязнь «провокаций» и политику «умиротворения» Гитлера. В результате рейх получил редкую для себя возможность — избавиться от кошмара ведения вооруженной борьбы на два фронта. В Берлине появилась уверенность, что Советский Союз, если бы он даже и захотел, не смог бы оказать реальной помощи Франции и Англии, так как это было в начале первой мировой войны.

Кампания вермахта на Западе и разгром англо-французской коалиции в мае-июне 1940 года явились для мировой об-

шественности, в том числе и советской, еще большей сенсацией, чем ход и результаты «зимней войны». Сталин, в частности, надеялся, что Гитлер может увязнуть на Европейском театре боевых действий. Однако этого не случилось, и Англия оказалась на пороге катастрофы.

После неожиданно быстрого разгрома Франции в мае-июне 1940 года перед гитлеровским военным руководством стала дилемма: сосредоточить ли очередные усилия вермахта на выводе из войны Англии, чтобы до конца избавиться от всякой опасности с тыла в предстоящем походе на восток, или оставив пока в стороне Британию, обрушиться на Советский Союз.

Слабость Красной Армии, проявленная в советско-финляндской войне, и военная мощь вермахта, продемонстрированная в блицкриге на Западе, дали Гитлеру основание для утверждения, что «русские вооруженные силы» слабы и будут разбиты быстрее англо-французских. Поэтому Гитлер предлагал немедленно использовать эту слабость и в июле 1940 года настаивал на том, чтобы уже осенью напасть на Советский Союз. Однако Кейтель и Йодль сочли этот срок совершенно нереальным из-за неподготовленности вооруженных сил, районов сосредоточения и развертывания войск и неподходящих с этой точки зрения метеорологических условий — скорого наступления зимы.

С тех пор гитлеровское руководство экстренно принялось за подготовку в кратчайшее время планов нападения на СССР, стараясь не упустить благоприятного для него момента. Если бы общее впечатление от усилий Советского Союза в минувшей войне, считал Маннергейм, не было таким неблагоприятным, Германия вряд ли так низко оценила бы военный потенциал «русского колосса», как это произошло, и вряд ли бы повторила ошибку Наполеона.

Однако ошибки и просчеты в 1939—1940 гг. были характерным явлением в политике большинства европейских держав, когда процесс поляризации сил еще не закончился, а формирование противостоящих коалиций продолжалось. Гитлер, например, ошибся, полагая, что из-за Подъши не начнется мировая война. Польша просчиталась в своей уверенности в помощи западных союзников и отклонении сотрудничества с СССР. Москва недоценила способности Финляндии к сопротивлению. Лондон и Париж возлагали слишком большие надежды на неприступность линии Мажино.

Однако самой крупной, фатальной ошибкой, приведшей к катастрофе, была оценка оборонного потенциала Со-

---

ветского Союза по результатам советско-финляндской войны. Это привело противоборствовавшие стороны в Европе к существенному, а то и кардинальному пересмотру своих стратегических планов войны.

Англия и Франция, проводившие до войны линию на сотрудничество с СССР (хотя шаткую и уклончивую), встали на позицию конфронтации. После нападения фашистской Германии на СССР политика неверия в советскую военную мощь привела к задержке военной помощи Красной Армии, что привело к затяжке войны в целом.

Пересмотрело свои былые оценки советского военного потенциала и германское руководство, приступив к форсированной подготовке агрессии против СССР. Это в свою очередь спутало планы Москвы, считавшей, что вермахт «завязнет» на Западе и двинется на завоевание жизненного пространства на Востоке не раньше 1942 года.

Однако в зарубежной печати, как и в общественном мнении, случались (правда, мало) и такие оценки опыта советско-финляндской войны, которые в какой-то мере объясняли причины неудач Красной Армии и предостерегали от недооценки ее сил.

«Финско-русская война, — писал стокгольмский корреспондент Джеймс Элдрайдж, — раскрыла больше секретов Красной Армии, чем любознательный узнал бы за 20 лет ее существования». Эти «секреты», по мнению Элдрайджа, заключались в следующем:

— Красная Армия была «снаряжена самым большим количеством единиц на человека пулеметов, грузовиков, танков, автомобилей, зависящих от горючего, и она превратилась в неуклюжий механизм с того момента, как только покинула свою базу»;

— имея «слишком хорошее снаряжение», Красная Армия фактически «не была построена с расчетом на войну лишь в Финляндии»;

— солдаты и командиры были обучены ведению боя на открытой местности, но «с того момента, когда они оказались в лесу... такая тактика не выдержала испытания»;

— советские войска «были обучены ведению операций в составе крупных формирований, но оказались непригодными для столкновения индивидуального рода — человек на человека. Без практики в лыжном деле и без особого опыта в спорте солдаты Красной Армии были вынуждены драться с силой, которая, в сущности, превосходила их в два раза. В самих сражениях финны могли выдвинуть армию больше

русской. Это звучит парадоксально, но это правильно, так как колоссальная подвижность финнов делала возможным для них в проходивших боях концентрировать больше людей, чем это могли сделать русские. Это один, но самый важный момент всей войны...»

В заключение статьи Элдрайдж спрашивает: «...делали ли русские успехи?» И отвечает: «Да, и делали очень быстро. Так быстро... что до окончания войны достигли уровня, который поражал финнов и который в результате привел к зажатию обороны финнов... В течение трех месяцев Красная Армия стала совершенно иной, чем та колеблющаяся масса, которая сначала вторглась в Финляндию.»

Конечно, неудачи и большие потери Красной Армии в значительной степени объяснялись «роковыми просчетами» Сталина и Ворошилова, который «слабо знал военное дело» и «находился в плену устаревших представлений». Однако немаловажную роль играли специфика театра и суровые природно-климатические условия, часто вызывавшие аварии техники и большие небоевые потери личного состава. Так, из 422 потерянных самолетов 203 (т. е. почти 50%) потерпели аварию или катастрофу.

Для действий же танков, по заключению начальника автотанкового управления РККА комкора Д. Г. Павлова, финский театр, за исключением отдельных участков, «вообще... непригоден». Резко пересеченная лесисто-болотистая местность, бездорожье, лютые морозы и глубокие снега приводили к большим потерям танков. Так, например, на Карельском перешейке за период с 30 ноября 1939 года по 10 марта 1940 года потери в танках составили 3178 машин, в том числе по техническим причинам выбыло из строя 1275 машин. Если же взять за основу, что в среднем на Карельском перешейке находилось 1500 боевых машин, то каждая из них дважды выходила из строя, восстанавливалась и опять шла в бой.

Финские потери, по официальным данным, составили 25 тыс. убитыми и 45 тыс. ранеными, т. е. почти каждый третий человек в финской действующей армии был убит или ранен.

Конечно, общепризнанно, что наступающий должен иметь тройное превосходство в силах над обороняющимся, тем более против того, который занимает оборону в линии долговременных сооружений. И в этом смысле, если к тому же учесть необычайность финского театра и его природно-климатические условия зимой, пропорция потерь финской

и советской сторон в живой силе как бы «укладывается в норму». Следует к тому же учесть, что в предвоенные годы ведущие военные теоретики Англии и Франции, в том числе и Лиддел Гарт, считали, что в грядущей войне обороняющийся получит решающее преимущество над наступающим и долговременные оборонительные линии вообще станут непреодолимыми.

Исходя из этой теории, англо-французское командование приходило к выводу, что если германский вермахт без поддержки своих союзников нападет на Францию, то французская армия численностью всего лишь в 100 тыс. человек, опираясь на линию Мажино, сможет успешно отразить наступление всей германской военной машины. Основная же часть французской армии должна была исполнять роль стратегического резерва, готового нанести завершающий удар по противнику.

После войны многие историки, как советские, так и зарубежные, анализируя ход и результаты советско-финляндской кампании, часто сравнивают линию Маннергейма с линией Мажино. Причем первые нередко подчеркивают, что линия Маннергейма «по своей технической мощи не уступала железобетонным укреплениям линии Мажино и германской линии Зигфрида, а в сочетании с многочисленными полевыми укреплениями и тяжелыми условиями театра военных действий она представляла исключительно труднопреодолимое препятствие и неизмеримо более солидное, чем линия Мажино и Зигфрида».

Вторые, напротив, представляют финскую оборону в виде антипода линии Мажино, поспешно возведенных и слабо оснащенных полевых сооружений, державшихся исключительно на упорстве и военном мастерстве оборонявшихся.

Думается, что оба суждения представляют собой крайности: если одни из историков путем гиперболизации финской обороны стремятся как-то объяснить срыв первоначальных планов наступления и понесенные при этом большие и неоправданные потери, то другие — истолковать свои успехи чистым превосходством «человеческого духа и просвещенного руководства» над «грубой материальной силой».

Неправомерно такое сравнение и по ряду других причин. Общеизвестно, что линия Мажино никогда и никем не штурмовалась и не прорывалась, поэтому ее оборонительная мощь так и осталась в области догадок и теоретических предположений. Ее просто обошли, в том числе мощными танко-

выми клиньями и массой механизированных войск (около 1800 танков и 41140 различных машин).

Линию Маннергейма обойти не удалось. Примерно столько же танков и различных машин в первые дни войны увязли в снегу, на бездорожье, застряли в таежных лесах, скованные морозом. Попытки обойти финскую оборону, мастерски «вписанную» в систему рек, озер, лесов, с востока, со стороны Карелии, кончились тем, что брошенным в таежную глушь массам войск и боевой техники фактически хватило сил и материальных ресурсов лишь для того, чтобы добраться до финской границы и по инерции падающего тела продвигнуться еще на десяток-другой километров практически без воздействия противника. Совершенно очевидно, что на этом театре в отличие от Франции наряду с профессиональным мастерством и компетентным руководством оборонявшихся «воевали» природа, специфика театра и его климатические условия.

Если германский вермахт при «прорыве» линии Мажино и последовавшем разгроме англо-французской коалиции потерял убитыми 27074 человека, то в ходе советско-финляндской войны Красная Армия потеряла только обмороженными 13213 человек и пропавшими без вести 17520 (в основном это были раненые или просто замерзшие и затем занесенные снегом люди). По болезням же (главным образом простудным заболеваниям) было госпитализировано более 53 тыс. человек.

В целом в ходе боев в Финляндии советские войска, командные кадры и штабы многому научились, приобрели боевой опыт, многие уроки были учтены. Последовавшие события 1941–1945 гг. показали, что и войска вермахта значительно уступали финской армии в искусстве ведения вооруженной борьбы в условиях Карелии и Заполярья. Совершенно очевидно, что советско-финляндская война явилась для Красной Армии хотя и тяжелой, но в целом поучительной школой перед грядущим и более суровым испытанием — схваткой с фашистской Германией и ее союзниками.

А. М. Носков
(Военно-исторический журнал,
1990, № 7, с. 7–19).

Политическая подоплека «зимней войны»

30 ноября 1939 года произошло событие, которое потрясло народы Советского Союза и Финляндии, вызвало озабоченность во многих странах мира. Между СССР и Финляндией разразилась война.

В стране Суоми ее именуют «зимней», а у нас, с легкой руки Александра Твардовского, она сохранилась в памяти старшего поколения как война «незнаменитая». Быть может, из-за этой своей «незнаменитости» в учебниках и научных трудах ей уделяют столь скромное внимание. Нередко даже меньше, чем, скажем, Хасану или Халхин-Голу, а то и вовсе не упоминают о ней. И напрасно.

Ведь тогда, в то морозное утро, на границе с Финляндией начался не просто ординарный «военный конфликт», а настоящая война со всеми ее специфическими признаками. Она продолжалась 105 дней. В ходе боев со стороны Финляндии были задействованы практически все ее вооруженные силы — 10 дивизий, 7 специальных бригад и военизированная организация шюцкор — всего около 400 тысяч человек. С нашей стороны в марте 1940 года — в период наибольшей концентрации войск, в активных боевых действиях участвовали 52 стрелковые и кавалерийские дивизии, несколько десятков отдельных бригад и полков, входивших в специально сформированный Северо-Западный фронт (две армии) под командованием командарма I ранга С. К. Тимошенко, и, кроме того, три армии, которые действовали от Ладожского озера до Баренцева моря. На их вооружении было 11266 орудий и минометов, 2998 танков, 3253 боевых самолета. Сухопутные войска поддерживали корабли Краснознаменного Балтийского и Северного флотов, Ладожской военной флотилии. Численность этой крупной группировки сухопутных войск, ВВС и сил флота составляла около 960 тысяч человек.

Что еще известно о той войне?.. 26 ноября 1939 года в районе находящегося на советской территории селения Майнилы произошел инцидент, в ходе которого, как сообщалось в советской печати, были жертвы среди советских военнослужащих. «Последовало, — как вспоминает командующий в то время войсками Ленинградского военного округа К. А. Мерецков, — правительственное заявление со

стороны СССР, и в 8 часов утра 30 ноября регулярные части Красной Армии приступили к отпору антисоветских действий. Советско-финляндская война стала фактом».

В ходе боевых действий обе стороны несли большие потери. С нашей стороны погибло и пропало без вести 70 тысяч человек, число раненых и особенно обмороженных составило 176 тысяч человек. Наши воины, выполняя приказы командования, проявляли массовый героизм. Около 50 тысяч из них награждены орденами и медалями, а 405 бойцов и командиров стали Героями Советского Союза. Потери финнов (по их официальным данным) составили 23 тысячи убитых и пропавших без вести, а также около 44 тысяч раненых.

Война завершилась 12 марта 1940 года заключением мирного договора.

Но если военным аспектам этого события в нашей исторической литературе еще уделяется какое-то внимание, то его политическим проблемам явно не повезло. Между тем напоминание о них может помочь нам несколько разностороннее и глубже взглянуть на происхождение, характер войны и ее последствия.

В чем причины конфликта? Ведь в 20–30-е годы на советско-финляндской границе происходило немало всевозможных инцидентов самого различного характера. Обычно они разрешались дипломатическим путем и в конечном счете дело не доходило до открытых вооруженных столкновений.

В политическом плане эти причины можно понять, только рассматривая войну в рамках сложившейся в 20-е годы в мире общей ситуации, которая была исключительно сложной и противоречивой. Столкновение групповых интересов на почве разделения сфер влияния в Европе и на Дальнем Востоке создало реальную угрозу конфликта глобального масштаба. Позже, в сентябре 1939 года, так оно и случилось... Уже после того, как началась вторая мировая война, главным фактором, предопределившим, на мой взгляд, советско-финляндский конфликт, был характер политической обстановки в регионе Северной Европы, особенно двухсторонних отношений между СССР и Финляндией. На протяжении почти двух десятилетий, после того как Финляндия в результате революции 1917 г. в России стала независимым государством, ее отношения с Советским Союзом развивались весьма сложно и противоречиво. Хотя между РСФСР и Финляндией 14 октября 1920 года был за-

---

ключен Тартуский мирный договор, а в 1932 году – пакт о ненападении, который двумя годами позже был продлен на 10 лет, что-то в действиях Финляндии вызвало особую озабоченность советского руководства.

Что именно?

Да, были порой провокационные претензии на советскую территорию, воинственные выпады шюцкоровцев... Разумеется, сама Финляндия не могла напасть на Советский Союз, однако советское руководство не исключало, что какая-нибудь держава Запада могла даже без ее согласия использовать территорию в агрессивных целях. Когда нарком обороны СССР маршал К. Е. Ворошилов поставил этот вопрос перед министром иностранных дел Финляндской Республики Р. Холсти, посетившим Москву в феврале 1937 года, то ответа не было дано ни тогда, ни позднее. Более того, в начале 1938 года финляндские власти строили планы ремилитаризации Аландских островов в нарушение своих обязательств по международной конвенции 1921 года, что непосредственно задевало интересы Советского Союза.

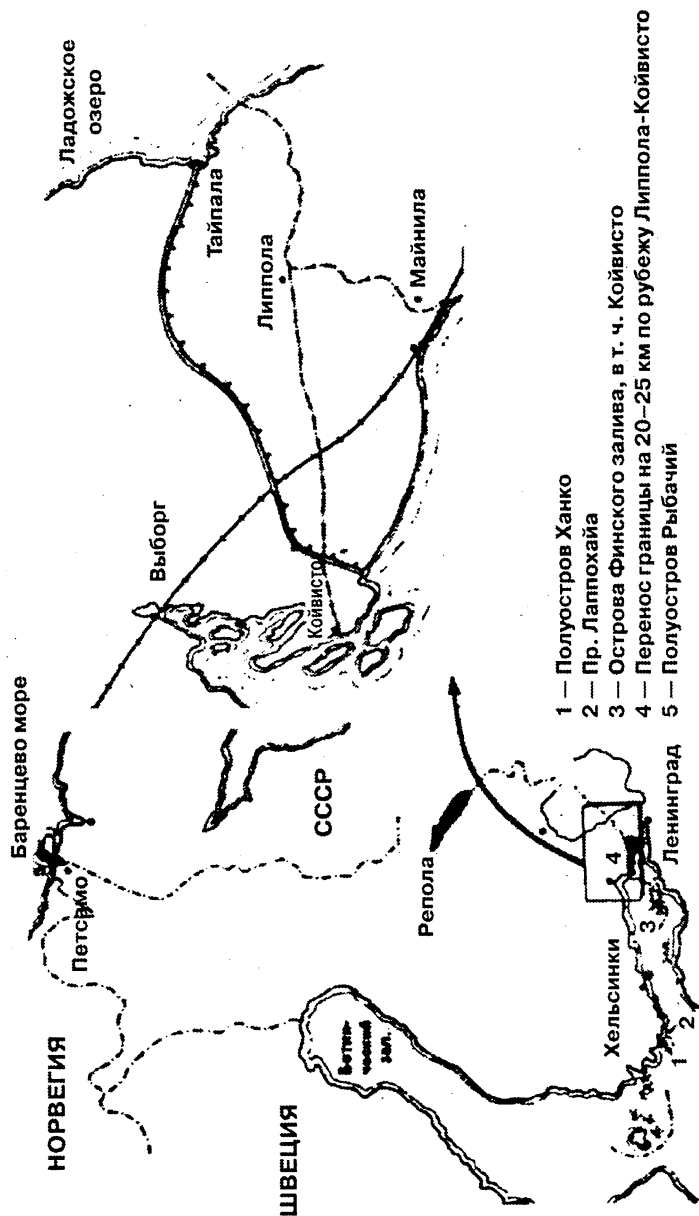
Шло время, но улучшения советско-финляндских отношений не наблюдалось. В сентябре 1938 года состоялся Мюнхенский сговор, затем Германия оккупировала Чехию и открыто взяла курс на удовлетворение своих экспансионистских замыслов вооруженным путем. Война стояла у порога многих стран.

В такой обстановке в марте 1939 года советское руководство по дипломатическим каналам предложило следующее: СССР гарантирует неприкосновенность Финляндии, предоставляет ей необходимую помощь против возможной агрессии, поддержит ходатайство относительно пересмотра статуса Аландских островов. В порядке встречных мер Финляндия должна будет сопротивляться любой агрессии, оказать Советскому Союзу содействие в укреплении безопасности Ленинграда и с этой целью предоставить Советскому Союзу в аренду сроком на 30 лет остров Суурсари (Гогланд) и несколько других мелких островов в Финском заливе.

Финляндия, ссылаясь на свой нейтралитет, к этой идее интереса не проявила. Переговоры были прерваны.

Какие же следующие меры в такой, казалось, безнадежной ситуации должны были предпринять Советский Союз и Финляндия, чтобы все-таки вывести переговоры из тупика? Очевидно, оптимальным виделся путь отказа Советского Союза от выдвижения требований, явно задевающих суверенитет Финляндии, и настойчивого продолжения поли-

Территориальные претензии СССР к Финляндии

тических переговоров. Любой другой путь, прежде всего военный, неизбежно вел в тупик, к еще большему нагнетанию обстановки.

Правительства обеих стран решили действовать по параллельным направлениям: не отказываясь от политических переговоров, они начали предпринимать опасные меры, причем военного характера. Советский Союз — наступательные, а Финляндия — оборонительные. Усиливались финские контакты по военной линии с Англией, Швецией, даже Германией. В Хельсинки частыми гостями стали высокопоставленные военные деятели этих стран. Финнам оказывалась помощь в совершенствовании линии укреплений вдоль границы с СССР — так называемой линии Маннергейма. В водоворот военных приготовлений одновременно включился Советский Союз. В начале марта 1939 года К. Е. Ворошилов приказал только что назначенному командующему войсками ленинградского военного округа командарму 2 ранге К. А. Мерецкову проверить готовность войск на случай военного конфликта с Финляндией. При этом он сослался на прямое указание И. В. Сталина. Весной и летом того же года в округе развернулось крупное строительство, были приняты меры по подготовке личного состава в условиях, приближенным к боевым, совершенствовалась структура пограничных войск. Все это, разумеется, не оставалось незамеченным финской стороны, беспокоило ее.

В конце июня 1939 года у И. В. Сталина с участием одного из руководителей Исполкома Коминтерна О. В. Куусинена и К. А. Мерецкова состоялось очередное обсуждение обстановки в Финляндии и на советско-финляндской границе. Сталин оценил ее как тревожную, хотя сам внес вклад в осложнение этой обстановки. Неудачный ход, а затем провал советско-англо-французских военных переговоров в Москве были использованы Сталиным как подтверждение своего предложения. Новую ситуацию создало заключение советско-германского пакта о ненападении 23 августа 1939 года. Как отмечает финская печать, в секретном приложении к этому договору Финляндия была отнесена к сфере советского влияния.

Командующему ЛВО было приказано срочно подготовить план «прикрытия и контрудара», тайно форсировать подготовку войск и ускорить военное строительство. Расчет строился на том, что «контрудар» должен быть осуществлен в максимально короткие сроки. (Странно лишь, почему эти действия назывались «контрударом». Ведь никто серьезно

не рассчитывал на опасность «удара» с финской стороны). Мнение начальника Генерального штаба Б. М. Шапошникова о том, что подобный контрудар, возможно, потребует больших усилий и трудной войны, просто игнорировалось. Все эти приготовления в районе Ленинграда вскоре стали известны в Хельсинки. Они, да еще когда нервы напряжены до предела, неизбежно вели к обострению обстановки, независимо от того, на что были нацелены, ибо, как известно, в театральных представлениях висящее на сцене ружье должно рано или поздно обязательно выстрелить.

* * *

Справедливости ради следует сказать: стороны не теряли надежды на политическое урегулирование возникшего спора. Свидетельством тому стало решение о возобновлении переговоров представителей обеих стран с 12 октября 1939 года.

Для ведения переговоров был назначен опытный дипломат Ю. Паасикиви, которому, однако, финское правительство не дало полномочий на подписание каких-либо соглашений с СССР. В отличие от предыдущих, переговоры происходили уже в условиях второй мировой войны, что должно было вызывать у партнеров особое чувство ответственности.

На переговорах Сталин предложил заключить советско-финляндский пакт о взаимопомощи по образцу подобных договоров, заключенных в конце сентября — начале октября с Латвией, Литвой и Эстонией. Один из пунктов этих документов предусматривал дислокацию контингента советских войск и создание военных баз на территории этих стран. Финляндия, опасаясь, что и на ее территории появятся такие базы, отвергла предложение, заявив, что это противоречило бы занятой ею позиции нейтралитета.

Советское правительство тут же внесло новое предложение: на Карельском перешейке отодвинуть на несколько десятков километров границу, передать Советскому Союзу несколько островов в Финском заливе и часть полуостровов Рыбачий и Средний в Баренцевом море в обмен на двойную по размерам территорию в Советской Карелии, сдать в аренду, либо продать или обменять полуостров Ханко для строительства на нем советской военно-морской базы. Последнее предложение особенно беспокоило финнов и на одном из заседаний обеих делегаций Паасикиви заметил, что территориальный вопрос должен решать-

---

ся только сеймом, причем для положительного решения нужно иметь две трети голосов. На это Сталин отреагировал так: «Вы получите больше, чем две трети, а плюс к этому еще наши голоса учтите». Слова были восприняты финской стороной как неприкрытая угроза применить силу в случае несогласия сейма.

Ответ финляндского правительства 31 октября гласил, что, учитывая международное положение и абсолютный нейтралитет Финляндии, оно не может уступать Ханко или другие острова, но готово сделать другие большие уступки. Появилась возможность достигнуть некоторого прогресса.

И тут свое слово сказал министр финансов, лидер правых социал-демократов В. Таннер, который сделал все возможное, чтобы точка зрения Паасикиви не получила поддержки в Хельсинки. 13 ноября переговоры финской стороной были прерваны, и ее делегация покинула Москву, так как, по словам министра иностранных дел Финляндии Э. Эркко, у нее есть «более важные дела»...

Как следует расценить советские предложения и какую меру ответственности несут партнеры за срыв переговоров?

На первом предвоенном этапе переговоров некоторые советские предложения, направленные на обеспечение безопасности непосредственно Ленинграда, можно характеризовать как в целом справедливые, а правительство Финляндии не проявило достаточной гибкости, что, кстати, признают сами финны.

Последовавшие после срыва переговоров события несли опасность того, что военный путь станет для советского руководства приоритетным в разрешении спора. Стороны смотрели друг на друга только через «прорезь прицела винтовки», позабыв уроки истории о том, что обращение к пушкам — последнее средство королей, но никак не государственных деятелей цивилизованного XX века.

Так или иначе, стороны активизировали свои военные приготовления. На Карельском перешейке продолжали сосредоточиваться советские войска, на полевые аэродромы в полной боевой готовности прибывала авиация, была образована Мурманская армейская группа. В печати стали все чаще появляться статьи о Финляндии только в негативном плане. Финляндия также увеличила число дивизий на Карельском перешейке с трех до семи, начала эвакуацию населения не только из пограничных районов, но и из Хель-

синки и других крупных городов. Лишь в октябре было эвакуировано более 150 тысяч человек. Продолжалась интенсивная модернизация линии Маннергейма, шоссейных дорог и аэродромов. Была объявлена массовая мобилизация в регулярную армию и в военизированную организацию шюцкор. Маршал Маннергейм был назначен главнокомандующим финскими вооруженными силами.

В такой напряженной обстановке инциденты в Майниле и в других местах советско-финляндской границы стали вполне логичным ее выражением. Чтобы разрядить обстановку, нужно было желание обеих сторон и прежде всего располагавшего большей военной мощью Советского Союза. Есть ли доказательства того, что Советское правительство в те тревожные дни продемонстрировало подобное желание? Становилось очевидным: для удовлетворения своих предложений оно взяло курс на негодный метод решения спора — силовой. Более того, предприняло шаги, которые могли бы дать повод для различных мнений относительно последующих целей Советского союза в Финляндии.

Возьмем, например, уже упоминавшийся инцидент в Майниле, который, собственно, и стал поводом для военного решения спора. В соответствующей ноте Советского правительства, врученной посланнику Финляндии в Москве, с поразительной и подозрительной оперативностью — буквально через несколько часов после инцидента — отмечалось, что советская сторона не намерена «раздувать этот возмутительный акт нападения со стороны частей финляндской армии». Советская нота требовала от финнов отвести свои войска на Карельском перешейке на 20–25 километров.

В ответной ноте правительство Финляндии отрицало факт провокации со стороны своих войск и после проведенного одностороннего расследования допускало, что «дело идет о несчастном случае, происшедшем при учебных упражнениях, имевших место на советской стороне». Важно при этом подчеркнуть, что в финской ноте предлагалось «совместно произвести расследование по поводу данного инцидента в соответствии с Конвенцией о пограничных комиссарах, заключенной 24 сентября 1928 года», и изъявлялась готовность «приступить к переговорам по вопросу об обоюдном отводе войск на известное расстояние от границы».

Казалось, разумное предложение можно было принять и под инцидент подвести черту. Однако в следующей ноте

от 28 ноября 1939 года Советское правительство квалифицировало финскую ноту как «документ, отражающий глубокую враждебность правительства Финляндии к Советскому Союзу и призванный довести до крайности кризис в отношениях между обеими странами». Советская сторона фактически отказывалась от совместного расследования инцидента, обвинила финскую сторону в нарушении пакта о ненападении и заявила, что она «считает себя свободной от обязательств, взятых на себя в силу пакта о ненападении». Вечером 29 ноября из Хельсинки были отозваны политические и хозяйственные представители Советского Союза.

Хотя официально состояние войны Советским Союзом не было объявлено, но приказ войскам Ленинградского военного округа за подписью Мерецкова и Жданова потребовал от войск «перейти границу и разгромить финские войска». В приказе содержалось нечто такое, что далеко выходило за рамки обеспечения безопасности города на Неве. В нем, например, сказано, что «мы идем в Финляндию не как завоеватели, а как друзья и освободители финского народа от гнета помещиков и капиталистов». 30 ноября 1939 года в 8 часов утра войска Красной Армии начали военные действия. В тот же день президент Финляндии Каллио сделал следующее заявление: «В целях поддержания обороны страны Финляндия объявляет состояние войны».

* * *

В последующие дни в нашей пропаганде тезис об «обеспечении безопасности Ленинграда» как будто бы был напроць забыт и подчеркивались только «освободительные цели» Красной Армии в отношении Финляндии. В утверждении, будто финские трудящиеся ждут своего «освобождения от эксплуатации» с помощью советских штыков, видны иллюзорные и догматические взгляды на ситуацию, которые, к несчастью, были тогда весьма распространены и в советской пропаганде, и в мировом коммунистическом движении. Причем не только в отношении Финляндии.

Вот какие заголовки отчетов о происходивших тогда по стране многочисленных митингах трудящихся «в поддержку решительных мер» Советского правительства пестрели в советских газетах: «Ответить тройным ударом!», «Дать отпор зарвавшимся налетчикам!», «Долой провокаторов войны» и тому подобное. Пропагандистскими штампами стали тогда такие выражения, как «белофинские бандиты», «фин-

ская белогвардейщина», «Беофинляндия»... Известный в те годы поэт В. Лебедев-Кумач накануне и в течение первых дней войны опубликовал в «Известиях» несколько стихотворений, в которых также не стеснялся в выражениях, «гневно» осуждая «финских поджигателей войны».

В ответном духе недоброжелательности велась пропагандистская кампания и в Финляндии. После того как управление страной перешло к военному кабинету, была объявлена мобилизация, введена всеобщая трудовая повинность. Рабочих призывали «бороться против большевистского фашизма». Антисоветская кампания постоянно нагнеталась и достигла особого накала уже в ходе боевых действий.

Итак, заговорили пушки. Дипломатам, стало быть, делать нечего? В данном случае, имея они желание, кровопролитие могло быть остановлено при посредничестве третьих стран или с помощью Лиги Наций, членами которой были СССР и Финляндия. Однако в первые же дни войны Молотов отверг предложение Финляндии, переданное через шведского посланника в Москве, о возобновлении переговоров. После этого 3 декабря 1939 года постоянный представитель Финляндии в Лиге Наций проинформировал ее, что утром 30 ноября 1939 года советские войска напали «не только на пограничные позиции, но также и на открытые финляндские города»; что Советский Союз денонсировал пакт о ненападении, срок действия которого истекал только в 1945 году.

Если Финляндия, как утверждалось советской стороной, действительно спровоцировала войну и явилась агрессором, а СССР стал ее жертвой, то логично было бы ожидать, что не Финляндия, а СССР должен был обратиться в Лигу Наций с соответствующей жалобой, прежде чем применять силу. Однако этого предпринято не было. Более того, на соответствующий запрос Лиги Наций Молотов 4 декабря в категорической форме отверг ее вмешательство и заявил, что «Советский Союз не находится в состоянии войны с Финляндией и не угрожает войной финскому народу». В ответе от 14 декабря 1939 года на соответствующее предложение Лиги Наций Молотов отказался участвовать в заседаниях Совета и Ассамблеи Лиги Наций.

В течение нескольких дней международная организация продолжала безуспешно искать возможности прекращения войны. 14 декабря она осудила действия Советского Союза и по инициативе некоторых стран Латинской Америки исключила его из своих членов. В сообщении ТАСС от 16 де-

---

кабря по этому поводу было снова заявлено, что Советский Союз не ведет войну с Финляндией, а Лиге Наций был дан «совет», чтобы она «содействовала прекращению войны между Германией и англо-французским блоком, а не разжигала войну на северо-востоке Европы».

Спорным, если не сказать более определенно, является еще один политический шаг, предпринятый в те дни Сталиным и Молотовым. На следующий день после начала боевых действий в Москве было заявлено, что Советскому правительству путем «радиоперехвата стало известно», что в только что освобожденном финском городе Териоки (ныне Зеленогорск) «левыми силами» Финляндии было сформировано «правительство Демократической Финляндской Республики» во главе с видным деятелем Коминтерна и коммунистического движения в Финляндии О. Куусиненом. В те же дни было сообщено, что Центральный Комитет Компартии Финляндии (опять-таки путем «радиоперехвата», хотя ЦК партии находился на территории СССР) обратился к трудовому народу с призывом свергнуть правительство страны, не следовать за «предательскими вождями финской социал-демократии», которые «сомкнулись с поджигателями войны», и создать народное правительство. Одновременно было подчеркнуто, что Финляндия не будет советской и не вступит в состав СССР, но заключит с ним пакт о взаимопомощи.

Тогда же «правительство ДФР» объявило о заключении «Договора о взаимной помощи и дружбе» с СССР и провозгласило недееспособным правительство Финляндской Республики в Хельсинки. «Правительству ДФР» в качестве его вооруженных сил советским командованием передавался корпус в составе двух дивизий, которые формировались из советских граждан финской и карельской национальности в соответствии с приказом Ворошилова от 11 ноября 1939 года. Корпусом командовал финн по происхождению комдив А. Анттила. Совместно с частями Красной Армии корпус участвовал в боях на северном участке фронта.

В финской историографии идет дискуссия о том, какая сторона — советское руководство или Компартия Финляндии — была инициатором создания этого «правительства». Но независимо от выяснения этого вопроса поддержка советским руководством импровизированного (хотя эта идея и обсуждалась до начала войны) решения о создании «правительства ДФР» расценивалась в официальных кругах

и пропагандой на Западе как покушение СССР на суверенитет Финляндии и, таким образом, нанесла политический и моральный ущерб Советскому Союзу. В начале марта 1940 года, когда практически встал вопрос о заключении мира с правительством Финляндской Республики, «правительство» О. Куусинена объявило о самороспуске.

Период с начала января 1940 года был насыщен весьма активной дипломатической деятельностью с целью прекращения кровопролития. В нее включились некоторые видные общественные деятели Финляндии и Скандинавских стран. Так, по заданию Таннера в Стокгольм 15 января для встречи с советскими представителями с целью зондажа прибыла финская писательница Хелла Вуолийоки, после неоднократных согласований с советским посланником в Швеции А. М. Коллонтай 21 января состоялась встреча Вуолийоки с прибывшим из Москвы советскими представителями. Одновременно к посреднической миссии подключилось и правительство Швеции. В беседе с А. М. Коллонтай премьер-министр А. Хансон подчеркнул заинтересованность в ускорении окончания, как он выразился, «интермеццо» в Финляндии. Далее он сказал: «При затяжке конфликта еще на 2–3 месяца кабинету будет крайне трудно отводить нажим «интервенционистов...» (так назывались в Швеции сторонники вмешательства Англии и Франции в советско-финляндскую войну). И затем А. Хансон сообщил А. М. Коллонтай: «Неужели не ясно в Москве, что если вы сейчас придете к соглашению с правительством Рюти — Таннера, это будет самым горьким ударом для Англии». Если конфликт затянется, завершил беседу шведский премьер-министр, то Англия создаст в Скандинавии свой плацдарм и перенесет сюда войну.

Дипломатическую активность проявило и правительство Норвегии. Норвежский министр иностранных дел Х. Кут в январе 1940 года направил А. М. Коллонтай пространное письмо, в котором, обвинив финнов в неуступчивости, изложил свой план ликвидации конфликта. Суть его сводилась к следующему: Финляндия могла бы заключить специальный пакт с СССР и Эстонией о безопасности Финского залива и рассматривать его как закрытую акваторию для иностранных военных судов, и совместно защищать ее. Такой пакт мог бы заменить пакт о взаимопомощи, предложенный Советским Союзом, но не принятый Финляндией со ссылкой на свой нейтральный статус. Данный документ мог быть дополнен пактом между Финляндией и Швецией с це-

---

лью нейтрализации Ботнического залива. Кут предложил свое посредничество в организации возможных переговоров между СССР и Финляндией.

* * *

Однако обстановка оставалась все же крайне неясной. Правительство Великобритании в ответ на запрос Советского Союза отказалось от посреднической роли. Позиция финляндского правительства и сейма была двусмысленной. Лишь 1 марта в связи с безнадежным положением на фронте и под давлением высшего командного состава, прежде всего Маннергейма, правительство Финляндии согласилось на мирные переговоры, о чем и было сообщено Коллонтай. В столице Швеции говорили тогда, что если бы полпредом здесь была не Коллонтай, то Швеция уже была бы втянута в конфликт и воевала бы с русскими. Эта уже немолодая женщина, перенесшая накануне первый инсульт, несла тяжкое бремя напряженных предварительных мирных контактов. Рассказывают, что автомобиль советского полпреда в те дни постоянно стоял у подъезда на площади Густава-Адольфа, где находилось шведское министерство иностранных дел.

Согласившись на переговоры, финляндское правительство тем не менее не торопилось посылать делегацию в Москву. В этой обстановке по-прежнему важную роль играла миротворческая позиция Швеции и Норвегии. 5 марта шведское правительство заявило финнам, что оно не пропустит через свою территорию англо-французские войска, и настоятельно посоветовало Финляндии немедленно прекратить боевые действия и выслать делегацию в Москву для мирных переговоров.

После некоторых препирательств и колебаний утром 5 марта в Хельсинки было решено не обращаться за помощью к Западу и принять советские мирные условия. Шведы срочно передали в Москву эту важную новость и, со своей стороны, предложили финнам прекратить военные действия с 6 марта. Правда, в этот день война еще продолжалась, но зато утром следующего дня финская мирная делегация во главе с Рюти вылетела из Стокгольма в Москву. В ее составе был и Ю. Паасикиви. В итоге четырехдневных переговоров 11 марта финляндский кабинет и внешнеполитическая комиссия сейма приняли советские условия.

На следующий день в 22 часа мирный договор был подписан.

Как же развивались советско-финляндские отношения после заключения мирного договора и как «зимняя война» повлияла на них? Спорные вопросы действительно были урегулированы в пользу Советского Союза. В соответствии с мирным договором в состав территории СССР вошли весь Карельский перешеек (включая город Выборг), Выборгский залив с островами, западное и северное побережье Ладожского озера, часть полуостровов Рыбачьего и Среднего и некоторые другие небольшие территории. Финляндия сдала Советскому Союзу в аренду сроком на 30 лет полуостров Ханко, а СССР обязался вывести свои войска из области Петсамо. Это означало, что хотя и дорогой ценой, но стратегические позиции СССР на северо-западе были улучшены. Теперь расстояние от Ленинграда до новой границы составляло 150 километров.

Решение Советского правительства предложить Финляндии мир явилось своевременным и дальновидным. Его реалистичность состояла в том, что при дальнейшей затяжке войны в нее могли быть втянуты державы Запада. Известно, что в ряде стран Западной и Северной Европы, особенно в Швеции и Норвегии, в том числе и по просьбе финляндского правительства, развернулась кампания по набору добровольцев для участия в войне на стороне Финляндии. Всего прибыло 11 тысяч таких добровольцев, в том числе шведов 8 тысяч, норвежцев одна тысяча, датчан 600, остальные — из других стран. Все они не имели достаточной военной подготовки, поэтому к 1 марта 1940 года на фронт были направлены только два шведских батальона и две артиллерийские батареи. В ходе войны Финляндия получила от Англии, Франции и некоторых других западных держав 500 орудий, 350 самолетов, свыше 6 тысяч пулеметов, около 100 тысяч винтовок, 2,5 миллиона снарядов, определенное количество другого вооружения и снаряжения.

С позицией Англии и Франции солидаризировались и Соединенные Штаты Америки. В январе 1940 года конгресс США одобрил продажу Финляндии 10 тысяч винтовок, в Хельсинки была послана большая группа американских военных летчиков, поощрялся набор добровольцев, причем Белым домом было заявлено, что вступление американских граждан в финскую армию не противоречит закону о нейтралитете США.

Позиция фашистской Германии в тот период была двучленной. В первый же день советско-финляндской войны Германия официально объявила, что прекращает военную

помощь Финляндии, и заявила о ее возобновлении лишь после заключения мирного договора. Однако на деле с разрешения Геринга через территорию Германии осуществлялся транзит некоторых военных материалов из Италии.

Военные органы Германии, Италии и их противников на Западе как в ходе советско-финляндской войны, так и особенно после ее окончания внимательно изучали состояние и действия советских войск. Военные атташе этих стран в своих донесениях были единодушны в оценке упорства советского солдата и высокой эффективности массированного применения артиллерии, танков и авиации. Однако весьма критически они отзывались о профессионализме советских командиров всех рангов, их неумении организовать взаимодействие на поле боя, беззаботности относительно жизни и здоровья красноармейцев. В донесениях иностранных послов и военных атташе отмечался крайне низкий уровень воинской дисциплины в Красной Армии. На основании этих донесений в столицах западных держав делали вывод об общей слабости СССР в военном отношении. В Лондоне и Париже считали, что Советский Союз не может рассматриваться как серьезный партнер в возможных переговорах о военном сотрудничестве, а в Берлине господствовало мнение, будто СССР — колосс на глиняных ногах, с которым нетрудно будет справиться в предстоящем военном столкновении...

* * *

Прошло чуть более года, и произошло событие, которое еще более ухудшило советско-финляндские отношения. Финский народ был втянут в агрессивную войну против Советского Союза, которая причинила советским людям много горя и страданий. И лишь перемирие с Финляндией в сентябре 1944 года, затем Парижский мирный договор 1947 года, а также подписанный в 1948 году Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи создали подлинно благоприятные условия для добрососедства и делового сотрудничества Финляндии с Советским Союзом.

М. И. Семиряга
(Журнал «Огонёк» № 22,
1989, с. 28–30.)

Ответный удар?

Ничто не предвещало катастрофы. Положение нашей страны представлялось достаточно прочным. К октябрю 1939 года японцы уже не проявляли никакой воинственности после недавнего разгрома на Халхин-Голе, устроенного им комкором Г. К. Жуковым; немецкие фашисты были заняты войной на Западе, а по отношению к СССР демонстрировали лояльность. Польша стерта с карты мира; в Эстонии, Латвии и Литве размещались гарнизоны Красной Армии.

Простые советские люди не знали, что в первых числах октября Молотов предложил Финляндии заключить пакт о взаимопомощи, аналогичный только что заключенным договорам с тремя государствами Прибалтики, но финское правительство, ссылаясь на свой «абсолютный нейтралитет», отказалось. Тогда Москва предложила иной предмет для переговоров: предоставление нашей армии и флоту финских портов и изменение границы. Обсудить эти вопросы финская сторона согласилась, и переговоры начались.

Первым тревожным сигналом стала речь Молотова в Верховном Совете 31 октября. Сессия была созвана, чтобы юридически оформить присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР. Неожиданно Молотов заявил: «В особом положении находятся наши отношения с Финляндией». Не стал расшифровывать, что такое «особое положение», но посвятил этим отношениям пятую часть своей большой речи. Он сделал открытие: советско-финская граница «нависла» в 32 километрах над Ленинградом, и с этим нельзя мириться. Оратор также опроверг сообщения западной прессы, будто СССР требует себе город Випури (Выборг) и северную часть Ладожского озера: «это чистый вымысел и ложь».

Упомянув, что Турция заключила пакт о взаимопомощи с Англией и Францией, направленный против Германии, Молотов коротко и туманно заявил: «Не пожалее ли об этом Турция — гадать не будем.» Было сделано также знаменитое заявление о «преступности» войны против гитлеризма.

А в то же время в Финляндии объявили мобилизацию двадцати пяти возрастов, в Хельсинки вели затемнение и начали частичную эвакуацию жителей, было объявлено о займе обороны и начато минирование территориальных вод. Министр иностранных дел Эркко 1 ноября заявил: «Требование СССР касается якобы отдаления границы у Ленин-

---

града на несколько километров. Но с точки зрения Финляндии, это русский империализм... Всему есть свои границы. Финляндия не может пойти на предложения Советского Союза...»

Наши новоиспеченные друзья-фашисты не высказывали солидарности и не стали портить отношения с Финляндией подобно тому, как Сталин бесстрашно портил ради них отношения с Англией и Францией.

На время все стихло. Советско-финские переговоры продолжались. Наступили Октябрьские праздники. На торжественном заседании в Москве вновь выступил Молотов. На этот раз о Финляндии он умолчал.

Не случайно Молотов выходит на первый план. Было сделано все возможное, дабы военные и дипломатические акции конца 1939 года ассоциировались именно с ним, а не со Сталиным. И хотя все ключевые решения по-прежнему принимались лично Хозяином, Молотову была предоставлена честь оказаться автором самых скользких речей и документов.

* * *

Тем временем в середине ноября в советско-финских переговорах был объявлен перерыв; финская делегация вернулась из Москвы в Хельсинки, где уже были закрыты многие школы, не горели огни по ночам, число финских дивизий на Карельском перешейке увеличилось с трех до семи.

По свидетельству А. М. Василевского, где-то в эти дни «Сталин, созвав Военный совет, поставил вопрос о том, что раз так, то нам придется воевать с Финляндией... Оперативный план войны с Финляндией, разумеется, существовал, и Шапошников (начальник Генштаба Красной армии — П. Х.) доложил его. Этот план исходил из реальной оценки финской армии и реальной оценки построенных финнами укрепленных районов... он предполагал сосредоточение больших сил и средств... Сталин поднял его на смех. Было сказано что-то вроде того, что, дескать, вы для того, чтобы управиться с этой самой... Финляндией, требуете таких огромных сил и средств... В них нет никакой необходимости».

Операция была целиком поручена Ленинградскому военному округу. Шапошникова Сталин отправил в отпуск в Сочи, а многих других его работников — в инспекционные поездки. 19 ноября отмечалось 20-летие Первой Конной. Семен Михайлович Буденный в огромной статье в «Правде» на-

звал конницу «решающей силой» в современной войне. Обращаясь к бывшим бойцам Первой Конной, он призывал: «Держите, товарищи, порох сухим, возьмите свои клинки, готовьте коней к большим боевым походам...» В передовой статье «Слава советской коннице!» «Правда» писала: «Красная конница за годы передышки (выделено мной. — П. Х.) проделала огромную работу по совершенствованию своей боевой и политической подготовки».

23 ноября финский премьер-министр Каяндер выступил с речью, в которой помянул добрым словом политику русских царей Александра I и Александра II по отношению к Финляндии, а о Советском Союзе сказал так: «Поскольку на переговорах трудно было найти общую платформу, они пока прервались. Об этом следует сожалеть, так как Финляндия искренне желает поддерживать хорошие отношения со всеми соседями».

День 26 ноября стал поворотным.

Вечером была обнародована нота Молотова, переданная финскому послу. В ней сообщалось, что сегодня в 15 часов 45 минут в одном километре северо-западнее села Майнилы с финской стороны было произведено 7 орудийных выстрелов по советской территории, в результате чего убито 3 красноармейца и 1 младший командир, 9 человек ранено. Советские войска «воздержались от ответного обстрела», сообщал Молотов. «Советское правительство вынуждено констатировать, — говорилось в ноте, — что сосредоточение Финляндских войск под Ленинградом не только создает угрозу для Ленинграда, но и представляет на деле враждебный акт против СССР, уже приведший к нападению на советские войска и к жертвам».

Советское правительство «не намерено раздувать этот возмутительный акт». Однако в ноте содержалось требование об отводе финских войск на 20–25 километров от границы. В тот же час по всей стране начались митинги на предприятиях.

Но вот что прошло незамеченным: яростная пропагандистская кампания стартовала не после выстрелов у Майнилы, а до них. Еще утром. «Правда» вышла с редакционной статьей на первой полосе «Шут гороховый на посту премьера» — о Каяндере. «Скоро, должно быть, Каяндер будет иметь возможность убедиться на деле, что дальновидными политиками являются не марионетки из финляндского правительства, а нынешние руководители Эстонии, Латвии, Литвы, заключившие пакты о взаимопомощи с СССР. И все-таки не уй-

---

ти каяндерам от ответа, которого требует все более настойчиво финляндский народ...»

И лишь спустя полдня после появления этой статьи раздался выстрелы и погибли люди у Майнилы.

Митинги и собрания шли по всему Союзу. «Грозен гнев советского народа», «Горе тем, кто встанет на нашем пути», «Краснознаменный Балтийский флот готов сокрушить врага»... Напряжение нарастало. 27 ноября появился лозунг. «Терпению есть предел», а 28-го уже: «Нашему терпению приходит конец!»

28 ноября финский посол А. С. Ирие-Коскинен передал Молотову ответную ноту. В ней говорилось, что с финской стороны видели взрывы 26 ноября между 15.45 и 16.05 у Майнилы, так как село находится в 800 метрах от границы за открытым полем. На основании расчета скорости распространения звука финны считают, что орудия находились на советской территории примерно в 1,5–2 километрах на юго-восток от места разрыва.

В финской ноте утверждалось: «Орудий такой дальностью, чтобы их снаряды ложились по ту сторону границы, в этой зоне не было вовсе». Что касается отвода войск от границы, финское правительство готово начать переговоры об их обоюдном отводе.

Ответ Молотова последовал немедленно. Финское правительство обвинялось в стремлении «довести до крайности кризис в отношениях между обеими странами», «ввести в заблуждение общественное мнение и поиздеваться над жертвами обстрела». «Требование об одновременном отводе финских и советских войск, исходящее формально из принципа равенства сторон, избличает враждебное желание правительства Финляндии держать Ленинград под угрозой».

На предложение о совместном расследовании Молотов не ответил ничего. Заикаясь на слова «себя», он заключил: «Советское правительство считает себя вынужденным заявить, что с сего числа оно считает себя свободным от обязательств, взятых на себя в силу пакта о ненападении, заключенного между СССР и Финляндией...»

Из Хельсинки последние составы с резервистами ушли на восток. По всему Союзу продолжались митинги.

Ровно в полночь (!) 30 ноября по радио выступил Молотов. Он сообщил, что наши официальные представители отозваны из Хельсинки, а Красной Армии дано распоряжение «пресекать вылазки» врага.

Услужливый враг тут же совершил вылазки: наутро объявили, что в эту ночь финская пехота трижды переходила границу и атаковала советские деревни, а в 8 часов наши войска перешли финскую границу. Но в последовавших затем репортажах один из корреспондентов проболтался и описал **ночную атаку Красной Армии 30 ноября: «Снаряды рвутся и рядом с границей и в глубине финских лесов, освещая небо яркими, как молния, вспышками»** (выделено мной. — П. Х.).

Наступление началось не только на Карельском перешейке (о чем нам скороговоркой сообщает официальная история), но фактически **на всем протяжении** советско-финской границы — на Ледовитом океане был атакован финский порт Петсамо, между океаном и Ладожским озером наши войска двинулись на запад, сквозь болота и тайгу, на четырех направлениях: Ухтинском, Реболском, Поросозерском и Петрозаводском.

И с самого начала война пошла не так, как ожидалось.

Вот как описывает события один из очевидцев, Николай Вирта: «Едва нога первого красного бойца встала на территорию Суоми, раздался взрыв. Мина! Кавалерист ехал вдоль деревни, высматривая врага. Взрыв. Искалеченная лошадь бьется на дороге. Мина! Дорогу перерезает ров, выкопанный финскими солдатами. Красные бойцы получили приказ засыпать немедленно ров и пропустить колонну танков. Как только в яму полетели первые куски мерзлой земли, раздался грохот. Взорвалось разом несколько мин... Белофинны собирались воевать с нами давно и готовились к этой войне долго. Все свидетельствует об этом...»

Наши войска движутся большими массами. Внезапно в тылу возникают финские снайперы или пулеметчики, атакуют и уходят: «В лесах, в кучах сосновых ветвей, в снежных сугробах прячутся белофинны, озлобленные, как волки».

Карельский перешеек был хорошо оборудован для обороны, и продвижение Красной Армии затормозилось еще перед «линией Маннергейма». Не меньшая трагедия ожидала красноармейцев, наступавших в карельской тайге. В заранее намеченных местах, в сосновых кронах вокруг лесных полян висели гамаки, с которых финские автоматчики расстреливали просматриваемые как на ладони колонны красноармейцев. Но в Кремле ничего не хотели знать. У Сталина и его верных соратников были дела поважнее.

Митинги в связи с историческим полуночным выступлением Молотова начались на заводах в 3 часа утра. Мож-

---

но ли выражаться еще воинственной после всего, что уже было сказано? Оказывается, можно. «Не просунуть финским свиньям свое рыло в советский огород!» — писала «Правда».

На следующий день появилось «Обращение ЦК Компартии Финляндии к трудовому народу Финляндии (радиоперехват, перевод с финского)». По стилю и композиции этого очень большого документа видно, что его автором являлся лично Иосиф Виссарионович.

В Обращении содержалось не менее десятка призывов к свержению финского правительства: «...теперь пришел конец терпению нашего трудового народа. Пусть это презренное правительство... будет последним правительством капиталистов и помещиков Финляндии».

А вот и программа действий для трудового народа: «Необходимо создать широкий трудовой народный фронт..., а к власти необходимо выдвинуть опирающееся на этот фронт правительство трудового народа, т. е. народное правительство». Этому (еще не существующему!) правительству предлагается начать с неожиданно смелого шага: «Обратиться к Правительству СССР с предложением удовлетворить вековую национальную мечту финского народа и воссоединить с Финляндией районы Советской Карелии».

И что тогда? «Мы имеем основания надеяться, что если установим с Советским Союзом дружественные отношения, Советский Союз удовлетворит такое предложение». Еще не известно, из кого будет отстоять народное правительство, на какие силы ему удастся опереться, какую политику оно станет проводить, но уже ясно, что СССР «отстегнет» ему кусок своей земли! Сделан и еще один прогноз — уже не дипломатический, а военный: «Смешно даже думать, что генералишки финляндской армии могли бы устоять перед Красной Армией».

После первого дня боев было объявлено, что наши войска продвинулись на 10–15 километров от границы; затем каждый день в сводках эта цифра равномерно увеличивалась: 20–25 километров... 30–35... 40–45...

1 декабря в поселке Териоки, занятом в тот день Красной Армией, было образовано Народное Правительство Финской Демократической Республики во главе с Отто Куусиненом (впоследствии в 50-е годы Куусинен был секретарем ЦК КПСС, участвовал в разработке хрущевской программы построения коммунизма). Сообщалось, что в правительство вошли представители ряда левых партий и восставших финских

солдат. В опубликованной декларации нового правительства говорилось: «В разных частях страны народ уже восстал и провозгласил создание демократической республики. Часть солдат финляндской армии уже перешла на сторону нового правительства, поддерживаемого народом... народные массы Финляндии... с огромным энтузиазмом встречают и приветствуют доблестную непобедимую Красную Армию...»

Было объявлено, что уже сформирован первый финский корпус, и ему «предоставляется честь принести в столицу знамя Финляндской Демократической Республики и водрузить его на крыше президентского дворца на радость трудящимся и...»

И что еще? «...и страх врагам народа».

В тот же день были установлены дипломатические отношения между СССР и ФДР. А в Хельсинки ушло в отставку правительство Каяндера, новым премьер-министром стал Таннер.

Митинговая кампания в СССР получила новый импульс. «Пришел конец каяндерам и маннергеймам», — делали вывод трудящиеся.

Начали мелькать утверждения, будто сначала восстал финский народ, а уже потом к нему на помощь пришла Красная Армия. О противнике говорилось так: «Первые же часы войны показали, что хваленая «доблесть» финской армии не стоит выеденного яйца».

В Ленинграде действовало затемнение, но ни налетов на город, ни обстрелов не было. 2 декабря шел мокрый снег. Идущие в темноте с работы домой ленинградцы слышали из репродукторов, что между СССР и Финляндской Демократической Республикой заключен Договор о дружбе и взаимопомощи: в обмен на 4 тысячи квадратных километров земли на Карельском перешейке Сталин действительно удовлетворил «вековую мечту» финнов, отдавая им 70 тысяч квадратных километров Севернее Ладоги.

4 декабря шведский посланник в Москве Винтер сообщил Молотову о желании финляндского правительства приступить к переговорам о соглашениях с СССР. «Тов. Молотов объяснил Винтеру, что Советское правительство не признает так называемого «финляндского правительства», уже покинувшего Хельсинки и направившегося в неизвестном направлении...»

Тогда же к Молотову поступила телеграмма Генерального секретаря Лиги Наций Аvenoля: он приглашал Советский союз принять участие в Ассамблее Лиги, созываемой по

просьбе Финляндии, утверждающей, что СССР «внезапно напал утром 30-го ноября сего года не только на пограничные позиции, но также и на открытые финляндские города, сея смерть и опустошение среди гражданского населения, особенно воздушными атаками...» Действительно, о наших воздушных налетах на Хельсинки и Випури (Выборг) было открыто сообщено еще в первой сводке штаба Ленинградского военного округа. Молотов, отвечая Авенолу, и не отрицал этот факт. Он отказался участвовать в Ассамблее Лиги Наций, заявив: «Советский Союз не находится в состоянии войны с Финляндией и не угрожает войной финляндскому народу... Советский Союз находится в мирных отношениях с Финляндской Демократической Республикой...»

Через неделю Ассамблея исключила СССР из Лиги Наций. Как агрессора.

* * *

4 декабря трудящиеся Советского Союза все сразу потеряли интерес к событиям на фронте. Ни единого митинга, гробовая тишина. 6 декабря газеты перестали печатать фронтовые репортажи. 7-го впервые опровергли иностранные сообщения о наших потерях. Официальные сводки становились все короче и туманнее.

С. М. Штеменко вспоминает: «Стояли сильные морозы... 9-я и 14-я армии растянулись вдоль дорог и медленно продвигались вперед, отбивая атаки выходящих на их тылы финских лыжных батальонов... Наши войска оказались малоприспособленными вести войну в условиях финского театра...»

«При огромных потерях, которые мы там несли, — пишет А. М. Василевский, — пополнялись они самым безобразным образом. Надо только удивляться тому, как можно было за такой короткий период буквально ограбить всю армию. Щаденко, по распоряжению Сталина, в тот период брал из разных округов, в том числе из особых пограничных округов, по одной роте из каждого полка в качестве пополнения для воевавших на Карельском перешейке частей». Вероятно, таким способом пытались скрыть масштабы потерь.

Вдруг оказалось, что финская пехота вооружена автоматами, которые у нас считались неэффективным оружием и за несколько месяцев до финской войны были сняты с производства. И наоборот, у нашей новой самозарядной винтовки обнаружилось множество отрицательных качеств. Сталин лично принимал решения о срочном исправ-

лении положения. Спешно возобновлялось производство автоматов. На фронт был послан Л. Мехлис, немедленно приступивший к разгрому командных кадров. Окруженные и безуспешно атаковавшие войска получали приказы о повторных атаках на тех же участках с теми же силами и средствами. Это приводило к большим бессмысленным потерям.

20 декабря впервые сводка не сообщила о продвижении наших войск вперед. На следующий день товарищу Сталину исполнилось 60 лет. Казалось, страна забыла о войне. Какая война, когда такой праздник?! Поэтов больше не возмущали финские шуты. Никто не высказывал солидарности с финским народом. Сам финский народ тоже куда-то подевался. Все заглущая, гремел сталинский юбилей. Даже от Гитлера пришло поздравление.

Затем наступил Новый год. Подводя итоги 1939-го, сотни выступающих вспоминали о чем угодно, только не о Финляндии. Хотя газеты продолжали ежедневно печатать одну и ту же фразу: «На фронте ничего существенного не произошло».

Кровавое и трагическое декабрьское наступление закончилось. Нокаутировать Финляндию не удалось. Решено было добиваться победы «по очкам», хотя два противника принадлежали, очевидно, к разным весовым категориям и спастись престиж было уже поздно.

В первых числах января на заседании в Кремле вызванный из Сочи Шапошников вновь доложил однажды отвергнутый план военных действий. Теперь план был принят.

«...Сталин сказал, что Мерецкову мы это не поручим, он с этим не справится. Спросил:

— Так кто готов взять на себя командование войсками на Карельском перешейке?

Наступило молчание, довольно долгое. Наконец поднялся Тимошенко и сказал:

— Если вы мне дадите все то, о чем здесь было сказано, то я готов взять командование войсками на себя и надеюсь, что не подведу вас», — свидетельствует А. М. Василевский.

Полтора месяца длилось затишье; около 10 февраля 1940 года началось новое наступление наших войск. На этот раз оно шло только на Карельском перешейке и не сопровождалось ни стихами, ни митингами, ни карикатурами. Красная Армия медленно, день за днем прогрызала «линию Маннергейма», вытесняя противника на северо-запад. А в тылу шумовыми эффектами отмечали 50-летие Молотова.

Еще 4 марта штаб Ленинградского военного округа называл правительство в Хельсинки «так называемым финляндским правительством», а спустя несколько десятков часов с этим правительством уже велись официальные переговоры. В это же время продолжались ожесточенные многодневные бои за Выборг. 12 марта между СССР и Финляндией был заключен мирный договор. СССР получал Карельский перешеек и северный берег Ладоги, полуостров Рыбачий на Ледовитом океане и городок Кулоярви в Карелии.

А где же народное правительство Финляндии? Где первый финский корпус? Где пламя всенародного восстания?..

Трудящиеся «все, как один человек», востребовались, ровно три дня пошумели («провокаторы войны просчитались», «пусть знают капиталисты, что с нами шутить нельзя», «бурей рукоплесканий в честь великого Сталина закончился митинг»). — и с 16 марта все, как один, замолкли. Никто, если верить прессе, не уронил ни слезинки. Даже матери погибших. «Песни радости и победы» — и ничего другого!

А потери были страшные. Участник финской войны Степан Иванович Рыбаков с горечью говорил, что за всю финскую войну видел трех убитых финнов, двух мужчин и одну женщину, а вот наших!..

Потери Красной Армии, по советским данным, составили 70 тысяч убитых и без вести пропавших, 176 тысяч раненых и обмороженных. Потери противника, по финским данным, — соответственно 23 и 44 тысячи человек.

Прошло 50 лет, и еще ни разу мы не почтили минутой молчания память павших в финской войне...

*П. Хмелинский
(Журнал «Смена», 1989 г.)*

Красная агрессия

«...И до Троицкого дотянулись, раскроили череп. Не стало главного врага на земле, и, кажется, заслужена была передышка? Но отравила ее Финляндия. За это срамное топтание на перешейке просто стыдно было перед Гитлером – тот по Франции с тросточкой прогулялся! Ах, несмываемое пятно на гении полководца!

Этих финнов, насквозь буржуазную нацию, эшелонами бы отправлять до Кара-Кумов до маленьких детей, сам бы у телефона сидел, сводки записывал: сколько уже расстреляли-закопали, сколько еще осталось».

*Александр Солженицын
«В круге первом».*

1. Была ли неизбежна война с Финляндией?

Нет. Против государств Балтии агрессия состоялась бы неизбежно, т. к. ее тактически заложил пакт Молотова–Риббентропа августа 1939. А стратегически, еще раньше – экспансионистский внешнеполитический курс, подчиненный утопичной идее разжигания Всемирной Революции.

Существует версия, что первые секретные протоколы между Москвой и Берлином заключались еще в середине 30-х годов, и по тайным соглашениям Союз получал все территории, находившиеся ранее в составе Российской империи, – не препятствуя Германии, по выражению Сталина, «собирать воедино германские земли» (*Внешняя политика СССР в период Отечественной войны т. I, М. 1946 г., стр. 43*).

После окончания интервенции в Польшу и яростного совместного террора НКВД–СД против польского Союза Вооруженной Борьбы (прообраза героической Армии Крайовой) Кремль приступает к практическому выполнению статьи протокола относительно государств Балтии.

Правительство социал-демократа Вайно Таннера весьма насторожил пакт, заключенный 23 августа 1939 года. Сентябрьские сводки Главного Управления пограничных войск НКВД Союза ССР в Наркомат Внутренних Дел полны сообщений об активизации оборонительных работ по охране границы с СССР финскими пограничными частями.

«22 сентября 1939 года.

Финны усилили охрану Государственной границы и снабжение пограничных постов оружием и боеприпасами. Перехвачено приказание, переданное финским пограничникам: «Необходимо иметь в готовности все средства обороны, огневые точки, а также линию обороны...». (*Пограничные войска СССР 1939–41. Сб. документов и материалов для специального пользования.* «НАУКА», М. 1971, стр. 34). Финский сейм и кабинет министров, встревоженные концентрацией войск РККА (согласно плану командования ЛенВО «О прикрытии Государственной границы и нанесении ответного контрудара по Финляндии») попытались урегулировать отношения с Москвой через посредничество Берлина. 2 октября 1939 года финский посланник Вуоримаа, аккредитованный в Германской Империи, попытался осуществить такое намерение. Риббентроп через статс-секретаря Вейцеккера дал понять финнам, что «Германия не собирается и не желает вмешиваться в русско-финские отношения» (А. Некрич, М. Геллер «*Утопия у власти*», Лондон, 1989 г., стр. 371).

В конце сентября Советский Союз начинает оказывать давление на Хельсинки, Таллинн, Ригу и Вильнюс, пытаясь навязать полуоккупационные «Договоры о взаимопомощи». Реакция финнов последовала молниеносно, т. к. в начавшейся мировой войне финское правительство неоднократно подтверждало свой нейтралитет.

27 сентября чиновник германского МИДа Брюклмейер информировал Шуленбурга о реакции сейма и правительства Суоми на советские требования. «...МИД Финляндии Эрко уведомил меня о требованиях, предъявленных Россией к Эстонии, и заметил, что Финляндия готова улучшить свои отношения с Россией, но никогда не примет подобных требований, даже если дело дойдет до худшего». (*СССР–Германия 1939–41. Сб. документов и материалов.* Нью-Йорк, 1989 г., стр. 8).

Заставив принять Эстонию, Латвию и Литву советскую «помощь», разместив на их территориях военно-морские базы (ВМБ) и части РККА, Кремль приступает к решению аналогичных задач относительно Финляндии.

«Поначалу Сталин не желал ввязываться в войну с Финляндией, а надеялся включить ее в свою орбиту мирным путем...» («*Утопия у власти*», стр. 371). 5 октября Финляндии были переданы советские требования. К этому времени пропаганда Сталина уже развязала очередную газетную истерию вокруг «Договоров о взаимопомощи». Постоянно подчеркивались дальновидность и мудрость правительств Эстонии,

Латвии и Литвы, «обеспечивших себе национальную независимость и надежный суверенитет...» (*ИЗВЕСТИЯ, периодика за октябрь-ноябрь 1939 г.*), и осуждалась неуступчивость правительства Суоми.

12 октября в Москве открылись советско-финляндские переговоры на высшем уровне. (Суоми представляли В. Таннер и Ю. Паасикиви, СССР – И. Сталин и В. Молотов). Сталин не желал ввязываться в вооруженный конфликт с Суоми не потому, что имел в виду «линию Маннергейма» (которую разведуправление Генерального штаба РККА считало «буржуазной пропагандой»), а потому, что финны пользовались поддержкой не только Англии, Франции, но и США.

Чего же хотел Сталин?

- 1) Заключить Договор о Дружбе и Взаимопомощи.
- 2) Обменять 60-километровую полосу на Карельском перешейке с полной его демилитаризацией (Какие-то слухи о каких-то укреплениях до Москвы доходили) на вдвое большую территорию в КАССР.
- 3) Получить в аренду полуостров Ханко и ряд островов в Финском заливе для строительства ВМБ, а также порт Петсамо на Севере.

Территория, предлагаемая Сталиным в обмен, действительно имела площадь, в два раза превышающую площадь территории на перешейке, но... Она являлась совершенно бесполезной с экономической (сплошной гранит, камень и болота), военно-политической (пустой кусок земли взамен «линии Маннергейма») и национальной (абсолютная незаселенность) точек зрения. Кроме того, кто мог дать гарантию финляндскому правительству, что, совершив выгодный обмен, СССР все-таки не приступит к агрессии?

Таннер и Паасикиви отвергли все предложения, ущемляющие национальную независимость и суверенитет. Непреодолимым препятствием стало нежелание Суоми отдать п-ов Ханко, т. к. это означало бы поставить судьбу страны в зависимость от воли могущественного соседа. Паасикиви заметил, что вопрос территорий может решаться только сеймом, причем для положительного решения необходимо иметь не меньше $2/3$ голосов. Сталин взорвался: «Вы получите больше, чем $2/3$, а плюс к этому еще и наши голоса учтите». («Огонек», № 22 за 1989 г., стр. 29). 13 ноября 1939 года переговоры были прерваны.

Но уже в октябре сводки ГУПВ НКВД Союза ССР пестрели неблагоприятными сведениями для мира в Балтийском регионе.

«14 октября 1939 г.

Финские газеты вышли с заголовками, в которых указывается, что Советский Союз угрожает Финляндии, сконцентрировав большое количество войск у границы...» (*ПВ СССР*, стр. 47).

11 ноября Народный Комиссар Обороны К. Ворошилов подписал приказ о формировании двух стрелковых корпусов из лиц карело-финской национальности. Позже эти корпуса станут фундаментом «Вооруженных Сил Финляндской Демократической Республики». В середине ноября Ворошилов отдает строго секретную директиву войскам ЛенВО о часе «Х». В директиве войскам предписывается «в час «Х» пересечь Государственную границу, мощным ударом разгромить финляндские войска», а ВВС округа «нанести мощные бомбардировочные удары по городам Финляндии».

13 ноября комбриг Аполлонов известил Народного Комиссара внутренних дел Л. П. Берия о том, что командование финской армии проводит мероприятия по защите границы «против» СССР, осуществляется призыв резервистов и офицерского корпуса, а эвакуация мирного населения из пограничной полосы проводится с октября месяца. (Как непохожи действия правительства Суоми перед большой войной на действия правительства СССР в июне 1941).

Вероятно Сталин рассчитывал, что финны поднимут руки после внушительного бряцанья оружием, однако сейм послов не слал и пощады не просил...

2. Существовала ли угроза Ленинграду или СССР в 1939 г.?

Тезис об «угрозе в 1939-м» был сочинен позже, чтобы оправдать пакт с Германией, секретные протоколы, агрессивную политику в Балтийском регионе в 1939–41 гг. и прочие преступления накануне Великой Отечественной войны. Давайте рассмотрим три варианта.

№ 1. Агрессор — ГЕРМАНИЯ.

Во-первых, нижеприведенная таблица характеризует военную мощь вермахта и РККА в 1939 г.

Германия против СССР

57 дивизий

2000 танков

1800 самолетов

(а также 33 дивизии неполного состава на Западном фронте)

(Д. М. Прохтор «Война в Европе 1939–41» Воениздат, М. 1963, стр. 39)

СССР против Германии

120 пехотных и 16 кав. дивизий

5000 орудий

9–10 000 танков

5000 самолетов

(«История внешней политики СССР», т. I, М. 1946, стр. 374).

Во-вторых, Германия была связана войной в Европе, а стратегия немецкого Генштаба запрещает вести войну на два фронта. И «...Германия не могла начать войну против СССР, не подчинив и не приспособив экономику почти что всей Европы под нужды рейха». (*История Великой Отечественной войны*, М. 1960, т. I, стр. 480).

В-третьих, конкретно о Ленинграде. В 1939 году ни одного немецкого солдата на территории Финляндии не было, и даже в 1941 году на Ленинград из Финляндии наступала только финская армия.

№ 2. Агрессор — ФИНЛЯНДИЯ.

Подобное утверждение — смехотворно, что легко доказывается приведенной таблицей.

Вооруженные силы СССР и Финляндии на 30 ноября 1939 г.

(составлено по тексту доклада И. Сейтина «О советско-финляндской зимней войне 1939/40 гг.», сделанному на военно-исторической научной конференции в Ленинградском Доме ученых).

СССР против Финляндии

20 стрелковых дивизий, 1 мотострелковая бригада — ВСЕГО 183 батальона;

7 танковых бригад, 2 отдельных танковых батальона — ВСЕГО 2000 танков, в том числе около 200 средних и тяжелых;

1700 самолетов с учетом ВВС Краснознаменного Балтийского и Северного флотов;

1780 полевых орудий (76 — 203 мм), в том числе 1114 гаубиц и 620 противотанковых пушек (45 мм) — ВСЕГО 2400 орудий;

2 линкора, 1 крейсер, 20 эсминцев, 45 подлодок, 4 канонерки, 28 сторожевиков, 5 минных заградителей.

Финляндия против СССР

9 пехотных дивизий, 4 пехотные бригады, 1 кавбригада, 35 отдельных батальонов (шюцкоры, егеря, ополченцы), 23

отдельных роты (береговая и погранохрана) — ВСЕГО 140 батальонов;

1 танковый батальон (30 легких танков);

114 самолетов;

420 полевых пушек (76–152 мм), в том числе 104 гаубицы и 110 противотанковых пушек (37 мм) — ВСЕГО 530 орудий;

2 броненосца, 5 подлодок, 12 канонерок, 30 сторожевых, 7 минных заградителей.

№ 3. Агрессор — АНГЛИЯ и ФРАНЦИЯ.

Англия и Франция также вели войну и вряд ли желали воевать с не слабым Советским Союзом и Германией на два фронта. Во-вторых, эти страны не были готовы к войне с СССР стратегически, не имея общей границы с Союзом, т. е. плацдарма для нападения и вторжения.

Наконец, самый полновесный аргумент, сводящий на нет все тезисы о существовании реальной угрозы для «северной столицы». Конечно, «угроза» могла существовать... но только в воспаленных умах «полководцев» типа Ворошилова. Реальной угрозы быть не могло т. к. Ленинград был защищен лучше любого другого города. Факт, о котором я сейчас расскажу, советская историография замалчивает.

19 марта 1928 года согласно приказу № 90 Реввоенсовета СССР, Командующий ЛенВО М. Н. Тухачевский при содействии секретаря обкома ВКП(б) С. М. Кирова приступил к строительству мощнейшего пояса обороны в 20 км от города, мало в чем уступавшего знаменитой «линии Маннергейма». Этот пояс обороны стал называться Карельским Укрепленным Районом (КаУРОм) и протянулся на 70 км от Финского залива до Ладоги. Район строился в течение 10 лет и к 1939 г. был полностью закончен, но, поскольку он сооружался в обстановке глубокой секретности и тайны, о нем практически никому ничего не известно. Демонтированный на 50 процентов к началу войны с Германией, он сумел все же задержать наступление финской армии в 1941 г. Я думаю, что на строительстве района применялся труд политзаключенных ленинградского УНКВД, оказавшихся затем на страшной Левашовской пустоши. Но все эти легенды и тайны молчаливо хранят прекрасно сохранившиеся ДОТы и ДЗОТы на линии Парголово — Куйвози... любое упоминание о КаУРе считается запрещенным, т. к. вдребезги разбивает миф «об угрозе Ленинграду осенью 1939 года».

3. Провокация в Майниле 26 ноября 1939 года

«Стремясь вырвать поскорей у Финляндии уступки, Сталин пошел на провокацию, приказав командованию ЛенВО обстрелять собственную территорию у селения Майнила, и обвинив в обстреле финнов...» (А. Некрич, М. Геллер «Утопия у власти», стр. 372).

Сама логика и ход событий любому историку должны подсказать истинных организаторов провокации.

11 ноября. Приказ Ворошилова о создании двух корпусов из карело-финнов.

13 ноября. Сообщение финских газет о концентрации частей РККА у границы Финляндии.

16–19 ноября. Секретная директива Ворошилова о часе «Х».

26 ноября. Провокация в Майниле и нота протеста В. М. Молотова.

27 ноября. Нота И. Коскиена с предложением о совместном расследовании согласно совместной советско-финской «Конвенции о пограничных комиссарах и конфликтах» от 1928 года.

27 ноября. В войска ЛенВО передана директива Политуправления ЛенВО, «обязавшая бойцов и командиров на сокрушительный разгром врага и четкое выполнение приказа» (ПВ СССР, стр. 55).

28 ноября. Ответная нота В. М. Молотова, определившая ноту финнов, как «глубоко враждебную и издевательского характера по отношению к жертвам обстрела». Денонсация пакта о ненападении 1932 г.

29 ноября. Личный состав одной из погранзастав на Карельском перешейке вступил в бой с финскими пограничниками. (Из воспоминаний Дуденкова И. И., красноармейца 51-й СД 8-й армии).

4. 30 ноября. ВОЙНА

С севера от Баренцева моря до Ладожского озера, на фронте протяженностью 1500 км командование ЛенВО развернуло 14-ю армию (комдив В. А. Фролов) против Лапландской группы генерала Валениуса; 9-ю армию (комкор М. П. Духанов) против Северофинляндской группы, включавшей Северную оперативную группу генерала Туомпо и шведскую добровольческую бригаду генерала Линдера; 8-ю армию (ком. И. П. Хаба-

---

ров) против Карельской группы генерала Хеглунда; на Карельском перешейке — 7-ю армию (командарм 2-го ранга В. Ф. Яковлев) против армии генерала Эстермана.

Советский «блицкриг» предполагал завершить войну в течении 7–10 дней. Одному из немногих живых ветеранов «зимней войны», служившему арттехником в гаубичной батарее 7-й армии, комбат сделал выговор 30.11.1939 г. за неряшливый вид перед наступлением: «Через 10 суток мы будем маршировать по Хельсинки, на нас будет смотреть вся Европа, а Вы, товарищ боец, небриты...».

План молниеносной войны был чрезвычайно прост: через Карельский перешеек выйти прямо на Хельсинки. Некоторые публицисты (напр. А. Молчанов, «Комсомольская правда» 13, 14 ноября 1989 г.) говорят о том, что еще в начале 30-х годов якобы существовал какой-то «альтернативный» план Тухачевского, предполагавший основной удар наносить через Северную Карелию и непроходимую лесотундру; такая версия является досужим вымыслом. Через перешеек пролегал самый короткий, удобный, прекрасно оснащенный шоссейными трассами путь на финскую столицу. Что же касается «линии Маннергейма», то к началу войны ни Генштаб, ни Разведупр РККА не имели конкретных данных о финском укрепрайоне, и передали командованию 7-й армии что-то такое туманно-расплывчатое относительно «...жиденькой цепочки ДЗОТов», как писал тот же А. Молчанов.

Сбив пограничные кордоны, части 7-й армии устремились на Виипури. Без особого труда оказался занят первый населенный пункт Оллила (Солнечное), однако уже под Куоккалой (Репино) красноармейцы наткнулись на ожесточенное сопротивление финнов (взяты к 14.00 30 ноября). 1 декабря кипел бой за Териоки (Зеленогорск) — старинный финский городок, где наступавшие понесли ощутимые потери. На других участках боев войска РККА с трудом преодолевали «полосу обеспечения», пробиваясь к «линии Маннергейма». Финские части отходили организованно, оставляя мелкие диверсионно-партизанские группы, приносившие огромный урон за все время войны.

«Уже первые дни войны Финляндии с СССР, спровоцированной кликой Маннергейма-Таннера, показали, что белофинны решили проводить в жизнь свою подлую политику:

- а) Применение заграждений на путях отхода;
- б) Действия по тылам и коммуникациям Красной Армии;

в) Нападения на пограничные части в местах их дислокации и т. п.;

г) Другие способы ведения «малой войны»... (*Пограничные войска СССР, стр. 109*).

Буквально с первого дня войны антифинляндская пропаганда достигла в СССР невероятных высот. Термины «белофинны», «беломаннергеймовские банды» стали газетным штампом. Причем весьма характерна особенность подобной агитации — многократно мелькающая приставка «бело-», повторяемая в таком изобилии, что у любого нормального человека мгновенно возникает вопрос: «А что, разве есть еще краснофинны, краснофинляндия, краснофинские бандиты?». Употребляемая терминология наталкивает на мысль о заблаговременном пропагандистском плацдарме, служащим для разжигания гражданской войны внутри Суоми — войны, в которой краснофинны будут пользоваться мощной поддержкой СССР и РККА, применяя для достижения своей цели ничем не ограниченные средства. И краснофинны не замедлили явиться...

1 декабря 1939 года, в разгар боев за Териоки, в квартире О. В. Куусинена на Кировском проспекте в Ленинграде собрались будущие правители «Финляндской Демократической Республики». Быстренько поделив министерские портфели, «правительство» выехало в еще горящие Териоки на машине члена ЦК ВКП(б), по совместительству избранного Председателем «Правительства» и Министром Иностранных Дел ФД8.

1 декабря «Известия» жирным шрифтом опубликовали «Обращение ЦК Компартии Финляндии к трудовому народу Финляндии», скромно приписав: «Радиоперехват, перевод с финского». (Не понимаю, зачем «перехватывать» обращение КПФ, действующей целиком на территории СССР, в советской эмиграции?). Обращение разъясняло финскому народу «истинные» цели и характер войны, призывало: «Прогнать такое правительство! Сбросить его с плеч народа!» и внедряла в жизнь старый ленинский лозунг: «Из войны империалистической в гражданскую!». Правда, здесь его немного откорректировали: «Преступная война финляндских капиталистов против Социалистического Советского Союза должна быть превращена в решительную борьбу трудящегося народа против угнетателей народа... Пусть это презренное правительство, которое делало все возможное для того, чтобы довести наш народ до гибели, будет последним правительством капиталистов и помещиков Финляндии».

В обращении подчеркивалась необходимость создания «Народного фронта внутри Финляндии, который выдвинет Народное Правительство, опирающееся на этот фронт». Через сутки такое «Народное правительство» появилось. Заодно в обращении высмеивалась мощь финской армии, «глупенькие финляндские правители и генералишки», всю возносилась сила и непобедимость Красной Армии.

«Красная Армия монолитна, как скала. Каждый боец и командир, воодушевленный благородным чувством интернационализма, знает, что борется за справедливое дело. Красная Армия знает, что придет в Финляндию не как завоеватель, а как освободитель нашего народа от гнета капиталистических злодеев...»

И далее излагалось то, что должно сделать «Народное Правительство». («Известия», 1 декабря 1939 г.) Краснофинское «правительство» точно последовало инструкциям ЦК КПФ, изложив свою платформу в «Декларации Народного Правительства Финляндии». И «Обращение ЦК КПФ», и «Декларация Народного Правительства» похожи как две капли воды, окончательно убеждают в том, что документы писали одни и те же люди. И вполне возможно, что не финны... Правда, в «Декларации» есть одно место, на вошедшее в «Обращение», окончательно проясняющее всю картину событий.

«...Широкие массы финляндского народа считают своим элементарным правом и своей обязанностью взять в свои руки судьбу родины. В разных частях страны народ уже восстал и провозгласил создание демократической республики. Часть солдат финляндской армии уже перешла на сторону нового правительства, поддерживаемого народом». («ИЗВЕСТИЯ», 2 декабря 1939).

«Декларацию» подписали:

Председатель и Министр Иностранных Дел Финляндии — Отто Куусинен (член ЦК ВКП(б));

Заместитель Председателя и Министр финансов — Маури Розенберг;

Министр Обороны — Аксел Анттила (Командир 106-го особого корпуса «красных финнов», созданного 11.11.39, комкор РККА);

Министр Внутренних Дел — Тууре Лехен (старый чекист);

Министр земледелия — Армас Эйкия;

Министр просвещения — Инкери Лехтинен;

Министр по делам Карелии — Пааво Прокконен (трое последних — отв. работники Коминтерна).

3 декабря весь мир узнал о том, что Сталин признал «ФДР» и предложил заключить «Договор о Дружбе и Взаимопомощи». По договору СССР обещал помочь «ФДР» оружием, армией, промышленностью, покупал у «ФДР» за 300 млн. марок несколько островов и полуострова Рыбачий и Средний. И самое главное: «ФДР» отодвигала границу от Ленинграда, разрешала размещение советских ВМБ в акватории залива, передавала СССР р-н на Карельском перешейке в размере всего 3970 кв. км, а СССР отдавал «ФДР» р-н в Карелии в размере 7000 кв. км! Раньше на переговорах в Москве Сталин больше 6000 кв. км предлагать не желал, считая, что это и так весьма много.

Но мир не узнал о другом. Мир не узнал о том, что верные давним традициям, сталинские преступники подписали секретный дополнительный протокол к «пакту Молотова-Кусинена», текст которого, к сожалению, скрывают архивы МИДа СССР. Что тайл протокол? Какие агрессивные планы и намерения в отношении финляндского народа мог скрывать он? Этого мы не знаем, но что бы ни содержалось в очередном «протоколе» Молотова, сама история и факты войны 1939–41 гг. не могут изменить истинных целей сталинской агрессии.

4 декабря истинное финское правительство попробовало урегулировать конфликт через шведского посланника Винтера. Однако Молотов вежливо объяснил, что СССР войны с Финляндией не ведет, и никакого другого правительства, кроме правительства ФДР, не признает. 5 декабря Молотов заявил о том, что героическая Красная Армия лишь оказывает помощь Вооруженным Силам ФДР и подтвердил факт мира с Финляндией. («ПРАВДА», 3, 4, 5, 6 декабря 1939 г.). Последняя надежда на прекращение войны рухнула. Но и советская военная машина начала пробуксовывать.

На Крайнем Севере войска 14-й армии успешно взяли порт Петсамо, полуострова Рыбачий и Средний, но дальше продвинуться не сумели. Дивизии 8-й и 1-й армий продвинулись вглубь территории противника на 70–75 км, но и здесь полнейшее бездорожье заставило дивизии вытаскиваться на многие километры в колонны; дорога к Ботническому заливу оказалась совсем не легкой прогулкой. Финская малочисленная, но высоко подготовленная армия сражалась храбро, защищая свою честь, свободу и независимость своего народа. В Суоми произошла мобилизация всех сил: советская пропаганда о «терроре и ненависти к своему правительству» не подтвердилась на практике. Все политические партии

консолидировали силы для разгрома общего врага. «Народное Правительство ФДР» мгновенно стало марионеткой, правительством без народа.

Сыграли свою роль и погодные условия: солдаты Суоми имели все необходимое для ведения боевых действий в 40-градусный мороз, а красноармейцев бросили в бой чуть ли не в летнем обмундировании. Сказалось и вооружение: пистолеты-пулеметы «Суоми» во много раз превосходили винтовки образца 1891 года, состоявшие на вооружении в РККА.

На Карельском перешейке (в некоторых местах) войска 7-й армии с огромными потерями в личном составе преодолели линию оперативного прикрытия, выйдя к «линии Маннергейма». 5 декабря Ворошилов отдал приказ начать штурм без всякой разведки и подготовительных работ. В. Ф. Яковлев пробовал протестовать, но безрезультатно. Объединив 142-ю, 150-ю и 49-ю СД в особую группу комкора В. Д. Грендаля, 7-я армия приступила к штурму. Грендаль сумел захватить ценой 30–40- процентных потерь плацдарм на другом берегу реки Тайпален-Йоки, но расширить его не сумел. Вспомогательные атаки в районах станции Кивиниеми и озера Суванто-Ярви превратились просто в бойню. Все участки огня финнами были заранее пристреляны и размечены: огонь пушек и пулеметов смешивал наступавших со снегом, любое легкое ранение фактически равнялось смерти — раненных было подбирать некому, да и некогда. Автор этой статьи собственными глазами видел хроникальные фильмы — пустынные поля Карельского перешейка, заваленные замерзшими и растерзанными прямыми попаданиями трупами красноармейцев. Весь личный состав наступавших оказался в шоке, включая и командование... Наступление пришлось прекратить, чтобы избежать полного уничтожения передовых дивизий.

«В 649 стрелковом полку выбыли из строя командир полка, начальник штаба, три командира батальона, много средних и младших командиров...» (*Из оперативной сводки 5–6 декабря 1939 года*). Требование Устава РККА о том, что командир должен всегда быть впереди, позволяло выбивать комсостав на поле боя почти полностью, как на полигоне.

К 12 декабря обессиленная и истощенная 7-я армия наконец-то преодолела всю систему оперативного прикрытия и вышла к главной полосе «линии Маннергейма». В тылу РККА шла настоящая партизанская война. В диверсионных отрядах сражались во множестве те, кого агрессия выгнала из родных мест, заставив бросить нажитое годами, — те, чьи родные и близкие погибли под бомбами советских бомбар-

дивовщиков в Лааперанте, Хельсинки, Тампере. Эти люди сражались жестоко и умело. Они устраивали засады на переправах, взрывали мосты, вырезали ночами штабы, отдельные небольшие подразделения, нарушали управление, громили колонны танков и машин в труднопроходимых лесах. Высокая лыжная мобильность позволяла им ускользнуть от преследования, порой они даже проникали глубоко на территорию СССР, совершая диверсии там. Наступление РККА на перешейке окончательно затормозилось...

Растерянность Сталина сменилась яростью. Яростью на мужественно сражавшихся финнов и яростью на им же и всем высшим комсоставом преданных солдат Красной Армии. Их бросали в лютый мороз на бетон и пушки без маскхалатов, без тяжелого оружия и прикрытия. Несмотря на не менее достойную, чем у финнов, храбрость, красноармейцы РККА не могли выполнить невыполнимой задачи. Миф о «самой лучшей, могучей, непобедимой, мощной армии мира» окончательно рухнул, не говоря уже о командирской компетенции в РККА. Сталин и Генштаб РККА решили изменить тактику, активизировав боевые действия в Карелии, чтобы рассечь Финляндию пополам, отрезать ее от помощи Запада и обойти «линию Маннергейма» с тыла. Попутно Ворошилов произвел полную перетасовку командиров армий. Отстранил Яковлева, заменив его Мерецковым, сменил командиров 8 и 9-й армий.

В ответ финский генштаб, разгадав тактический замысел противника, создает на направлении 8-й армии оперативную группу войск под командованием генерала Пааво Галвела и перебрасывает в Карелию мобильные отряды лыжников шюцкора, резервистов...

* * *

Если на Карельском перешейке финская армия к началу войны могла оказать значительное сопротивление, то в районах Карелии силы финнов представляли наименее обнадеживающие части Сопrotивления.

Война в Карелии — своеобразное белое пятно в общей тайне советско-финляндской войны 1939/40 гг. Объясняется сей факт, на мой взгляд, тем, что первоначальные сокрушительные потери тысяч и тысяч бойцов в боях на перешейке можно как-то «прикрыть» прорывом «линии Маннергейма»; что же до других участков советско-финского фронта, то на них «высокая боевая подготовка» обернулась гибелью целых дивизий. 19 мая с. г. в Петербурге прошла встре-

ча членов объединения «ИНГЕРМАНЛАНДИЯ-КАРЕЛИЯ» с финским историком Лео Карттимо, поделившимися своими материалами о «зимней войне». Его рассказ, некоторые документы, воспоминания ветеранов и долгие изыскания автора статьи легли в основу повествования о тех страшных и трагических событиях, происшедших на «вспомогательных» направлениях фронта.

10 октября 1939 года в Суомуссалми открылся центр на базе местного погранотряда для подготовки и обучения резервистов (1670 штыков). В этот центр попали жители общин Кайяана, Ристярви, Полуан и некоторых других. Но, несмотря на функционирование центра, в возможность войны никто не верил — как утверждает Карттимо, жители Карелии были настроены менее воинственно, чем «южные» финны, и надеялись, что войны с СССР удастся избежать.

30 ноября Государственную границу перешли части 163-й СД. Нападение явилось полной неожиданностью, дивизию, встретили всего лишь 42 солдата, а вступившую в бой чуть позже 44-ю, переброшенную из-под Житомира, около 20 человек пограничников и 200 солдат в районе дороги на Ратэ. Однако в первые дни красноармейцы преодолели не более 10 километров вглубь территории противника, а не десятки, как указывалось в сводках штаба Ленинградского военного округа, печатавшихся в центральных газетах. Поскольку население не эвакуировалось, в плен попали 300 женщин, детей и мужчин, отправившиеся позже в Архипелаг ГУЛАГ, где несколько детей умерли, а часть мужчин расстреляли «за саботаж».

У защищавшихся финнов не имелось ни одного танка (!), в то время как в каждой советской дивизии насчитывалось по 51 машине; ни одного орудия, и десятки орудий в советских дивизиях. 6 декабря финские оборонявшиеся подразделения вынуждены были оставить приходской центр Суомуссалми (10,5 тыс. жителей). 163-й и 44-й СД Ставка поручила рассечь Финляндию и выйти на берег Ботнического залива, взяв город Оулу. К сожалению, лишь некоторые дальновидные командиры осознали, что поставленная Сталиным и Ворошиловым задача невыполнима. Морозы достигали 37 градусов, а красноармейцы наступали в летних обмотках и шинелях. Зимнее обмундирование пообещали выдать на месте — обещание так и повисло в воздухе. Лыжная подготовка не только оставляла «желать лучшего», как пишут некоторые историки, ее просто не было! РККА лишилась одного из своих главных козырей — преимущества ВВС (плохие метеоусловия

свели на нет и так короткий световой день, предназначенный для боевых вылетов). Обозы, машины, танки растянулись по узким дорогам в длинные колонны, медленно, на ощупь, продвигаясь в белое безмолвие.

Встревоженный финский генштаб перебросил в приход Суомуссалми 3 батальона лыжников из Кайяаны (примерно 2000 человек) и из области Кубосалми, где активных боевых действий не велось. Командующий группой войск в Суомуссалми Ярмал Сийласво получил приказ от генерала Туомпо остановить и разбить наступающие войска Красной Армии. В помощь Сийласво поступили также новые сформированные подразделения из глубины страны и с Карельского перешейка, где обескровленная 7-я армия прекратила наступление. Воспрянувшие финны к середине декабря сумели организовать оборону и создать линию сдерживания врага. К этому же времени относится «командирская» перетряска на советском фронте — Сталин и Ворошилов резко решили заменить командующих армиями (уже, кстати, имеющих боевой опыт), как «затягивающих боевые действия и не выполняющих свою задачу». Комкора Духанова, командующего 9-й армией, заменил комкор В. И. Чуйков (об этом периоде «деятельности» Чуйкова советская военная историография молчит). Естественно, что подобная перемена значительно ухудшила и без того не блестящее командование 9-й армии. К 20 декабря финским егерям и шюцкоровским лыжникам удалось расколоть фронт 163-й СД, началась катастрофа для тысяч бойцов... Только здесь 163-я СД потеряла 5000 убитых, количество раненных и обмороженных осталось неизвестным.

19.12.39. по аппарату «БОДО»

ТЕЛЕГРАММА

Немедленно по прямому проводу
Командующему 9-й Армией.

Дело в Суомуссалми ухудшается. Приказываю принять все меры и срочно бросить в бой без промедленья все силы 44 СД для того, чтобы не дать противнику окружить и взять в плен два полка 163 СД в Суомуссалми. Бросить всю авиацию, чтобы помочь 163 СД в ее боях за Суомуссалми. Непосредственное руководство и ответственность за проведение боевых действий возлагается лично на Вас. Предупреждаю, что за возможную катастрофу 163 СД отвечать лично будете ВЫ.

Немедленно донесите о Ваших действиях и распоряжениях.

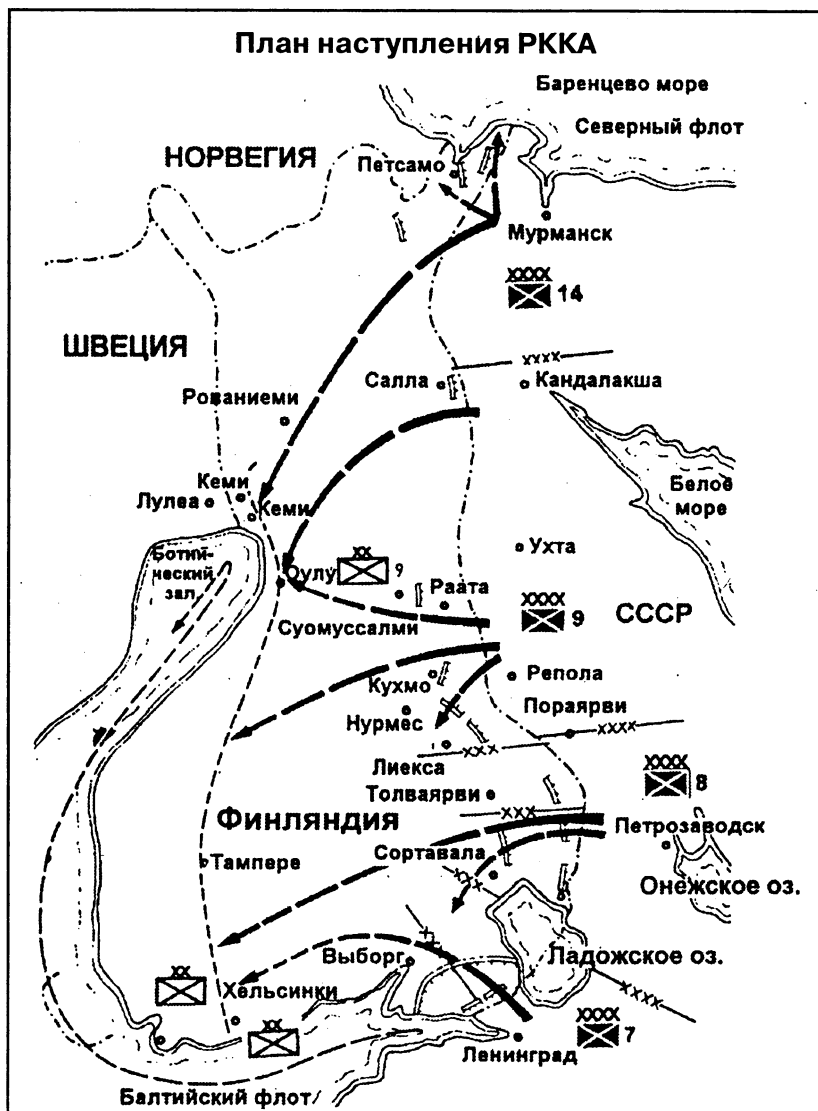
**Главнокомандующий К. Ворошилов
Член Главного Военного Совета И. Сталин**

Но было уже поздно. Разгромив 163-ю дивизию, Сийласво перенес боевые действия к дороге на Ратэ, по которой наступала 44-я СД. На 1 января 1940 положение стало критическим. Лыжники-финны отрезали дивизию от тылов, замкнув кольцо. Комдив Виноградов отдал приказ подорвать ставшую бесполезной технику и пробиваться собственными силами: деблокада, в результате отсутствия поддержки фронта и высшего командования, стала резней. Погибло до 70 процентов личного состава. На дороге остались 43 танка и 101 орудие, уничтоженные финнами, не считая техники, подорванной по приказу комдива, множество машин и военных материалов. Всего в приходе Суомуссалми РККА потеряла 23000 убитыми, 1200 человек пленными, количество раненных неизвестно. Финны оставили 809 убитых и 1100 раненных.

Немедленно на фронт явился Л. З. Мехлис — главный палач РККА, сменивший застрелившегося Гамарника на посту начальника Главного Политического управления в 1937 г. Донос начальника Особого отдела Военному Совету 9-й Армии («Считаю необходимым арестовать командира 44-й СД и начштаба...») пустили в дело, взвалив всю вину за провал исключительно на комсостав дивизии. 11 января, после мехлисовского суда, комдива — полковника Виноградова, начальника штаба — полковника Волкова, и начальника политотдела — бригадного комиссара Пахоменко расстреляли перед выжившими 700 бойцами 44-й СД на льду озера Васо-Ярви. Так закончилась трагедия в Суомуссалми.

Крах наступления под Суомуссалми послужил поводом для издания специальной директивы командирам РККА, 28.12.39. ее текст огласили в частях Действующей Армии. Квинтэссенцией документа стало требование «Не зарываться!», т. е. не увлекаться чрезмерным продвижением вперед, следить за взаимодействием с соседями, тщательно вести разведку и т. п. Увы, почти те же ошибки повторились в 1942 году на Барвенковском выступе и позже — при деблокаде Ленинграда 2-й Ударной армией.

Обратимся теперь к событиям, происходившим к югу от Суомуссалми. Сразу же после разгрома советских дивизий опыт, приобретенный лыжниками Сийласво, маршал Маннергейм решил использовать на других участках фронта. (На-

ступавшие на Куоляarvi войска 14-й армии были остановлены финнами, и здесь линия фронта стабилизировалась вплоть до окончания войны. В этих боях финны потеряли 2009 человек, красноармейцы до 8000). На Корпинсалми шла сквозь абсолютное бездорожье 54я СД. Условия местности, обеспечение наступления и продвижения являлись такими же, как

и у соседей. Около Корпинсальми отрядам шведской добровольческой бригады генерала Линдера совместно с финнами удалось взять в кольцо основную часть 54-й СД, надеясь принудить ее к сдаче. Однако, в отличие от украинской 44-й, 54-я СД была дивизией кадровой, карельской, знакомой с театром боевых действий. Блокированные красноармейцы в жесточайших условиях сумели продержаться с конца декабря до начала марта. Но и в приходе Корпинсальми замысел советского командования потерпел поражение. 8-я армия смогла продвигаться в северном Приладожье на 86 километров от Государственной границы, овладев Лоймолой, Суоярви, Питкярантой.

Для противодействия РККА в Приладожье сформировалась группа войск генерала Талвела, которая смогла в короткий срок нанести очень тяжелое поражение 75-й и 139-й СД в Суоярви, после чего продвижение стало не только бессмысленным, но и опасным. Катастрофу не удалось предотвратить недалеко от Питкяранты, в местечке Кителя (финны именуют его не иначе, как «Китель-мешок»). В «Китель-мешок» 8 финских лыжных батальонов поймали 18-ю, 168-ю СД и 34-ю танковую бригаду, прижав их к берегу Ладожского озера. Лишь 4 марта части вновь созданной 15-й армии разорвали кольцо и спасли остатки наступающих.

Таким образом план выйти к Ботническому заливу и обойти с тыла «линию Маннергейма» оказался неосуществимым. Это можно объяснить многим (правда, советская военная история вообще предпочитает никак не объяснять): бездарным управлением, личным командованием И. В. Сталина, неопытностью комсостава, пришедшего на смену расстрелянным в 1937/38 гг., слабым вооружением личного состава и общей неподготовленностью, неумением вести войну в подобных условиях. Хочу добавить, что представителем Ставки на петрозаводском направлении являлся Л. З. Мехлис, катавший и устраивавший расправы по всему северному участку фронта. Значительную долю ответственности несет он за трагедию в Приладожье. Ветераны вспоминали следующее о Мехлисе: «Приезжает он, значит, на передовую, и говорит командиру части: «Почему Вы не продвигаетесь? Разве так воюют? Дайте мне роту, я покажу, как надо воевать». И показал... Через полчаса пришлось снимать два стрелковых батальона, чтобы спасти остатки роты и Мехлиса. Его спасли...». И подобных мехлисов, я думаю, было немало.

Итак, единственным способом как-то обелить себя в глазах мира стало решение штурмовать в лоб «линию Маннергейма».

С маленькой Финляндией воевал уже не ЛенВО, а почти половина всей РККА СССР. Подключились Московский, Киевский, другие округа. Госпитали Ленинграда и Москвы ломились от нагрузки, многие подразделения просто переформировывали заново, в столице и Питере начались перебои с продовольствием. Единственным козырем против непокорных финнов явился гигантский количественный перевес РККА.

Превосходство РККА над Вооруженными Силами Финляндии:

По числу активных штыков — 2,5:1.

По танкам — абсолютное.

По орудиям — 5,7:1 (по гаубицам: 5,8:1, по ПТО: 5,5:1).

По самолетам — 5,2:1.

Необходимо отметить, что довольно-таки значительную роль в январские дни сыграла пропаганда с обеих сторон. Советские листовки призывали финнов «сбросить ненавистное правительство Эркко-Таннера и переходить на сторону Демократического правительства Отто Куусинена»; финляндские прокламации информировали красноармейцев о том, что «тысячи других красноармейцев сдаются в плен в Северной и Центральной Финляндии, сдавайтесь и вы, уничтожив своих продажных политруков-комиссаров!». Главное отличие финских листовок от советских заключается в том, что финны, в общем-то, писали правду, а пропаганда РККА насквозь пропиталась ложью, как и весь существующий режим.

Судьба пленных всегда страшна... Недавно в советской прессе опубликовали воспоминания бывшего секретаря Сталина Бориса Бажанова. («ОГОНЕК», 1989 г.), бежавшего в конце 20-х на Запад. В январе 1940 г. Бажанов перешел Ботнический залив, чтобы в Финляндии создать Российскую Освободительную Армию для борьбы со сталинской диктатурой. Увы, к марту у Бажанова было два батальона, из сдавшихся или попавших в плен красноармейцев, но принять участие в боевых действиях ему не довелось. Лео Карттимо на встрече в мае 90 говорил: «Очень многие пленные желали остаться в Финляндии, чтобы не попасть в сталинские лагеря, они также увидели цивилизованное общество, к тому же часть их подружилась с местными жителями». В музее «ТАЛВИСОТА (Зимняя война)» в Лааперанте хранится подарок Маннергейму от советских пленных, для которых «палач и убийца финского народа» сделал невообразимо много. Те из пленных, кто вернулся на Родину, попали в сталинские лагеря, и в большинстве своем там и погибли. У финнов же немногие, кто оказался в советском плену, превратились в национальных ге-

роев. Кстати, интересна судьба так называемого корпуса Акселы Анттилы — Вооруженных Сил ФДР. После окончания бесславной войны почти весь его личный состав оказался уничтоженным. Интересно, за какие «провинности»?

14 декабря СССР исключили из Лиги Наций «за агрессивные действия в отношении финляндского государства». К исключенным или вышедшим агрессорам — Германии, Италии, Японии, — прибавился Советский Союз. Тут же сталинские газеты запестрели заголовками: «Лига Наций в руках поджигателей войны» и др. Газета «Правда» от 16.12. многозначительно предупредила: «В конечном счете, СССР может остаться и в выигрыше... СССР ТЕПЕРЬ НЕ СВЯЗАН С ПАКТОМ ЛИГИ НАЦИЙ И БУДЕТ ИМЕТЬ ОТНЫНЕ СВОБОДНЫЕ РУКИ» (выделено мною — К. А.).

В ходе боев в Северной Европе выделился еще один аспект, не упоминаемый советской историографией. Пример интербригад, воюющих за Испанскую республику, был перенесен в Суоми. Всего в Хельсинки прибыли 11 тысяч волонтеров: 8 тысяч шведов, 1 тысяча норвежцев, 600 датчан и 1,5 тысячи человек из других стран мира, желавших воевать против «большевистского фашизма» («ОГОНЕК» № 22 за 89 г.).

Одним из самых незыблемых мифов советско-финляндской войны является миф о полной поддержке Финляндии 3-м рейхом. Конечно, истинное положение дел никоим образом не вписывалось в кремлевскую концепцию. На самом деле...

В начале октября 1939 года советское правительство предложило Кригсмарине устроить свою ВМБ в 35 милях северо-западнее Мурманская для заправки и ремонта кораблей германского флота («База Норд»). Немцы пользовались ею до сентября 1940 г. Советский и германский командующие военно-морскими флотами искренне поблагодарили друг друга «за неоценимые услуги». (*СССР-Германия 1939-1941. т. 2, стр. 76-77*). Когда английские рейдеры стали охотиться за немецкими кораблями, советское командование разрешало укрываться последним в гавани Мурманска, в т. ч. и во время советско-финляндской войны. Позднее власти СССР провели через свои северные воды немецкий крейсер «Пингвин» под советским флагом и обеспечили благополучное возвращение рейдера «Бремен» к берегам рейха. (*А. Некрич, М. Геллер «Утопия у власти» стр. 385*).

В начале декабря 1939 г. МИД Германской империи разослало всем своим представителям инструкции, в которых «...в разговорах, касающихся советско-финского конфликта, избегайте антирусского тона, придерживайтесь точки зрения

русских... т. к. широкие слои финского населения придерживаются экономической и идеологической ориентации в сторону демократической Англии и большая часть прессы настроена по отношению к нам недружелюбно» (*СССР-Германия, 1939-41, т. 2, стр. 29*). Хочу подчеркнуть, что во время беседы Гитлера и Молотова в ноябре 1940 года Молотов выразил полное удовлетворение той позицией, которую занял рейх во время «финского конфликта», а Гитлеру заметил, что он «даже препятствовал транспортировке оружия и амунции в Финляндию, на что он права не имел...»

В январе 1940 г. советское правительство отвергло все варианты, которые предлагались скандинавами для разрешения кровопролитной войны. Кстати, был отвергнут и вариант, предполагавший тройственный пакт «СССР – Финляндия – Эстония», направленный на совместную защиту акватории Финского залива от любого вторжения.

Обстановка на фронте складывалась между тем не в пользу РККА. Сталин начал понимать, что каждый день продолжения агрессии может приблизить вступление в войну англо-французского экспедиционного корпуса (150000 штыков) – в таком варианте ситуация носила бы непредсказуемый характер. Поэтому чрезмерно ускоряется подготовка штурма «линии Маннергейма». К середине февраля удается создать гигантский перевес практически во всем. Война началась, как война ЛенВО, а заканчивалась войной всей Красной Армии, ибо против финнов воевала половина тогдашнего личного состава РККА (*А. Авторханов «Империя Кремля», 1988 г. стр. 214*). Про «Народное Правительство» уже никто и не вспоминал. Его просто «самораспустили».

11 февраля началось генеральное наступление... «Ваши солдаты шли и шли. Мы не успевали менять ленты, и перед окопами росли горы трупов в серых шинелях. Наконец, мой унтер сказал: «Эти русские, безусловно, храбрые ребята, но наверху у них кто-то точно спятил» (*«Комсомольская правда» 14.11.89*).

«Линию Маннергейма» прорвала 123 СД Федора Алябушева на фронте шириной 3 км, но заткнуть эту дыру прорыва финнам было уже нечем, стратегические резервы иссякли. На участке штурма командование Северо-Западного фронта (действует с января 1940 г. ком. Тимошенко) сосредоточило 9 СД, до 70 процентов танков 7-й армии и артиллерию всей 7-й армии (*«Аврора» № 3/90 г.*). Исход войны был предрешен.

Во второй половине февраля 7-я и 13-я армии с тяжелыми потерями преодолели вторую полосу обороны и укрепления на подступах к Киппури. В начале марта финская делегация вы-

---

летела в Москву, т. к. дальнейшее продолжение войны виделось бессмысленным, по донесениям К. Маннергейма В. Таннеру, «в батальонах осталось по 200-250 человек, боеприпасы подходят к концу...». Помимо прочего, думаю, что все-таки финский сейм не желал переносить огонь 2-й мировой войны в Северную Европу, поэтому тенденция к миру стала доминирующей. И вот здесь режим агрессора еще раз проявил свою бессмысленную жестокость и кровожадность. Финны, скрепя сердце, соглашались передать СССР территорию, включая и Виппури (Выборг), однако Сталин захотел продемонстрировать силу русского оружия, отдав приказ «любой ценой взять Виппури», превращенный в мощный узел сопротивления... Вновь тысячи солдат РККА пали жертвой бездарности и бесчеловечности высшего командования и руководства, так и не взяв Виппури (к моменту прекращения огня лишь половина города оказалась в руках РККА, остальное прочно удерживали финны). Число погибших там, к сожалению, не установлено.

Бессмысленной «выборгской» бойней завершилась 105-дневная война СССР против Суоми. Потери оказались ужасающими: 217 000 убитых у РККА, 23000 финских солдат, от 300 до 500 тысяч раненых и обмороженных, 20000 пропавших без вести в Красной Армии, 45 000 раненных в финской армии. Но последствия оказались намного страшнее кровавых потерь.

«Сталин буквально перетрусил, он оценил в результате войны с Финляндией, что наша армия слабая, что наш состав слаб, и что вооружением мы слабы...» (Н. С. Хрущев, «Знамя» № 11/89 г., стр. 82). Агрессия 1939 года стала решающим фактором открытого выступления Финляндии в 1941 году против СССР, приведшему к блокаде Ленинграда и миллионам умерших от голода.

Авантюристичность политики советского партийного руководства перед войной с Германией и некомпетентность советского командования были продемонстрированы именно в «зимней войне», когда перед всем миром раскрылась аморальность советской внешней политики и слабость РККА. Советская внешнеполитическая доктрина потерпела сокрушительное поражение. Несмотря на отдельные положительные моменты, извлеченные из войны, все опытные команды — «герои финской» — оказались арестованы и расстреляны. А на пороге уже стояло еще более страшное побоище...

Кирилл Александров
(Газета «Содействие»
№№ 11-13/1990 г.)

Финская подножка

26 ноября 1939 года в период с 15.45 до 16.05 в расположении советской воинской части, находящейся в километре к северо-западу от деревни Майнила рядом с финской границей (на Выборгском шоссе), разорвалось семь снарядов. Один младший командир и три красноармейца были убиты, восемь человек ранены. Хотя обстрел начался совершенно неожиданно, многие успели заметить, что снаряды прилетают с юга, из собственного тыла. Однако прибывшая мгновенно (в 17.10) комиссия, осмотрев место происшествия, пришла к выводу, что обстрел велся с финской территории. Ошеломленные солдаты отвечали путано, командиры же быстро поняли, что от них хотят. Слишком наводящими были вопросы.*

В этот же день, даже не дожидаясь результатов фиктивного расследования инцидента, Молотов вызвал посланника Финляндии А. Иерен-Коскинена, вручил ему ноту правительства СССР по поводу провокационного обстрела советских войск с территории Финляндии. В ноте вина за происшествие возлагалась на правительство Финляндии и выражалось требование убрать финские войска на 20–25 километров от границы. В ответной ноте, 27 ноября, правительство Финляндии заявило, что финские пограничники наблюдали разрывы снарядов и «на основании расчета скорости распространения звука от семи выстрелов можно было заключить, что орудия, из которых произведены были эти выстрелы, находились на расстоянии полутора-двух километров на юго-восток от места разрыва снарядов».

---

* Давно расследованы все обстоятельства Гляйвицкой провокации, названы поименно ее участники, а руководитель «операции» штурмбанфюрер Альфред Науокс даже написал обширные мемуары под заголовком «Человек, который начал войну». О «Майнильской провокации» не написано еще ничего. Разумеется, не было и никакого расследования — ни государственного, ни журналистского. Однако участники событий в один голос говорят, что обстрел произвела специальная команда НКВД, прибывшая на Карельский перешеек из Ленинграда. В распоряжении команды, состоящей из 15 человек, было одно орудие на конной тяге. Командовал этой группой майор НКВД Окуневич. Сам Окуневич (скончался в 1986 году) рассказывал, что их направили на Карельский перешеек с приказом испытать действие якобы нового секретного снаряда, указав точно место стрельбы, а также направление, угломер и пр. Команду сопровождали два специалиста по «баллистике», прибывшие из Москвы. По словам Окуневича, орудие выпустило не 7, а 5 снарядов.

Правительство Финляндии предложило, чтобы «пограничным комиссарам обеих сторон на Карельском перешейке было поручено совместно провести расследование по поводу данного инцидента в соответствии с Конвенцией о пограничных комиссарах, заключенной 24 сентября 1928 года». Деликатные финны намекали, что инцидент произошел из-за «ошибки» на учениях Красной Армии. Но любому военному хорошо известно, что осколки снарядов разлетаются по эллипсу, вытянутому в направлении полета снаряда, так что очень легко убедиться, откуда велся огонь. Естественно, Москва и слушать ничего не хотела о каком-либо расследовании.

В новой ноте, 28 ноября, Молотов обвинил правительство Финляндии в «желании ввести в заблуждение общественное мнение и поиздеваться над жертвами обстрела». Он объявил, что Советское правительство «с сего числа считает себя свободным от обязательств, взятых на себя в силу пакта о ненападении...» Из Финляндии были отозваны все советские политические и торговые представители.

* * *

На рассвете 30 ноября 1939 года с заставы № 19 Сестрорецкого отряда Ленинградского пограничного округа на охрану Государственной границы вышел наряд в составе бойцов Горбунова, Лебедева и Снисаря. Старшим наряда был командир отделения Миненко. Наряд направлялся на охрану железнодорожного моста через реку Сестру у Белого острова — единственного моста, связывающего СССР и Финляндию. В 6 часов утра к пограничникам подошел начальник заставы лейтенант Суслов, напомнив бойцам приказ начальника Сестрорецкого отряда майора Андреева. Прошло два часа томительного ожидания. В 07.55 лейтенант Суслов громко кашлянул. Это был сигнал к атаке. Бойцы, бросая на бегу гранаты и стреляя по финским пограничникам, ринулись на мост. После короткой схватки мост был захвачен. Миненко успел перерезать провод, ведущий к взрывчатке под мостом. Вся операция заняла около трех минут. К мосту уже шли танки.

Ровно в 8.00 дальнобойные орудия фортов Кронштадта вместе с кораблями Краснознаменного Балтийского флота, (подошедшими к финским берегам) и батареями корпусной и дивизионной артиллерии, начали обстрел территории Финляндии. В это же время, в полной темноте, боевые корабли и транспорты с десантом подходили к острову Суур-Саа-

ри (Гогланд) в центре Финского залива. В 08.05 корабельная артиллерия начала бомбардировку острова, под прикрытием которой десантники пошли на штурм. В эти же минуты мощные соединения бомбардировщиков начали бомбить жилые кварталы Хельсинки, Котки, Виипури и других городов Финляндии.

«Столбы огня и дыма, пожары, паника среди врагов сопровождали налет сталинских соколов», — без тени стыда напишет об этом военном преступлении газета «Красная Звезда». А по всей территории СССР уже шумят «стихийные митинги». «Ударим безжалостно по врагу!» — требуют рабочие завода «Большевик» в Ленинграде. «Ответим огнем на огонь!» — бушует трудовая Москва. «Сотрем финских авантюристов с лица земли! Их ждет судьба Бека и Мосицкого!» — поlyphают гневом рабочие Киева.

Подобная реакция при нападении гигантской империи на крошечную страну лучше любого другого примера говорит о том, что советское общество уже было доведено продуманной политикой Сталина до состояния совершенно безмозглого стада, годного, по меткому выражению Канта, только для жертвоприношения. И оно состоялось.

Мир еще не успел прийти в себя от шока, вызванного падением самой большой в мире страны на одну из самых маленьких, как Сталин еще сильнее поразил всех, продемонстрировав новый, элегантный способ превращения самой чудовищной агрессии в нечто возвышенно справедливое. В день вторжения, т. е. 30 ноября, в газете «Правда» было опубликовано «Обращение ЦК Компартии Финляндии к трудовому народу Финляндии», где, якобы от имени финских коммунистов, содержался призыв к немедленному свержению «обанкротившейся правительственной шайки», «палачей народа и их подручных». Правда, в Обращении оговаривалось, что его авторы против немедленной организации Советской власти в Финляндии и присоединения ее к СССР. Пока предлагалось только проведение каких-то неясных «демократических реформ» и заключение пакта о взаимной помощи с СССР — того самого пакта, который Молотов так настойчиво пытался навязать финнам после уточнения сфер влияния с господином фон Риббентропом.

Но это было только начало. На следующий день, 1 декабря, с интригующей детективной ссылкой на «радиоперехват» газета «Правда» поместила сообщение о том, что в финском городе Териоки (Зеленогорск), только что захваченном Красной Армией, сформировано новое правительство

«Демократической Финляндии» во главе со старым коминтерновцем Отто Куусиненом, прихватившем себе еще и портфель министра иностранных дел. Кто были остальные шесть министров, не знал никто, но никого это и не волновало. В тот же день «глава правительства», уже не «товарищ», а господин О. Куусинен обратился, как и положено, в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой признать его правительство. М. И. Калинин, естественно, не мог отказать своему старому знакомому и соратнику.

На следующий день в Москве состоялись переговоры «глав правительств» СССР и Финляндии. Собрались все свои: Сталин, Куусинен, Молотов, Жданов, Ворошилов и без лишних проволочек подписали договор о взаимопомощи и дружбе. Сталин подарил Куусинену 70 тысяч квадратных километров Советской Карелии со всем населением, а Куусинен продал Сталину Карельский перешеек за 120 миллионов финских марок, острова в Финском заливе и часть полуострова Средний (Рыбачий) за 300 миллионов марок. Кроме того, по сходной цене Куусинен дал согласие на аренду полуострова Ханко.

Договор с Куусиненом вступал в силу с момента подписания, но подлежал ратификации. Обмен ратификационными грамотами должен был состояться «в возможно более короткий срок в столице Финляндии — городе Хельсинки». Однако никакой информации о том, что финский народ откликнулся на призыв газеты «Правда» и начал свергать ненавистное правительство, не поступало.

Поступала как раз обратная информация, что все финны, как один, включая коммунистов, взяли за оружие, чтобы отстоять свободу и независимость своей родины, дать отпор наглому и подло спровоцированному вторжению. И хотя подобная реакция финнов никого в Кремле не пугала, вызывая лишь снисходительные ухмылки — надо же, «рычащая мышь!» — она вынудила «господина» Куусинена в специальной декларации просить СССР об «интернациональной помощи».

«Законное финское правительство, — говорилось в Декларации, — приглашает правительство СССР оказывать Финляндской Демократической Республике все необходимое содействие силами Красной Армии», чтобы свергнуть «бандитскую белогвардейскую клику», узурпировавшую власть в Хельсинки. Чтобы было кому содействовать, в Ленинграде в ускоренном порядке формируется армия, поспешно набранная из карелов, вепсов, финнов и т. п.

Первый корпус народной армии Демократической Финляндии назван «Ингерманландия». Уже нет времени пошить для этого корпуса униформу, но выход из положения был найден весьма оригинальный. Из Белостока, где были захвачены польские войсковые склады, срочно доставлены в Ленинград десятки тысяч комплектов униформы польской армии. Спорили знаки различия, нарядили в эту форму «ингерманландцев», которые в лихо заломленных «конфедератках» браво промаршировали по Ленинграду... и больше о них никто не слышал.

По стране прошумели митинги, на которых «колхозники Татарии и хлопководы Узбекистана» требовали свержения «белогвардейской клики в Хельсинки» и приветствовали «новое, законное правительство Демократической Финляндии».

Сталин планировал войну с финнами по образцу немецкого «блицкрига» в Польше. Но у него, увы, не было союзника, который помог бы ему, открыв второй фронт. Казалось, что в этом нет необходимости. Шесть советских армий, численностью более миллиона человек, поддержанные танками и артиллерией, имея абсолютное превосходство на море и в воздухе, вторглись в страну, чья армия при поголовной мобилизации не могла превысить трехсот тысяч человек и практически не имела ни танков, ни авиации. Можно было не сомневаться в быстрой победе. Но ничего подобного не произошло.

Красная Армия сразу же была втянута в ожесточенные бои, показав себя в них плохо обученной и фактически неуправляемой толпой. В сорокаградусные морозы армия начала военные действия, не имея ни полушубков, ни валенок, ни лыж, на которых, кстати, никто не умел ходить. Мобильные отряды финских лыжников, перекрыв немногочисленные дороги Карельского перешейка завалами и минами, быстро парализовали движение огромной, неуправляемой толпы и, смело маневрируя по снежному бездорожью, начали истребление противника.

Две передовые дивизии Красной Армии, наступавшие на Сувантоярви, отрезанные от тылов, вмерзнув в снег, были уже в невменяемом от обморожения состоянии взяты в плен финнами. На Петрозаводском направлении советские войска несли страшные потери, но не могли продвинуться вперед ни на метр.

Выяснилось, что полностью отсутствует какое-либо взаимодействие между родами войск. Армады советской авиа-

---

ции вообще не имели никаких средств взаимодействия с сухопутными войсками и бесцельно бороздили финское небо, не в силах помочь своей истекающей кровью и замерзающей пехоте. Задуманные флотом, также без всякой связи с сухопутными силами, эффектные импровизации ни к чему хорошему привести не могли. Корабли рвали корпуса о льды Финского залива, подрывались на минах, постоянно проигрывая артиллерийские дуэли с невероятно метко бьющими финскими береговыми батареями. Буксиры с трудом дотащили в Кронштадт избитый финскими снарядами новенький крейсер «Киров».

Невероятный патриотический подъем охватил все слои финского общества. Трюк, предпринятый Сталиным с помощью своей коминтерновской банды, привел к совершенно обратным результатам. Рабочий класс Финляндии, узнав о «правительстве» Куусинена, опубликовал ответное обращение, в котором, в частности, говорилось:

«Рабочий класс Финляндии искренне желает мира. Но раз агрессоры не считаются с его волей к миру, рабочему классу Финляндии не остается альтернативы, кроме как с оружием в руках вести битву против агрессии...»*

Бывшие бойцы Красной Гвардии — участники финской революции 1918 года — коллективно обратились к министру обороны с просьбой зачислить их в финские вооруженные силы для общего отпора врагу. «Дух зимней войны» навечно вошел в историю маленькой Финляндии в качестве синонима единства и героизма народа в борьбе за свою свободу и независимость.

Но вряд ли финский патриотизм мог бы кого-нибудь потрясти в Кремле. В конце концов польский патриотизм был несколько не меньше. Потрясло другое — невероятно высокая боевая подготовка маленькой финской армии. Старый русский гвардеец генерал Маннергейм — генерал свиты зверски убитого большевиками последнего русского Гусударя — знал свое дело. Призраками носились одетые

---

* Еще до начала военных действий, 13 ноября, была сделана попытка привлечь к коминтерновской аванюре тогдашнего генерального секретаря финской компартии А. Туоминена, живущего в Стокгольме. К нему прибыли курьеры Коминтерна, передав два послания от Куусинена и Димитрова, а также от Политбюро ЦК ВКП(б), т. е. от Сталина, где ему предлагалось немедленно специальным самолетом прибыть в Москву в связи с ожидаемой войной и формированием «народного правительства Финляндии, в котором ему было обещано место премьера. Туоминен наотрез отказался.

Финский майор в зимней форме

в маскхалаты финские лыжники по лесам Карельского перешейка, сея смерть, панику, суеверные слухи среди ошеломленных солдат Красной Армии. Невероятно метко била финская артиллерия. Немногочисленные финские летчики, усиленные шведскими и норвежскими добровольцами, доблестно вступали в бой с воздушными армадами «сталинских соколов», постоянно одерживая победы в воздушных поединках.

В личном кинозале Сталина крутят кинохронику. Это кадры, отснятые финскими хроникерами на Карельском перешейке. Румяные лица финских лыжников под козырьками лыжных кепи. Автоматы «Суоми» на шее. Белизна снега и высокие сосны, возвышающиеся над зарослями елок. Из зарослей, подняв обмороженные руки, выходят стриженные русские мальчишки со вздутыми от обморожения лицами. Они в одних гимнастерках — даже без шинелей! — и в кирзовых сапогах. Они идут и идут. Их много — не меньше роты. Финны смотрят на них со смешанным чувством жалости и презрения. Штабеля русских трехлинеек. Финны стаскивают в кучу трупы. Все без шинелей, в одних гимнастерках. Почему без шинелей?! Они сбросили шинели перед атакой, товарищ Сталин. Установить всех поименно! Разобраться в этом безобразии!*

---

* Месяца за два до войны, на совещании Военного совета, Ворошилов принес пух и прах план Шапошникова, который очень серьезно относился к линии Маннергейма и высоко оценивал боевую подготовку финской армии. Шапошников считал, что война будет длительной и что наступление невозможно без предварительного разрушения бетонных оборонительных сооружений финнов артиллерией и авиацией. Тем временем, считал Шапошников, следовало подготовить армию к войне в условиях суровой северной зимы: поставить на лыжи, одеть в зимнее обмундирование, заняться индивидуальной боевой подготовкой каждого бойца. Ворошилов обвинил Шапошникова, которого терпеть не мог, в пораженчестве, переоценке мелкобуржуазного противника и недооценке возможностей Красной Армии, умеющей драться побольшевицки. На Карельском перешейке, доказывал Ворошилов, достаточно дорог, чтобы обойтись без лыж, а вся война займет не более двух недель — обойдутся и без зимнего обмундирования. Но как выяснилось, не все имели даже шинели. Никто не умел как следует стрелять. Не все командиры батальонов умели читать карты. Связь была примитивной и тут же вышла из строя. Любая финская школьница стреляла лучше знаменитых «ворошиловских стрелков». В частях не было маскхалатов — их срочно стали шить на всех фабриках Ленинграда. Первая лыжная часть была сформирована из студентов Института физкультуры им. Лесгафта. Финны поражали меткостью своей стрельбы. Воевавшие в этой страшной войне на всю жизнь запомнили «кукушек» — финских снайперов,

У Сталина есть все причины быть недовольным. Помимо всего прочего, война с финнами была задумана, чтобы продемонстрировать всему миру несокрушимую мощь Красной Армии, а вместо этого получилась демонстрация слабости и полной беспомощности. С оживленным интересом за столь неожиданным ходом военных действий наблюдают из Берлина, Лондона и Стокгольма, из Токио и Вашингтона, из Парижа и Стамбула.

Прошло уже две недели войны, но Красная Армия, несмотря на подавляющее превосходство, еще не везде сумела преодолеть предполье, отделяющее советскую границу от линии Маннергейма. С восточного же направления, где на карте создавался прекрасный вариант одним кинжальным ударом со стороны Суомуссалми в сторону Ботнического залива разрезать территорию Финляндии пополам и выйти в тыл линии Маннергейма, вообще не удалось продвинуться ни на шаг. Огромная 9-я армия под командованием генерала Виноградова, поддержанная сотнями танков и самолетов, ссылаясь на бездорожье, все сгруппировывалась, перегруппировывалась, но никак не могла опрокинуть две противостоящие ей финские дивизии. Генералу Виноградову совершенно ясно дали понять, что если он не завершит своего победного наступления к побережью Ботнического залива к 21 декабря — к шестидесятилетию товарища Сталина — то великий вождь может и усомниться в его безграничной преданности.

К этому времени Советский Союз уже успели с позором выгнать из Лиги наций как агрессора. Все попытки со-

---

как правило, из числа гражданского населения — скрывающихся на вершинах деревьев и не дающих поднять голову целым батальонам. За сбитие «кукушки» без разговоров давали орден Красного Знамени, а то и Героя. В армию были срочно мобилизованы сибирские охотники-профессионалы вместе со своими лайками, с которыми они промышляли белку и соболя. Главной их задачей была борьба с «кукушками». По «кукушкам» лупили из орудий, бомбили лес, поджигали его, ибо «кукушка» не давала никому даже высунуться из укрытия. Когда же «кукушку» удавалось уничтожить, то очень часто ею оказывалась финская старуха, сидевшая на дереве с мешком сухарей и мешком патронов. Все, что можно было заминировать, — было заминировано. Саперы не знали секретов финских мин. Местное население уходило до последнего человека из оставленных населенных пунктов. Советские войска два часа не могли войти в оставленный финнами Терйоки — с колокольни православного собора бил пулемет. В конце концов колокольню сбили артиллерией. Пулеметчиком оказалась восемнадцатилетняя дочь русского православного священника. И до сих пор никто не чтит имя этой героини.

ветского представителя доказать, что СССР всего лишь «оказывает интернациональную помощь законному правительству Демократической Финляндии в борьбе с захватившей власть в стране бандитской кликой» успеха не имели. Симпатии всего мира были на стороне Финляндии. Разведка давно доложила Сталину, что англичане готовят высадку в Норвегии, чтобы бросить свои войска и авиацию на помощь финнам...

* * *

В Москве Сталин угрюмо смотрит на своего старого друга Ворошилова. Маршал ежится под взглядом вождя. Где победа в Финляндии, в которой Ворошилов, столь же малограмотный, как и его патрон, нисколько не сомневался? Настолько не сомневался, что даже не посчитал нужным сообщить о начале военных действий находящемуся в отпуске Шапошникову?!

До недавнего времени в кадрах Красной Армии было пять маршалов. Трех расстреляли, чтобы не умничали. Осталось два. Сталин намекает Ворошилову, что и два маршала — это слишком много. С него хватит и одного Буденного. Ворошилова прошибает холодный пот. Волнуясь и заикаясь, он уверяет Сталина, что к его юбилею — 21 декабря — с финнами будет покончено или по меньшей мере в войне произойдет коренной перелом.

В войска летят строжайшие директивы. На Карельский перешеек лично выезжает НачПУР Мехлис с полномочиями расстрела на месте кого угодно. В Ленинграде по приказу Жданова очередная часть населения высылается из города и для нагнетания военного психоза вводится затемнение.

Однако запугать финнов введением затемнения в Ленинграде не удастся. Их, правда, очень мало. Захлебываясь русской кровью, они медленно пятятся к линии Маннергейма.

* * *

Утром 13 декабря, после ожесточенного боя, советские войска, форсировав реку Тайпален-йоки, попытались с ходу прорвать линию Маннергейма у Ладожского озера. На других участках Красная Армия вышла к линии Маннергейма 14–15 декабря. Подгоняемые яростными приказами из Москвы войска без подготовки ринулись на штурм. «Прорвать оборону противника не позднее 20 декабря!» — истерически требовали посыпавшиеся потоком директивы.

16 декабря утренние сумерки полярной ночи в районе финского города Суомуссалми на границе с Советской Карелией были взорваны громом мощной артиллерийской подготовки. В наступление перешла 9-я советская армия, поддержанная частями 8-й армии, наступавшей из района вблизи финского городка Кухмониэми. В задачу армий входило: прорыв финской обороны с востока, выход в тыл линии Маннергейма с одновременным наступлением на крупный финский железнодорожный центр и порт Оулу с выходом на побережье Ботнического залива, что разрезало бы территорию Финляндии пополам. После двухчасовой артподготовки вперед ринулась пехота, поддерживаемая сотнями танков. Танки и пехота одинаково утопали в непроходимом снегу, но упорно рвались вперед. Каждый квадратный метр был минирован противником. Саперы не могли разобраться ни в системе минирования, ни в самих минах. Горели танки и автомашины, коченели на обочинах трупы людей и лошадей. Раненым не успевали оказывать помощь, они умирали от обморожения. А противника не было — он растворился в лесу, избегая боевого соприкосновения с наступающими армиями.

На Карельском перешейке по всей протяженности линии Маннергейма кипели бои. Волна за волной советская пехота, поддерживаемая огнем артиллерии и танками, шла на штурм. Волна за волной они ложились в снег, чтобы уже никогда не подняться. Кинжальный огонь финских дотов скашивал всех. Но новые и новые ряды красноармейцев шли в атаку. В тоненьких шинелях, зажав в руках дедовские трехлинейки, проваливаясь по пояс в глубокий снег, подрываясь на минах, они шли и шли на финские доты с той великой жертвенностью, на какую способны только русские люди. Перегревались стволы финских пулеметов, извергая огонь и смерть из бетонных укрытий — росли горы трупов. Целую неделю шел штурм линии Маннергейма, но кроме немислимых потерь никаких результатов он не дал. Ни на одном участке ни прорвать, ни даже вклиниться в оборону финнов не удалось. Армия истекла кровью и откатилась на исходные позиции. И, как будто этого было мало, с Карельского фронта пришла страшная весть — финны окружили 9-ю армию, и часть 8-й армии. В котле оказалось более 50 тысяч человек. Прорваться к ним невозможно. Их запасы истекают. В столь страшные морозы их неизбежно ждут гибель или сдача в плен...

*Финский солдат в полевой форме с полной выкладкой
и автоматом «Суоми»*

* * *

Таков был подарок к сталинскому шестидесятилетнему юбилею, который пышно отпраздновали в Москве 21 декабря. Советская пресса, захлебываясь от ликования, устроила настоящую оргию восхваления отца народов. Вышедшая по этому случаю на шестнадцать страниц «Правда», естественно, вся была посвящена описанию великих деяний величайшего Вождя. Открывалась газета огромной статьей Молотова «Сталин — продолжатель дела Ленина». Затем следовала не менее объемная статья Ворошилова «Сталин и создание Красной Армии». У первого маршала были все основания превзойти самого себя в деле восхваления «хозяина», когда вверенная ему армия погибала в карельских снегах. «Сталин — великий локомотив истории» — витийствовал Лазарь Каганович, чья статья была перепечатана почти всеми центральными газетами.

Завершал хор Микоян, озаглавивший свою работу весьма скромно — «Сталин — это Ленин сегодня». Заголовок статьи Микояна перешел на плакаты и стал лозунгом эпохи — «Сталин — это Ленин сегодня». Заголовок статьи Микояна перешел на плакаты и стал лозунгом эпохи — «Сталин — это Ленин сегодня!» (С этим лозунгом все были согласны тогда, и очень удивительно, что есть несогласные сегодня. В самом деле, ничто так точно не передает сущность сталинизма как лозунг «Сталин — это Ленин сегодня».)

Сгорая от вдохновения, поэты и прозаики, стараясь перекричать друг друга, славили великого вождя. Не отставали и композиторы, среди которых явно выделялся С. Прокофьев со своей ораторией «Ода Сталину».

Среди поздравлений из-за границы советская пресса почетное место предоставила поздравительным телеграммам, присланным Гитлером и Риббентропом. Склонный к сентиментальности Гитлер удостоил своего московского друга невиданным набором теплых слов:

«...Пожалуйста, примите мои самые искренние поздравления. В то же самое время я желаю вам лично самого доброго здоровья во имя счастливого будущего народов дружественного Советского Союза. Адольф Гитлер».

Риббентроп был еще более красноречив:

«Вспоминая исторические часы в Кремле, которые ознаменовали начало решительных перемен в отношениях наших стран и заложили фундамент долголетней дружбы между нашими народами, я прошу принять мои самые теплые поздравления в день Вашего шестидесятилетия. Иохим фон Риббентроп».

В ответе на поздравления Сталин не преминул напомнить своим берлинским друзьям, что «дружба между народами Советского Союза и Германии, скрепленная кровью, имеет все основания быть крепкой и продолжительной».

Третьей была помещена телеграмма «президента» Куусинена, который, поздравляя вождя, писал:

«От имени угнетенного народа Финляндии, сражающегося рука об руку с героической Красной Армией за освобождение своей страны от ига белогвардейцев и наемников международного империализма, Народное правительство Финляндии шлет Вам, товарищ Сталин, великому другу финского народа — свои самые теплые и лучшие пожелания».

На это Сталин милостиво ответил:

«Главе Народного правительства Финляндии Отто Куусинену. Териоки. Благодарю Вас за добрые пожелания... Я желаю финскому народу и Народному правительству Финляндии быстрой и полной победы над угнетателями финского народа и бандой Маннергейма-Таннера».

Затем следовало поздравление от Чан Кай-ши, от марионеточного президента Словакии Тисо, от премьера Турции Сарееглу и особенно подобострастные — от прибалтийских президентов Пятца, Сметоны и Ульманиса, надеявшихся таким образом сохранить независимость своих стран. Ни один из руководителей западных стран поздравлений Сталину не прислал. Это было бы неуместно, поскольку только что эти руководители приложили все усилия, чтобы с треском выгнать СССР из Лиги наций.

* * *

Кончается 1939 год. В зловещей тишине и странном бездействии застыли на западе немецкая и англо-французская армии. Тишина воцарилась и вдоль линии Маннергейма. Советские войска ждут подкреплений, зализывают раны, перегруппировываются. В снегах Карелии из последних сил бьется окруженная финнами 9-я армия. Ее пытаются снабжать с помощью воздушного моста, но никто не знает расположения армии в огромных лесных массивах, и большая часть сброшенных на парашютах грузов попадает в руки финнов. Все попытки пробиться к отрезанным частям и деблокировать их приводят к новым огромным потерям, но никакого результата не дают. И наконец, становится совершенно очевидным, что 9-я армия уничтожена.

По самым скромным подсчетам, убито или умерло от обморожения более 30 тысяч человек. Около 10 тысяч про-

пали без вести. Около двух тысяч взяты в плен в полумертвом состоянии. Далеко не всех удалось вернуть к жизни. Хозяйственные финны вытаскивают тракторами из сугробов наши застрявшие танки и орудия. Торжественно хоронят своих солдат, погибших в «сражении под Суомуссалми». Все они известны поименно. Их 903 человека. Гремят залпы погребального салюта. Перед финнами открыты просторы практически незащищенной Советской Карелии.

Публично расстреливают командующего 9-й армией генерала Виноградова и нескольких офицеров его штаба. Горькие головы из окружения Маннергейма уже предлагают перенести войну на территорию Советского Союза и начать марш на Петрозаводск. На главном направлении обескровленная советская 7-я армия прекратила все действия на Карельском перешейке. Начальник генерального штаба вооруженных сил Финляндии генерал Хенрик предлагает перейти в наступление, вышвырнуть захватчиков за реку Сестра. Но Маннергейм не согласен. Силы маленькой страны тают. Армия переутомлена боями. Несмотря на симпатии всего мира, никто не оказывает финнам эффективной помощи. Немцы не могут этого сделать, связанные договором о дружбе с Москвой. Англичане дают крохи — 75 противотанковых орудий, 200 пулеметов и смутные обещания прийти на помощь.

Если Сталин совсем не хочет воевать с Англией, то и англичане не хотят воевать со Сталиным. Глубокие психологи — они твердо верят в свой прогноз: в таком маленьком ареале, как Европа, нет места для двух таких крупных хищников, как Гитлер и Сталин — они неизбежно сцепятся между собой — это, уверены англичане, вопрос ближайшего времени. И тогда, при посильном участии остального мира, они сами уничтожат друг друга.

Английская разведка еще ничего не знает об операции «Гроза»*, но любовно-вылепленные Сталиным Белостокский и Львовский балконы говорят сами за себя. Слишком явно оба трамплина нацелены на Берлин. Они тревожат и Гитлера. Он медлит с наступлением на Западе, не решаясь повернуться спиной к своему новому другу, застывшему в столь недвусмысленной позе. Генштабисты успокаивают фюрера. Эти «балконы», объясняет генерал Гальдер, можно рассмат-

---

* «Гроза» — название планировавшейся Сталиным операции по вторжению в Западную Европу (с нанесением главного удара через Румынию, Венгрию, Австрию).

ривать как трамплины, но можно и как голову дрессировщика, засунутую глубоко в пасть льва, — чик, и головы нет. Гитлер недоверчиво смотрит на генерала — при развертывании сил на западе, готовясь к предстоящему наступлению, мы сможем оставить в Польше не более семи дивизий. Не беспокойтесь, мой фюрер, объясняет Гальдер, при том «высоком» оперативном искусстве, которое демонстрирует Красная Армия в войне с финнами, при тех морях крови, которыми она оплачивает каждый шаг своего наступления, нам пока нечего беспокоиться. До весны русские завязли на карельском перешейке — это совершенно очевидно. А там им понадобится время, чтобы прийти в себя после столь неожиданно тяжелой войны. Уже сейчас Абвер оценивает потери русских не менее ста тысяч человек. А война не только не окончена, но, можно сказать, еще и не началась.

* * *

В Москве Сталин гневно мерит шагами свой кремлевский кабинет, бросая тигриные взгляды на застывших в немом ужасе Ворошилова, Шапошникова и Мерецкова. Он не желает слушать никаких объяснений. Основой его внешней политики был миф о мощи Красной Армии. После гитлеровского блицкрига в Польше, он, Сталин, дал возможность своим генералам продемонстрировать всему миру такой же «блиц» в Финляндии. А что они продемонстрировали? Полную беспомощность и слабость армии! Позор! Командарм Шапошников, занятый разработкой «Грозы» и страшно недовольный, что армия используется и истекает кровью в столь ненужной войне, осмеливается предложить: раз уж демонстрация мощи и блицкрига не получилась, может быть, на этом и закончим? А на уроках этой войны проведем реформу вооруженных сил. Ведь более важные дела предстоят, товарищ Сталин. А куда эта Финляндия денется? Сама потом попросится в состав СССР. В изумлении Сталин вынимает трубку изо рта. Ворошилов и Мерецков, обливаясь потом, с ужасом смотрят на Шапошникова. Нет уж, криво усмехается вождь, уходить с побитой мордой? Нет, нужно победить!

Попытки взять линию Маннергейма «на ура!» были прекращены. Началась серьезная подготовка к наступлению. Со всех районов страны подвозились новые дивизии и корпуса, танки и артиллерия. На Карельском перешейке в дополнение к 7-й армии была развернута еще одна — 13-я. Общее количество сосредоточенных против Финляндии войск

уже почти равнялось населению этой страны. Артиллерии навезли столько, что для нее не хватало места на Карельском перешейке — орудия стояли колесо к колесу. На аэродромах ЛВО была сосредоточена почти вся боеготовая авиация. Корабли Балтийского флота, неизмеримо превосходящие военно-морские силы финнов, должны были добавить свою артиллерийскую мощь в дело скорейшего разгрома противника.

Солдаты, наконец, были одеты в полушубки и валенки, доставили мази от обморожения, ввели водочное довольствие — так называемые «наркомовские сто грамм». Началась серьезная подготовка к прорыву линии Маннергейма.

Организационно войска были сведены во вновь образованный Северо-Западный фронт, командовать которым был назначен командарм 1-го ранга Тимошенко — человек без какого-либо военного образования, приглянувшийся Сталину еще в годы гражданской войны своей физической силой, беспощадностью и тупостью. Под его руководством начали разрабатывать оперативный план прорыва. Однако ничего нового оперативное искусство командарма Тимошенко не предусматривало. Линию Маннергейма предстояло штурмовать в лоб.

По мере того, как все больше пробуксовывала сталинская военная машина на Карельском перешейке, все более враждебными становились отношения СССР с Францией и Англией. Поздравляя своих читателей с Новым годом, газета «Правда» от 1 января 1940 года радостно отмечала в передовой статье:

«Наша страна является средоточием величайшего исторического оптимизма. С другой стороны, капиталистический мир входит в 1940-й год агонизирующим и раздираемым противоречиями. Прикрывая свои империалистические цели демагогическим лозунгом «сражения за демократию», англо-французская финансовая олигархия с помощью своих верных лакеев из Второго Интернационала... продолжает раздувать пламя новой войны».

Классовая война в Англии, Франции и США, указывала «Правда», давно уже научившаяся сообщать самую чудовищную ложь не краснея, стала уже не просто войной между «подавляющим большинством народа», не желающего войны, и кучкой капиталистов, заинтересованных только в своих прибылях и нисколько не думающих о народной крови. Это война уже практически вылилась во всенародное восстание, ибо как восклицала «Правда»:

«Все честные сыновья и дочери Англии, Франции и Америки клеймят позором эту подлую банду — от римского папы до лондонских лавочников, поднявших весь этот дикий вой по поводу благородной помощи, которую Красная Армия оказывает финскому народу, борющемуся против его угнетателей».

Рой политруков из ГлавПУРа, ринувшийся на фронт вслед за своим шефом Мехлисом, разъяснял бойцам и командирам, что Финляндия вероломно напала на СССР, что эта война является «разведкой боем международного империализма» перед вторжением в СССР, что англо-французские финансовые магнаты уже готовы бросить против первого в мире социалистического государства свои подлые орды. Страшно было не то, что об этой позорной войне писалось и говорилось в подобных выражениях, а то, что во все это верили, и верили фактически безоговорочно.

«Мы создали новый тип человека — советского человека», — с понятной гордостью произнесет Сталин и с не меньшей гордостью это же повторит через 40 лет Брежнев...

Но Сталин нервничает. Разведсводки совершенно ясно показывают ему, как отнеслось общественное мнение Англии, Франции и Скандинавских стран к его финской авантюре. Постоянно идут сведения о продолжающихся тайных англо-немецких контактах, где муссируется не только возможность заключения мира, но и совместного выступления против СССР. В Осло английская резидентура под предлогом помощи Финляндии ведет секретные переговоры с правительством Норвегии о пропуске англо-французских войск через ее территорию. А это означает войну с Англией. Совсем не хочется. Воевать с Англией мы еще не готовы.

Военный атташе Пуркаев из Берлина доносит, что немецкая разведка имеет сведения о готовящемся английском десанте в Норвегию. Эту же информацию дает наша разведка в Германии, но предупреждает, что это «деза», пришедшая из Англии. Советская разведка в Англии также указывает, что слухи о предстоящем десанте англичан постоянно циркулируют в кругах близких к Уайтхоллу, однако никаких объективных показателей готовящейся операции, кроме закрытия англичанами ряда районов северо-восточного побережья, нет.

Если англичане сами распространяют дезинформацию о своем десанте, то зачем? Вовлечь скандинавские страны в войну? Но на чьей стороне? Конечно, тут очень важно, чтобы англичане никоим образом в Норвегии не оказались. Нужно отсечь их от Финляндии. Но как это сделать? Са-

ним — никак. Немцы могли бы попытаться, но для них это может очень плохо кончиться. Нам совсем невыгодно, если какая-либо немецкая операция вдруг закончится для них катастрофой. Все это надо обсудить с товарищами...

Проклятая финская война, в которой завяз Советский Союз, не дает развернуться в полном блеске импровизации. Сталин, грызя черенок трубки, категорически приказывает предоставить ему план наступления на линию Маннергейма не позднее конца января. Никчемные и бездарные генералы не могут или не хотят понять всего величия глобальных замыслов вождя.

17 января «Правда» раздражается огромной статьей о коварных планах Англии и Франции нарушить самым «гнусным» образом нейтралитет Норвегии и Швеции. По убеждению автора, ссылающегося на самые «авторитетные» источники, англо-французы желают не только прервать поставки железной руды из Швеции в Германию, но и создать плацдарм для будущего вторжения в саму Германию.

Нельзя сказать, чтобы эта статья была высосана из пальца. Советская разведка добыла копию доклада французского главнокомандующего генерала Гамелена правительству о важности создания нового театра военных действий в Скандинавии. Генерал предлагал высадить войска союзников в Печенге, захватив вместе с тем порты и аэродромы на западном побережье Норвегии, а затем развернуть более широкие боевые действия, завершив первый этап захватом шведских рудников Елливаре.

Более того, Верховный Военный совет союзников в Париже принял решение сформировать для помощи Финляндии две «добровольческие» английские дивизии и одну французскую бригаду. Разногласия между англичанами и французами заключались только в том, что английская сторона считала высадку в Печенге нецелесообразной, но высадку в Нарвике, наоборот, очень целесообразной, особенно для того, чтобы создать угрозу шведским рудникам...

* * *

3 февраля, опоздав на четыре дня, штаб Северо-Западного фронта командарма Тимошенко представил Сталину новый план прорыва линии Маннергейма.

В принципе, новый план ничем не отличался от старого. Финские укрепления предполагалось штурмовать фронтальной атакой. Ни до чего лучшего Тимошенко додуматься не

мог, что и неудивительно, поскольку командарм карту читал туго, усвоив из всех методов руководства войсками еще со времен гражданской войны фразу: «Собственной рукой шлепну!».

План докладывал Мерецков, отвлеченный от разработки «Грозы» и не без оснований опасавшийся, что его сделают козлом отпущения за все это «безобразие» с финнами. (Его сделают козлом отпущения, но не за финскую войну, а именно за провал «Грозы»!) Сталин с мрачным видом выслушивает доклад, временами поглядывая на карту.

«А ведь, если бы здесь был Тухачевский, — неожиданно изрекает вождь, — он, может быть, придумал что-нибудь по-лучше».

Ссылка на зверски казненного маршала как обухом бьет присутствующих по голове. Сталин никогда, ничего не говорит зря. Все понимают правильно, что их ждет в случае очередного провала операции.

В тот же день, после мощной артиллерийской подготовки и бомбардировки с воздуха, 7-я и 13-я армии своими смежными флангами, как стадо буйволов, пошли в лоб на линию Маннергейма. Пехоту поддерживали, впервые в практике Красной Армии, крупные танковые соединения. Используя подавляющее превосходство в людях и технике, непрерывными атаками в течение трех дней советские войска пытались прорвать финскую оборону. Но все было тщетно — все атаки разбивались о непоколебимую стойкость финнов. Волна за волной, как и в декабре, скашивались цепи атакующих, факелами горели бензиновые танки.

Уже впавшие в отчаянье Тимошенко и приставленный к нему Жданов хотели испробовать на линии Маннергейма боевые газы, и только безобразное состояние противохимической защиты в Красной Армии заставило их подавить этот искуc. Беспощадными приказами они продолжали гнать все новые и новые массы пехоты на укрепления финнов. Непрерывно грохотала артиллерия. Поднимались бомбардировщики, пытаясь пробить дорогу пехоте.

Наконец, после четырехдневных кровопролитных боев, понеся огромные потери, армия на двух участках прорвала первую полосу линии Маннергейма. Но вклиниться с ходу во вторую линию финской обороны не удалось. Обескровленная армия снова остановилась, тяжело переводя дух.

Так дело обстояло в центре на Выборгском направлении. На флангах же, на Кегсгольмском и Антреайском на-

правлениях, были полностью уничтожены три советские дивизии, но продвинуться вперед не удалось ни на шаг.

11 февраля Тимошенко бросил на слабеющих финнов новую гору пушечного мяса, которая стала вгрызаться во вторую линию обороны. Часть войск, пройдя в сорокаградусный мороз через огонь финских батарей, по льду залива, вышла в тыл третьей линии обороны. Тимошенко спешил. Приказ Сталина гласил — не позднее середины марта занять Хельсинки.

12 февраля, когда истекающая кровью армия заваливает горами трупов финские доты, в Москве без особых торжеств подписывается новое «Хозяйственное соглашение между Германией и СССР». В коммюнике, опубликованном на следующий день, говорится, что «это соглашение отвечает пожеланиям Правительств обеих стран о выработке экономической программы товарообмена между Германией и СССР...»

Никто и не скрывает, что это за товарообмен: СССР поставляет, как всегда, сырье, Германия — промышленные изделия. Из наиболее крупных «промышленных изделий» СССР приобрел у Германии за 100 миллионов марок недостроенный тяжелый крейсер «Лютцов», а также чертежи и технологические спецификации линейного корабля типа «Бисмарк». Боже, покарай Англию! Где-то в будущем объединенные союзные флоты нанесут смертельный удар возгордившемуся Альбиону. Но пока Англия продолжает нервировать и Берлин, и Москву...

А между тем, «русские друзья» нацистов продолжали вгрызаться в железобетонную оборону финнов, неся кошмарные потери. Расширить прорыв на центральном направлении не удавалось.

На побережье Ладожского озера советские войска, прорвавшие первую линию финской обороны, угодили в окружение и методично уничтожались. Части, вышедшие через лед залива в тыл финской обороны, завязли в непроходимом снегу и теряли силы в боях за каждый метр территории.

Но силы, которые изначально были неравными, становились неравными все более. Со всех уголков Советского Союза эшелоны везли на фронт все новые и новые тысячи тонн пушечного мяса, без промедления бросаемого в мясорубку боев. Финны, понимая, что их силы иссякают, в отчаянии искали помощи у мира, который им так сочувствовал. Но реальной помощи не было.

Кровные братья — шведы и норвежцы — приходили в ужас от перспективы быть втянутыми в войну с СССР. Англичане заверяли, что финский вопрос вскоре станет «объектом» тщательного изучения со стороны военного кабинета, но столь же тщательно уклонялись от прямых ответов, советуя в частном порядке попытаться добиться мира со Сталиным. Такой же совет давали и шведы.

Еще в начале января финны пытались завязать с СССР переговоры о возможном заключении мира. С благословения финского министра иностранных дел Таннера в Стокгольм отправилась известная финская писательница Хелла Вуоллиоки, где она в течение двух месяцев вела тайные переговоры с «мадам» Коллонтай.

Стареющая поклонница свободной любви любезно принимает финку, но толком ничего не может сказать. На ее робкий зондаж из Москвы повеяло космическим холодом. Огромные потери в этой войне могут быть компенсированы только полной аннексией Финляндии.

На Карельском перешейке продолжается мясорубка. 28 февраля Красная Армия на центральном участке фронта прорывает третью полосу финской обороны, выйдя передовыми частями к Выборгу.

1 марта делается попытка с ходу штурмом овладеть городом. Попытка кончается окружением и разгромом 18-й дивизии Красной Армии. Войска останавливаются и снова ждут подкреплений. 6 марта советские войска снова идут на штурм и снова отбрасываются с большими потерями. Тимошенко делает попытку окружить Выборг. Войска, пробившиеся по льду залива, выходят на южное побережье Финляндии с задачей перерезать железную дорогу Выборг — Хельсинки. Из этого десанта не вернулся никто — все были уничтожены финнами.

Обойти Выборг справа также не удалось. Взорвав шлюзы Сайменского канала, финны затопили всю территорию вокруг города. Тимошенко неистовствовал. Приближалась весна, а с ней распутица, когда любое наступление станет невозможным. Командующий фронтом продолжал гнать войска вперед. По грудь в ледяной воде, скашиваемые финскими пулеметами, красноармейцы продолжали жертвовать собой во славу засевших в Кремле политических авантюристов...

Развязка наступила скоро. 7 февраля английский военноморской атташе в Москве вице-адмирал Леопольд Сименс напросился на прием к наркому ВМФ адмиралу Кузнецову. Адмиралы поговорили о погоде в Москве, находя зиму весьма

суровой. Затем англичанин пустился в воспоминания о первой мировой войне, вспомнив, в частности, флотилию английских подводных лодок, воевавшую на Балтике в боевом союзе с русским флотом. Кузнецов помнил об этом событии весьма смутно. Гораздо лучше он знал о налете английских торпедных катеров на Кронштадт в 1919 году, когда были повреждены два советских линкора и утоплены плавбаза подлодок. Да, согласился англичанин, всякое бывало.

Тем не менее, продолжал он, ему очень нравится в Москве, и он очень сожалеет, что ему, видимо, вскоре придется покинуть столицу России. «Вас отзывают?» — поинтересовался нарком. Сименс помолчал, а затем, глядя прямо в глаза Кузнецову, ответил, что вскоре отзовут не только его, но и весь персонал посольства.

Взволнованный столь странным и непротокольным поведением английского атташе, адмирал Кузнецов немедленно доложил о состоявшемся разговоре Сталину. Однако Сталин знал гораздо больше, чем Кузнецов. На его столе лежало донесение советского посла в Лондоне Ивана Майского, которого накануне вызвали в Форин офис и вручили ноту, где говорилось, что «Правительство Его Величества, пристально наблюдая за действиями Советского Союза в Финляндии, выражает надежду, что у СССР хватит доброй воли, чтобы разрешить затянувшийся конфликт за столом переговоров и прекратить бессмысленное кровопролитие...»

Завершалась нота весьма витиеватой фразой, смысл которой, однако, был совершенно ясен:

«Правительство Его Величества искренне надеется, что Советский Союз не даст перерасти советско-финскому конфликту в войну гораздо большего масштаба с вовлечением в нее третьих стран».

Вместе с тем, по линии разведки советской стороне был подброшен документальный фильм, повествующий о суровых буднях далеких английских гарнизонов, раскиданных на бесчисленных базах необъятной империи. Фильм тут же прокрутили в личном кинозале Сталина. Кроме Сталина, к просмотру был допущен только Поскребышев, хотя в фильме, на первый взгляд, не было ничего особенного.

Открывался он звуками марша «Правь, Британия, морями!» По экрану плыли надстройки и мачты английских линкоров, расцвеченных флагами во время какого-то очередного королевского ревью в Спитхедде. Улыбающиеся бульдожьих морды английских адмиралов под золочеными козырьками коронованных фуражек. Дым салютов, крупным

планом флаги с крестом Св. Георга, король в форме адмирала флота с рукой у козырька. Принцессы королевского дома, улыбчивые, пожимающие руки восторженным морякам.

Сталин морщится: зачем ему прислали эти кадры для поднятия боевого духа домохозяек? Но вот кадры резко меняются. Вместо благородной водной глади Спитхеддского рейда — песчаные дюны, колючки, пара пасущихся верблюдов. Проволочная изгородь. Аппарат ползет вдоль нее и показывает крупным планом ворота с надписью: «База Королевских ВВС в Мосуле, Ирак». Часовые в плоских английских касках с винтовками с примкнутыми кинжальными штыками. Грохот авиационных двигателей. Тяжелые бомбардировщики «Веллингтон» прогревают двигатели. Улыбающиеся парни в комбинезонах и пилотках подвешивают в бомболюки полутонные бомбы. Диктор подсказывает за кадром, что каждый «Веллингтон» способен нести три таких бомбы на большие дистанции, вплоть до 3 тысяч миль. Мультипликация показывает пунктиром путь бомбардировщиков. Сталин стискивает зубами черенок трубки. Баку! Вот в чем дело! Или ты останавливаешь свои войска в Финляндии, или мы бомбим Баку! Ты остаешься без нефти и в состоянии войны с нами, англичанами.

В тучах песчаной пыли «Веллингтоны» поднимаются в воздух. Но Сталин уже не смотрит. Он приказывает зажечь свет и начинает набивать табаком трубку...

Командование Северо-Западного фронта охватывает шок: Сталин приказывает остановить войска, поскольку с финнами начинаются переговоры о мире. Тимошенко считает, что виной этому его бездарность, его неспособность взять Выборг! Он унизил великого вождя, вынудив его к мирным переговорам с ничтожным противником. Что же теперь будет с ним самим? Совершенно потеряв голову, он вместо приказа о прекращении огня отдает приказ о еще одном штурме Выборга.

* * *

11 марта финская делегация в составе замминистра иностранных дел Рути, члена финского сейма Паасикиви и генерала Вильдена прибывает в Москву, и на следующий день, 12 марта, подписывается мирный договор. С советской стороны его подписывают Молотов, Жданов и командарм Василевский.

По новому договору к СССР отходил весь Карельский перешеек, включая Выборг. Граница была возвращена к ли-

нии, определенной Ништадтским мирным договором 1721 года в славные времена Петра Великого. Кроме того, СССР получил ряд островов в Финском заливе, финские части полуостровов Рыбачий и Средний, область Петсамо. А что же «правительство» Отто Куусинена? О нем никто больше не вспоминал, как будто его и не существовало*.

Итак, договор был подписан. Начиная с четырех часов утра советское радио, вопреки обычному ночному молчанию, ежечасно передавало текст договора. В это же время Сталин, связавшись по телефону с командованием Северо-Западного фронта, ругаясь матом, требовал от Тимошенко и Мерецкова взять Выборг любой ценой. Время еще было: по протоколу, приложенному к договору, военные действия должны были быть прекращены 13 марта в 12.00.

В 6 часов утра, зная о подписании мира, красноармейцы пошли на штурм города, который по статье II договора уже отошел к СССР. Шесть часов шел кровопролитнейший, ожесточенный бой. Удар наносился со стороны старого кладбища через железнодорожный вокзал. Несмотря на огромную концентрацию живой силы и техники, взять Выборг так и не удалось. Ровно в 12.00, как и предусматривал договор, стороны прекратили огонь. Финны начали отход. За шесть часов боя было потеряно еще 862 красноармейца.**

Сталин был не просто раздражен — он был потрясен. И дело было не в том, что на полях сражений Финской войны Советский Союз ярко продемонстрировал полную бездарность военного руководства, полную беспомощность армии в решении элементарных оперативно-тактических задач. Дело было даже и не в кошмарных потерях и не в том, что СССР потерял все остатки своего международного престижа и как борец за мир, и как мощная военная держава, а в том, что Сталин с ужасом осознал — с такой арми-

* После того, как в феврале 1920 года Отто Куусинен, преследуемый уголовной полицией, бежал из Финляндии в СССР по льду залива, ему уже не пришлось более побывать на родине. Однако Сталин, который до конца своих дней не считал завершенным финский вопрос, не спешил с ликвидацией Куусинена. После провала комедии с «правительством» Демократической Финляндии Отто Куусинен был назначен председателем президиума ВС Карело-Финской ССР и находился на этом посту 17 лет, дослужившись до секретаря ЦК, получив звание Героя Соцтруда, чин академика и четыре ордена Ленина. Умер в 1964 году в возрасте 83 лет. Похоронен в Кремлевской стене.

** По другим источникам, Тимошенко сам попросил у Сталина разрешения штурмовать Выборг до последнего, чтобы «финны запомнили надолго». Сталин покряхтел его матом, но разрешил. Вполне может быть.

ей осуществить операцию «Гроза» невозможно. Не до жиру — быть бы живу*!

Лейб-медики вождя, доктор Вовси и братья Коганы, констатировали у вождя предынфарктное состояние. Они просили, чтобы вождь прекратил свое неумеренное курение и отдохнул хотя бы недели две. Сталин мрачно отмахнулся. Нет-нет! Не сейчас. Необходимо полностью реформировать армию.

Он гонит с поста наркома обороны своего любимца Ворошилова и назначает на его место Тимошенко, который совершенно напрасно беспокоился о своей судьбе. Напротив, Сталину понравилось, как Тимошенко рвал линию Маннергейма, завалив ее трупам. Решительный человек. С таким можно работать! Вместо ожидаемого расстрела Тимошенко получает звание маршала и Героя Советского Союза

И. Л. Бунин

(Операция «Гроза» или ошибка в третьем знаке.

Книга первая: — СПб.: Вита/Облик, 1994.

С. 109–150, с сокращениями.)

---

* Финны подсчитали свои потери в войне, как и положено, с точностью до одного человека. Убитыми и пропавшими без вести они потеряли 23542 человека, ранеными — 43501 человека (из них 9872 человека остались инвалидами). Советский Союз, естественно, столь скрупулезно свои потери не считал, оперируя десятками тысяч. Даже в закрытых источниках даются разные цифры: в одном — 340 тысяч человек, в другом — 540 тысяч человек. Возможно, что это ошибка писаря, но ныне покойный генерал Новиков — бывший работник отдела личного состава НКО — объяснил автору, что первая цифра — это количество умерших от ран и обморожения, а вторая — общие потери с учетом убитых и пропавших без вести. К известным цифрам нужно еще приплюсовать 843 военнослужащих Красной Армии, расстрелянных по приговору военных трибуналов «за негативные» высказывания об этой позорной войне.

На той войне незнаменитой

В 1943 году, на переломе войны, Александр Твардовский написал стихотворение, названное им «Две строчки»:

Из записной потертой книжки
Две строчки о бойце-парнишке,
Что был в сороковом году
Убит в Финляндии на льду.

Лежало как-то неумело
По-детски маленькое тело.
Шинель ко льду мороз прижал,
Далёко шапка отлетела.
Казалось, мальчик не лежал,
А все еще бегом бежал,
Да лед за полу придержал...

Среди большой войны жестокой,
С чего — ума не приложу, —
Мне жалко той судьбы далекой,
Как будто мертвый, одинокий,
Как будто это я лежу,
Промёрзший, маленький, убитый,
На той войне незнаменитой,
Забывтый, маленький, лежу.

Ее и впрямь заслонила своею вселенской трагедией, ту «войну незнаменитую», война Великая Отечественная. А между тем боевые действия на Карельском перешейке, начатые Красной Армией 30 ноября 1939 года и закончившиеся подписанием мирного договора в Москве 12 марта 1940 года, сыграли весьма важную роль и в международных отношениях СССР, и во внутривосточном развитии нашей страны.

Чтобы рассказать о том, с чего это началось, стоит немного напомнить о совместной истории обоих народов. Находившееся в составе Российской Империи с 1809 года Великое княжество Финляндское пользовалось внутренней автономией, которая, однако, в 1910–1914 годах была фактически ликвидирована царским правительством. Временное правительство Российской Республики в марте 1917 года восстановило автономию Финляндии, но выступило против ее полной самостоятельности.

Большинство финнов приветствовали победу Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, видя в этом залог получения их страной независимости — и она действительно была провозглашена сеймом 23 ноября (6 декабря) 1917 года. За подписью В. И. Ленина Совнарком РСФСР 18(31) декабря того же года принял декрет о признании этой независимости.

Начало 1918 года знаменуется рабочей революцией в Финляндии — боями Красной гвардии с белыми войсками (во главе с бывшим царским генералом бароном Карлом Густавом Эмилем Маннергеймом; 1867–1951 гг.), формированием в Хельсинки революционного правительства (Совета народных уполномоченных) и верховного органа власти (Главного рабочего совета). 1 марта в Петрограде был подписан Договор об укреплении дружбы и братства между РСФСР и Финляндской социалистической рабочей республикой.

Однако революция в Финляндии была подавлена объединенными силами национальной буржуазии и кайзеровской Германии. С тех пор отношения наших двух стран развивались сложно и противоречиво. В 1920 году они заключили Тартуский договор, по которому ради достижения мира Советское правительство пошло на некоторые территориальные уступки. В 1932 году был подписан пакт о ненападении, продленный два года спустя на 10 лет.

И все же недоверия, враждебности — сначала тайных, потом и открытых — с обеих сторон становилось все больше. Официальная пропаганда Хельсинки настойчиво подчеркивала роль финского народа как «защитника западного мира от русского империализма», но при этом не стеснялась выражать претензии «Великой Суоми» на так называемую Восточную Карелию. В свою очередь Москва к концу 30-х годов характеризовала нашу северную соседку едва ли не так же однозначно, как и соседку западную (правительство Польши в советской печати нередко именовалось «фашистским»).

Кое-какие основания для беспокойства у нас были, особенно после прихода Гитлера к власти в Германии и начала ее интенсивного военно-политического сближения с Финляндией. Об этом много позже убедительно скажет покойный ныне президент Урхо Калева Кекконен: «Тень Гитлера в конце 30-х годов распространилась над нами, и финское общество в целом не может поклясться, что оно не относилось к ней с определенной симпатией». Конечно, о реальной военной угрозе Финляндии Советскому Союзу говорить не приходилось, однако в Кремле не исключали возможности

того, что какая-либо держава Запада (Сталин ставил здесь на первое место скорее не Германию, а Англию и Францию) попытается использовать в агрессивных целях плацдарм Суоми, даже без согласия Хельсинки и невзирая на советско-финляндский пакт о ненападении.

Безопасность наших северо-западных рубежей и впрямь была под угрозой: госграница проходила всего в 32 километрах от Ленинграда. И СССР попытался путем переговоров решить конкретные пограничные вопросы, добиться общего улучшения отношений с Финляндией. С апреля 1938 года по ноябрь 1939-го переговоры продолжались, хотя и без заметного успеха.

Что предлагал СССР? Заключение общего либо ограниченного (акваторией Финского залива) договора о взаимопомощи в обороне от агрессии, перенос на 70 километров границы от Ленинграда в обмен на территорию в Карелии, аренду ряда островов для советских военно-морских баз. Финляндия в ответ заявляла о своем нейтралитете и от всех этих предложений отказывалась.

К сожалению, одновременно с переговорами обе стороны, явно не доверяя друг другу, усилили подготовку к тому, чтобы решить конфликт с помощью оружия. В Финляндию зачастили военные специалисты из Англии, Швеции, Германии, форсировалось укрепление знаменитой линии Маннергейма. В марте 1939 года нарком обороны маршал К. Е. Ворошилов приказал новому командующему Ленинградским военным округом командарму 2 ранга К. А. Мерецкову проверить готовность войск на случай вооруженного конфликта с Финляндией. Меры, принятые в ЛВО весной и летом в соответствии с этим приказом, естественно, были отмечены финнами.

Можно предположить также, что им в той или иной форме и степени (нельзя исключить и сознательную утечку информации из Берлина в Хельсинки) стало известно о секретном дополнительном протоколе к советско-германскому договору о ненападении от 25 августа 1939 года, где говорилось, в частности: «В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих прибалтийским государствам (Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве), северная граница Литвы будет являться чертой, разделяющей сферы влияния Германии и СССР...» Намек на возможные «территориальные и политические преобразования» в Финляндии, а также разграничение сфер влияния в Восточной Европе вряд ли прибавили финской стороне же-

---

лания проявлять инициативу либо идти на компромиссы в ходе переговоров.

Тем не менее их очередной раунд начался 12 октября 1939 года. Но одновременно финны в своей печати развернули кампанию против любых соглашений с СССР, которые угрожают независимости и суверенитету Суоми. В свою очередь командующему ЛВО был дан приказ срочно готовить план «прикрытия и контрудара».

Вскоре назревший конфликт выплеснулся и на страницы нашей печати. 1 ноября был опубликован доклад Председателя Совнаркома и народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова на внеочередной, пятой сессии Верховного Совета СССР 1-го созыва. Там говорилось: «Советско-финские переговоры начались недавно по нашей инициативе. Что являлось предметом этих переговоров? Нетрудно понять, что в современной международной обстановке, когда в центре Европы разворачивается война между крупнейшими государствами, чреватая большими неожиданностями и опасностями для всех европейских государств, СССР не только имеет право, но и обязан принимать серьезные меры для укрепления своей безопасности. При этом естественно, что Советское правительство проявляет особую заботу относительно Финского залива, являющегося морским подступом к Ленинграду, а также относительно той сухопутной границы, которая в каких-то 30 километрах нависла над Ленинградом. Я напомним, что население Ленинграда достигло трех с половиной миллионов, что почти равно населению всей Финляндии, насчитывающей 5 миллионов 650 тысяч жителей. (Веселое оживление в зале)...»

Не стоит задерживать внимание на своеобразном юморе Предсовнаркома, который, по свидетельству близко знавших его людей, был начисто лишен этого чувства (жаль, конечно, что такое «остроумие» с явным налетом великодержавности вызвало наивное веселье депутатов). Пропустим и филиппики Молотова против «заграничной прессы, чье беспардонное вранье просто не заслуживает опровержения» (здесь зал почему-то опять смеялся). Остановимся на том пассаже доклада, где были изложены самые последние советские предложения финнам:

1. отодвинуть на несколько десятков километров границу на север от Ленинграда (в обмен на вдвое большую территорию в Советской Карелии);
2. аренда территории у входа в Финский залив для размещения военно-морской базы;

3. обмен нескольких островов, а также части полуостровов Рыбачий и Средний в Баренцевом море на вдвое большую территорию;

4. в случае принятия своих основных предложений СССР готов отказаться от возражений против вооружения Финляндией Аландских островов.

5 ноября «Правда» сообщила: «На другой же день после речи тов. Молотова, которая внесла полную ясность в вопрос о советско-финляндских переговорах, министр иностранных дел Финляндии г-н Эркко выступил с речью, которую нельзя расценить иначе как призыв к войне против СССР. Предложение СССР о мирных переговорах и об укреплении дружественных связей с Финляндией министр объявил покушением на государственный суверенитет Финляндии. «Требование СССР, — утверждает г-н Эркко, — касается якобы отдаления границы у Ленинграда на несколько километров. Но, с точки зрения Финляндии, это — русский империализм... Всему есть свои границы. Финляндия не может пойти на предложение Советского Союза и будет защищать любыми средствами свою территорию, свою неприкосновенность и независимость...»

«Правда» не преувеличивала непримиримости тона, в котором было составлено заявление финляндского министра. Более того, Э. Эркко весьма жестко управлял из Хельсинки своей делегацией в Москве. Возглавлявшему ее опытному дипломату Ю. Паасикиви на одном из этапов удалось сблизить позиции сторон, однако тут же последовал резкий окрик со стороны Э. Эркко, который, кстати сказать, не ставил в известность о своих действиях ни правительство, ни парламент страны, ни командование армии.

Министра иностранных дел поддерживали также министр обороны Ю. Ниукканен и министр финансов правый социал-демократ В. Таннер. А 13 ноября финская делегация вообще отбыла домой, где, как цинично заявил тот же Эркко, у нее были «более важные дела».

Все это так, и многие финские историки не отрицают виновности своей стороны за срыв переговоров. А как вела себя другая сторона?

В тот же день 3 ноября, когда «Правда» сообщила о вызывающем выступлении Э. Эркко, она поместила и такой комментарий: «Наш ответ прост и ясен. Мы отбросим к черту всякую игру политических картежников и пойдем своей дорогой, несмотря ни на что. Мы обеспечим безопасность СССР, не глядя ни на что, ломая все и всякие препятствия на пути к цели».

Не будет преувеличением вывод, что и эти слова «нельзя расценить иначе как призыв к войне...» — против Финляндии. Вскоре, особенно после отъезда делегации Ю. Паасикиви, подобный стиль становится характерным для всех наших публикаций на данную тему. Тем временем с обеих сторон нарастало военное противостояние: финны увеличили число своих дивизий на Карельском перешейке с трех до семи, начали эвакуацию населения из пограничных районов; мы тоже сосредоточивали войска на перешейке, создали Мурманскую армейскую группу. А на страницах печати война уже шла...

Сообщение из Хельсинки в «Правде» за 13 ноября: «...Вся страна превращена в сплошной военный лагерь. Под ружьем находятся, как говорят, 25 возрастов... По вечерам в Хельсинки маршируют вооруженные отряды, проводится затемнение... Правительство явно не хочет договора с СССР».

Информация в номере от 16 ноября: «Правящие круги непрерывно поощряют антисоветскую пропаганду. Особенно усердствует печать. Считается прямым долгом постоянно, систематически писать всякие небылицы о Советском Союзе, оскорблять его государственные органы. В армии, в печати, повсюду усиленно проповедуется ненависть к «москалям»...»

Тревожность корреспонденций из Хельсинки росла день ото дня: «Бедственное положение трудящихся вызвано военными мероприятиями правительства», «вопреки здравому смыслу финские правящие круги, следуя своей непримиримой антисоветской политике, катятся по наклонной плоскости», «финляндские правящие круги не прекращают своей подозрительной политической игры»...

И вот первая полоса «Правды» от 28 ноября, фельетон без подписи автора, заголовок — «Шут гороховый на посту премьера»:

«Финляндское правительство боится выступить в свое парламенте. Зато премьер-министр Кааяндер охотно выступил 23 ноября в концерте. Играла музыка, премьер говорил. Финляндскую буржуазию надо развлекать в ее нынешнем тяжелом положении. Кааяндер развлекал, как мог. Он обнаружил незаурядное дарование шута... Шут гороховый стал на голову и погрозил ногой Советскому Союзу, который будто бы покушается на независимость Финляндии. Поза поистине величественная!..»

Нет сомнения, что разрешение либо приказ «Правде» на то, чтобы таким образом изгаляться над главой иностранно-

го правительства могло дать лишь одно лицо в СССР. Весьма возможно, что оно, это лицо, дало даже заголовок для фельетона: так и слышится здесь знакомый стиль, приперченный характерным акцентом, — «шют гарохавий»... После подобных публикаций в главной советской газете вряд ли было реально ожидать мирного разрешения конфликта. Так и произошло.

«Ленинград, 26 ноября. (ТАСС) По сообщению штаба Ленинградского округа, 26 ноября в 15 часов 45 минут наши войска, расположенные в километре северо-западнее Майни-ла, были неожиданно обстреляны с финской территории артогнем. Всего финнами произведено семь орудийных выстрелов. Убиты три красноармейца и один младший командир, ранены семь красноармейцев, один младший командир и один младший лейтенант. Для расследования на место выслан начальник первого отдела штаба округа полковник Тихомиров. Провокация вызвала огромное возмущение в частях, расположенных в районе артналета финнов».

Одновременно с тассовской телеграммой газеты напечатали ноту Советского правительства, которая с удивительной быстротой, всего через несколько часов после инцидента, была вручена посланнику Финляндии в Москве А. С. Ирие-Коскинену и в которой, в частности, говорилось: «Советское правительство не намерено раздувать этот возмутительный акт нападения со стороны частей финляндской армии, может быть, плохо управляемых финляндским командованием. Но оно хотело бы, чтобы такие возмутительные акты впредь не имели места. Ввиду этого Советское правительство, заявляя решительный протест по поводу случившегося, предлагает Финляндскому правительству незамедлительно отвести свои войска подальше от границы на Карельском перешейке — на 20—25 километров и тем самым предотвратить возможность повторных провокаций». Еще удивительнее, что в тех же газетах за 27 ноября уже даны отчеты с митингов ночных смен на предприятиях Москвы, Ленинграда, Киева («На удар провокаторов войны ответим тройным ударом!») — гласила резолюция «Трехгорной мануфактуры»). Шквал подобных сообщений захлестывает печать в следующие дни: «Грозен гнев советского народа», «Пусть авантюристы пеняют на себя», «Краснознаменный Балтийский флот готов сокрушить врага», «Не просунуть финским свиным свое рыло в советский огород»...

А что же финны? В ответной ноте они заявляли: «из данных расследования вытекает, что упомянутые выстрелы бы-

---

ли произведены 26 ноября между 15 часами 45 минутами и 16 часами 5 минутами по советскому времени с советской пограничной полосы, близ упомянутого Вами селения Майнила. С финляндской стороны можно было видеть даже место, где разрывались снаряды, так как селение Майнила расположено на расстоянии 800 метров от границы, за открытым полем». Финская сторона также выразила готовность «приступить к переговорам по вопросу об обоюдном отводе войск на известное расстояние от границы» и «совместно провести расследование по поводу данного инцидента».

Однако 29 ноября по радио уже звучала речь В. М. Молотова, начинавшаяся словами: «Граждане и гражданки Советского Союза!.. В последние дни на советско-финляндской границе начались возмутительные провокации финляндской военщины...»

Прервем на время эту цитату. Снова зададим вопросы: было ли советским руководством сделано все, чтобы не допустить кровопролития? Решило ли оно применить силу в самый последний момент, исчерпав все дипломатические возможности, или же делало ставку на военные действия заблаговременно? К сожалению, приходится ответить: нет, не было... да, заблаговременно... Важное свидетельство в пользу именно таких ответов дают опубликованные наконец и у нас в стране воспоминания Н. С. Хрущева:

«Однажды, когда я приехал в Москву, — это, по-моему, уже была поздняя осень 1939 года, Сталин меня пригласил к себе на квартиру: «Приезжайте ко мне, покушаем. Будут Молотов и Куусинен». Куусинен тогда работал в Коминтерне.

Я приехал в Кремль, на квартиру к Сталину. Начался разговор, и по ходу его я почувствовал, что это продолжение предыдущего разговора. Собственно, уже реализация принятого решения о том, чтобы предъявить ультиматум Финляндии. Уже договорились с Куусиненом, что он возглавит правительственное создающейся Карело-Финской ССР.

Было такое мнение, что Финляндии будут предъявлены ультимативные требования территориального характера, которые она уже отвергла на переговорах, и если она не согласится, то начать военные действия. Такое мнение было у Сталина. Я, конечно, тогда не возражал Сталину. Я тоже считал, что это правильно. Достаточно громко сказать, а если не услышат, то выстрелить из пушки, и финны поднимут руки, согласятся с нашими требованиями...

Тогда Сталин говорил: «Ну вот, сегодня будет начато дело».

Мы сидели довольно долго, потому что был уже назначен час. Ожидали. Сталин был уверен, и мы тоже верили, что не будет войны, что финны примут наши предложения и тем самым мы достигнем своей цели без войны. Цель — это обезопасить нас с севера.

Вдруг позвонили, что мы произвели выстрел. Финны ответили артиллерийским огнем. Фактически началась война. Я говорю это потому, что существует другая трактовка: финны первыми выстрелили, и поэтому мы вынуждены были ответить.

Имели ли мы юридическое и моральное право на такие действия? Юридического права мы, конечно, не имели. С моральной точки зрения, желание обезопасить себя, договориться с соседом оправдывало нас в собственных глазах».

«В собственных глазах нас оправдывало» то, что, как следовало из речи Молотова, «на наши предложения правящие круги Финляндии ответили враждебным отказом и нахальным отрицанием фактов». В конце своего радиообращения к народу Предсовнаркома, отметив, что «мы считаем Финляндию, какой бы там режим ни существовал, независимым и суверенным государством во всей ее внешней и внутренней политике», произнес несколько выбивавшуюся из контекста фразу: «Народы нашей страны готовы и впредь оказать помощь финляндскому народу в обеспечении его свободного и независимого развития...»

Глава Советского правительства объявил, что СССР считает себя свободным от обязательств по пакту о ненападении, и сообщил об отзыве из Финляндии всех советских политических и хозяйственных представителей. Вечером войска ЛВО получили приказ за подписями Мерецкова и Жданова «перейти границу и разгромить финские войска». Боевые действия были начаты утром 30 ноября 1939 года.

Еще раз обращаю внимание на слова Молотова насчет «готовности оказать помощь финляндскому народу». В приказе же войскам ЛВО говорилось: «Мы идем в Финляндию не как завоеватели, а как друзья и освободители финского народа от гнета помещиков и капиталистов».

То, как конкретно мыслилось это «освобождение», стало ясным буквально через день — из сообщения ТАСС от 1 декабря из Ленинграда: «Сегодня в гор. Териоки по соглашению представителей ряда левых партий и восставших финских солдат образовалось новое правительство Финляндии — Народное Правительство Финляндской Демократической Республики...» Одновременно газеты поместили сообщения

об установлении Советским Союзом дипотношений и заключении договора о взаимопомощи и дружбе с ФДР.

Трудно сказать, чего было больше в этом демонстративном акте — монархизма Сталина, который уже приобрел вкус к тому, чтобы мановением руки определять судьбы народов, или же догматизма советской пропаганды тех времен, убежденной и убеждавшей, будто народы мира ждут освобождения от эксплуатации с помощью красноармейских штыков. Особенно выразительны в этой истории сообщения о «радиоперехвате» обращения ЦК Компартии Финляндии к народу своей страны (ЦК находился в Москве), а также то, что известный деятель мирового коммунистического движения, член Президиума и секретариата Исполкома Коминтерна Отто Вильгельмович Куусинен, назначенный «председателем Народного Правительства ФДР», камуфляжно назван в официальных документах «господином» или что комдив РККА финн Аксел Анттила получил пост «министра обороны ФДР». Уверенность Сталина и его окружения в неизбежном успехе предприятия с ФДР выразилась и таким своеобразным способом: 4 декабря шведский посланник в Москве Винтер сообщил Молотову о желании финляндского правительства приступить к новым переговорам с СССР; «тов. Молотов, — говорилось в заметке «Правды» по этому поводу, — объяснил г. Винтеру, что Советское правительство не признает так наз. «финляндского правительства», уже покинувшего г. Хельсинки и направившегося в неизвестном направлении, и потому ни о каких переговорах с этим «правительством» не может теперь стоять вопрос. Советское правительство признает только Народное Правительство Финляндской Демократической Республики...»

Между тем, вопреки заверениям наркома обороны, «первого маршала рабочего класса» Клима Ворошилова («Мы должны победить врага, если он осмелится на нас напасть, МАЛОЙ КРОВЬЮ, с затратой минимальных средств и возможно меньшего количества жизней наших славных бойцов»), бои на линии Маннергейма оказались кровавыми и затяжными...

Тема собственно «советско-финской кампании» требует особого разговора, и вести его следует на фоне тогдашнего состояния РККА, фактически обезглавленной сталинскими репрессиями. Кстати, в неудачах финской войны Сталин и его окружение опять-таки обвиняли «врагов народа» среди командного состава (24 января 1940 года по приказу Ворошилова и Берия за пятью действовавшими на фронте ар-

миями было расположено 27 контрольно-заградительных отрядов НКВД по сто человек в каждом...).

Все же прорыв Красной Армией линии Маннергейма и продвижение в глубь Финляндии вынудили Хельсинки вновь предложить переговоры. В Москву прибыла делегация во главе с тем же Ю. Паасикиви, и 12 марта 1940 года был подписан договор о мире. Сообщая об этом в докладе на заседании Верховного Совета СССР 29 марта, В. М. Молотов как бы между прочим заметил: «...соглашение между СССР и Финляндией вскоре состоялось... В связи с этим встал вопрос о самороспуске Народного Правительства, что им и было осуществлено». По договору к СССР отошли Карельский перешеек (с Выборгом), северная и западная части Ладоги, часть полуостровов Рыбачьего и Среднего; в аренду на 30 лет был сдан полуостров Ханко в обмен на вывод советских войск из области Петсамо. Мы улучшили стратегические позиции на северо-западе, хотя и дорогой ценой.

...Трудно сказать, как в действительности воспринимали финскую войну у нас в стране в ту далекую пору — под гром митингов, в атмосфере страха перед большой войной, уже полыхавшей в Европе, и надежде на «вождя». Но следующие два свидетельства — одно из художественной литературы, второе из читательской почты — мне представляются очень выразительными.

«...Ну, то, правда, не война была, а «кампания». Точно, «кампания с белофиннами». Ах, тит его мать, гениальный все же был душегуб! Как он их по-боевому назвал — «белофинны». Кто их разберет, захватчики они, не захватчики, а белофинны — это ясно: белые, значит, а белых еще не забыли, так винтовка легко в руку идет, знаешь, с кем воевать. А так-то финны они, финляндцы.

Н-да, ну победили мы их... Ну, как победили? Сами рады были, что они нам мир предложили. А они-то все-таки умные, они ж понимали, что мы же все наши головы положим за правое дело и за отца любимого всех народов, — зачем это им? Лучше же миром людей сохранить, а территории все равно мало будет, всем ее мало. И в Отечественную они тоже умно поступили: свое оттяпали до бывшей границы, а дальше не пошли, сколько им Гитлер ни приказывал. Вот бывают же умные народы! Нам бы у них ума поднабраться, у белофиннов этих, — то есть я финны хотел сказать, финляндцы» (из повести Георгия Владимова «Верный Руслан»).

«...А как быть потомкам погибших в снегах Финляндии в 1939–1940 годах? Разве нам не нужна эта память? Что-то я

не встречал в печати за почти пятидесятилетний период после этих событий упоминания о финской кампании, о ветеранах этих боев. Или достаточно было объявить войну непопулярной и этим вычеркнуть из памяти народной тысячи павших, искалеченных? Братские могилы в безвестности, заброшены в лесах Карелии, на островах и полуостровах Выборгского залива. На братских могилах не сохранились памятники или они поросли деревьями. Как же так?..

Не надо вдаваться в дебри высокой политики и искать виновников этой войны. Виноваты как Советское правительство, так и финское, которые не смогли разрешить свои разногласия мирным путем. Как нашему народу, так и финскому эта война стоила крови... Боль утраты близких живет в сердцах вдов, сыновей и внуков «(из письма в «Правду» В. Кирюхина, г. Зеленодольск Татарской АССР).

Что можно к этому добавить?

Разве что тяжкий итог той «незнаменитой» войны для нашего народа. По данным, опубликованным в советской печати, за 105 дней боев Красная Армия потеряла 289510 человек; из них 74 тысячи убитыми и 17 тысяч пропавшими без вести (остальные — раненые и обмороженные).

А. Григорьев
(Журнал «Эхо планеты», 1989,
№ 47. С. 26–33)

Реквием карельских болот

*«Пером восстанавливается то, что разрушил меч»
Урхо Калева Кекконен*

1. Трудный путь к Майниле

Мы не любим вспоминать об этой войне. Хотя... Можно ли вспоминать, мало зная изначально? А мы о ней почти ничего не знали, долгое время воспринимая эти события как второстепенный эпизод отечественной истории. Так стоит ли удивляться тому, что даже в фундаментальных научных трудах она часто не упоминается самого статуса войны, невнятно именуясь «советско-финляндским вооруженным конфликтом 1939–40-х годов». В России эту войну называют «финской», в Финляндии — «зимней». И, наверное, оба названия правильны. «Финская» — потому, что велась с Финляндией, «зимняя» — потому, что почти точно уложилась в рамки календарной зимы рубежа сороковых годов.

А еще ее называют «незнаменитой». И это негромкое слово, видимо, тоже к месту. Ведь чего там греха таить, немного добавила она славы и престижа великой державе и ее оружию...

Большая Советская Энциклопедия отводит событиям на Карельском перешейке всего одну страничку. Первые пять строчек статьи определяют суть войны коротко и категорично: «советско-финляндская война 1939–40 возникла в результате политики реакционного правительства Финляндии, превратившего территорию страны в плацдарм для возможного нападения агрессивных держав на СССР». 24-й том увидел свет в 1976 году...

Часто говорят, что финская война позволила извлечь многие уроки при подготовке страны и РККА к Великой Отечественной. В известной степени с этим нельзя не согласиться. Сменился нарком обороны, произошли кадровые перестановки в армии, улучшилась боевая учеба войск. Но...

В общем, в главном, в целом — что не успели или не захотели понять, увидеть и успеть?..

«Как же такое могло случиться, где мы недодумали, что недоучли?!» Главный, мучительнейший вопрос страшного лета сорок первого. Того лета, когда рушилось все, во что верили, как в вечное и незыблемое. Словно перенесаясь через

пятнадцатимесячный разрыв во времени, пламя поверженного Выборга, оставляемого последними полувыбитыми финскими ротами, пламя последнего дня той войны перенеслось в первый день войны этой.

И еще об одном хотелось бы сказать. Во время работы над статьей я ловил себя на мысли, что в событиях той далекой зимы часто в одном ряду стоят явления глубоко антагонистичные по своей природе. Трусость и мужество, талант и бездарность, победа и поражение. В этом, видимо, и состоит неизбежная диалектика войны — крайней, противоестественной формы человеческого выживания и самоутверждения.

Карелия — страна лесов, озер и болот. Говорят, что, когда эти непролазные чащобы сковываются трескучими рождественскими морозами, деревья начинают издавать целую гамму удивительных звуков. Причудливо переплетаясь, сливаясь, они выстраиваются порой в какую-то неземную, торжественную и одновременно гнетущую мелодию. Это — Реквием. Реквием карельских лесов и болот, последняя зауспокойная месса, звучащая в момент перехода человеком зыбкой границы жизни и смерти. Реквием советским и финским солдатам, сраженным в глухих озерных дефиле, в мерзлых топях карельских болот, в колючих снегах Заполярья. Единый Реквием солдатам двух армий, на чьих обелисках начертаны разноязыкие, но одинаковые эпитафии: «Погиб в боях за родину».

Зачастую еще не зачехлены горячие стволы орудий, еще недотлели головешки на последних пепелищах, а генералы уже передали только что закончившуюся войну историкам и политикам. И теперь уже они, запасшись терпением, скрупулезно, месяц за месяцем препарируют длинную череду событий и фактов, концом которой стало превращение государственной границы в линию фронта. Именно в результате этих таинств высшей политики «финская», «зимняя», «незнаменитая» война с течением времени обрела еще одно название — «война, которой могло не быть».

* * *

Выбрав государственную независимость, Финляндия сделала выбор и в вопросе государственного устройства, став буржуазной республикой. Несмотря на активную советскую поддержку, в мае восемнадцатого революция в Финляндии потерпела поражение.

Юрьевский (Тартуский) мирный договор, заключенный в октябре двадцатого, с одной стороны, конечно, стабилизировал отношения между двумя странами, но с другой...

Воспользовавшись крайней истощенностью своего вчерашнего сюзерена, финская сторона прибегла на переговорах к жесткому прессингу. В основном это коснулось демаркации границы на Карельском перешейке. В итоговом документе она декларировалась по линии старой границы между Россией и Великим Княжеством Финляндским, в тридцати двух километрах от Петрограда, что разрушило исторически сложившуюся систему обороны северной столицы и сделало второй город страны теоретически достигаемым даже для артиллерийского огня с сопредельной стороны.

«Жестко, жестче, еще жестче — только так можно разговаривать с Советами!» — восторженно комментируют «крупный успех финской дипломатии» хельсинские газеты. Однако сыграть на временной слабости могучего соседа — вовсе не означает заручиться непоколебимым статус-кво достигнутого на будущее. Именно там, в Юрьеве, была заложена одна из мин замедленного действия, что почти два десятилетия спустя взорвет мир на Карельском перешейке. В свое время один из патриархов знаменитой политики финского реализма — Юхо Кусти Паасикиви назовет этот «успех» в Юрьеве «роковым для своей страны»...

Видный финский историк и дипломат Макс Якобсон как-то сказал мне, что главное, чему должна научиться маленькая страна, — это искусству выживать. Выживать, умело находя в потоках политических амбиций могучих и влиятельных соседей тоненькие живительные ручейки собственных интересов, действовать, не уповая на милости сильных мира сего, то есть выживать не «благодаря», а «вопреки».

Объективно политический климат Европы определялся в то время тремя главными силами: обновленным англо-французским союзом; жаждущей смыть «позор Версаля», стремительно набирающей мощь Германией; многомиллионным исполином вчерашней России, идущей неведомым, а по сему пугающим путем. Очень скоро становится ясным, что бросить якорь в тихой гавани Финляндии не удастся — слишком выгодное стратегическое положение занимает она, и европейским столицам далеко не безразлично, для кого берега Финского залива станут неприятельскими. Главный вопрос финской концепции выживания из «как выжить» трансформируется в «с кем выжить».

С кем? Традиционно финские симпатии были на стороне Германии — настроения среднего и высшего офицерства

страны не оставляли, казалось, возможности для иного выбора. Но... Рядом — Швеция, Норвегия — страны английской ориентации. Роман с Германией потенциально чреват подрывом гармонии скандинавского добрососедства. К тому же — Великобритания богата, влиятельна. Флот Ее Величества не имеет равных на море.

Кто же в час «икс» окажется могущественнее, и сколько времени осталось до этого часа?..

Ну и, наконец, третья карта — Советский Союз — отпала сама собой: слишком страшен политический блок с «красными», слишком туманны и неопределенны перспективы. Да и с границей полной ясности по-прежнему нет. Между тем пресловутый «жесткий курс» в отношении СССР стал, похоже, давать побочные явления. Многократно возросшая активность правых движений в стране, призывы «отодвинуть границу до Урала» и объявить «третье тысячелетие тысячелетием народов ледовитых морей» — все это заставляло опасно поеживаться даже выдавших виды парламентариев. Эскалация ультраправых настроений явно коробит Лондон и Париж.

Что делать? А если постараться найти германо-британский «общий знаменатель»? Искать не надо — вот он, на поверхности! Провозглашение Финляндии «форпостом борьбы против большевизма» дает целую кучу дивидендов! Это облачит финского солдата в плащ отважного викинга — сотрясателя варваров, обеспечит объединенную поддержку могучих соседей по общему европейскому дому.

Итак, что же: жестко, жестче, еще жестче? Да. Но со сверхсекретной оговоркой: предел жесткости все же существует. Этакое балансирование с факелами на грани фола. Но ни в коем случае не за его гранью!.. Воевать с Красной Армией совсем не хотелось, хотя бы и чувствуя плечом английские и немецкие дивизии.

Советские попытки наладить диалог с Финляндией разбиваются, словно волна о каменистый берег фьорда. Тем не менее в начале тридцатых, кажется, появляется свет в конце тоннеля: Финляндия и СССР заключают договор о ненападении и мирном улаживании конфликтов, который в 1934-м был продлен до декабря 1945-го. Однако взаимное недоверие тем не менее продолжает расти.

Несмотря на то, что в тридцать пятом году Финляндия официально заявила о своем нейтралитете, ее поворот в кильватер германской политики принимает все более тревожные формы. Фраза, однажды брошенная первым фин-

ским премьер-министром П. Э. Свинхувудом относительно того, что «патриотизм имеет две стороны: любовь к своей родине и ненависть к России», подкрепляется конкретными делами: крепнет финско-германское «братство по оружию», усиленными темпами проводится строительство укрепленных районов на советской границе.

Поводы для серьезного беспокойства были и у Финляндии — что уж тут, из песни слова не выкинешь... Очень многое из того, что происходило в СССР, не могло быть понято, а тем более принято ни Западом вообще, ни Финляндией в частности. Это и сталинская коллективизация на селе, и репрессии НКВД, и, наконец, мягко говоря, малоприятные для Запада обещания «уничтожить капитализм во всем мире» в сочетании с призывом к пролетариям всех стран соединяться для осуществления этих замыслов.

Август тридцать девятого, буквально поверг Хельсинки в шок пактом Молотова — Риббентропа.

Финляндия чувствует себя брошенной один на один со Сталиным, покинутой ближайшим партнером. На фоне роста военных приготовлений происходит поспешное сближение страны с новыми «друзьями» — англо-французским блоком. В конечном итоге во всей этой истории в выигрыше оказался Гитлер, получивший совершенно задаром, за счет своего северного союзника возможность устроить грандиозные кровавые «маневры» с участием главного противника в будущем — Красной Армии. Да простит мне читатель этот каламбур — театр военных действий между СССР и Финляндией стал настоящим театром для Гитлера и его генералитета, наблюдавших за развитием сюжета из лучших мест в партере.

А тем временем дни, сменяя друг друга, бегут к развязке.

Требования, выдвинутые Сталиным к Финляндии, действительно внушительны: уступить практически весь Карельский перешеек, отодвинув тем самым границу на сто километров к западу, передать СССР часть полуострова Рыбачий, предоставить в аренду полуостров Ханко для строительства на нем советских военно-воздушной и военно-морской баз с персоналом в 5000 военнослужащих. Взамен Финляндии предлагалась территория в советской Карелии, вдвое большая по площади.

Мнения в парламенте страны разделяются. К примеру, главнокомандующий финской армией маршал Маннергейм заявляет, что находит такой обмен даже выгодным, кроме того, он «не думал также, чтобы престиж Финляндии постра-

---

дал, если бы мы согласились на такой обмен». К тому же склоняется и Паасикиви. Однако в конечном итоге берет верх точка зрения сторонников «жесткого курса» — Каяндера, Эркко, Таннера. Итог: Хельсинки ответил отказом...

В конце концов переговоры в Москве заходят в полный тупик. Причем финская делегация обрывает их не «просто так», а с подчеркнутым вызовом, заявив, что у нее «есть более важные дела в Хельсинки».

* * *

Были ли обоснованы претензии Советского Союза к Финляндии? Сложный вопрос. С одной стороны, они, безусловно, объяснимы с точки зрения обеспечения безопасности Ленинграда, а с другой — Финляндия, как суверенное государство, вольна принимать или не принимать предложения, затрагивающие ее территориальную целостность. С международно-правовой точки зрения это также безусловно. Вот только гибкости, гибкости и трезвого расчета дипломатии Вайно Таннера так и не хватило...

Майнила. Думали, гадали ли крестьяне этой крохотной, затерянной в карельских болотах деревушки, что их маленькой родине будет суждено стать первым полем боя новой войны?..

Как следовало из сообщения ТАСС, 26 ноября 1939 года финская артиллерия с финской стороны произвела обстрел подразделения Красной Армии, дислоцированного в пограничной деревне Майнила. В результате обстрела несколько красноармейцев было убито и ранено. В последовавшей в этот же день ноте Советского правительства правительству Финляндии были заявлены категорический протест и требование немедленно прекратить вооруженные провокации и отвести войска на 25 километров от государственной границы. Финны ответили молниеносно. В ноте финского правительства категорически отрицалась причастность финских войск к произошедшей трагедии и высказывалось предположение в том, что случившееся — несчастный случай, результат трагической ошибки при учебно-боевых стрельбах советской артиллерии. В ноте также обращалось внимание Советского правительства на тот факт, что финские войска не имеют в указанном районе такой артиллерии, которая по своим тактико-техническим свойствам была бы в состоянии обстреливать Майнилу. В заключение делалось предложение о немедленном создании советско-финской смешанной комиссии для детального изучения инцидента

в соответствии с Конвенцией о пограничных комиссарах 1928 года.

Ответ Сталина был ошеломительным для Хельсинки. 28 ноября Советский Союз в одностороннем порядке денонсирует пакт о ненападении, а на следующий день объявляет об отзыве из Хельсинки советских дипломатических и торговых представителей...

Есть версия о том, что двадцать шестого на тыловые позиции советской артиллерии к орудиям встали солдаты войск НКВД, которые и произвели злополучные выстрелы.

Так или иначе, но мне представляется все же ошибочным трактовать происшедшее как «повод к войне». Границу буквально лихорадило от стычек и столкновений. Если бы взрывы не прогремели в Майниле, то они прогремели бы где-нибудь в другом месте. Сама сложившаяся политическая обстановка не оставляла возможностей для иных доводов, кроме «последних доводов королей».

К слову, много лет спустя, где-то в середине семидесятых, во время учебных стрельб советского Северного флота, в результате технической неисправности одна из корабельных ракет потеряла управление и... улетела в Финляндию.

К счастью, ракета была учебной и не принесла никому вреда, бултыхнувшись в глухое болото где-то в финском заповье. Конфуз, конечно, был. Хельсинки были принесены официальные извинения с подробными разъяснениями причин аварии, их с пониманием приняли. На этом, как говорится, инцидент был исчерпан...

...А тогда, 30 ноября 1939 года, в восемь часов утра войска Ленинградского военного округа перешли советско-финскую границу.

2. Тимошенко против Маннергейма

ИТАК, история состоялась. Выбор сделан, и «вынувший меч да не устрашится».

Впрочем, никто особенно и не страшился. Ни комбаты, снисходительно разглядывавшие в стереотрубы убегавшие на том берегу Сестры в сосновые боры жиденькие цепочки финских дзотов, ни люди с шитыми золотом звездами петлиц и в тиши кремлевских кабинетов. Ни Финляндия, ни ее почти сплошь пехотная армия не принимались за достойного противника.

Если верить воспоминаниям очевидцев, Сталин был настроен сердито и одновременно насмешливо. Разработка

плана кампании была целиком передана в штаб Ленинградского военного округа. «Великий полководец» счел, что у генштаба в то время были заботы куда важнее, чтобы отвлекать его на подобную мелочевку. Так же директивно было запрещено привлекать к операции дивизии внутренних округов, а общее поражение финской армии планировалось нанести за 9–12 дней. Вселял уверенность действительно высокий боевой дух войск, развернутых на финской границе, преисполненных решимости «преподать урок зарвавшимся белофинским бандитам» и оборонить колыбель революции.

Река Сестра. Двадцать два года эта тихая река носила неведомый ей до того титул государственной границы. 30 ноября она сложила его, став просто одной из сотен мелких карельских речушек. Стать линией фронта ей было не суждено.

Здесь, на Карельском перешейке, с успехом перешла в наступление наша 7-я армия, наиболее сильное и боеспособное объединение ЛВО. Финская пехота отходила, уклоняясь от крупных боев. Редкая сеточка проселочных дорог, убегавшая в глубь страны, на северо-запад, отныне стала называться в оперативных сводках направлением главного удара.

Надо заметить, что над планом финской кампании, видимо, по уже оговоренным выше причинам, в штабе ЛВО думали недолго. Он был прост и незамысловат, как штык «трехлинейки».

Видимо, при разработке плана во главу ставилось то обстоятельство, что кратчайший путь по карте от госграницы до Хельсинки пролегал именно здесь, по побережью Финского залива. Но это по карте. А на деле?

Можно задаться логичным вопросом: почему не бралась в расчет упрятанная в межозерье и непроходимых болотных топях обширнейшая система мощных финских укрепрайонов, эшелонированная в глубину на многие десятки километров, которая наглухо перекрывала путь в подбрюшье страны? Более известная как «линия Маннергейма», она, по оценкам специалистов, мало в чем не уступала имевшимся мировым аналогам, в частности, немецкой линии Зигфрида и французской линии Мажино. Так почему же для главного удара было выбрано это, гиблое во всех отношениях направление?

Рискну высказать несколько соображений.

Во-первых, по разумению Сталина, воевать (если уж воевать) надлежало с громкой славой, так, чтобы демонстрация сокрушительной мощи Красной Армии заставила бы почтиительно притихнуть европейские столицы. Однако окружени-

ями и обходами войск далеко не самой могучей и многочисленной в Европе финской армии, словом, умной и искусной тактикой, такой славы не добудешь. А вот если лихим тараном проломить железобетонный панцирь Суоми, да еще совершить это в то время, когда немцы и англо-французы нерешительно топчутся друг против друга в Европе, — это да, это впечатлит и заставит невольно «снять шляпы» и Лондон, и Париж, и Берлин.

Во-вторых, ни тогдашний нарком обороны маршал Ворошилов, ни командующий группировкой ЛВО командарм 1-го ранга Тимошенко полководческими талантами, мягко говоря, не обладали. Часто для обоих решающим аргументом в принятии того или иного военного решения становилась... обычная линейка, превращавшая на карте прямую линию от пункта А до пункта Б в направление главного удара. К слову, сразу же по окончании финской кампании Тимошенко, отвечая на вопросы выпускников военных академий, касавшихся новых стратегических решений, снисходительно отмахнулся: «Какая вам тут еще стратегия? Иди вперед, прогрызай оборону — вот и вся стратегия!». Но, впрочем, об этой «стратегии» Тимошенко речь пойдет чуть позже.

Ну и, наконец, о влиянии третьего фактора, как его иногда называют, «человеческого», говорить просто бессмысленно. «Малой кровью, могучим ударом» на поверку оказалось не более, чем фанфарной строкой из бравой песни, никак не соответствовавшей реальному положению вещей. Солдатская кровь оставалась едва ли не на последнем месте в длинной череде «за» и «против». Подтверждение тому — многочисленные эпизоды не только финской, но и Великой Отечественной, когда у «незнакомомго поселка, на безымянной высоте» пехоту клали ротами и батальонами, до последнего человека. Да и много ли могла стоять жизнь деревенского мужика в красноармейской шинели в то время, когда в одночасье расстреливались маршалы и командармы!..

Штаб Маннергейма и финская военная разведка сумели разгадать «оперативный замысел» советского командования и повести грамотную контригру. На направлении нашего главного удара финны развернули, пожалуй, лучшее, что было в их вооруженных силах — 5-ю полевую армию генерала Эстермана при поддержке Аландской армейской группы.

Первые дни боев хоть и не дали запланированных темпов продвижения, но все же не вызвали серьезных поводов для беспокойства. На всех оперативных направлениях Красная Армия продолжала наступать, встречая, как правило,

---

очаговое сопротивление финских егерей. В оперативных сводках и донесениях начинает просматриваться боевой характер противника. Финский солдат хладнокровен и стоек в обороне; за счет отличного владения лыжами чрезвычайно подвижен, как правило, хороший стрелок. Финские части упорно обороняют мосты, населенные пункты, господствующие над местностью высоты. При оставлении населенного пункта буквально все жгут, обильно минируют дороги, причем отход войск всегда организован, прикрыт арьергардами, никогда не переходит в паническое бегство. Финны боются обходов, охватов с флангов — при такой угрозе сразу откатываются на новые позиции.

Вообще, сплошного фронта как такового не существовало. Видимо, именно из-за этого иногда случались вещи, которые позволяют говорить, что на войне трагическое часто соседствует с комичным. Один из таких случаев произошел в полосе наступления 9-й армии.

Одна из рот передовой дивизии, с ходу уничтожив финский пограничный пост, начала стремительно продвигаться в глубь территории противника. Лапландия — далеко не самое густонаселенное место на земле: пройдя десяток километров и не встретив ни единого человека, изумленные красноармейцы вышли на окраину еще сонного крохотного финского городка. Тишина и умиротворенное спокойствие настораживали: не устроили ли финны засаду?.. Бесшумно развернувшись в боевые порядки, рота, соблюдая все меры предосторожности, вступила в городок. На единственной площади окружили приземистый деревянный дом, из которого явственно доносился смех и разноголосый гомон. Таверна. Распахнута дверь — красноармейцы с винтовками наперевес врываются внутрь. За дубовыми столами, оживленно разговаривая, завтракают финские солдаты, запивая сосиски пивом. Немая сцена. Но вот унтер-офицер жестами предлагает остолбеневшим красноармейцам... присоединиться к трапезе. Ротный, вконец обалдев, сунув в кобуру «ТТ» и вытащив разговорник, пытается объяснить финнам, чтобы те сдавали оружие. «С какой это, сударь, стати?!» — изумленно вскидывается егерский унтер. Ему объясняют, что два часа назад началась война и теперь он и его люди находятся в плену у Красной Армии...

С подобной прогулки война началась далеко не везде. В этот же день на Карельском перешейке было не до смеха. Одна из стрелковых дивизий 7-й армии, в коротком бою сбив приграничные части финнов, к исходу дня вышла на

подступы к городу Териоки (ныне Зеленогорск) и завязала здесь тяжелый бой.

Териоки горел. Глазам вступавших в него бойцов предстала жуткая картина хаоса и разрушения. То, что уцелело после штурмового огня советской артиллерии, при отступлении было подожжено финскими факельными командами. Мировано было практически все, даже руины.

Мыслимо ли было хотя бы подумать, что в этом превращенном в пепелище городе только что создано... новое правительство Финляндии!

А московское радио и газеты объявили именно об этом.

И снова нужны пояснения. Дело в том, что новый «президент» Финляндии Отто Куусинен незадолго до териокских событий имел беседу со Сталиным, Молотовым и Мехлисом в Кремле. Поначалу он наотрез отказался возглавить новое «правительство». Думается, что неглупый человек, хотя и убежденный коммунист, Отто Вильгельмович Куусинен изначально понимал несостоятельность этой авантюры. К тому же за долгие годы работы секретарем Исполкома Коминтерна он потерял связи не только с финским народом, но в значительной мере и с внутренней жизнью компартии страны.

Однако Сталин оставался непоколебимым в сделанном выборе — Куусинену пришлось сдаться...

4 декабря хельсинское правительство Ристо Рюти попыталось через посредничество Стокгольма обратиться к Советскому Союзу с предложением немедленно остановить военные действия и сесть за стол переговоров. Переданный через советского полпреда в Швеции А. Коллонтай ответ ошеломил Рюти. Оказывалось, что СССР не только не находится в состоянии войны с Финляндией, а, напротив, заключив с ней военный союз, помогает финскому народу в его борьбе за освобождение Финляндии от шайки хельсинкских белобандитов.

Этот зигзаг сталинской дипломатии дал свои плоды. Именно тогда финские солдаты на фронте получили приказ — стоять насмерть. Именно с этого дня сводки с фронта все чаще начинают определять сопротивление финской армии как «яростное», «отчаянное», «исступленное»...

Между тем военный союз на то и союз, что предполагает участие в нем хотя бы двух союзников. И этот недостающий союзник был создан, что называется, из воздуха. В Ленинграде начал формироваться Первый Финляндский корпус, ядро которого составили ингерманландцы — финны,

уроженцы Карелии и севера Ленинградской области. Одевать солдат «независимой» армии в красноармейскую форму показалось перебором даже Сталину. Финской же в таких количествах просто не было. Что делать? Решение нашлось нестандартное: из захваченных в сентябре под Белостоком пакгаузов в Ленинград самолетами срочно перебрали большое количество польской армейской формы. Знаменитые польские конфедератки заменены шапками, спорты шевроны с белокрылым орлом — и вот уже финские волонтеры с песнями маршируют по Ленинграду от Дворцовой площади к Финляндскому вокзалу. Корпус берегли от боев — он предназначался для торжественного вступления революционных финских войск в Хельсинки.

Этого не случилось. Корпус, так и не понюхавший пороху за всю войну, прекратил существование вместе с правительством Отто Куусинена, которое заявило о своем самороспуске за несколько дней до окончания военных действий.

8 декабря постоянный представитель Финляндии в Лиге Наций сделал чрезвычайное заявление относительно того, что его страна подверглась неспровоцированной агрессии со стороны СССР. «Советский Союз, — заявил представитель, — нарушив Договор о ненападении и мирном улаживании конфликтов, атаковал Финляндию на всем протяжении границы. Кроме атаки приграничных районов, он подверг бомбардировке с воздуха открытые финские города, в результате чего имеются жертвы среди мирного населения...»

В назначенный для заслушивания сторон день советский представитель на заседание Лиги Наций не явился. Итог известен. Финляндии был вынесен статус жертвы агрессора, а СССР, как государство, объявленное агрессором, большинством голосов исключался из членов Лиги.

Дела на фронте складывались неудачно. Финская оборона крепла, наше наступление выдыхалось. Ударили трескучие, редкие даже в этих суровых северных лесах морозы. В условиях наступления они оказались лютым врагом. Мерзло все: превращалась в ледяную коросту артиллерийская смазка, буханка хлеба становилась булыжником, руки прикипали к металлу. О людях и говорить не приходится: шинель от такого мороза — не бог весть какая защита!.. Были, правда, и полушубки, были тулупы, но мало, в основном у артиллеристов. Да и неудобны они — солдат в тулупе, что куль, — неуклюж, неповоротлив. То ли дело финны! Их бригады и батальоны были подготовлены к «Полярной войне» отменно. Шерстяное белье, свитеры, толстые

ватные штаны, сапоги на меху, длинноухие овчинные шапки — все теплое, легкое, удобное. Каждый солдат снабжен белым маскхалатом, лыжами из знаменитой карельской березы. К слову, на лыжи ставили буквально все: обозные повозки, пулеметы, легкие пушки, санитарные фургоны. Все это в условиях боев в заснеженных северных лесах позволяло бесшумно и очень быстро маневрировать значительными силами. Существенно хуже обстояли дела с тяжелым вооружением: при, в общем-то, неплохой артиллерии чувствовалась нехватка танков и боевых самолетов. Маннергейм располагал несколькими десятками старых французских танков «Рено» и незначительным количеством самолетов, в основном бипланов устаревших английских, французских и итальянских марок. Да еще Гитлер, явно для демонстрации своих «симпатий» к Москве, преподнес сюрприз вчерашнему союзнику: тридцать новеньких итальянских истребителей «Фиат», отправленных финнам по указанию Муссолини, были интернированы на территории Германии, так и не попав к получателю.

К концу декабря наше наступление окончательно застыло. Линия фронта на Карельском перешейке практически стабилизировалась в 50–70 километрах к северо-западу от старой границы.

Из Москвы требовали продвижения вперед. Продвижения во что бы то ни стало: за наступлением Красной Армии пристально следила вся Европа. И наступавшие дивизии делали все, что могли, проявляя солдатское мужество и ратную доблесть.

Трагедия нашей войсковой группировки заключалась в том, что судьбы десятков тысяч бойцов были вверены в руки таких «стратегов», как Тимошенко, Мехлис, Ворошилов, Жданов (бывший членом Военного совета). Их бездарность, жестокость, выдаваемая за твердость, крайнее пренебрежение к противнику оплачивались кровью тысяч солдат и командиров. Особенно много было раненых и обмороженных. Сказалась посредственная подготовленность санитарной и автомобильной служб. Случалось, когда из-за невозможности быстро вывезти раненых в тыл, они замерзали насмерть или умирали от потери крови. В то время, когда финны без особых проблем вывозили своих раненых на быстрых санях, наши маломощные санитарные «ЗиСы» натужно буксовали в глубоком снегу.

Единственно надежным средством от мороза оказался спирт. Место рождения знаменитых фронтовых «наркомов-

ских ста граммов» — именно финская война. Снайперам, тем вообще давали по целой бутылке. Снайперская дуэль — охота. Охота друг на друга двух тренированных, подготовленных стрелков, требовавшая зачастую многочасового лежания в снегу без шороха и движения.

С финскими снайперами, наносившими ощутимый урон пехоте, пришлось столкнуться с первых же дней военных действий. За излюбленную манеру вести огонь с деревьев наши бойцы окрестили их «кукушками». Иногда, начав «куковать», такая кукушка заставляла залечь в снегу целую роту. Поди догадайся, откуда бьет снайпер — лес большой, и мечущаяся среди скал и сосен гулкое эхо выстрела только еще больше запутывает путь к «гнезду». В советской пехоте позже появились таежные охотники-сибиряки, которые и придумали эффективный способ борьбы с лесными снайперами. На помощь пришли собаки. Пущенная впереди стрелковой цепи сибирская лайка, бесстрашно лавируя между снежными фонтанчиками пуль, упиралась передними лапами в ствол и громко лаяла. Это означало — наверху враг. Сосну тут же брали в перекрест два-три ручных пулемета и прошивали густую крону до сантиметра, не оставляя ее обитателю никаких шансов...

3. «И первый маршал в бой нас поведет...»

Накануне нового, 1940 года Сталин на экстренном военном совете потребовал добиться решительных успехов в самое ближайшее время. Каждый новый день вялых перестрелок, разведок боем, артиллерийских дуэлей наносил ощутимый урон престижу и авторитету Красной Армии.

Начинается срочная переброска дивизий из внутренних округов — Киевского, Харьковского. В раскисшей каше украинской зимы одетые в шинели и пилотки маршевые роты в авральном порядке грузили в теплушки, туманно обещая «с зимним вещевым довольствием разобраться на месте». Однако на месте, как правило, становилось уже не до того: жернова войны требовали все больше и больше человеческого материала.

И вот после Нового года активные боевые действия возобновились. Естественно, сразу же возросли потери. И как! Полевые госпитали не справлялись с потоком раненых. На помощь пришел Ленинград, вскоре, впрочем, тоже захлестнутый этим потоком. Тяжелые потери несли и финны. Гор в тысячных стаях казенных конвертов разлеталось дале-

ко по обе стороны линии фронта. А какими, скажите, политическими или военными дивидендами можно измерить горе матери, потерявшей единственного сына?!

...Главнокомандующий финской армией маршал Карл Густав Маннергейм был трезвым и хладнокровным человеком. Будучи давним и убежденным антикоммунистом, он никогда не опускался до пещерного национализма, до ненависти к русским как к народу. Быть может, это качество выработалось в нем за долгие годы, проведенные на российской военной службе. Финский барон был не последней фигурой в кругах царского генералитета. Он дослужился до эполет генерал-лейтенанта, командовал одной из лучших в русской армии кавалерийских дивизий. Видимо, благодаря своей преданности и исполнительности Маннергейм был замечен Николаем и приближен ко двору. Он не относился к тому типу людей, которые в зависимости от политической конъюнктуры меняют свои привязанности, как перчатки: в течение всей «зимней» войны на столе главнокомандующего в его ставке в Миккели простояла фотография царя с дарственной надписью и припиской, сделанной рукой маршала, — «Это — мой государь». Согласитесь, в условиях войны с Россией поступок, раздражавший в официальном Хельсинки многих.

Старый служака отлично знал русского солдата: его самоотверженную стойкость в обороне, взаимовыручку в бою, неудержимый напор и отвагу в наступлении. И главным контраргументом этому он выставил ту мощнейшую систему фортификационных сооружений на Карельском перешейке, которая получила его имя.

Что же представляла собой эта «финская крепость»? Подступы к первой линии были прикрыты глубоким предпольем, обильно насыщенным дзотами, засеками, завалами, минными полями. Финны взорвали практически все мосты через каменистые лесные реки и узкие горловины озер. Инженерное усиление в сочетании с болотами, узкими дефиле озер делали эту местность труднопроходимой для наступающих.

Каждый узел сопротивления оборонялся полевой и казематной артиллерией и пехотой силой до двух егерских батальонов. Обычно узел представлял собой неправильный прямоугольник в четыре километра по фронту и два километра в глубину. Он насчитывал до тридцати долговременных огневых точек (дотов), составлявших его бетонный скелет. Промежутки между дотами были заполнены разветвленной сетью траншей, окопов и ходов сообщения, прикрытых опять

же засеками, лесными завалами, противотанковыми «волчьими ямами» и сложной системой инженерных заграждений. К примеру, один из дотов имел перед фронтом 45 рядов колючей проволоки. Прямо в этом проволочном поле было разбросано в шахматном порядке двенадцать рядов противотанковых бетонных надолб. Картину довершало «ассорти» из сотен противотанковых и противопехотных мин. Каждый дот имел боевые казематы, арсенал, коридоры со спусками в казарму, электростанцию, машинное отделение, офицерскую комнату, кухню, уборную, лазы в бронекупол. Доты были рассчитаны даже на прямое попадание гаубичных снарядов.

Уходящие в тыл отсечные позиции через пять километров соединяли главную полосу обороны с полосой тактических резервов, или второй оборонительной полосой. Она имела 39 дотов и 178 дзотов с той же системой полевого заполнения.

Еще через семь километров лежала третья линия обороны, состоявшая из четырех узлов сопротивления.

И, наконец, в неприступную крепость был превращен Виипури (Выборг). Финны фактически сделали из него особо мощный укрепрайон. Опорными пунктами стали общественный дом, муниципалитет, кладбище, ипподром. Город превратился в огромного жука, покрытого железобетонным панцирем. В случае особой необходимости оборона усиливалась затоплением территорий к востоку от него путем взрыва плотины Сайменского канала.

Предусмотрено было, казалось, все, вплоть до минирования льдов Выборгского залива. И все-таки линию Маннергейма прорвали!..

Прорвали именно в лоб, растапливая кровью льды болот и озер, превосходя предел человеческих возможностей...

Старый финн Антти, наверное, никогда не думал, что ему придется говорить с советским журналистом. Нет, наверняка не думал, по крайней мере тогда, зимой сорокового, когда он, девятнадцатилетний солдат, вторым номером лежал за пулеметом в дзоте под Хоттиненом.

«Сначала несколько часов била ваша артиллерия. Это был сущий ад, словно все черти разом повывлезали из болот. Нам повезло — мы отсиделись в каземате, а от второго взвода, не успевшего покинуть траншею, осталось шесть человек, а потом цепями пошла ваша пехота. Она шла так густо... что мы не успевали перезакреплять ленты. Ствол раскалялся докрасна — и ни одна, ни одна пуля не летела мимо цели. А ваши солдаты по штабелям трупов продолжали ползти впе-

ред. Потом снова поднимались с винтовками. В полный рост. С одними винтовками. Это безумие, это было дикое безумие. Наш унтер сказал: «Они чертовски храбрые парни, но у них там, наверху, кто-то определенно спятил...»

Антти по-фински деликатен. Он старается взвешивать каждое слово, хоть и волнуясь, сбиваясь. Он знает, что я русский и что мне больно.

«Поймите, господин журналист, я тогда был солдатом. Я защищал Суоми, — словно извиняясь за эти страшные подробности, говорит он и на секунду умолкает. — Потом появились ваши танки. Потом — снова пехота. Потом — самолеты. Они почему-то полетели дальше — забухало далеко в нашем тылу. Я помню, как один танк встал посреди надолб. Он горел. Горел и стрелял по нам из пушки. Он стрелял по доту из своей маленькой короткой пушечки! А потом внутри его страшно грохнуло, и башня отлетела метров на сорок. А потом кто-то в траншее закричал, что русские левее уже прорываются... Все смешалось...»

Наконец дело сдвинулось с мертвой точки. Ценой титанических усилий, невиданного героизма солдат и командиров главная полоса финской обороны была прорвана. 7-я и 13-я армии продолжали развивать наступление, спотыкаясь о доты и укрепленные огневые позиции.

Надо сказать, что финны сдавались в плен крайней редко. В основном их брали не по доброй воле — либо раненых, либо застав врасплох. В пользу этого говорит хотя бы тот факт, что за все время военных действий в советском плену оказалось меньше одной тысячи финских солдат и офицеров. А иногда при допросе пленного финского солдата, к изумлению присутствующих, обнаруживалось, что он... еле-еле говорит по-фински!

Выяснилось, что в учебных лагерях финской армии много иностранцев. Эти добровольцы прибывали в Финляндию практически из всех стран Европы. Был даже один гражданин Португалии. Но больше скандинавов — шведов, норвежцев. Шведов вообще набралась целая стрелковая бригада, численностью более восьми тысяч штыков. Командовал ею генерал Ландер. Правда, на фронт в Лапландии попало только два шведских «полярных» батальона, да и то в последний период войны.

Что привело сюда, в заснеженную Финляндию, этих людей из разных уголков мира? Были здесь и «джентльмены удачи», и искатели военных приключений. Но есть сведения, что были и волонтеры, совсем недавно воевавшие в испанских интербригадах...

...В Лапландии, на северном участке советско-финского фронта, фактически всем руководил бывший в то время начальником Политического управления РККА армейский комиссар 1-го ранга Мехлис.* Этот, что называется, до мозга костей преданный Сталину человек считался в армии «серым кардиналом». Его, жестокого и вспыльчивого человека, одного из главных организаторов репрессий среди высшего командного состава РККА, откровенно побаивались даже командармы. Его вмешательство в управление войсками чаще всего было губительным, не раз приводившим к катастрофе.

По его указанию северная группировка войск пришла в движение. 44-я стрелковая дивизия, будучи на острие удара, после короткого боя прорвала финскую оборону и начала быстрое движение вперед. Между тем финнам энергичными фланговыми ударами удалось закрыть за ней проход, отрезав таким образом дивизию от основных сил.

Несколько дней, в лютую стужу, в полном окружении, части дивизии вели тяжелейшие бои на прорыв из кольца. В конце концов это удалось, но какой ценой! Вот выдержка из срочной телеграммы Мехлиса Сталину: «...44-я дивизия оставила противнику 79 орудий, 37 танков, 130 станковых пулеметов, 150 ручных пулеметов, 6 минометов, 150 автомобилей, все радиостанции, весь обоз. Из окружения вышла только половина личного состава, причем до 40 процентов без оружия. Раненых и обмороженных — 1057 человек. Фактически от дивизии остался только артполк и медсанбат...».

Над командованием дивизии Мехлис устроил показательный военно-полевой суд. После пятидесятиминутного разбирательства командир дивизии полковник Виноградов, начальник штаба полковник Волков и начальник политотдела полковой комиссар Пахоменко были расстреляны перед строем...

28 февраля сопротивление финнов на линии Маннергейма прекратилось.

Утром 13 марта пал Выборг.

В этот же день ровно в двенадцать часов смолкли пушки. Война закончилась.

По условиям мира Финляндия лишалась всего Карельского перешейка, Выборга, Сортавалы, ряда территорий в северной Карелии. К СССР полностью отошли полуострова Рыбачий и Средний.

---

* Мехлис Лев Захарович (1889–1953), армейский комиссар 1 ранга, начальник ГлавПУР РККА в 1937–40 гг. Один из главных сталинских палачей.

Почему же именно тогда, в начале марта, воюющие стороны пришли к выводу о необходимости заключить мир?

Перед Красной Армией, только что прорвавшей линию Маннергейма, путь на Хельсинки, казалось, был открыт. Однако в Европе зримо поднималась волна недовольства последними событиями и продвижением советских войск. Более того, сотысячный англо-французский экспедиционный корпус был готов высадиться в финских портах по первому обращению правительства Финляндии. Далее. Наши потери были ужасающи: более 272 тысяч убитых, раненых и обмороженных. 17 тысяч военнослужащих пропали без вести... Тяжелы были и потери Финляндии: 25 тысяч только убитых, не считая раненых, — страшная цифра для ее маленького четырехмиллионного народа! Кроме того, продолжать боевые действия с помощью французов и англичан на деле означало превратить территорию страны в театр военных действий новой мировой войны. Тогда, в марте 39-го, в Хельсинки этого очень боялись...

«И, если бы не «зимняя война», в которой мы потеряли десятую часть территории, Финляндия, быть может, не стала бы союзницей Гитлера в сорок первом, предпочтя нейтралитет «шведского варианта», — считает профессор Хельсинкского университета Юкка Невакиви, — финская армия двинулась в то лето только забирать отобранное».

Кто знает, кто знает... Хотя с уважаемым профессором можно поспорить: как известно, в сорок первом финские части, дойдя до старой границы, не задумываясь, перешли ее, оккупировали почти всю Карелию, заняли ну уж отродясь не бывший финским Петрозаводск и были полны решимости двигаться дальше, на Котлас и Вологду. Бредовые идеи насчет «границы на Урале» снова были вытащены на свет божий из пыльных сундуков.

«Зимняя» война сегодня в Финляндии не забыта. О ней по-прежнему говорят, пишут, спорят. Надо сказать, что немалая часть финнов по-прежнему считает, что ответственность за ту войну полностью лежит на СССР. Это можно услышать в школах, в университетах. Причем в сознании людей связывается это исключительно с именами Сталина, Молотова. Неприязни, а уж тем более ненависти к русскому народу нет и близко. Никто здесь не собирается подвергать ревизии и нынешнюю границу.

А. Чудаков
(«Комсомольская правда»,
12-14 ноября 1989 г.)

Русско-финская война

Еще не высохли подписи под германо-советским договором о границах и дружбе от 28 сентября 1939 г., как русские в тот же день заключили с Эстонией, по-видимому заранее подготовленный «пакт о взаимной помощи», предусматривавший оказание взаимной помощи в случае нападения со стороны третьей державы. Такие же «договоры» были подписаны 5 октября с Латвией и 11 октября с Литвой. Общим в этих договорах было то, что Советский Союз обязался поставлять оружие и боеприпасы Прибалтийским государствам и что обе стороны обещали не заключать договоров, направленных против другого партнера. Суверенитет договаривающихся сторон ни в коем случае не должен был нарушаться.

Однако Эстония должна была предоставить Советскому Союзу право на размещение гарнизонов и сооружение военно-морских баз на островах Эзель (Саарема) и Даго (Хиума), а также в Балтийском порту (Палдиски) и, кроме того, передать в распоряжение русской авиации несколько аэродромов.

В Латвии предусматривалось создание русских авиационных и военно-морских баз в портах Либава (Лиепая) и Виндава (Вентспилс). Латвия должна была также разрешить установку русских береговых батарей для обороны Рижского залива.

Наконец, Литва должна была смириться с размещением гарнизонов Красной Армии и организацией русских аэродромов на своей территории. После того как Советский Союз в сентябре 1939 г. присоединил к себе восточную часть Польши, которую он требовал еще в 1920 г., теперь и прибалтийские провинции старой царской России фактически опять вошли в сферу влияния русских. Одновременно русские ликвидировали всякую угрозу со стороны южной части Финского залива для военно-морской базы Кронштадт.

Теперь Советский Союз хотел поступить с Финляндией так же, как он поступил с тремя прибалтийскими странами. Здесь русские не в первый и не в последний раз в долгой истории взаимоотношений между этими народами встретили упорное сопротивление. 5 октября они предложили финнам послать в Москву представителей для переговоров, в цели которых, учитывая недавние события с Прибалтийскими государствами, не могло быть сомнений. На переговорах русские потребовали сдать им в аренду порт Ханко в северо-за-

падной части Финского залива, некоторые острова, расположенные перед южным побережьем Финляндии, а также предложили отодвинуть проходящую у самого Ленинграда финскую границу на Карельском перешейке и передать Советскому Союзу западную часть полуострова Рыбачий на побережье Северного Ледовитого океана. В качестве компенсации они предложили крупный, но не представляющий ценности участок территории на русско-финской восточной границе. Финны, чтобы показать свою добрую волю, были готовы к некоторым уступкам, которыми русские, однако, не удовлетворились. Особенно они настаивали на своем требовании в отношении Ханко, на которое финны не согласились. Хотя Молотов в конце октября в одной из своих речей предупреждал финнов о тяжелых последствиях, которые повлечет за собой отклонение русских требований, они оставались непреклонными. После безуспешных попыток прийти к соглашению переговоры 13 ноября закончились не приведя ни к каким результатам. Советский Союз, несомненно, остался недоволен таким исходом. Финляндия начала мобилизацию и усилила свои войска на Карельском перешейке.

Здесь 26 ноября произошел один из тех «инцидентов», которыми так богат последний период истории. Было заявлено, что финны якобы вели через границу артиллерийский огонь. Предложение финнов о совместном расследовании было отвергнуто Советским Союзом. Через день он заявил о расторжении пакта о ненападении с Финляндией. 29 ноября русские констатировали новые «нападения финских войск» на свою территорию, порвали дипломатические отношения и 30 ноября начали давно запланированную войну.

Так, независимо от войны между Германией и западными державами, но отчасти благодаря ей, возник новый очаг войны на севере Европы.

Обоснование русскими своего наступления было составлено в знакомых, ставших широко распространенными выражениях. Русское радио сообщило, что Советский Союз после «неоднократных провокаций» со стороны Финляндии начал военные действия. Уже 30 ноября были совершенны воздушные налеты на столицу Финляндии Хельсинки и ее аэродром, а также на Ханко и Лахти. Русские военные корабли в ряде мест обстреляли южное побережье Финляндии. Казалось, что положение финнов в военном отношении безнадежно, что русский колосс, вне всякого сомнения, сокрушит их в течение нескольких недель.

Вооруженные силы крупной державы с ее 180-миллионным населением противостояли маленькому государству с населением всего 3,5 млн. человек. Никто, кроме самих финнов, не думал, что пройдет более трех месяцев, прежде чем русские достигнут своей цели. Вначале русское командование начало наступление с четырех направлений, используя сравнительно небольшие силы из своих неисчерпаемых резервов.

Наиболее сильная 7-я армия (шесть-восемь стрелковых дивизий, крупные танковые соединения и тяжелая артиллерия) наступала на линию Маннергейма — глубоко эшелонированную, хорошо оборудованную в инженерном отношении систему долговременных оборонительных сооружений и укреплений полевого типа на Карельском перешейке.

Чтобы поддержать наступление 7-й армии и позднее нанести удар во фланг и в тыл линии Маннергейма, менее крупная 8-я армия была развернута севернее Ладожского озера.

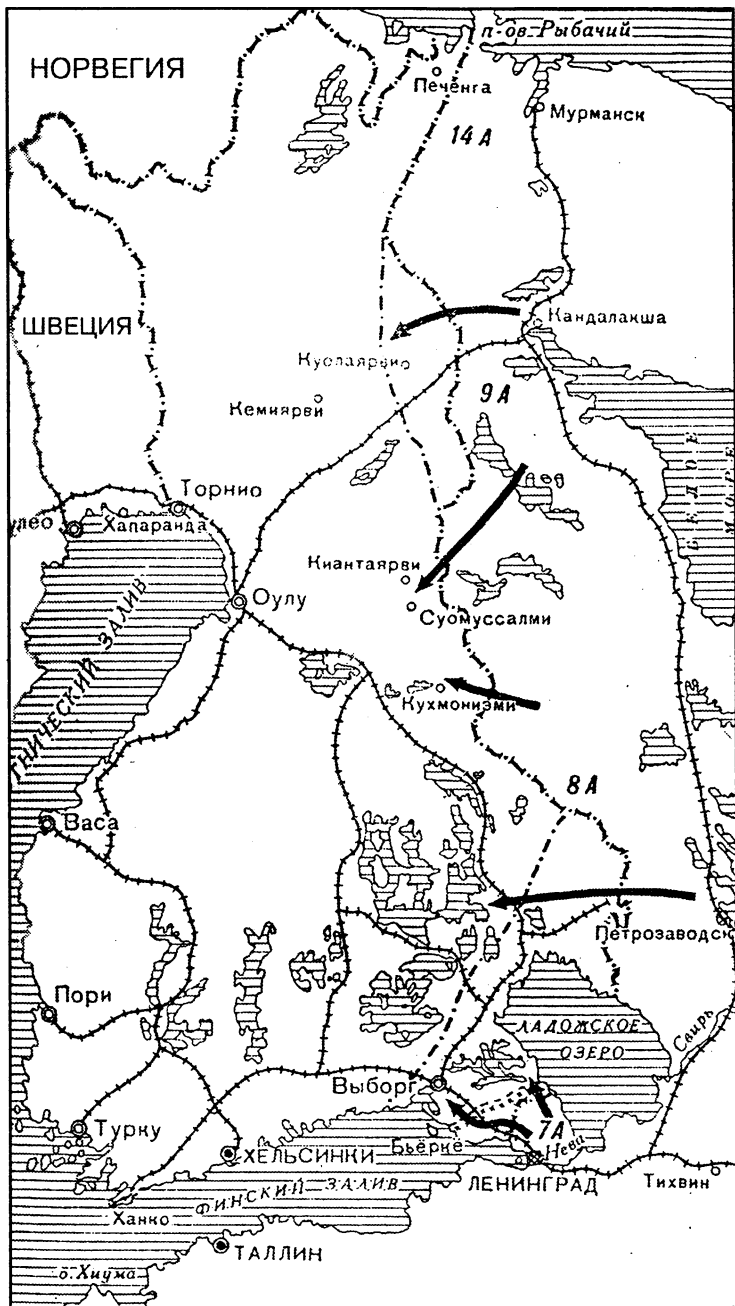
Приблизительно в середине восточной границы протяженностью около 1600 км, там, где находится наиболее узкая часть Финляндии, заключенная между восточной границей и Ботническим заливом, должна была нанести удар 9-я армия, чтобы продвинуться через Кемиярви и Суомуссалми на Торнио и Оулу у Ботнического залива и разрезать территорию Финляндии на две части.

Наконец, 14-я армия, сосредоточенная на Крайнем Севере, имела задачу захватить западную часть полуострова Рыбачий, занять Печенгу (Петсамо) и продвигаться на юго-запад.

Финны правильно определили эти уязвимые места на своей границе и соответственно расположили свои слабые силы. Из армии мирного времени, насчитывавшей 33 тыс. человек и имевшей три дивизии, и из шюцкора, организации милиционного типа численностью 100 тыс. человек, они создали вооруженные силы в составе десяти дивизий и семи смешанных бригад общей численностью около 300 тыс. человек. Из современного вооружения финны имели не более 150 самолетов, несколько танков и зенитных батарей.

Во главе вооруженных сил Финляндии стоял маршал Маннергейм. Он прослужил много лет в царской армии, но в 1918 г. возглавлял освободительную борьбу против большевиков и считался освободителем финнов от русского гнета.

Свои основные силы финны расположили перед линией Маннергейма, проходящей в 30 км от границы. Эти силы, как и войска, выдвинутые в район севернее Ладожского озе-

---

ра для обеспечения фланга, находились под командованием генерала Эквиста.

Другие, значительно меньшие силы располагались в районах Кухмо и Салла против 9-й русской армии, а также на севере близ Петсамо.

Оснащение, вооружение и тактика финской армии были приспособлены к ведению боевых действий в условиях суровой зимы на местности с многочисленными озерами и большими лесными массивами. Сила обороны финнов заключалась в умелом использовании мощных естественных препятствий. Этим объясняются удивительные успехи, достигнутые финской армией в первые месяцы войны, несмотря на численное превосходство противника.

Фронтальное наступление, предпринятое русскими на Карельском перешейке сначала слишком слабыми силами, было остановлено еще в предполье линии Маннергейма искусными действиями упорно оборонявшихся финнов. Прошел весь декабрь, а русские, несмотря на непрерывные атаки, не могли добиться существенных успехов. Они завязли в предполье финских укреплений.

Но и на протянувшейся на сотни километров восточной границе русским нигде не удалось добиться решающих успехов. Они пришли к заключению, что требуются значительно большие силы, чем предполагалось вначале, чтобы победить противника — маленького, но воюющего чрезвычайно искусно и ожесточенно.

В январе 1940 г. усиление русскими своих войск еще не отразилось на ходе боев, наоборот, почти всюду русские потерпели неожиданные неудачи. Успехи первого месяца войны сильно воодушевили финнов, их тактика полностью оправдалась, они вели активную оборону все более храбро, нанося русским значительные потери. В то время как на линии Маннергейма борьба приобрела ярко выраженный позиционный характер, финнам удалось уничтожить одну за другой две русские дивизии, которые в начале января попытались продвинуться на Суомуссалми. Они дали русским, которые в ледяную стужу двумя длинными колоннами двигались через леса с глубоким снежным покровом, вначале несколько углубиться, затем обошли их с флангов лыжными частями, отрезали пути отхода и совершенно уничтожили раздробленные на отдельные группы и лишенные всякого снабжения войска. Вооружение и снаряжение обеих дивизий досталось финнам в качестве трофеев. В районе севернее Ладожского озера финские войска даже перешли в наступление. Им удалось

отбросить противника на 40 км обратно к государственной границе и этим самым ликвидировать угрозу линии Маннергейма с севера. Правда, на Крайнем Севере был потерян город Печенга, но финны и здесь могли еще держаться. В январе русские предприняли несколько очень интенсивных воздушных налетов, особенно на Хельсинки, чтобы сломить волю финнов к сопротивлению.

Таким образом, финны могли бы испытывать глубокое удовлетворение от результатов этого второго месяца войны, если бы их не угнетали заботы о будущем. В то время как у русских имелись неисчерпаемые резервы и могло быть только вопросом времени, когда они, наконец, введут превосходящие силы, людские ресурсы финнов были очень ограниченными, к тому же их войска постепенно все больше таяли и были крайне переутомлены боями. Тщетно финны искали помощи извне. Пожалуй, симпатии всех европейских народов были на стороне храброго маленького народа. Но Германия была связана пактом с Советским Союзом, а западные державы пока не хотели вмешиваться, так как они опасались вызвать этим еще большее сближение Советского Союза с Гитлером. Когда же они приняли другое решение, было уже слишком поздно. Около двух батальонов шведских добровольцев, действовавших у Петсамо, — вот все войска, которые получила Финляндия от иностранных государств. Помощь военной техникой была значительно большей. Англия, Франция и Швеция в течение войны прислали вместе 500 самолетов, 100 зенитных и 75 противотанковых пушек, большое количество боеприпасов и много других военных материалов. Но какой бы необходимой ни была такая поддержка, иссякающие людские резервы не могли быть компенсированы даже еще большим количеством техники.

В начале февраля стало заметно сказываться превосходство русских. Русские по-прежнему хотели прорвать фронтальным ударом линию Маннергейма и с этой целью увеличили численность 7-й армии в три раза. 1 февраля 7-я армия предприняла первую попытку осуществить прорыв, начав наступление после мощной артиллерийской подготовки. Используя большое количество танков, русские непрерывными атаками в течение двух дней пытались прорвать финскую оборону. Но все атаки разбивались о непоколебимую стойкость финнов. Наконец 5 и 7 февраля русским удалось в нескольких местах вклиниться в расположение финских войск. 11 февраля они развернули наступление по всему фронту и добились новых успехов. Мощь финской обороны

была сломлена. Чтобы предотвратить прорыв, 13 февраля финны начали отводить войска правого фланга линии Маннергейма в район восточнее Выборга. Вследствие этого устойчивость обороны финских войск, правый фланг которой упирался в сильно укрепленный полуостров Бьёркё, на юге была нарушена.

Попытка русских прорвать оборону на левом фланге севернее ладожского озера не удалась. С наступавшей здесь дивизией между 20 и 23 февраля произошло то же самое, что и с двумя дивизиями, которые в предыдущем месяце были уничтожены в районе Суомуссалми. Она была отрезана, раздроблена на отдельные группы и уничтожена финнами. Слишком поздно присланную ей на помощь русскую танковую бригаду 1 марта постигла та же участь. Это были выдающиеся успехи, которые, однако, не могли оказать решающего влияния на положение финских войск на главном направлении. Русские, располагая там подавляющим превосходством в силах, продолжали наступление. Они искусно использовали замерзшее море южнее Выборга, обошли город, окружили его и начали продвигаться вдоль побережья на запад. Война грозила стать маневренной; целью русских был захват столицы Финляндии, а финны, исчерпавшие все свои резервы, уже не могли противопоставить своему противнику достаточное количество войск. Потери убитыми, ранеными и пропавшими без вести составляли 20 процентов общей численности армии (300 тыс. человек). Избежать дальнейших жертв в этой войне, ставшей для финнов безнадежной, было невозможно.

7 марта Маннергейм выступил в финском военном совете за то, чтобы начать с русскими официальные переговоры, для которых Москва уже зондировала почву. Может быть, признаки поддержки финнов Англией и Францией явились главным фактором, побудившим Советский Союз изменить свою позицию, причем русские не столько боялись военной помощи финнам, сколько утверждения западных держав в Северной Европе. После того как 8 марта в Москву отправилась финская делегация и русские 11 марта овладели городом Выборг, 13 марта военные действия прекратились.

Подписанный в тот же день договор о мире требовал от Финляндии очень больших жертв, но сохранил ее самостоятельность и позволили этой стране избежать судьбы ее южных соседей.

Твердую волю финского народа не могло не признать даже правительство в Кремле. Правда, его претензии дале-

ко превышали требования, выставленные в октябре 1939 г. Советский Союз получил весь Карельский перешеек, включая город Выборг. Дуга финской границы, выгибавшаяся севернее Ладожского озера на восток, была срезана по ее хорде, узкая центральная часть Финляндии еще больше сузилась в результате перемещения границы на запад. Весь полуостров Рыбачий отошел к русским. Финны должны были отдать Ханко на тридцать лет в аренду Советскому Союзу, который имел право создать там военно-морскую базу. Финляндия могла иметь в водах Северного Ледовитого океана в районе Печенги только небольшие корабли береговой охраны. Это были очень тяжелые условия, но зато Финляндия оставалась суверенным государством. Престиж русских в военном отношении сильно поколебался, хотя с самого начала было ясно, что финнам не избежать поражения. Спрашивалось: почему удалось достигнуть успеха только после трехмесячных кровопролитных боев? Конечно, наступление было начато слишком слабыми силами. Но русские в течение всей войны проявили такую тактическую неповоротливость и такое плохое командование, несли такие огромные потери во время борьбы за линию Маннергейма, что во всем мире сложилось неблагоприятное мнение относительно боеспособности Красной Армии. Несомненно, впоследствии это оказало значительное влияние и на решения Гитлера. И все же слишком мало учитывали недостаточно искусное командование, не обращали внимания на то, как упорно сражались советские части, стойко державшиеся даже в безнадежном положении и бывшие довольно сильным противником в обороне.

Действия Советского Союза в области политики, наоборот, не могли вызывать никаких кривотолков как до начала конфликта, так и во время войны. Они раз и навсегда показали всему миру, чего он должен ожидать там, где Советский Союз может действовать по собственному усмотрению.

Когда 3 декабря Финляндия обратилась к еще существовавшей тогда Лиге Наций с просьбой о защите и оказании поддержки, Лига Наций призвала Москву прекратить военные действия и принять посредников. Москва отвергла это предложение, заявив, что Советский Союз вовсе не ведет никакой войны с Финляндией, а живет в мирных отношениях с «Финляндской демократической республикой, с которой он 2 декабря 1939 г. заключил договор о взаимопомощи и дружбе». Это созданное в Териоки правительство просило Со-

---

ветский Союз 1 декабря о помощи для «совместного устранения опасного очага войны, который в Финляндии создан ее бывшими правителями», поэтому бывшие правители не имеют больше права обращаться в Лигу Наций. Лига Наций не поддавалась этой софистике и 15 декабря после длительных совещаний постановила, что Советский Союз своими действиями сам исключил себя из состава этого международного органа и поэтому не является больше его членом. Одновременно Лига Наций обратилась к каждому своему члену с настоятельным призывом оказать Финляндии такую помощь в людях и технике, какую только может оказать каждое государство. Вместо необходимо вооруженной помощи, предусмотренной в таких случаях уставом Лиги Наций, была принята слабая мера — обращение к членам Лиги Наций. Крупные державы, несмотря на сильное возмущение малых государств, не допустили совместных действий против Советского Союза, потому что это не входило в их политические расчеты. Когда война в Финляндии неожиданно приняла затяжной характер, Англия и Франция изменили свою точку зрения. Они решили оказать Финляндии помощь, чтобы таким окольным путем утвердиться в Северной Скандинавии и воспрепятствовать германскому импорту шведской руды; но они опоздали со своим решением.

К. Типпельскирх
(*История второй мировой войны. — М.,*
1956, с. 45–50)

Советско-финская война

После раздела Польши (и, очевидно, опасаясь Германии) Советский Союз начал консолидировать сферу своих интересов на Балтике. За пактами о взаимной обороне с Латвией, Эстонией и Литвой последовал немедленный ввод в эти страны войск — якобы для их «обороны» (октябрь-ноябрь). От Финляндии СССР также добивался аналогичного соглашения, которое предусматривало бы оккупацию южной части Карельского перешейка и других важных островных и материковых территорий. Однако Финляндия отвергла эти домогательства и сосредоточила на финско-советской границе войска под командованием престарелого, но отнюдь не утратившего с возрастом блестящего дарования маршала барона Карла Густава Эмиля Маннергейма, ветерана трех войн. СССР потребовал немедленного их отвода.

14 октября Финляндии было предложено сдать в аренду на 30 лет порт Ханко для устройства там военной базы, а также передать СССР несколько островов в восточной части Финского залива, часть Карельского перешейка и полуострова Рыбачий (на севере) — всего 2761 квадратный километр в обмен на 5529 квадратных километров советских территорий в Карелии.

30 НОЯБРЯ 1939 Г. БОМБАРДИРОВКА ХЕЛЬСИНКИ И ВИИПУРИ (СОВР. ВЫБОРГ). С этого советского воздушного налета без объявления войны начались военные действия.

30 НОЯБРЯ — 15 ДЕКАБРЯ 1939 Г. РУССКОЕ ВТОРЖЕНИЕ. С востока и юго-востока на Финляндию обрушились армии общей численностью около миллиона человек, а через Финский залив были переброшены десанты. Им противостояли финские войска численностью до 300 тысяч человек, 80% которых составляли мобилизованные резервисты. Все десанты, высадившиеся на южном побережье страны, были опрокинуты в море. На крайнем севере советская колонна сумела захватить Петсамо (совр. поселок Печенга) и немного продвинуться на юг, после чего была остановлена. Основные атакующие силы русских на Карельском перешейке понесли большие потери и были остановлены на «линии Маннергейма» — системе долговременных укреплений, удачно привязанной к особенностям ландшафта и условиям лесистой местности. Другие советские части колоннами продвигались

в направлении обширных озерных и лесных районов Восточной и Центральной Финляндии. Соппротивление им оказывали летучие отряды обороны численностью от батальона и меньше, привыкшие к независимым действиям в лесах. Обильные снегопады и сильные морозы здешней зимы почти не сказывались на мобильности финских солдат. Все они были лыжниками, все тепло обмундированы. В то же время советские воздушные налеты оказались неэффективными, а деятельность коммунистической пятой колонны была быстро пресечена.

Советское командование не рассматривало Финляндию, как объект для наступления и всерьез не готовило войска для него. Разведка и войска Ленинградского военного округа фактически не изучали и не знали систему обороны своего северного соседа, поэтому план наступления против Финляндии, подготовленный штабом округа, не учитывал ни реального противника, ни реального театра военных действий. Основная ставка делалась на мощный первоначальный удар крупных сил и средств. Предполагалось, что общее подавляющее превосходство в силах и средствах (в 3,6 раза – по личному составу, в 30 раз – по танкам, в 5,5 раз – по артиллерии и минометам, в 20 раз – по самолетам) позволит одержать решительную победу за две-три недели. Многие советские части и соединения были переброшены для войны с Финляндией из других районов страны и были незнакомы с особенностями театра военных действий, должным образом не обучены и не экипированы.

Тогдашнее же финское руководство считало СССР единственным главным потенциальным противником и уже со второй половины 20-х годов развернуло интенсивное строительство оборонительных сооружений.

Все финские солдаты, в том числе резервисты и ополченцы, были хорошо подготовлены и обучены к ведению боевых действий в зимних условиях, соответственно вооружены и обмундированы. Ввиду особенностей театра военных действий они придерживались стратегии изматывания громоздких и малоподвижных соединений мелкими высокоманевренными отрядами. Поэтому большие массы наступавших советских танков, машин, орудий в основном становились не подспорьем, а обузой для пехоты.

В развернувшихся ожесточенных боях советские войска овладели на севере Петсамо, незначительно продвинулись на востоке. Наиболее тяжелые бои развернулись на Карельском перешейке, где к 12 декабря им удалось преодолеть оперативную зону заграждений глубиной 25Г65 км и выйти к «линии Маннергейма», однако попытки преодолеть ее сходу не увенчались успехом. Пехота несла большие потери, подрываясь на минных полях. Появился даже специальный

термин «минобязнь», когда войска отказывались идти вперед, опасаясь мин. Танки прорывались вперед, пехота отсекалась пулеметным огнем. После чего танки расстреливались артиллерией из ДОСов. Малокалиберные танковые пушки, так же как и полковая артиллерия не могли разрушить мощные капониры, оборудованные в скалах и прикрытые броневыми плитами.

Понеся большие потери, советские войска с 29 декабря прекратили наступление на Карельском перешейке. Стало ясно, что без основательной подготовки «линию Маннергейма»* не прорвать. На востоке в Карелии бои продолжались и в январе.

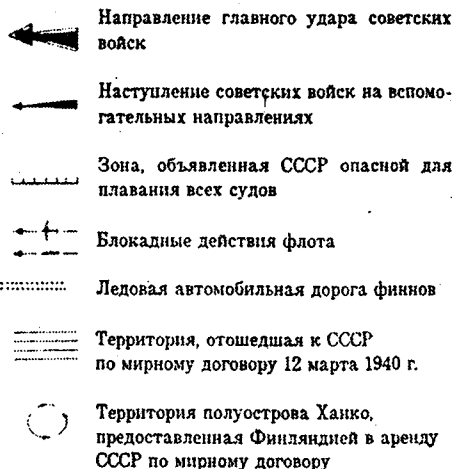
ДЕКАБРЬ 1939 – ЯНВАРЬ 1940 ГГ. СРАЖЕНИЕ ПРИ СУОМУССАЛМИ. В Восточной Финляндии советская 163-я дивизия двумя колоннами продвигалась по узким лесным дорогам, сходящимся подле деревни Суомуссалми. Движению мешал глубокий снег, а падение температуры до -40° С отрицательно сказывалось на людях, призванных с Украины и для таких морозов одетых недостаточно тепло. Вдоль советских флангов неслышно скользили на лыжах группы одетых в маскхалаты финских ополченцев, систематически подбивая грузовики и полевые кухни. Советские колонны сошлись у деревни и остановились, чтобы определиться на местности (7–11 декабря). Подошедшая пехота 9-й финской дивизии незамедлительно атаковала артиллерию противни-

---

* «Линия Маннергейма» – система финских пограничных укреплений на Карельском перешейке. Названа по имени финского маршала К. Маннергейма. Сооружалась в 1927–1939 годах. Строительство завершалось под руководством бельгийского генерала Бадю – участника постройки «линии Мажино». «Линия Маннергейма» прикрывала кексгольмское и Выборгское направления, примыкая флангами к Ладожскому озеру и Финскому заливу, имела ширину по фронту 135 км, глубину до 95 км. Она состояла из полосы обеспечения (глубина 15–60 км), главной полосы (глубина 7–10 км), второй полосы, удаленной на 2–15 км от главной, и тыловой (Выборгской) полосы обороны. Было возведено свыше 2 тысяч долговременных огневых сооружений (ДОС) и дерево-земляных сооружений (ДЗОС), которые объединялись в опорные пункты, по 2–3 ДОС и 3–5 ДЗОС в каждом. 3–4 опорных пункта объединялись в узлы сопротивления. Главная полоса обороны состояла из 25 узлов сопротивления, насчитывавших 280 ДОС и 800 ДЗОС. Опорные пункты оборонялись постоянными гарнизонами (от роты до батальона в каждом). В промежутках между опорными пунктами и узлами сопротивления находились позиции для полевых войск. Опорные пункты и позиции полевых войск прикрывались противотанковыми и противопехотными заграждениями. Только в полосе обеспечения, колючая проволока в 15–45 рядов, 200 км лесных завалов, 80 км гранитных надолбов до 12 рядов, противотанковые рвы, экскарты и многочисленные минные поля.

Общий ход военных действий

ка (11 декабря). Русские закрепились в деревне, однако их линия коммуникаций была заблокирована засадами. Советская 44-я моторизованная дивизия попыталась пробиться на помощь 163-й, но сама была остановлена финскими ополченцами и окопалась на дороге в 8 км восточнее Суомуссалми. В канун Рождества обе советские дивизии все еще тщетно пытались выбраться из западни. Финская 9-я дивизия — теперь уже со своей готовой к бою

артиллерией — атаковала советскую 163-ю и полностью уничтожила ее (27–30 декабря). Развернувшись теперь уже против советской 44-й дивизии, финны постепенно рассеяли ее на небольшие группки, которые затем также были уничтожены (1–8 января). Советские потери составили около 27500 человек убитыми и замерзшими и 1300 пленными. Кроме того, было захвачено 50 танков, а также вся артиллерия и снаряжение обеих дивизий. Финны потеряли 900 человек убитыми и 1770 ранеными.

1 ЯНВАРЯ — 1 ФЕВРАЛЯ 1940 Г. ПЕРЕГРУППИРОВКА СОВЕТСКИХ ВОЙСК. Она была произведена после ряда позорных поражений (в шести пунктах на восточной границе передовые советские части были остановлены и отброшены с огромными потерями — были захвачены стрелковая дивизия и танковая бригада, а три дивизии почти полностью уничтожены). Теперь Красная Армия готовилась к штурму «линии Маннергейма» — единственной преграды, против которой имело смысл концентрировать значительные силы. Тем временем, Англия и Франция готовились послать на помощь Финляндии мощный экспедиционный корпус, однако нейтральные Норвегия и Швеция отказались пропустить его.

При подготовке к прорыву «линии Маннергейма» была произведена реорганизация управления войсками. На Карельском перешейке был образован Северо-Западный фронт, а войска были разделены на 7-ю и 13-ю армии. Была произведена тщательная разведка финских укреплений, в том числе фотографирование авиацией «линии Маннергейма».

Было выяснено, что ДОСы, доставившие наибольшие проблемы наступающим советским войскам, оборудованы капонирами с артиллерией и пулеметами (толщина стен до 4 м) и закрыты броневыми плитами толщиной до 200 мм. Для их захвата и уничтожения были созданы специальные штурмовые группы подрывников. Кроме этого, для борьбы с ДОСами предполагалось привлечь орудия большой мощности – артиллерию резерва главного командования калибром 203–280 мм – для стрельбы прямой наводкой.

1–13 ФЕВРАЛЯ 1940 Г. ШТУРМ «ЛИНИИ МАННЕРГЕЙМА». На протяжении четырех или пяти дней советские 7-я и 13-я армии в составе 54 дивизий при мощной артиллерийской и воздушной поддержке вели непрерывные атаки «линии Маннергейма». Волна за волной атакующих попадали под убийственный огонь защитников. Финнам становилось плохо от бойни, которую им же пришлось учинить. Наконец, около Суммы (13 февраля) оборона была прорвана. Правое крыло и центр финнов откатились назад, к Виипури (совр. Выборг; 1 марта).

В отечественной историографии эти события описываются по-другому.

11 февраля войска Северо-Западного фронта в составе 24 стрелковых дивизий, танкового корпуса, 5 отдельных танковых бригад, 21 артполка и 23 авиаполов после 2–3 часовой артиллерийской подготовки перешли в наступление и к 17 февраля прорвали главную полосу финской обороны, однако, выйдя к 21 февраля ко 2-й полосе обороны, сходу прорвать ее не смогли. После перегруппировки наступление возобновилось 28 февраля. Часть наступающих сил по льду Выборгского залива обошла Выборг с северо-запада и к началу марта «линия Маннергейма» пала, была открыта дорога на Хельсинки. 5 марта финское правительство объявило о готовности начать мирные переговоры.

12 МАРТА 1940 Г. КАПИТУЛЯЦИЯ ФИНЛЯНДИИ. Ее собственные войска были истощены, а надежды на иностранную помощь не оправдались. Советские условия мира оказались практически идентичны первоначальным требованиям. Сталин явно не собирался продолжением войны доводить си-

туацию до иностранной интервенции, не было у него больше и желания иметь дело с финскими партизанами. Финны потеряли в войне около 25 тысяч человек убитыми и 43 тысячи ранеными. Советские потери так никогда и не стали достоянием гласности, но, возможно, доходили до 200 тысяч человек убитыми и 400 тысяч ранеными.

12 марта был подписан советско-финляндский мирный договор, по условиям которого Финляндия сдала Советскому Союзу в аренду на 30 лет полуостров Ханко. В состав СССР вошли весь Карельский перешеек с г. Выборгом, Выборгский залив с островами, западное и северное побережье Ладожского озера, часть полуостровов Рыбачий и Средний, участок территории в районе Куолаярви. По последним данным потери советских войск составили около 290 тысяч человек, из них около 90 тысяч человек убитых и пропавших без вести, а остальные – раненые и сильно обмороженные. Кроме этого были обменены на 847 финских военнопленных 5369 советских военнопленных (99 – осталось добровольно в Финляндии), которые впоследствии были расстреляны, как предатели. Эта практика (обвинять военнопленных в измене, а не разбираться в подлинных причинах поражения войск и попадания личного состава в плен) нашли широкое применение в годы войны с Германией (1941–1945 гг.).

Оборона Финляндии осуществлялась дисциплинированными, грамотно руководимыми солдатами, знакомыми с местностью, привыкшими к местным климатическим и погодным условиям и применяющими тактику, этим условиям соответствующую. Советское же наступление было спланировано по-любительски – без учета характера местности, погоды и соответствующих проблем снабжения. В конце концов удачным оно оказалось лишь потому, что Советское правительство пошло на потери такого масштаба. На основании советских неудач Гитлер и его генералы предположили, что у Советского Союза неэффективное руководство, тактика и вооружение, и он не окажется достойным противником для германской военной машины. Это мнение, к несчастью, разделяли и многие иностранные наблюдатели, включая министерство обороны США.

*Р. Э. Дюпюи, Т. Н. Дюпюи
(Всемирная история войн.
Книга 4 (1925–1997 гг.)
СПб/М., 1998, с. 105–109).*

«Зимняя война»

Начало и цели войны

26 ноября 1939 г. позиции советских войск в районе селения Майнила на границе с Финляндией были обстреляны артиллерией. 30 ноября началась война.

Давно разработанный под руководством Б. М. Шапошникова в Генеральном штабе план контрудара по «зарвавшимся финским агрессорам» не одобрили в Главном военном совете РККА. Товарищ Сталин утвердил «молниеносный» план, разработанный осенью 1939 г. командованием и штабом Ленинградского военного округа под руководством командарма 2 ранга К. А. Мерецкова.

Единственной целью похода сталинская пропаганда объявила обеспечение безопасности северо-западных границ Советского Союза и в первую очередь — Ленинграда.

В задачу данного исследования не входит анализ войсковых операций этой тяжкой для обеих воевавших сторон войны. Однако внешний облик ее, самым тесным образом был связан с временем, место и «обстоятельствами образа действия» одной из самых коротких, самых жестоких и самых «незнаменитых» войн в истории человечества.

Театр военных действий

Карельский перешеек, где развернулись основные боевые действия на протяжении трех с лишним зимних месяцев, — это стокилометровая полоса от Ладожского озера до побережья Финского залива. На перешейке советским войскам пришлось преодолеть весьма мощную укрепленную полосу обороны — Линию Маннергейма.

В 32 км от Ленинграда с 1927 г. при участии немецких, английских, французских и бельгийских военных специалистов сооружалась — и была почти закончена — трехполосная линия долговременных укреплений глубиной до 90 км. В нее входило 670 крупных дотов и дзотов, соединявшихся траншеями и ходами сообщения с 800 подземными казематами. К линии Маннергейма примыкало 136 км противотанковых препятствий глубиной от 15 до 60 км — несколько эшелонированных линий лесных завалов, проволочных сетей, гранитных надолб, противотанковых рвов и эскарпов, минных

полей и проволочных заграждений, перемежавшихся бетонными и дерево-земляными огневыми сооружениями, перехватывавших дороги и межозерные дефиле. Озер в Финляндии было множество. Дороги в том лесном краю также входили в финскую систему обороны.

К озерам добавлялись болота и реки, валуны и возвышенности, даже горы, густой лес — непроходимая тайга. Всегда суровая в этих местах зима была в 1939—40 гг. особенно лютой и ветреной. Морозы доходили до 50°, сорокаградусные стояли по много дней. Снежный покров достигал метра, а то и полутора.

В таких условиях надо было преодолевать предполье. А за ним лежала десятикилометровая главная полоса обороны — 25 узлов сопротивления, каждый из которых состоял из 3—4 опорных пунктов (2—3 дота и 3—5 дзотов) с постоянными гарнизонами силою от роты до батальона. Позиции полевых войск между укреплениями прикрывались противотанковыми и противопехотными заграждениями.

Вторая опорная полоса обороны отстояла от главной на расстояние от двух до пятнадцати километров и местами соединялась с нею отсечными позициями. Третья полоса обороны прикрывала Выборг, в свою очередь являвшийся городом-крепостью. Всего на линии Маннергейма насчитывалось более двух тысяч долговременных огневых сооружений разных классов и типов — от многоэтажных, с бронеколпаками и несколькими пушечными и пулеметными амбразурами, гигантских дотов-«миллионеров» до вооруженных одним пулеметом дзотов. Проволочные заграждения на некоторых участках стояли в десятки рядов — и не только на кольях, но и на вкопанных в землю рельсах.

И все эти укрепления, давно поросшие лесом, были густо засыпаны снегом. Снег покрывал ледниковые валуны, на которых застревали с порванными гусеницами танки. Снег покрывал тонкий лед озер и хляби болот, не давая им промерзнуть до дна. Снег маскировал обороняющиеся войска с воздуха и с земли, снег искажал звуки стрельбы, мешая артиллерийским звукометристам и вводя в заблуждение попавшую под обстрел пехоту.

По всем канонам военной науки того времени наступать в таких условиях, прорывать укрепрайоны такой мощности было невозможно. Линия Маннергейма была неприступна.

Но товарищ Сталин поставил задачу. И Красная Армия ее выполнила. И не за годы осады — за три зимних месяца. Ценой колоссальных потерь.

Соотношение сил

Финляндия, с населением менее четырех миллионов, перед войной создала 300-тысячную армию и военизированные формирования «шюцкор» — около ста тысяч человек. Карельская армия генерала Х. В. Эстермана — 7 пехотных дивизий, четыре отдельных пехотных и одна кавалерийская бригады, несколько отдельных пехотных батальонов — прикрывала направление на Виипури (Выборг). Южнее, на побережье, действовала Аландская группа. Район Сортавала прикрывали группа полковника П. Талвела и армейский корпус генерала Ю. В. Хегглунда. Центральный участок у Суомуссалми был районом войск группы генерала В. Туомпо. В Лапландии дислоцировалась группа генерала Э. Валениуса. Всего насчитывалось около 15 дивизий — максимум 14200 человек личного состава в каждой, при 116 пулеметах и 36 орудиях — финских войск первой линии. Три дивизии было в резерве.

Артиллерия финской армии — около 900 стволов — имела на вооружении старые русские орудия различных калибров и назначения, и вполне современные пушки и гаубицы английского, французского, немецкого, чешского, шведского происхождения, минометы. Неплохими десятидюймовками были вооружены береговые батареи. Артиллеристы на линии Маннергейма имели четко отлаженную систему ведения огня и огневого взаимодействия, могли вести стрельбу по таблицам, пользуясь пристрелянными ориентирами и определенными заранее директрисами, оставаясь при этом невидимыми и неуязвимыми. Заглушить амбразуру финского дота можно было только почти в упор, прямой наводкой из легкого орудия — тяжелое часто было невозможно подтянуть.

ВВС Финляндии насчитывали к началу войны 270 (боевых — 108) самолетов, в основном, английских, французских и голландских конструкций, преимущественно истребителей. От западных государств в ходе войны поступило еще 350 машин. Кроме того, Запад поставил финнам 500 артиллерийских орудий, 6 тысяч пулеметов, сто тысяч винтовок, миллионы единиц боеприпасов, другое вооружение и снаряжение. Финны, правда, рассчитывали на гораздо большее...

Из 29 финских боевых кораблей самыми мощными были броненосцы береговой обороны «Вяйнямёйнен» и «Ильмаринен». Остальной состав финского флота — три канонерские лодки, пять современных субмарин, сторожевые и торпедные катера, тральщики, минные заградители, ледо-

колы. Береговые батареи на побережье и островах Ладожского озера и Финского залива представляли собой достаточно грозную силу.

Перед началом войны по живой силе войска Красной Армии превосходили противостоящие им финские вдвое, по артиллерии впятеро, по авиации — почти вдесятеро.

Танков было почти в двадцать пять раз больше. Если сравнить тактико-технические характеристики массового советского танка Т-26 и состоящих на вооружении финской армии устаревшего «рено» FT-17 или 6-тонного «Виккерса», то цифры получатся для финнов совершенно убийственные. А ведь в составе советских войск действовало немало более совершенных БТ-5 и БТ-7, танки-амфибии, две бригады трехбашенных средних танков Т-28. Советские пушечные бронев автомобили уступали легким танкам только по проходимости.

В бою на Карельском перешейке участвовало несколько батальонов и отдельных рот огнемётных танков ОТ-26 и ОТ-130, выбрасывавших струю горячей огнесмеси — мазута с керосином — на расстояние до 50 метров. Это было страшное оружие против дотов.

Карельский перешеек стал опытным полигоном для мостового танка на базе БТ-7 и для трех самых мощных в мире тяжелых танков СМК, Т-100 и КВ. Подбитый СМК вытащили после окончания боя только с помощью шести танков Т-28. Предполагалось использовать в боях две тяжелые самоходные 152-мм пушки СУ-14 на базе танка Т-35.

Артиллерийские удары наносили не только легкая полковая артиллерия и сопровождавшие пехоту «сорокапятки», но и солидные дивизионные и корпусные пушки и гаубицы, артиллерия крупных калибров, большой и особой мощности. С моря били орудия линкоров и эсминцев Краснознаменного Балтийского флота, кронштадтские форты.

Стрелковое оружие советских и финских войск было, в основном, то же, что в Первую мировую у русской армии — трехлинейки и «максимы», лишь незначительно переделанные или модернизированные в 20-е и 30-е годы. Ручному пулемету «Дегтярев пехотный» финны могли противопоставить свой «Лахти-Салоранта».

На вооружении советских войск было некоторое количество устаревших автоматов Федорова и новейших, но выпущенных малой серией автоматических винтовок Симонова. Основным образцом индивидуального автоматического оружия была токаревская самозарядная винтовка обр.

1938 г. СВТ была для своего времени весьма совершенным оружием, но чрезвычайно чувствительным к морозу и загрязнениям.

А пистолеты-пулеметы Дегтярева незадолго до войны распоряжением Главного артиллерийского управления изъяти из войск и отправили на склады. Война быстро доказала всю ошибочность этого «революционного» шага. Финские 9-мм пистолеты «Суоми» М-31 доставили много неприятностей советской пехоте, а противопоставить им в начале кампании было практически нечего. В январе 1940 г. ППД вернули на вооружение РККА. Советские конструкторы разработали новые модификации и конструкции такого оружия, — но это было уже в канун Отечественной войны.

Командиры РККА были, в основном, вооружены безотказными наганами; у многих имелись еще не очень привычные ТТ. Некоторые командиры и комиссары, особенно из высшего звена, вооружались длинноствольными маузерами в деревянных колодках, пистолетами Коровина, браунингами и иными пистолетами.

У финнов кобурное оружие также представляло собой конгломерат систем, в основном, европейских. Но имелся и свой образец — «Лахти-35» — удачная композиция конструктивных решений Люгера, Бергманна, Баярда и Браунинга.

ВВС РККА располагали самыми тяжелыми в мире четырехмоторными бомбовозами ТБ-3, средними бомбардировщиками дальнего действия ДБ-3, скоростными бомбардировщиками СБ, скоростными и маневренными поликарповскими истребителями И-16, И-15бис, И-153 «Чайка», разведчиками Р-5, связными У-2 и машинами других типов. Кадры сталинской авиации, несмотря на репрессии и чистки, насчитывали сотни превосходных летчиков и штурманов, стрелков и техников, среди которых многие имели опыт боев в Китае, Испании и Монголии, боевые ордена и звания Героев Советского Союза.

Силы КБФ обладали к началу конфликта линейными кораблями «Марат» и «Октябрьская революция», легким крейсером «Киров», лидерами «Ленинград» и «Минск», двумя десятками эсминцев типов «Новик» и «семерка», торпедными катерами, сторожевиками, тральщиками, почти 60 подводными лодками и несколькими десятками кораблей иных классов. Свыше полутысячи машин имела авиация Балтики — истребители, разведчики, бомбардировщики, гидропланы.

С Ладоги действия сухопутных войск прикрывала Ладожская озерная военная флотилия — малочисленная, не располагавшая мощной артиллерией, но все же способная решать задачи огневой поддержки, защиты коммуникаций и сковывания озерно-речных сил финнов.

На севере советско-финского фронта — от побережья Баренцева моря вдоль финской границы до Ладоги — действовали 14-я, 9-я и 8-я армии. Правый фланг фронта прикрывал Северный флот. Но боевые действия севернее Ладожского озера носили преимущественно вспомогательный характер. И боевой состав каждой из трех этих армий насчитывал лишь от двух до четырех стрелковых дивизий.

Стрелковая дивизия РККА в 1939 г. численностью около 19 тысяч человек имела на вооружении своего артполка 12152-мм или 28122-мм гаубиц, 42 орудия полковой артиллерии (76 мм), 5445-мм пушки в артдивизионах стрелковых полков, около сотни минометов калибром от 50 до 120 мм. В дивизию входили батальон танков Т-26 и бронемобильный батальон. В каждом из трех стрелковых полков (до 2900 человек личного состава) имелись 81 ручной и 58 станковых пулеметов, 6 полковых и 6 противотанковых пушек, свои инженерные средства и средства связи. В дивизии были также медсанбат, батальон обеспечения, инженерный батальон, батальон связи, зенитная батарея и штаб. Огневая мощь дивизии была самой высокой в мире.

На всем 1500-км фронте развернулось около двадцати советских стрелковых дивизий. Более половины их входило в образованную из войск ЛВО 7-ю армию усиленного состава под командованием командарма 2 ранга К. П. Мерцкова. Согласно составленному им же плану, 10-й, 19-й, 34-й, 50-й стрелковые корпуса трехдивизионной организации, 10-й танковый корпус (660 танков), три танковые бригады (по 330 танков в каждой), отдельная стрелковая бригада, одиннадцать отдельных артполков, несколько отдельных танковых батальонов и артиллерийских дивизионов, авиация армии наносили удар по Карельскому пешейку.

Первый месяц войны

30 ноября после получасовой артподготовки в 8 часов утра войска ЛВО в составе 18 стрелковых дивизий и пяти танковых бригад — 450 тысяч человек, 1576 орудий, 1476 танков, 2446 самолетов — перешли финскую границу и двинулись

в наступление. Предполагалось сломить финское сопротивление дней за десять.

Но к 12 декабря на Карельском перешейке части Красной Армии продвинулись лишь на несколько десятков километров. Впереди было предполье линии Маннергейма.

Полосу обеспечения главной линии обороны Красная Армия преодолевала 25 дней, неся огромные потери, — от огня финских снайперов, от взрывов мин, от артналетов, от налетов легких подвижных отрядов финских лыжников, наконец, от лютых морозов, которые погубили народу гораздо больше, чем противник. Войска утрачивали моральный дух, тылы отставали, и возникала острая нехватка боеприпасов, топлива, продовольствия, теплого обмундирования. Даже медицинскую помощь порой оказать было почти невозможно. Маневр был ограничен обочинами снежных дорог в сугробах — под снегом могла оказаться мина.

В боевых действиях вблизи границы принимали участие и пограничники. Отряд пограничников тайно проник на финскую территорию броском через тундру и внезапным ударом захватил город Петсамо (Печенга) и порт. Помимо отдельных рот, батальонов и иных формирований погранвойск в войне с Финляндией принимало участие восемь полков НКВД, осуществлявших «особые функции» в прифронтовой зоне. Занимались они «очисткой территории», «истреблением вражеских элементов» — привычным чекистским делом. Попутно войска НКВД выполняли роль военной полиции по отношению к бойцам и командирам Красной Армии. Конвоировать же пленных финнов чекистам пришлось в гораздо меньшей степени, чем предполагалось.

С первых часов войны советские авиабомбы обрушились на Хельсинки и окрестности. Свыше 44 тысяч бомбардировок было произведено по финской территории в ходе Зимней войны.

Флот блокировал побережье Ботнического и Финского заливов. Десанты заняли несколько островов в восточной части Финского залива. Корабли, морская авиация и артиллерия фортов наносили удары по береговым объектам финнов. Подводные лодки КБФ совершили ряд успешных походов, потопили или задержали несколько транспортов, но ледовая обстановка в середине января вынудила корабли прекратить действия на море. Действовали только авиация и морская пехота Балтфлота.

В ходе войны из моряков КБФ было сформировано несколько батальонов для действий на суше — на островах

и в шхерах. Для обороны острова Гогланд и боевых операций на льду флот сформировал особую стрелковую бригаду и пять стрелковых батальонов. Для прикрытия фланга и тыла 7-й армии от ударов со стороны Финского залива создали полторатысячный береговой отряд сопровождения, усиленный танками и артиллерией. Моряки-добровольцы, пришедшие в отряд с разных кораблей и частей, воевали и на льду Финского залива и в лесах Карельского перешейка.

Северный флот своей артиллерией обеспечивал боевые действия в районе Петсамо, выставлял минные заграждения. В море находились дозоры надводных кораблей и подводных лодок.

С 17 декабря войска Мерецкова начали преодолевать линию Маннергейма, но через шесть дней наступление пришлось остановить.

В декабрьских боях советские войска потерпели ряд неудач. В наступлении на Суомуссалми 163-я дивизия попала в окружение, но вырвалась с большими потерями. Знамя 18-й дивизии досталось финнам в качестве боевого трофея. Восточнее Суомуссалми финны зажали растянувшуюся вдоль дорог недавно прибывшую на фронт 44-ю стрелковую дивизию и почти на треть уничтожили ее личный состав, захватив огромное количество вооружения и техники. Виновных в неудачах командиров и комиссаров полков, дивизий и корпусов отстраняли от должностей, а некоторых отдавали под трибунал.

Истинных же виновников следовало искать гораздо выше. Умозрительные стратегические построения высшего командования, «шапкозакидательское», пренебрежительное отношение к противнику, грубые тактические просчеты привели к трагическим последствиям.

В конце декабря на Карельском перешейке была создана новая, 13-я армия. 7 января из 7-й и 13-й армий был сформирован Северо-западный фронт под командованием командарма 1 ранга С. К. Тимошенко. Войска фронта месяц готовились к прорыву линии Маннергейма. Для наступления севернее Ладожского озера на базе части войск 8-й армии развернулась 15-я армия.

Через линию Маннергейма до Выборга

3 февраля командованием СЗФ было окончательно принят план предстоящей операции, определены направления

ударов. 7 февраля войска фронта начали наступление. К 10–11 февраля на участке 123-й дивизии была прорвана главная полоса обороны линии Маннергейма.

17 февраля финское командование начало отвод своих частей на вторую линию обороны, опасаясь выхода советских войск в тыл Карельской армии. К 21 февраля соединения 7-й армии прорвались к второй линии обороны, а войска 13-й армии — к главной полосе обороны. С 19 по 24 февраля войска 7 А, совместно с береговыми отрядами моряков КБФ, овладели рядом островов в Финском заливе.

Перед прорывом второй полосы обороны советские войска произвели перегруппировку и 28 февраля продолжили наступление. 2 марта войска вышли к тыловой линии обороны, перерезав ряд важных коммуникаций; одновременно завязались бои за Выборг.

13 А развивала наступление на Кексгольм.

4 марта по льду Финского залива внезапно был обойден Выборгский укрепрайон.

7 марта финская делегация прибыла в Москву для ведения мирных переговоров.

К 12 марта был практически завершен прорыв линии Маннергейма, и была занята большая часть Выборга. В ночь на 13-е город взяли.

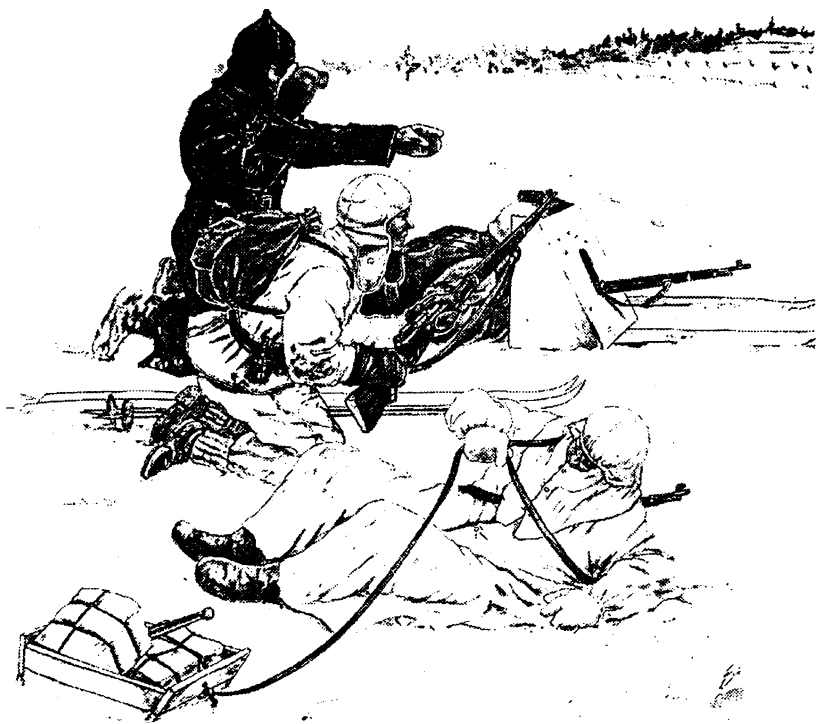
12 марта в Москве был подписан мирный договор. 13 марта в 12 часов по московскому времени военные действия прекратились.

Вглядимся же поближе в тех, кто в немислимо трудных условиях воевал по обе стороны фронта, в их обмундирование, снаряжение, вооружение и отчасти — тактику, даже во фронтовой быт.

Кабинетные теории и боевая практика

Боевая подготовка РККА мирного времени во многом носила теоретический характер, не выдержавший испытаний боями в суровом финском климате. Ценой крови обходились и умозрительные построения военных теоретиков, приходившие в противоречие с реалиями войны. Многие, не имевшие аналогов в международной военной практике, изобретались непосредственно на поле боя, на одной из самых необычных войн в истории. Многие из того, что приходилось — опять же ценою крови — преодолевать сражающимся войскам, было следствием головоутияства и некомпетентности командиров, политработников, штабистов, ин-

тендантов всех уровней, циничным и лицемерным отношением «вождей» к рядовым труженикам войны. Калейдоскоп приведенных ниже фактов и подробностей, почерпнутых из прессы и литературы, дает далекую от барабанно-трескучей пропаганды картину того, как действовали и выглядели на Зимней войне воины Красной Армии.

Свидетельствует командир отличившейся при прорыве линии Маннергейма 173-й стрелковой дивизии Ф. Ф. Алябушев — действие происходит во второй половине декабря:

«Стояли морозы в 35–40 градусов. Бойцы ютились в норах. Землянок не было. В такой обстановке трудно было вести серьезную борьбу с противником, которая требовала тщательной подготовки, точного плана.

Необходимо было как можно скорее обогреть и ободрить бойцов. Построили землянки, поставили в них печи. Получили перчатки, валенки, телогрейки, а для командного состава еще и полушубки. Усилили питание».

Полушубок тоже не всегда соответствовал условия. Д. Ортенберг описывает, как ехал писатель Петр Павленко спецкором армейской газеты в Ухту, — «одетый уже по-зимнему, в черном полушубке в черных валенках по самые колени и черной же шапке-ушанке, — словом, в обмундировании, совсем не гармонизировавшем с белым зимним пейзажем Севера».

Длиннополые шинели из прочного сукна цеплялись за колючую проволоку, и застрявший в заграждениях красноармеец попадал под огонь финнов. Маскировочные балахоны на бегу путались в ногах, капюшон сползал на каску, а сдвинувшаяся на глаза каска закрывала обзор — достаточно было слабо затянуть шнурки или подбородный ремешок. Споткнувшийся или полуслепший боец становился мишенью.

Многим бойцам и командирам приходилось подолгу лежать в глубоком снегу под огнем противника, в снайперской засаде, в разведывательном секрете. Мороз сковывал тело, а малейшее движение вызывало стрельбу с финской стороны. Суконная и войлочная одежда и обувь часто промокали насквозь, обледеневали, стесняли движения. А в мокрой одежде на морозе боец переохлаждался, получил обморожения, простужался. Больными и обмороженными войска потеряли людей не меньше, чем от огня противника.

С большими трудностями сталкивались советские бойцы при действиях на льду залива. Естественных и искусственных укрытий, как на суше, не было, а угодить в полынью или облиться ледяной морской водой при близком разрыве можно было в любой момент. В сходном положении оказывались красноармейцы на незамерзших болотах или на залитых водой из спущенных шлюзов долинах. В обледеневшей одежде, в промокших валенках держались только на силе воли. Выручала старая уловка северян — намочить снаружи валенок и дать ему обмерзнуть, чтобы не промокал дальше. Но когда ледяной коркой покрывалась вся одежда, не то что воевать — двигаться было почти невозможно. Однако и двигались и воевали, а сушились по возможности,

Научились и зиму превращать в союзника. У финнов переняли опыт сидения в снежных норах в долговременных засадах. В снежной пещерке было не холодно и удобно.

В мирное время подготовка танковых экипажей по преодолению противотанковых препятствий была недостаточной, на занятиях допускались условности, обучение ограничивалось теорией. Учиться пришлось на войне. В качестве

полигонов и мишеней использовали захваченные финские укрепрайоны, доты, проволочные заграждения и надолбы. Оказалось, например, что 45-мм танковая пушка способна раскалывать железобетонные надолбы — танки сами прокладывали себе дорогу.

Опыт боев также показал, что успешно действовать в укрепрайонах танки могут только вместе с саперами и пехотой.

Пехота в ходе боев училась взаимодействовать с танками. Тихоходный Т-26 и был изначально танком сопровождения пехоты, а в глубоком снегу скорость передвижения человека и танка была почти одинакова. Пехота продвигалась по глубоким танковым колеям — водители строго предупреждали о недопустимости заднего хода. Пехота влезала на броню, а пулеметчики упирали сошки своих ДП в крыши башен и вели огонь. На башни устанавливали даже «максимы». Танкисты прокладывали путь пехоте огнем, броней и гусеницами, а пехотинцы прикрывали ружейным огнем танки от гранатометчиков — кроме гранат финны бросали бутылки с бензином, — уничтожали расчеты противотанковых пушек.

Наряду с наступательной функцией танки выполняли и транспортную. Сидящая на броне пехота в белых масках-латах впервые появилась на финской войне. К танкам цепями прикрепляли бронированные волокуши, в которых лежал помещалось до семи пехотинцев. У переднего края бронесани отцепляли, а пехотинцы шли в бой при поддержке огня оставившего их на рубеж атаки танка, не отставая от машины.

Пехота училась взаимодействовать и с артиллерией, наступать на короткой дистанции за своим огненным валом. Впоследствии эта тактика применялась в боях Отечественной войны. Применялась и тактика ложного переноса огня с обстрелянных участков вглубь вражеских позиций, а после паузы — новый обстрел переднего края. Так уничтожался переместившийся на него противник. Остальное довершала пехота огнем и штыком.

Опыт финской войны показал, что уставное положение винтовки с примкнутым штыком — приклад прижат к бедру — не отвечает реальным условиям боя. Красноармейцы шли в штыковую атаку, держа винтовки перед собой, — это позволяло выиграть несколько лишних сантиметров, а также сбивало противника с толку.

На финской же родился и новый захват винтовки левой рукой за цевье — не у ложевого кольца, а у магазинной короб-

---

ки. Это тоже давало выигрыш в расстоянии, не уменьшая силы удара. Через много лет Г. К. Жуков удивил индийских военных этими русскими приемами штыкового боя.

Пистолеты носили не только в кобурах — за пазухой шинели в бою держать оружие было удобнее. Оно оставалось теплым и не отказывало на холоде.

Опыт войны в снегах показал, что заправка водой кобуха «максима» через маленькое отверстие превращается на морозе в большую проблему. И с 1940 г. в войска стали поступать «максимы» с широкой горловиной наверху рифленого кобуха. Теперь можно было наполнить охладитель пулемета даже снегом и льдом. Финское изобретение сильно выручало советских пулеметчиков в Отечественную.

Смазное автоматическое оружие при стрельбе моментально подергивалось пленкой льда и отказывало. Поэтому ручные пулеметы и самозарядные винтовки промывали в бензине или керосине и насухо протирали. Табельная зимняя смазка, оказывается, не была рассчитана на сорокаградусный мороз.

Передвижные бронированные щитки для стрельбы лежа из винтовки появились еще в Первую мировую. На финской о них вспомнили. Выбеленные стальные трехгранники с амбразурой бойцы устанавливали на лыжи и толкали перед собой.

Санки наподобие детских использовались для подвоза артиллерийских боеприпасов, саперного имущества. На лодочках-волокушах и русские и финны перевозили по снегам пулеметы и раненых. Такие лодочки одобрил знаменитый военный медик академик Н. Н. Бурденко, посетивший один из госпиталей на фронте у Суванто-ярви. Раненых эвакуировали и на импровизированных носилках, сделанных из шинели с просунутыми в рукава лыжами. Лыжи служили полозьями для самодельных санок. Фанерные лодочки-волокуши чаще всего делали своими силами прямо в прифронтовой зоне, беря материал в развалинах населенных пунктов. На санках и лодочках транспортировали взрывчатку до линии проволочных заграждений, но по изрытой снарядами местности саперы волокли 50-килограммовые ящики на себе. Ползком, под обстрелом...

Противогазы в зимних боях почти не использовались. Но когда на одном из участков финны применили хлорпикрин — удушающее отравляющее вещество низкой токсичности, — этот факт был немедленно подхвачен советской пропагандой. Полевые войска довольно быстро справи-

лись с химической атакой без человеческих потерь. К тому же на холоде действие некоторых ОВ значительно ослабляется.

Мороз выводил из строя телефонную связь: обмерзала мембрана, отсыревал угольный порошок в микрофоне. Связисты постоянно грели телефонные трубки за пазухой. Замерзающий электролит батарей приходилось заменять перенасыщенным раствором соли.

Не хватало саперных ножниц для резки колючей проволоки, под финским огнем заграждения рубили лопатами, рвали гранатами, неся неоправданные потери. А это было даже на четвертом месяце войны, когда войска накопили драгоценный, кровью оплаченный боевой опыт.

Чтобы избежать скручивания плечевых лямок термосов для переноски горячей пищи, бойцы подкладывали под лямки рукавицы. Но потом, оберегая руки от мороза, стали применять самодельные войлочные подушки.

Тыловые службы не сразу, но довольно успешно приспособили свою деятельность к условиям этой войны. В войска стали поступать концентраты для приготовления пищи бойцами в своих котелках, таганки и сухой спирт для них. С 1 января 1940 г. стали выдавать водочную норму (наркомовские сто грамм) и сало. На фронте оборудовались передвижные бани. Фронтовики получали возможность отдохнуть в палаточных «домах отдыха», где организовывались и мытье, и стрижка, ремонт обмундирования и обуви. Медицинская помощь оказывалась в полевых госпиталях и медсанбатах, тяжело раненых отправляли в тыловые лечебные учреждения, вплоть до лучших клиник Ленинграда и других городов. Пересматривались многие нормативы снабжения войск, планирования и организации перевозок военных грузов. Работу войскового автомобильно-гужевого и железнодорожного транспорта приспособляли к условиям специфического финского ТВД.

В экстренном порядке пришлось налаживать выпуск теплого и маскировочного обмундирования, организовывать санитарный транспорт всех видов. А на железных дорогах отсутствовало оборудование для экипировки и обслуживания санитарных поездов. Раненых поначалу эвакуировали в обычных товарных вагонах.

Белое безмолвие финских снегов, белые маскировочные халаты пехоты, белые халаты врачей и санитаров, белые простыни госпиталей — и опять, если вернулся в строй, белый снег, белый маскхалат... Даже противник назывался «белофинном». И на нем тоже был надет белый халат.

В «белые маскхалаты» оделась и боевая техника. Почти все советские танки были выкрашены в белый цвет. Белой краской красили щиты и стволы не только «полковушек» и «сорокапятков», но и выдвинутые на открытые позиции 122-мм гаубицы. Покрывали орудия и белыми чехлами. Даже действовавшие с закрытых позиций могучие 152-мм гаубицы-пушки окрашивали под цвет зимнего пейзажа. Белили и некоторые самолеты фронтовой авиации, командирские «эмки».

На этой войне досталось не только людям и технике. На конной тяге были полковая, противотанковая и легкая гаубичная артиллерия, некоторые другие артсистемы. Лошади использовались для подвоза всевозможных грузов, и иногда конные перевозки по своим показателям превосходили автомобильные. Наконец, во многих частях существовали взводы конной разведки. Но кавалерию, как род войск, на финской почти не применяли. Конница хороша в чистом поле, в степи, в горах и в пустынях, а не в замороженной тайге, где под снегом полно валунов, мин и проволочных препятствий. Конь был у некоторых командиров пехоты и артиллерии, но только в качестве транспорта на походе. А на санях ездил даже сам командующий фронтом С. К. Тимошенко.

Лыжная подготовка красноармейцев в большинстве случаев оставляла желать лучшего. Да и лыжи в войсках имелись в недостаточном количестве. Это не только затрудняло передвижение по снегу, но и часто не позволяло преследовать отступающих финнов.

Длинные перебежки по снегу утомляли бойцов, и некоторые дальновидные командиры пускали свою пехоту короткими. Это давало бойцу несколько секунд для передышки и маскировки от вражеского огня. К тому же появлялась возможность прикрывать огнем перебегающий товарищей. На смену тактике наступления густыми цепями пехоты пришла тактика расчлененного движения. При этом каждый боец по-суворовски знал свой маневр, обладал накопленным в боях личным опытом. Таким войскам не могла нанести существенный урон даже артиллерия.

Многих красноармейцев губили беспечность и потеря бдительности. В караулах и дозорах следили только за фронтом, забывая про тыл, — а с тыла тихо подбирались финские лыжники, но вскоре с беспечностью было покончено. Советские лыжники-разведчики двигались расчлененными группами, обеспечивая друг друга наблюдением, охранением и огнем. «Пошел в разведку — посмотри и на ветки» — эту нехитрую сол-

датскую заповедь тоже породил опыт войны. Действия в неразведанном лесу приводили к потерям.

Но все эти приемы ведения войны и множество других приходилось изобретать и применять в ходе жестоких зимних боев с умелым и стойким противником. Теоретические разработки и тактические руководства не могли предусмотреть всей специфики финляндского зимнего ТВД. Какой теоретик мог придумать, например, скрытый способ незаметного продвижения в глубоком снегу по кротовьи, роя ход-нору? Руководства по обслуживанию танков не давали советов по оборудованию теплой палатки из танкового чехла на крыше моторного отделения, обогревавшейся потоком теплого воздуха из воздушного кармана вентилятора.

Искусство артиллерийского боя обогатилось не применявшимся доселе приемом: тяжелые 203-мм и 152-мм гаубицы били прямой наводкой с 300—400 метров по мощным бетонным дотам и разрушали их считанным числом попаданий. Впоследствии советская крупнокалиберная артиллерия на прямой наводке работала и в Кенигсберге, и в Берлине, и в Маньчжурии. И передвижение тяжелой артиллерии по изрытому снарядами льду на самодельных полозьях не предусматривалось Боевым уставом артиллерии РККА — и ни одним артиллерийским уставом в мире.

И наставления по военно-инженерному делу не давали рекомендаций по намораживанию гатей из бревен по тонкой ледяной корке над трехметровой пустотой русла ушедшей за спущенную плотину реки, по постройке мостов под огнем противника, по преодолению минных полей на 40-градусном морозе среди спутанных колючей проволокой вековых лесов и древних валунов.

Трагическая Зимняя война одновременно стала и великой школой для многих советских бойцов и командиров, своей кровью и отвагой опровергавших кабинетную военную теорию. Но плодами их подвигов, как водится, воспользовались «вожди».

Финские солдаты в зимних боях

Выросшие среди прекрасной и суровой природы финны были отлично при приспособлены к ней с детства. Национальный характер ярко проявлялся в зимних боях, в действиях одиночных бойцов и мелких групп, в непривычной для русских тактике, даже во внешнем виде воинов Суоми.

Финские маскировочные халаты с капюшонами мало отличались от красноармейских, и в лесном бою часто вводили в заблуждение: свой? чужой? Но состоявшие из куртки с капюшоном и штанов белые костюмы были не только удобнее для боевых действий: они почти не оставляли места для сомнений. Белое полотно финских маскировочных костюмов было прочнее советской бязи, а плотность ткани давала дополнительную защиту от ветра. Финский лыжник мог воевать в своем белом костюме, надетом на суконный мундир с поддетым под него свитером. Такая одежда не стесняла движений, в отличие от тяжелого и толстого многослойного зимнего наряда красноармейца. Были у финнов и белые чехлы для ранцев и рюкзаков.

Белую маскировочную одежду финны перепоясывали и белыми ремешками и обычными кожаными. Темное снаряжение на белой одежде весьма незначительно снижало ее маскировочные свойства. Немцы в зимних боях на Восточном фронте также носили ремни полевого снаряжения поверх белых костюмов, — главное, что силуэт человека сливался с белым снежным покровом, а темные линии ремней дробили его очертания, искажая восприятие глазом.

Финны обувались не только в кожаные сапоги, но и в валенки. Финские национальные лыжные сапоги — пьексы — с верхним рантом и крючком на носке не были табельной военной обувью, но широко применялись в войсках, передвигавшихся на лыжах, а уж в этом искусстве финны совершенствовались с детства.

Финские приемы движения на лыжах отличались от неуклюжих «спортивных» способов, применявшихся красноармейцами. Финн мог бежать на лыжах, не пользуясь палками, стремительным оленьим аллюром, оставляя руки свободными для действий оружием. Финские лыжники, отступая, брали свои «Суоми» под мышку стволом назад и отстреливались, не прекращая движения.

Финны действовали мелкими контрударными, фланговыми вылазками в тыл советских войск, не ввязываясь в затяжной встречный бой, а рассыпались мелкими группами и по одиночке и стремительно исчезали в лесу. Среди финских лыжников были специальные артиллерийские расчеты, в задачу которых входили захват советских орудий и стрельба из них по советским войскам. Лыжники-артиллеристы имели заранее составленные таблицы расчетов для такой стрельбы.

Финский нож — пуукко — сопровождал финского крестьянина, лесоруба, охотника, солдата в любых обстоятельствах.

Произвольного образца, любовно сделанный, с рукояткой из карельской березы или оленьего рога, с лезвием, кривизна которого выверялась веками и давала наилучший режущий эффект — недаром форма медицинского скальпеля скопирована с пуукко, — нож резал хлеб и мясо, строгал лучину для растопки, свеживал убитую дичь и разделявал рыбу, а на войне бесшумно вонзался в противника. Не только слева на поясе подвешивался пуукко, но и справа, чтобы можно было выхватить его из глубоких кожаных ножен резким коротким движением снизу вверх и ударить сверху вниз.

Финны, большие мастера флангового обхода и окружения, сами не выдерживали аналогичной тактики и оставляли поле боя. Но при этом старались не оставлять раненых и убитых, хотя технику и вооружение часто бросали в немалых количествах. При невозможности эвакуации раненых нередко добивали, трупы сжигали. Это варварство вызывало справедливое возмущение красноармейцев, сталкивавшихся с такими явлениями. Но так поступали в далеком средневековье все варяжские племена.

Финские снайперы часто применяли разрывные пули типа «дум-дум». Эти боеприпасы, запрещенные во многих странах, причиняли сильные увечья, но не пробивали каски и тем более — стальные щитки пулеметов и передвижные стрелковые.

На деревьях финны нередко оборудовали люльки и помосты для наблюдателей, снайперов и автоматчиков — их прозвали «кукушками». Однако такой способ ведения одиночных боевых действий почти не оставлял сидящему на дереве солдату шансов для отступления, а даже легкое ранение могло привести к смертельному падению. Поэтому финны — храбрецы, индивидуалисты, но отнюдь не фанатики — гораздо реже, чем это представлялось красноармейцам, становились стрелками-смертниками. Большинство «кукушек» было плодом воображения.

Финны были хорошо подготовлены к ведению оборонительного боя, искусно использовали местность, хорошо маскировались. Недостаток орудий полевой артиллерии они компенсировали продуманной и взаимосвязанной системой ведения огня, применяли принцип «кочующих орудий». Маскированным огнем из автоматического оружия финны создавали впечатление действий больших сил.

В качестве тягловой силы в северных провинциях Финляндии армия использовала северных оленей.

Зимняя война породила много неясностей и небылиц с самого ее начала, в ходе ее, непосредственно после. И да-

---

же сейчас, по прошествии стольких десятилетий, для историков остается большое количество «белых пятен», необъяснимых противоречий и неразоблаченной лжи. А уж в этом искусстве пропагандисты Запада и Востока преуспевали во все времена.

Пропаганда и реальность

Пропаганда всегда была оружием тех, кто желаемое стремился выдать за действительное. А сталинская пропаганда всегда была густо замешана на терроре и лжи.

С того кровавого замеса началась и эта война. Ее и войной-то предпочитали не называть — так, «вооруженный конфликт».

По официальной версии в заявлении Молотова от 27 ноября 1939 года говорилось о четырех убитых и восьми раненых в районе Майнила бойцах и командирах. В журнале боевых действий 68-го стрелкового полка 70-й стрелковой дивизии есть броская запись о трех убитых и шести раненых. А в оперативных сводках штаба 70 СД нет сведений о наличии артиллерии на финской стороне. В сведениях о боевом и численном составе 68 СП количество людей неизменно с 25 по 28 ноября, следовательно, потерь не было.

Но выстрелы все же были. Есть серьезное мнение, не подтвержденное впрямую документами, но опирающееся на косвенные факты и свидетельства, что роковые пять выстрелов были провокационной инсценировкой спецслужб НКВД.

А у советского народа, черпавшего информацию из газет, не могло возникнуть никаких сомнений в том, что это было провокацией финской военщины. Имелся злобный капиталистический противник, науськанный империалистами Англии и Франции и не соглашавшийся с настойчивыми миролюбивыми предложениями Советского Союза отодвинуть границу от Ленинграда в обмен на большие территории в Карелии. На деле же было иначе.

Кроме того, у товарища Сталина имелось готовое «правительство Финляндской демократической республики» во главе в видном коминтерновцем Отто Куусиненом, состоявшее из финских коммунистов-эмигрантов. У этого «правительства» были даже вооруженные силы — 1-й финский народный корпус — несколько полков пехоты (бывший 106 СК РККА).

Намечалась насильственная «советизация» маленькой нейтральной соседней страны, настоящий экспорт рево-

люции. Товарищ Жданов детально — сохранились документы — разрабатывал практические меры, действия и теоретическую базу деятельности «народного фронта». Но вскоре после начала военных действий пришлось «забыть» о перебрывшемся в Териоки «рабоче-крестьянском правительстве» Куусинена.

Война назревала, войска стояли наготове. Требовался повод для начала, — и повод «организовали». Так было в Глейвице — так было у Майнила. Вермахт пошел на Польшу. Красная Армия пошла на Суоми. Казалось, предстоял быстрый и победный поход.

Советским войскам в Финляндии пришлось вести бои в насыщенных оборонительными сооружениями укрепленных районах, в заболоченной тундре, в залитой водами спущенных шлюзов Саймен-канала низменности под Выборгом, в окружении среди лесов и болот, без боеприпасов и продовольствия, без медпомощи и теплой одежды.

Злосчастная 44-я дивизия (и не одна она!) в декабрьскую стужу ходила в бои в брезентовых сапогах. Переброшенная с Украины дивизия осталась в хлопчатобумажном обмундировании, не успев получить суконное и ватное.

Некоторые командиры окруженных и разбитых советских частей кончали самоубийством, других арестовывали и отдавали под трибунал. Трагедии первого месяца войны как бы повторялись и под конец ее.

Но какие бы потери ни несли войска, как бы ни приходилось расплачиваться за просчеты высшего командования, советские воины проявляли подлинный героизм. Совершенно заслуженно соединения и части награждались орденами, а бойцы и командиры получали награды за боевые подвиги.

Советская пропаганда, разжигая чувства классовой ненависти, беспрестанно называла противостоящую сторону как в 1918 году — «белофиннами». Конечно, если иметь дела с «красным» финским «правительством» Куусинена, то все прочее население страны Суоми — финны, шведы, карелы, немцы, лопари, русские — действительно получалось иного цвета.

Регулярная армия пренебрежительно именовалась «шюцкором», ее солдаты — шюцкоровцами. Да, шюцкор, добровольное ополчение (типа милиции) известное своим антикоммунистическим настроем, воевало на этой войне — и воевало всерьез, финны вообще народ серьезный, — но не каждый же вооруженный финн в форме был ополченцем.

И не каждый финский снайпер или автоматчик в засаде был полумифической «кукушкой». Почему-то сами финны по сей день сомневаются в существовании этих сидевших на деревьях стрелков. А советские участники войны твердили про «кукушек» во всех своих воспоминаниях. Так где же истина?

Войска в снегах Финляндии вели тяжелы изматывающие бои, брали доты, теряли людей и технику, делали свое тяжелое солдатское дело. А московское радио привычно передавало: «На Карельском перешейке без перемен». В газетах в первый месяц войны сообщалось, в основном, о продвижении советских войск, мелких стычках и артиллерийской перестрелке. Подробности опускались. Побед не было, зато неудач хватало, — а об этом в советской прессе писать не полагалось. Неудачи могли быть только у противника. Поэтому скупые репортажи о наступлении всегда давали перечень захваченных финских укреплений и населенных пунктов, а цифры финских потерь в людях и технике значительно превышали советские.

Доты и деревни на своей земле финны, конечно, не захватывали — отвоевывали, и нередко, — а что касается потерь...

Население Советского Союза читало газеты, слушало радио, а в магазинах тем временем исчезали продукты первой необходимости, выстраивались очереди, скрыто вводилась карточная система распределения. Маленькая и — если верить газетам — довольно победоносная война с маленькой страной поставила громадный Советский Союз на грань экономического бедствия.

Маленькой Суоми удалось выстоять. Финны и другие народы Финляндии воевали за свою свободу и независимость. Техническая помощь Запада спасла финскую армию от полного разгрома, а 11,5 тысяч иностранных добровольцев — воевало из них, правда, всего несколько батальонов — стали мощным моральным подспорьем сражающимся финнам. Кстати, на стороне финнов выступало немало тех, кто совсем недавно в рядах интернациональных бригад защищал Испанскую республику от франкистов.

Финны обороняли землю своей родины. Советский Союз стремился проглотить бывшую часть Российской империи, а заодно показать силу и мощь. Но вышло не так, как замышлялось в Кремле.

Известный большевистский лозунг «Железной рукой загоним человечество к счастью», начертанный и на мрачных советских стенах, вполне переключался с нацистским «Рабо-

та делает свободным», украшавшим ворота концлагерей. А финнам в концлагерь не хотелось.

И то, что через год с небольшим финские войска, действуя в союзе с германскими, заняли утраченные в Зимней войне территории, заблокировали с севера Ленинград; и то, что в 1944 г. финны вышли из войны; и то, что германские войска стали воевать с финскими; и то, что в послевоенные годы Финляндия является нейтральной страной, и добрососедские отношения ее с восточным соседом — пример для всего мира — это все представляется как парадоксальные отголоски шестнадцатинедельной Зимней войны.

Итоги зимней войны

За бои в Финляндии звания Героя Советского Союза — как в ходе кампании, так и после заключения перемирия — удостоилось 412 человек. Перед Отечественной войной это было самое массовое присвоение высшего почетного звания в стране. Героями стали 8 командиров высшего ранга, 41 старший, 231 средний и 71 младший командир, 61 красноармеец и краснофлотец. Больше всего Героев оказалось в пехоте — 154 человека. По 75 Героев было в авиации и танковых войсках. Геройских звезд удостоились за подвиги 64 артиллериста, 19 моряков, 13 пограничников, 10 воинов инженерных и технических войск, кавалерист и летчик ГВФ. Свыше 50 тысяч человек наградили боевыми орденами и медалями, из них 9 тысяч — еще во время боев.

За бои в Финляндии предполагалось учредить особую медаль. Ограничились нагрудным знаком «За участие в боях на Карельском перешейке».

Стойкость своих солдат Суоми отметила только медалью Свободы. Крест Свободы (Крест Маннергейма) появился значительно позже.

Но война — это не только награды, но и потери. По официальной советской статистике («ВИЖ» № 7 — 1990) убитыми Красная Армия на финской потеряла 72408 человек, 186129 ранеными, 17520 попавшими без вести, 13213 обмороженными и 240 контуженными.

Финские потери — также по официальным данным — составили 25 тыс. убитыми, 45 тыс. ранеными. Потери гражданского населения были относительно невелики, так как почти все жители приграничной полосы были загодя выселены в глубь финской территории. Жертвы вызывались преимущественно бомбежками финских городов. 956 чело-

---

век было убито, 540 тяжело ранено, 1300 получили легкие ранения. Разрушено было свыше двух тысяч домов. Сколько разрушений и пожарищ осталось в зоне боев — неизвестно, их не считали.

По уточненным данным, безвозвратные потери Красной Армии следует исчислять почти в 131,5 тыс. человек. По видимому, истинная цифра близка к 150 тыс. И пропавших без вести было не 17 с половиной тысяч, а 39369 человек. В плен к финнам попало до 5650 человек. Почти всех вернувшихся из финского плена — 5175 красноармейцев и 293 человека начсостава — отправили в сталинские лагеря. Из них 232 человека получили смертный приговор (расстреляно 158), 4354 человека осудили на сроки от 5 до 8 лет, а освободили только 450 человек, оказавшихся в плену по ранению или обмороженными. А финнов в советский плен попало немногим более тысячи. Шестьсот из них вернулось домой. Остальные почти все умерли от болезней.

Официально Красная Армия потеряла 422 самолета. Но по архивным данным 226 машин было сбито зенитками и истребителями, 74 пропали без вести, 106 требовали серьезного ремонта, а 191 самолет вышел из строя по техническим причинам. Итого — 597 самолетов только по имеющимся в РГВА документам, без учета потерь четырех авиаполков (документы не сохранились), отдельных авиаэскадрилий, авиации Краснознаменного Балтийского и Северного флотов.

Автобронетанковые войска Красной Армии потеряли в боях 650 танков, около 1800 было подбито, а более 1500 вышло из строя. Видимо, потери советских ВВС также составили около 650 машин. Маршал Маннергейм называл иные цифры советских потерь — более 1500 танков и более 700 самолетов. Сами финны считают свои потери в 62 самолета, советские подсчеты — 362 самолета.

Военные потери Красной Армии в Зимней войне — это не только убитые, раненые и обмороженные, это не только сгоревшие танки, сбитые самолеты, разбитые орудия и пулеметы. Это и вполне исправное вооружение и снаряжение, захваченное финнами в ходе боев, как это было, например, при разгроме под Суомуссалми 44-й дивизии. Трофеи сильногодились финнами для поднятия боевого духа населения — была даже устроена весьма впечатляющая выставка. И в 1941–1944 гг. трофейное советской оружие на вооружении финской армии находилось в немалом количестве.

Война с Финляндией и бомбардировки городов осложнили международное положение Советского Союза. Лига Наций, к которой обратилась за помощью Финляндия, не согласилась с советскими объяснениями и постановила, что Советский Союз своими действиями сам исключил себя из международного сообщества. Лига Наций призвала своих членов оказать Финляндии военную и техническую поддержку, но кроме нескольких батальонов добровольцев и ограниченных поставок оружия Англией и Францией финны не получили ничего. У крупных держав не было расчетов вступить в конфликт с Советским Союзом, имевшим пакт с гитлеровской Германией. А та уже вела войну. Вторую мировую. И в польской кампании 1939 г. Красная Армия действовала фактически на стороне Вермахта.

А Лига Наций в декабре 1939 г. практически перестала существовать, хотя официально это произошло гораздо позже.

По условиям мирного договора Советскому Союзу достались на Карельском перешейке большие территории — граница отодвинулась западнее Выборга. Территории севернее Ладожского озера, в Карелии, в районе полуостровов Рыбачий и Средний в Заполярье также стали советскими. В аренду была получена военная база на полуострове Ханко — легендарный в прошлом и в скором будущем Гангут, место нашей воинской славы.

На Западе результаты финской кампании были расценены как свидетельство слабости Красной Армии и некомпетентности ее высшего руководства. Родился миф о «колоссе на глиняных ногах». Но в конце 1941 г. немецкие генштабисты пришли к выводу, что в 1939–1940 гг. русские ввели немцев в заблуждение, создав впечатление, что не имеют сильной армии.

Если бы был приказ — Красная Армия не остановилась бы за Выборгом, а пошла, не считаясь с потерями, до шведской границы, а дальше... В конце концов, советские войска дошли и до Эльбы.

П. Б. Липатов
(«Зимняя война. — М., 1996,
с. 3–7, 30–33, 41–43, 45–46).

Советско–финская «зимняя война»

Война между Финляндией и СССР, длившаяся с 30 ноября 1939 по 13 марта 1940 года и известная на Западе как «Зимняя война», была прямым следствием советско-германского пакта о ненападении, заключенного в августе 1939 года. Секретный протокол к этому договору, который определял сферы влияния договорившихся сторон, включил Финляндию в сферу влияния Советского Союза.

Когда Советский Союз получил свою часть Польши, он начал принимать меры по обеспечению безопасности северо-западных подступов к его территории, особенно балтийских подступов к Ленинграду. Между 28 сентября и 11 октября 1939 года Прибалтийские республики — Эстония, Латвия и Литва — были вынуждены подписать договоры о взаимной безопасности, которые разрешили СССР иметь гарнизоны и базы на их территории. Следующим логическим шагом для России было достижение подобной же договоренности с Финляндией.

5 октября правительство Финляндии получило приглашение направить своего представителя в Москву для обсуждения «конкретных политических вопросов». Финляндское правительство хорошо представляло, какими могут быть эти вопросы. В 1938 году и в начале 1939 года СССР предлагал Финляндии уступить некоторые острова в Финском заливе для укрепления обороны Ленинграда. Финляндское правительство отклонило эти предложения. Стало очевидным, что теперь русские требования будут возобновлены и расширены. Однако отказываться от приглашения на переговоры было нельзя, и финляндское правительство попросило Ю. К. Паасикиви* стать этим представителем. Он возглавлял финляндскую делегацию, которая заключила мирный договор в Тарту в 1920 году — правовую основу последующих отношений между Финляндией и Советской Россией.

---

* Паасикиви, Юхо Кусту (1870–1956) — финляндский государственный и политический деятель, дипломат. В 1918 году — премьер-министр Финляндии. В 1920 году возглавлял финляндскую делегацию на переговорах при заключении Тартуского мирного договора между Финляндией и РСФСР. В 1932 году — посланник в Швеции. В 1944–1946 годах — премьер-министр, в 1946–1956 годах — президент Финляндии. Проводил внешнюю политику, направленную на развитие дружественных отношений с СССР.

Этот договор* был дополнен пактом о ненападении, подписанным в 1932 году, который должен был оставаться в силе до 1945 года.

Врученные Пассикиви инструкции разъясняли, что финляндское правительство не может вести переговоры о каком-либо пакте о взаимной помощи, территориальных уступках или создании баз на финляндской земле. Утверждалось, что это было бы несовместимо с провозглашенной Финляндией политикой нейтралитета.

Самое большее, на что Финляндия была теперь готова, это согласиться с просьбами передать СССР три острова на подступах к Ленинграду при условии получения соответствующей компенсации. Таким образом, не могло быть и речи о заключении соглашений того сорта, который были достигнуты с Прибалтийскими республиками. Чтобы подкрепить свою позицию, правительство Финляндии мобилизовало армию и начало эвакуацию пограничных районов.

Переговоры открылись в Москве 12 октября 1939 года между Сталиным и Молотовым, с одной стороны, и Пассикиви — с другой. Советский Союз предложил пакт о взаимной помощи либо общего характера, либо относящийся только к зоне Финского залива. СССР, далее, потребовал передать ему в аренду полуостров Ханко для создания военной базы с гарнизоном численностью 5 тысяч человек, уступить все внешние острова, включая самый крупный и самый западный остров — Сурсари (Тогланд); отодвинуть государственную границу на Карельском перешейке примерно на 40 миль дальше от Ленинграда; ликвидировать все укрепления по обеим сторонам новой границы; передать СССР финскую половину полуострова Рыбачьего на севере страны и заключить соглашение, что ни одна из сторон не будет вступать в какие-либо пакты, направленные против другой стороны. В свою очередь СССР предлагал в качестве компенсации территорию в Советской Карелии в два раза большую, чем та, которую уступала Финляндия, и выражал готовность разрешить Финляндии построить укрепления на

---

* Тартуский мирный договор между РСФСР и Финляндией, подписанный 14 октября 1920 года в г. Тарту (Юрьев), провозглашал прекращение войны между Финляндией и РСФСР, определял государственный границы между двумя странами, закреплял образование в составе РСФСР Восточно-Карельской автономной области, устанавливал дипломатические и консульские отношения и регулировал на временной основе вопросы торговли, режима хозяйственного использования пограничных районов и т. п.

Аландских островах, которые в то время были демилитаризованы, но вооружения которых Финляндия добивалась с 1938 года.

Сталин объяснил, что эти предложения обусловлены исключительно интересами обороны Ленинграда, за исключением предложения, касающегося полуострова Рыбачьего. Его передача даст СССР контроль над входом в фиорд Петсамо, где Финляндия имеет незамерзающий порт на Ледовитом океане, поскольку СССР стремится предотвратить высадку десанта противника в Петсамо и нанесение удара по Мурманску. Другие предложения обусловлены тем, что противник может попытаться пройти к Ленинграду либо морем через Финский залив, либо по суше через южную Финляндию и что Финляндия сама не сможет помешать этому.

Сталин указал, что его предложения позволят СССР в сочетании с новыми базами в Эстонии закрыть доступ в Финский залив, а новая граница на Карельском перешейке даст возможность Красной Армии организовать сухопутную оборону Ленинграда против нападения с севера.

Было разъяснено, что советские предложения являются минимальными условиями, продиктованными международной ситуацией, порожденной войной в Европе. Сталин признал, что они, возможно, не понравятся Финляндии, но Ленинград, второй по величине город Советского Союза, имеет население, которое немногим уступает по численности населению всей Финляндии, и государственная граница в ближайшей точке проходит всего в 32 километрах от города. «Мы не можем ничего поделать с географией, так же как и вы... поскольку Ленинград передвинуть нельзя, придется отодвинуть от него подалеже границу...» Имевшиеся у Паасикиви инструкции были явно недостаточными перед лицом этих требований, и он уехал в Хельсинки для консультаций.

Горькое наследие

Внешне позиция и доводы Сталина в сложившейся международной обстановке выглядели разумными, и если бы вопрос касался только безопасности Ленинграда, можно было бы, без сомнения, выработать какое-то решение, приемлемое для обеих сторон. Но положение усугублялось событиями прошлой истории. С 1809 по 1917 год Финляндия входила в состав Российской империи как автономное Великое княжество Финляндское. Первоначально, хотя в стране и на-

ходились русские гарнизоны, внутренняя автономия Финляндии соблюдалась. Однако в 1890-х годах правительство России начало проводить в Финляндии политику русификации, что вело к ущемлению законодательных и конституционных прав финского населения. Это вызвало упорное сопротивление со стороны финнов, в результате большинство финских политических деятелей, игравших ведущую роль в 1939 году, выросли и воспитались в атмосфере национального сопротивления русскому империализму. Кроме того, сказались и последствия революции 1917 года.

Правительство большевиков признало независимость Финляндии в декабре 1917 года, хотя в то время в стране находились крупные гарнизоны революционно настроенных солдат. Когда в январе 1918 года финские социалисты попытались последовать примеру, поданному революцией в России, и создать республику рабочих, вспыхнула ожесточенная гражданская война. В этой войне русские войска передавали оружие и оказывали тайное содействие финским «красным», тогда как буржуазное правительство Финляндии получало помощь от Швеции и Германии. Революционные красные отряды были разгромлены, их участники подверглись жестоким репрессиям, а руководители нашли убежище в России.

Во время гражданской войны в России правительство Финляндии помогало контрреволюционным действиям немцев, операциям британского флота и другим антибольшевистским движениям, в ряде случаев предоставляя свою территорию для проведения этих операций; к тому же оно относилось к финским коммунистам как к предателям и русским агентам. Поэтому, хотя после заключения мирного договора 1920 года отношения между Советским Союзом и Финляндией были формально корректными, деятельность финских коммунистов служила постоянным напоминанием, что в один прекрасный день СССР может попытаться переиграть случившееся в 1918 году, используя финскую коммунистическую партию в качестве своего инструмента.

С другой стороны, советские руководители считали, что финляндское правительство относится к ним с глубокой враждебностью. Они не могли полагаться на финские заверения, что территория Финляндии вновь не будет предоставлена в распоряжение врагов СССР. Напротив, они подозревали, что финляндское правительство будет радо возможности уничтожить коммунистическую угрозу. В результате этого наследия прошлого ни СССР, ни Финляндия не доверяли друг другу. Ни одна из сторон не была готова пове-

---

рить в декларируемые мотивы другой, и основа для честного компромиссного решения отсутствовала.

Поэтому неудивительно, что правительство Финляндии сочло русские предложения совершенно неприемлемыми. Никто не хотел сдавать в аренду полуостров Ханко или рассматривать столь кардинальные изменения границы. И только два влиятельных лица — сам Паасикиви и маршал Маннергейм*, главнокомандующий вооруженными силами Финляндии на время войны, — выступили в пользу далеко идущих уступок. Эти двое были готовы принять большинство русских требований, касающихся Карельского перешейка, и предложить некоторые прибрежные острова в качестве баз вместо полуострова Ханко, ибо ни один из них не имел иллюзий относительно намерений СССР и других стран мира. Оба они верили, что, если Финляндия позволит войне разразиться, ей придется сражаться в одиночку и она потерпит быстрое поражение.

Правительство отклонило их совет. Финские министры считали, что Советский Союз не начнет войну, и находились в плену иллюзий, что, если дело дойдет до войны, другие страны помогут Финляндии. Эти губительные иллюзии подогревались жестами сочувствия со стороны многих государств, включая США, хотя шведское правительство дало ясно понять, что оно не сможет вмешаться своими вооруженными силами в советско-финляндскую войну. Маннергейм и Паасикиви указывали, что нет никаких доказательств, что какая-то другая держава сможет предложить эффективную помощь. Еще более тревожным было то обстоятельство, что Германия — традиционный противовес России в районе Балтики — убеждала Финляндию принять русские предложения.

Неуступчивость финнов

Паасикиви вернулся в Москву 23 октября. На этот раз ему придали компаньона — министра финансов Таннера. Отчасти потому, что правительство подозревало Паасикиви в слишком мягком отношении к русским. Делегация была уполномочена предложить только незначительные изменения пограничной линии на Карельском перешейке и не делать никаких уступок в вопросе о базах. В ходе второго раун-

---

* Маннергейм, Карл Густав Эмиль (1867–1951) — маршал, главнокомандующий финской армией в 1939–1940 и 1941–1944 годах, президент Финляндии в 1944–1946 годах.

да переговоров 23—24 октября Сталин слегка смягчил запросы в отношении Карельского перешейка и численности гарнизона на Ханко, но не отказался от основных требований. Финские предложения он отклонил как полностью неприемлемые. Молотов, удивленный жесткой позицией финских представителей, спросил: «Вы что, намерены спровоцировать конфликт?» Терпение русских явно иссякло.

Делегация снова возвратилась домой, и дискуссии между членами правительства и лидерами сейма возобновились. Маннергейм продолжал настаивать на компромиссе и заявил, что армия не сможет продержаться более двух недель, но и на этот раз лишь Паасикиви поддержал его. Шведский премьер-министр Хансон подтвердил в письме прежнюю позицию. Тем не менее финляндская делегация в третий раз отправилась в Москву, будучи готовой предложить только небольшую дополнительную уступку в отношении границы на перешейке и подтвердить отказ от предоставления баз. Финский министр иностранных дел Эркко был убежден, что русские блефуют. «Русские не хотят конфликта», — заявил он Таннеру, а Паасикиви было предложено «забыть, что Россия является великой державой».

Вечером 31 октября Молотов, выступая в Верховном Совете СССР, изложил советские предложения, переданные Финляндии, дав при этом понять, что упрямство Финляндии вызвано вмешательством враждебных Советскому Союзу государств. Это выступление потрясло финляндское правительство и еще более финский народ, который впервые узнал о масштабах русских требований и бурно выступил против уступок, сыграв тем самым на руку правительству.

Когда 3 ноября в Москве возобновились переговоры, они сразу же зашли в тупик. Молотов сказал: «Мы, гражданские люди, не достигли никакого прогресса. Теперь будет предоставлено слово солдатам». Но на следующий день Сталин, явно желая достичь урегулирования, выдвинул различные альтернативы аренде полуострова Ханко — например, купить его — и, наконец, предложил вместо него арендовать некоторые прибрежные финские острова. Таннер и Паасикиви считали, что это открывает путь к урегулированию, однако финляндское правительство отвергло предложения Сталина. На последней встрече 9 ноября Сталин по-прежнему пытался достичь компромисса по вопросу о базах, но финляндская делегация не могла даже обсуждать его. Переговоры затем прекратились, и 13 ноября делегация отбыла в Хельсинки.

Наступило временное затишье, и правительство Финляндии почувствовало уверенность, что оно избрало правильную линию. Никаких шагов по возобновлению переговоров оно не предприняло, эвакуированные жители начали возвращаться по домам, планировалось возобновить занятия в школах, усилились требования о демобилизации.

Из отчетов о переговорах в Москве ясно, что Сталин искренне хотел достичь мирного решения, но не собирался отказываться от основных требований. Когда 9 ноября стало очевидным, что добиться этого не удастся, он разрешил использовать другие средства.

Финляндию следовало припугнуть угрозой нападения, а если она не уступит, то подвергнется вторжению и договор 1920 года будет пересмотрен. С этой целью секретарь финской коммунистической партии Арви Туоминен был приглашен приехать из Стокгольма, чтобы стать премьер-министром «Финляндского народного правительства», составленного из коммунистов-эмигрантов; были предприняты шаги по созданию «Финской народной армии». Туоминен, однако, отказался, но его место премьер-министра занял другой финский эмигрант — О. В. Куусинен. Красная Армия начала сосредоточивать свои войска, была развернута пропагандистская кампания с упором на то, что финляндское правительство является орудием международного капитализма и готовит Финляндию в качестве плацдарма для империалистического нападения на СССР. Красная Армия не будет сидеть сложа руки, пока это происходит. Она поможет финскому народу сорвать эти интриги.

Трудно сказать, могло ли правительство Финляндии даже тогда спасти себя, пойдя на уступки. Но 26 ноября в Майнеле на Карельском перешейке произошел странный инцидент — в результате артобстрела погибли несколько советских солдат. Финляндскому правительству была направлена нота, обвинявшая финских артиллеристов в ответственности за это событие и требовавшая отвода от границы финских войск. В ноте говорилось, что СССР не хочет раздувать этот инцидент: это, по-видимому, подразумевало, что даже теперь Финляндия может еще отказаться от своей позиции. Но дело в том, что финны не открывали огня. Были ли эти снаряды выпущены случайно или имел место спланированный инцидент — неизвестно, но в любом случае это произошло на советской стороне границы. Поэтому финляндское правительство, считая себя невиновным, отвергло обвинения и предложило обсудить лишь взаимный

отвод войск от границы. Это, несомненно, стало решающим событием.

Советское правительство увидело, что даже сейчас финны не вняли предупреждениям и не пойдут на уступки. И оно приступило к действиям: 29 ноября отозвало своих дипломатических представителей и, игнорируя запоздалое финское предложение об одностороннем отводе войск, 30 ноября начало военные действия против Финляндии на суше, на море и в воздухе. 1 декабря было объявлено о создании Финляндского народного правительства. Это «правительство» обратилось с призывом к народу Финляндии свергнуть своих угнетателей и приветствовать Красную Армию как освободительницу. 2 декабря Финляндское народное правительство подписало договор с СССР, приняв все советские требования в обмен на обещание о передаче всей Советской Карелии. Таким образом, СССР создал марионеточный режим, который он готовился навязать Финляндии путем военной оккупации, и тем самым автоматически исключил возможность достижения компромиссного решения с реальным правительством Финляндии.

Создание этого марионеточного правительства во главе с Куусиненом было наибольшей ошибкой, сделанной Советским Союзом, поскольку правительство Куусинена не получило никакой поддержки внутри Финляндии. Напротив, продемонстрировав советские намерения, оно способствовало сплочению и усилению сопротивления финнов. Ошибка быстро стала очевидной, но к тому времени Советское правительство уже связало себе руки и должно было продолжать политику, оказавшуюся весьма обременительной и создававшую трудности, которые, безусловно, не имелись в виду, когда эта политика начала осуществляться.

Финская армия

Численность населения Финляндии в 1939 году не превышала 4 миллионов человек, что позволяло создать армию из 16 дивизий. Но денег не хватало, поэтому в армии имелось только девять дивизий и возможность создать еще три дополнительных после начала войны. Финская армия состояла из трех компонентов: небольшого костяка профессиональных офицеров и унтер-офицеров, вокруг которого из ежегодно призываемых новобранцев создавался второй компонент — армия мирного времени. После прохождения службы демо-

---

билизованные солдаты зачислялись в резерв – третий компонент армии.

Страна была поделена на девять военных округов, каждый из которых выставлял одну дивизию, с постоянным местным штабом, складами и арсеналами. По получении извещения о призыве резервисты являлись на свои пункты сбора, получали снаряжение, и дивизия готовилась к переброске на фронт.

Однако в техническом оснащении армии имелись серьезные недостатки. Пехотинцам не хватало автоматического оружия, что лишь отчасти компенсировалось наличием пиштолетов-пулеметов «суоми». Не хватало обмундирования и палаток. Особенное беспокойство у командования вызывала острая нехватка артиллерии. Каждая дивизия имела по штату 1881-мм минометов, но заказ на 120-мм минометы остался невыполненным. На вооружении каждой дивизии находилось 36 артиллерийских орудий, выпущенных еще до 1918 года, запас боеприпасов составлял 640 снарядов на орудие и даже к концу войны внутреннее производство снарядов не превышало 3500 снарядов в день. Резервной артиллерии было мало. В армии насчитывалось всего 112 противотанковых 37-мм пушек, зенитной артиллерии не было (имевшиеся 100 зенитных орудий предназначались для обороны городов). Испытывался недостаток автотранспорта и средств связи.

Военно-воздушные силы насчитывали около 100 боевых самолетов», имелся также небольшой военно-морской флот и хорошо развитая система береговой обороны, унаследованная Финляндией от России в 1917 году.

До некоторой степени эти недостатки в материально-техническом оснащении компенсировались высоким морально-боевым духом и индивидуальной подготовкой личного состава, обученного боевым действиям в озерно-лесистой местности. В зимних условиях широко использовались отряды лыжников.

Однако в подготовке также имелись слабые места. Практики в проведении крупных наступательных операций почти не было, и это заметно сказалось на действиях войск в тех редких случаях, когда подобные попытки делались. Еще более серьезным недостатком было то, что офицеры – особенно на высших уровнях – не имели опыта управления крупными соединениями в боевых условиях. Средства на проведение крупных военных учений выделялись редко, и все эти узкие места теперь предстояло устранить непосредственно на поле боя.

Советские вооруженные силы

Красная Армия существенно отличалась от финской. В ее рядах в 1939 году насчитывалось 180 дивизий, но в русско-финляндской войне участвовало только около 45 дивизий.

Наиболее крупное различие лежало в технической оснащенности. По штату советская стрелковая дивизия имела в два раза больше пулеметов и в два раза больше полевой артиллерии, чем финская, кроме того, имелись многочисленные корпусная артиллерия и танки. В ходе войны Советский Союз в общей сложности использовал против финнов около 1,2 миллиона человек, 1,5 тысячи танков и 3 тысячи самолетов. В дополнение к этому русские располагали неограниченным запасом боеприпасов, многочисленным моторизованным транспортом и средствами связи; их материальное преимущество было, следовательно, ощутимым.

Советское командование рассчитывало на скоротечную кампанию, которая должна была завершиться оккупацией всей Финляндии. Но советские войска не оправдали этих надежд, так как Красная Армия, по существу, оказалась неспособной эффективно использовать превосходную военную технику и оснащение. Советская военная теория была вполне современной и учебные уставы впечатляющими, но эта теория оказалась непригодной для практических действий в специфических условиях финского ТВД, и в этом заключалась основная слабость русских. Их войска, обученные для действий на открытой местности, не научились еще эффективно действовать в лесах и оказались привязанными к дорогам.

Но самым слабым местом Красной Армии были неуклюжая шаблонность в проведении операций и очевидная неспособность наладить взаимодействие различных родов войск. На ранних стадиях войны пехота, танки и артиллерия нередко вели боевые действия, слабо поддерживая друг друга. В этом, возможно, частично отразились последствия великой «чистки», которая привела к уничтожению офицерского корпуса в 1936–1938 годах, а усиление влияния политических комиссаров, по-видимому, сдерживало развитие предприимчивости и личной инициативы. Каковы бы ни были причины, Красная Армия в 1939 году не сумела применить на практике сложные современные доктрины, предусмотренные военной теорией, или претворить в жизнь талантливо составленные стратегические планы советского командования. В результате Красной Армии фактически пришлось прекратить боевые действия против финнов и срочно про-

---

вести всестороннюю переподготовку, прежде чем возобновить их с перспективой на успех.

Вызывает удивление то, что русские оказались плохо оснащены для ведения военных действий в зимних условиях. Они не имели хорошо обученных лыжных батальонов, а попытки использовать импровизированные части закончились неудачей. Русские пехотинцы не имели белых маскхалатов, их автомашины и оружие часто не были приспособлены для использования при сильных морозах. За исключением первых нескольких недель, вся кампания проходила в исключительно тяжелых зимних условиях, так что эти недостатки серьезно сказались на ней.

Действия советских военно-воздушных сил также были малоудовлетворительными. Несмотря на полное господство в воздухе, советская авиация не оказала решающего влияния на исход войны. Конечно, зимние условия и длинные темные ночи ограничивали действия воздушных сил. Надо также отметить, что советская авиация резко сковывала передвижения финских войск в дневное время, но русские не смогли решающим образом воздействовать с воздуха на фактический ход боевых действий или нанести серьезный ущерб внутреннему фронту Финляндии. Даже с учетом высокой боевой подготовки немногочисленной финской авиации и средств ПВО советские потери — около 800 самолетов — были весьма высокими. Это свидетельствует о том, что качество самолетов и подготовка летчиков были неудовлетворительными.

Несмотря на эти недостатки, на первый взгляд казалось, что огромный материальный перевес сам по себе должен был обеспечить Красной Армии быструю победу. На географической карте длинная советско-финляндская граница выглядела беззащитной при столь значительном неравенстве сил, но карта вводила в заблуждение. Большинство пограничных районов в 1939 году представляло собой малонаселенную местность с густыми лесами, многочисленными болотами и озерами, труднодоступную для армии того времени, и поэтому финнам не нужно было иметь непрерывную линию фронта, за исключением Карельского перешейка. В большинстве других районов необходимо было оборонять только дороги, а прилегавшие к ним вплотную леса и озера лишали наступавшие по дорогам войска свободы маневра и не позволяли использовать крупные силы. Русские войска оказались вынужденными как бы пробиваться через ряд узких ущелий. Сравнительно небольшие отряды могли заблокиро-

вать их продвижение, а линии коммуникаций по обеим сторонам границы были столь слабо развиты, что обеспечивали снабжение лишь ограниченных сил.

Финляндское командование подсчитало, что вдоль всей границы длиной примерно 600 миль русские могут одновременно ввести в действие не более 12 дивизий: семь на перешейке и еще пять на всем остальном фронте. Поэтому для девяти финских дивизий, действовавших в благоприятных для обороны условиях, сдерживание наступления этих русских сил не выглядело невозможным. Фактически же русские преподнесли финнам неприятный сюрприз, бросив в наступление сразу 26 дивизий — хотя и не все они могли наступать вместе в одном строю. Но даже и в этом случае у Финляндии имелись неплохие перспективы навязать Красной Армии дорогостоящую войну на уничтожение. В конечном итоге Россия выигрывает эту войну, но, по расчетам финнов, прежде чем это случится, к ним придет помощь извне. Они никогда не помышляли сражаться с Россией в одиночку сколько-нибудь длительное время.

Опасный район

По мнению финляндского командования, единственным опасным участком фронта был Карельский перешеек. Только там русские могли бросить в бой значительные силы, чтобы прорваться в глубь Финляндии. На этом перешейке финны построили оборонительную полосу, которая проходила на некотором расстоянии от границы, чтобы финские части прикрытия смогли при отходе выиграть время для сосредоточения своих войск. Полоса имела два основных опорных пункта: Койвисто на западе, с ее мощными батареями береговой обороны, и линии укреплений вдоль реки Вуоксы на востоке до места ее впадения в Ладожское озеро. Между рекой и морем тянулась обширная зона озер и болот с единственным сравнительно широким доступным районом в центре, где пролегали железная и шоссейная дороги, ведущие к Выборгу (Виипури). Таким образом, этот сектор Сумма был наиболее уязвимым.

Весь фронт обороны занимал около 40 миль. Помимо левых укреплений, траншей, минных полей, полос колючей проволоки и противотанковых препятствий в линию обороны входили 75 железобетонных фортов, построенных в 20-е годы и устаревших к 1939 году (они не были рассчитаны на то, чтобы выдержать обстрел из современных орудий), а так-

---

же 44 современных железобетонных бункера. Эти железобетонные укрепления были сосредоточены в наиболее уязвимых секторах, примерно три дота на один километр, но с учетом пересеченного рельефа местности перекрестный огонь не везде был возможен. К тому же установленные пулеметы были устаревших моделей, а противотанковые орудия отсутствовали. Такой, следовательно, была пресловутая «линия Маннергейма», наполовину состоявшая из обычных полевых укреплений и не выдерживавшая никакого сравнения с «линией Мажино»*.

После начала военных действий Маннергейм занял пост главнокомандующего вооруженными силами Финляндии и создал свою штаб-квартиру в Миккели. Первоначальная диспозиция финских войск была следующей.

Карельский перешеек обороняла Карельская армия под командованием генерал-лейтенанта Эстермана. Она состояла из двух армейских корпусов — 2-го корпуса (генерал-лейтенант Экист) в составе трех полевых дивизий, оборонявшихся на «линии Маннергейма» от Финского залива до реки Вуокса, и одной дивизии в резерве. Это были хорошо обученные кадровые войска. Левее их вплоть до Ладожского озера оборонялись две дивизии 3-го армейского корпуса (генерал-лейтенант Хейнрикс); перед «линией Маннергейма» находились четыре группы сил прикрытия, в состав которых входили пограничники, отборные егерские батальоны, несколько отрядов кавалерии и частей местной самообороны (шюцкор).

Северо-западнее Ладожского озера находился 4-й армейский корпус (генерал-майор Хеглунд) из двух дивизий и частей прикрытия. Его левое крыло опиралось на город Иломанси.

Далее к северу вплоть до Ледовитого океана генерал-майор Туомпо командовал цепочкой специальных батальонов и рот, оборонявших каждую пересекавшую границу дорогу. В резерве у Маннергейма имелись две пехотные дивизии — одна около Выборга, другая, находившаяся еще в процессе формирования, в г. Оулу на северо-западе Финляндии. Артиллерии у нее не было, а один из ее трех полков был переброшен на перешеек.

---

* «Линия Маннергейма» состояла из трех полос укреплений общей глубиной до 90 километров и насчитывала 296 долговременных железобетонных и 897 гранитных сооружений, часть которых могла выдержать попадание 152–203-мм снарядов. — Прим. перев.

Согласно плану, финские войска намеревались с боями отступить к «линии Маннергейма» и там остановить русских. Северо-западнее Ладоги 4-й армейский корпус должен был предотвратить выход войск противника в тыл финской армии, оборонявшейся на Карельском перешейке, позволив им продвинуться вдоль берега Ладожского озера, а затем нанести контрудар во фланг и тыл. Далее на север намечалось блокировать продвижение русских сил и при наличии резервов ударами во фланг и тыл уничтожить их.

С советской стороны на Карельском перешейке наступала 7-я армия под командованием генерала Мерецкова; в ее состав входило 12 стрелковых дивизий, танковый корпус и три танковых бригады. Севернее Ладоги действовали 8-я армия (шесть стрелковых дивизий и две танковые бригады), 9-я армия (пять дивизий) и базировавшаяся на Мурманск 14-я армия (три дивизии).

Советский план предусматривал прорыв армией Мерецкова финской обороны на перешейке, захват Выборга, а затем наступление на Хельсинки. Одновременно 8-я армия должна была, обогнув Ладогу, выйти в тыл финских позиций на перешейке. 9-й армии предстояло перейти границу в трех местах и наступать в направлении городов Кухмо, Суомуссалми и Салла и попытаться выходом к Ботническому заливу у г. Оулу рассеять Финляндию на две части. И наконец, 14-я армия должна была оккупировать район Петсамо (Печенга) и перекрыть финнам доступ к Баренцеву морю.

Наиболее неожиданной для финнов частью советского плана была крупная численность русских войск, наступавших севернее Ладоги, что спутало расчеты финского командования.

Начало боевых действий

Первый период боев на перешейке развивался согласно финскому плану. Отступление сил прикрытия длилось до 5 декабря, когда русские подошли к «линии Маннергейма». Финны утверждают, что в этих боях они добились значительных успехов и нанесли тяжелые потери наступавшим. Но главное — финские войска приобрели боевой опыт, особенно по борьбе с танками, в которой они широко использовали бутылки с горючей жидкостью.

Другой характерной чертой этих боев была тактическая неповоротливость Красной Армии. Массированные атаки велись в плотных боевых порядках, в результате их легко

и с большими потерями для наступавших можно было отразить; танки и артиллерия никак не могли наладить эффективное взаимодействие с пехотой.

Севернее Ладоги события пошли не так, как ожидали финны. На фронте 4-го армейского корпуса советские 168-я и 18-я дивизии медленно продвигались вдоль берега озера и были остановлены к 10 декабря на линии укреплений, тянувшейся от Кителя до Сиксуярви. Но на левом фланге корпуса русские продвинулись до Коллаа, где были остановлены после ожесточенных боев 7—10 декабря. Далее на север одна советская дивизия наступала на Толвоярви, а другая упорно пробивалась к Иломантси.

Маннергейм вынужден был направить подкрепления из своего резерва к Толвоярви и к Иломантси и 8 декабря создать здесь новый фронт под командованием полковника Талвела. Свежие финские войска сумели остановить наступление противника и стабилизировать фронт. Но Маннергейм уже был вынужден изыскивать резервы, чтобы сдержать эти неожиданно сильные русские атаки севернее Ладоги.

3 декабря пришлось срочно перебросить полк из Оулу против 54-й стрелковой дивизии русских, наступавшей на Кухмо. Другая советская дивизия 7 декабря достигла Суомусалми, где ее удалось задержать остатками резерва, прибывшего из Оулу. Советское наступление на Салла было остановлено только 20 декабря вновь созданной Лапландской группой войск генерал-майора Валениуса. У Петсамо финские войска отступали под сильным нажимом русских до 18 декабря, когда им удалось наконец остановить наступавших около Наутси.

На этом фоне началась первая советская атака на «линию Маннергейма». Русским потребовалось около 10 дней, чтобы развернуть девять дивизий и танковый корпус для этой атаки.

Основной удар, который начался артподготовкой 16 декабря, русские наносили в секторе Сумма. Около 70 русских танков прорвались в глубь финских позиций, но финские солдаты не покинули свои укрепленные траншеи и бункера. Советская пехота, наступавшая самостоятельно, была остановлена пулеметным и артиллерийским огнем. С наступлением темноты финские противотанковые части начали борьбу с оставшимися среди финских укреплений советскими танками. То же самое повторилось и в два последующих дня — каждый раз от 70 до 100 советских танков прорывались через финские рубежи, и каждый раз оборонявшиеся удерживали

свои позиции. 22 декабря наступление русских выдохлось. Эта битва окончилась явно неудачно для русских, так как финны даже не ввели в бой свои резервы. Однако многие прозорливые финские командиры были обеспокоены той легкостью, с которой русские танки прорывались через финские оборонительные позиции; они понимали, что, если бы русская пехота тесно взаимодействовала с танками, могла бы возникнуть крайне опасная ситуация.

Финское командование, имея в резерве еще не участвовавшую в боях дивизию, сочло, что наступавшие советские войска потрясены и дезорганизованы, и поэтому решило провести широкое контрнаступление силами пяти дивизий с целью окружения советских войск.

Это наступление, начавшееся 23 декабря, однако, было плохо скоординировано. Русские отнюдь не были дезорганизованы, они умело закопались в землю и энергично оборонялись. Финны потеряли около 1,5 тысячи человек, а их моральному духу был нанесен жестокий удар. Тем не менее русские, вероятно, были растеряны, они прекратили наступательные действия на перешейке, и к концу декабря советское вторжение было приостановлено.

Политика и дипломатия

На политическом фронте финны вначале не могли поверить, что Советское правительство не блефует. Поэтому было решено создать правительство национального единства с целью возобновления переговоров, если это удастся, или в противном случае организовать самое решительное сопротивление. Новым премьер-министром стал Ристо Рюти*, министром иностранных дел назначили Таннера, а Паасикиви — министром без портфеля. В новое правительство вошли все политические партии, за исключением фашистов.

Правительство немедленно попыталось через Швецию и США войти в контакт с СССР, дав понять, что оно сейчас сделает «новые политические предложения», а 3 декабря также обратилось в Лигу Наций. 4 декабря Советское правительство изложило свою позицию. Объявив, что правительство Куусинена является законным правительством Финляндии, Советское правительство заявило, что не считает себя

---

* Рюти, Ристо (1889–1956) — финский политический и государственный деятель, в 1939–1940 годах — премьер-министр, в 1940–1944 годах — президент.

находящимся в конфликте с Финляндией и вопрос о переговорах с хельсинкским правительством, следовательно, не может возникнуть. Финляндское правительство тогда обратилось в Лигу Наций за помощью против агрессии, и 14 декабря 1939 года Лига Наций исключила СССР и призвала государства — члены этой организации оказать всю возможную помощь Финляндии.

Это обращение вызвало широкий отклик в различных странах, поскольку международное мнение почти полностью было на стороне Финляндии. Единственным исключением была Германия, что, однако, имело решающее значение.

Гитлер знал, что он должен уплатить цену, предусмотренную пактом о ненападении с Советским Союзом, поэтому Германия официально поддерживала и активно помогала СССР. Она не продавала военные материалы и не разрешала провозить их через свою территорию; немцы также оказали сильный нажим на Скандинавские страны, чтобы те отвергли предложения Англии и Франции послать свои войска в Финляндию через их территории.

Из-за этой позиции Германии и войны в Европе вся помощь Финляндии направлялась морем в Норвегию, а затем по суше через Швецию, так как Германия не включила в свои требования запрет на провоз военных материалов или отдельных добровольцев. Это был медленный и сложный маршрут. Большинство выделенной помощи так и не поступило своевременно в Финляндию: то, что она получила, можно разделить на три категории: экономическая помощь, военные материалы и добровольцы. Ряд стран произвел сбор средств в пользу Финляндии или предоставил займы, в частности США и Швеция, последняя также поставляла сырьевые материалы. Большинство военного снаряжения финнам, однако, пришлось покупать, хотя Швеция одолжила им значительное количество. Больше всего оружия и оснащения поставили Великобритания и Франция, включая 100 самолетов, но другое снаряжение по большей части было устаревшим ввиду собственных военных потребностей. Швеция поставила 80 тысяч винтовок, 85 противотанковых орудий, 104 зенитных орудия и 112 полевых орудий*. Это был на-

---

* За время советско-финляндской войны 1939—1940 годов западные державы (в основном Англия и Франция) передали Финляндии 360 самолетов, 500 орудий, более 6 тысяч пулеметов, около 100 тысяч винтовок, 650 тысяч ручных гранат, 2,5 миллиона снарядов и 160 миллионов патронов. Из Скандинавии, США и других стран прибыло 11,5 тысячи добровольцев. — Прим. перев.

и более ценный вклад, поскольку оружие поступило своевременно и использовалось в боях. На более поздних стадиях войны Финляндия особенно нуждалась в обученной живой силе. Только Швеция могла предоставить ее, но она последовательно отказывалась сделать это. Великобритания и Франция планировали послать свои войска, но эти планы остались на бумаге, и лишь небольшие группы добровольцев прибыли в Финляндию, которых предстояло экипировать и обучить. Это заняло столько времени, что всего лишь два батальона шведов приняли участие в боевых действиях в последние дни войны. Так что, по существу, практической помощи от добровольцев Финляндия не получила.

Трудно дать общую оценку иностранной помощи. Моральное значение ее для Финляндии было огромным, ибо она помешала финским войскам и общественности осознать свое опасное изолированное положение. Материально важное значение имела шведская помощь, особенно противотанковые и зенитные орудия, но другое поставленное военное оснащение было различного качества и типа и его реальная ценность сомнительна. Поэтому будет справедливым сказать, что помимо морального эффекта полученная Финляндией помощь не оказала решающего влияния на исход боевых действий. Она была желательной, но слишком небольшой и запоздалой.

Финны контратакуют

В связи с затишьем на Карельском перешейке центр военных действий сместился на север, где финны предприняли ряд успешных контратак. Все эти операции имеют общие черты. Русские войска, привязанные в дорогам, были вынуждены остановиться из-за сопротивления финнов, бездорожья, трудностей снабжения и тяжелых климатических условий. Затем финны, используя отряды лыжников, наносят удары во фланг и тыл русским. Русские колонны подчас оказываются окруженными, но вместо отступления окапываются и занимают круговую оборону — финны называли такие окруженные группировки «мотти».

На северном берегу Ладоги 166-я стрелковая дивизия русских была остановлена у Кителя, ее правый фланг прикрывала 18-я дивизия. Две первые попытки финнов 12 и 17 декабря атаковать их провалились. Но русские были то ли слишком измотанными, то ли непредприимчивыми, чтобы развить этот успех и перейти в наступление. 26 декабря

финны начали третью попытку. Финские атаки достигли своего апогея 5 января, когда 18-я дивизия была рассечена на части, окружена и перешла к обороне, а 11 января финские лыжники достигли берега Ладоги в тылу 168-й дивизии, которая быстро заняла круговую оборону «морти» у Кителя.

Эта крупная группировка — целая дивизия — снабжалась по воздуху советской авиацией, и уничтожить ее финнам не удавалось, поэтому они старались не допустить к ней пробиравшиеся по льду Ладожского озера на выручку советские части. 6 марта русские все же прорвали финские заслоны и установили связь с окруженными войсками.

18-я дивизия фактически была уничтожена, и финны захватили большую часть ее тяжелого оружия. Две окруженные группы войск этой дивизии, однако, упорно оборонялись и выстояли до конца войны. Хотя 4-й армейский корпус финнов добился ощутимых успехов, эти успехи были неполными. Финны рассчитывали ликвидировать русские части, перебросить корпус на другие фронты, но эти расчеты сорвались из-за неожиданно затянувшегося сопротивления окруженных русских войск.

Далее на север финны одержали победу в сражении у Толвоярви над 139-й стрелковой дивизией русских. Финская атака началась 12 декабря, и после двух дней ожесточенных боев 139-я дивизия начала беспорядочное отступление, преследуемая финскими частями. На поддержку ей подошла 75-я дивизия, но ее постигла та же участь: к 21 декабря она также оказалась вынужденной отступить назад к Аиттойоки, где линия фронта стабилизировалась до конца войны. В ходе наступления финны захватили 60 танков и 30 орудий, но параллельная наступательная операция финнов против 155-й советской дивизии в Иломантси потерпела неудачу, хотя и там линия фронта не изменится до окончания войны. Полковник Талвела заслуживает высокой похвалы за эти успехи, особенно за искусное маневрирование своими немногочисленными силами.

Еще далее на север финны одержали свою крупнейшую победу у Суомуссалми. Здесь 163-я советская дивизия сосредоточилась в деревне. Финны начали контрнаступление обычными ударами во фланг и тыл, но долгое время не могли добиться успеха. Наконец, получив два новых полка в качестве подкрепления, финны сломали сопротивление русских, и 29 декабря уцелевшие русские войска ударились в бегство по бездорожью. Дивизия как организованная сила пре-

кратила свое существование. Финны захватили трофеи — 11 танков, 25 орудий и 150 автомашин.

Этот успех оказался возможным благодаря непонятной бездеятельности выдвигавшейся на поддержку 44-й стрелковой дивизии. Это свежее соединение, встретившее сопротивление всего лишь мелких частей, вместо того чтобы поспешить на выручку 163-й дивизии, остановилось и заняло оборону. Дивизия оказалась растянутой на многие километры вдоль дороги. Как только финны подтянули свежие войска, они начали фланговые атаки. К 5 января 1940 года 44-я дивизия начала распадаться на части, и небольшие группы русских попытались укрыться в лесах, где их преследовали финские лыжные патрули. Доставшиеся финнам трофеи впечатляют: 35 танков, 50 орудий, 25 противотанковых пушек, 250 грузовиков.

Победа под Суомуссалми была полной. Наступление русских на Оулу было ликвидировано, и попытку возобновить его русские больше не предпринимали.

Освободившуюся после боев 9-ю дивизию финское командование решило использовать против советской 54-й дивизии у Кухмо. Финские войска прибыли на этот фронт 28 января. Атаки на фланги и тыл занявшей оборону 54-й советской дивизии начались 29 января. Но эта дивизия оказалась крепким орешком, и хотя финнам удалось вскоре расчленить ее на отдельные группы — «мотти», они продолжали стойко защищаться. Новая 23-я стрелковая дивизия подошла ей на помощь и сковала значительную часть финских войск.

В феврале русские направили в этот район на помощь лыжную бригаду. Это была единственная попытка русских повторить достижения финских лыжных батальонов, но бригада под командованием полковника Долина формировалась в спешном порядке после начала войны, и, как оказалось, недостаточно было только научить солдат ходить на лыжах. Неудачное тактическое использование бригады привело к катастрофе. Финские патрули преследовали ее в глуши лесов, и к 15 февраля бригада распалась на отдельные мелкие группы.

Но, несмотря на это, сражение под Кухмо обернулось стратегическим поражением для финнов. Окруженные советские войска, снабжаемые по воздуху, продолжали сражаться до конца войны, а 9-я дивизия финнов оказалась полностью скованной.

И наконец, 2 января финны начали подобную же операцию под Салла, но на этот раз фланговые атаки финнов были отбиты и русские удержали свои позиции.

Эта серия операций представляет собой уникальный и примечательный военный успех финнов. Будь у них больше свежих войск и достаточно артиллерии, они могли бы добиться полного уничтожения русских войск на этом фронте. Но, несмотря на эти тактические успехи, стратегическая победа ускользнула от финнов: им необходимо было высвободить большую часть своих войск на этом фронте для боев на карельском перешейке, в результате же эти войска остались на месте.

* * *

Ход военных действий в январе значительно приободрил финнов. В стране росло впечатление, что Финляндия выигрывает войну. В правительстве также усилились оптимистические настроения, хотя и не в такой мере, но к середине января даже обычно осторожный Маннергейм полагал, что, если обещанная материальная помощь и добровольцы придут, можно будет обороняться еще довольно длительное время.

Несмотря на это, правительство знало, что оно должно договориться о мире. Сперва была предпринята попытка возобновить контакт с помощью Германии, и германское правительство действительно сделало запрос в Москве: оно было заинтересовано в прекращении этой войны. Но у немцев создалось впечатление, что самое большее, на что мог бы согласиться Советский Союз, — это расширить состав правительства Куусинена. Это было уловкой, потому что СССР уже решил вступить в переговоры с Хельсинки, но не хотел иметь Германию в качестве посредника. Русские, по-видимому, опасались, что Германия может в результате посредничества добиться влияния в Финляндии.

Были использованы другие каналы. Финская писательница социалистка Хелла Вуолийоки обратилась 1 января к Таннеру с предложением выехать в Стокгольм и встретиться с советским послом Коллонтай, с которой она была знакома, и 8 января 1940 года Таннер уполномочил ее установить контакт. Коллонтай положительно отнеслась к этой инициативе, последовал ряд неофициальных обменов мнениями. В итоге их 29 января советское посольство направило шведскому правительству ноту, в которой сообщалось, что СССР не имеет возражений в принципе против заключения соглашения с правительством Рюти — Таннера. В ноте далее говорилось, что Финляндия должна заявить об уступках, которые она сейчас готова сделать, и что требуемые советской сторо-

ной новые условия превьсят те, которые предлагались осенью. Путь к миру был теперь открыт, поскольку Советский Союз тактично выразил свою готовность отказаться от правительства Куусинена и тем самым от своей цели установить контроль над всей Финляндией.

Однако стало очевидным, что полуостров Ханко остается частью советских требований, а на это финские руководители еще не были готовы пойти. Таннер сам отправился в Стокгольм и встретился с Коллонтай. Он намекнул, что Финляндия могла бы предложить один из прибрежных островов, но Москва дала понять, что не начнет переговоры на такой основе. Представляется вероятным, что в конце января, до начала русского наступления на Карельском перешейке, Финляндия могла бы получить мир примерно на тех же условиях, которые русские предлагали осенью, но без обещанной тогда компенсации. Однако финны находились под впечатлением своих военных успехов и усиливающихся намеков на готовящееся военное вмешательство Англии и Франции и считали, что должны получить более выгодные условия. Только военное поражение убедило их более серьезно отнестись к русским предложениям.

10 февраля на заседании Военного совета Рюти и Таннер с участием Маннергейма обсудили перспективы; все согласились, что Финляндия может избрать один из трех доступных ей курсов действий, перечисленных в следующем порядке по своей желательности: первый — заключить мир с СССР, предложив остров вместо полуострова Ханко; второй — продолжать войну при активном содействии Швеции, если его можно будет добиться; третий — в качестве последнего средства — принять предложение о вооруженном вмешательстве, которое сейчас выдвигают Англия и Франция. Эта программа действий 12 февраля была представлена правительственному комитету по иностранным делам, где большинство ясно высказалось в пользу заключения мира, — но как раз в этот день финский фронт на Карельском перешейке рухнул.

Прорыв «линии Маннергейма»

Неудача декабрьского наступления привела советское Главное командование к выводу, что только полностью подготовленный штурм финских укрепленных позиций может увенчаться успехом. Основная передислокация соединений Красной Армии началась 26 декабря, когда была сформирована новая армия — 13-я под командованием ге-

---

нерала Грендаля*, занявшая позиции на правом фланге 7-й армии. 28 декабря были изданы новые оперативные приказы. От массированных атак отказались — вместо этого упор был сделан на постепенное, шаг за шагом, продвижение, после того как артиллерия разрушит железобетонные укрепления. Почти целый месяц шло обучение войск, в ходе которого отрабатывалась атака на доты, особое внимание уделялось взаимодействию пехоты, танков и артиллерии.

7 января в командование вновь созданным Северо-Западным фронтом вступил маршал Тимошенко**. Боевые действия на перешейке возобновились 15 января, когда советская артиллерия приступила к систематическому разрушению финских укреплённых позиций.

Финны имели шесть дивизий в первой линии обороны, главный сектор обороняла 3-я дивизия. В резерве находились три дивизии. Эти резервные войска сооружали две новые линии укреплений — «промежуточную» позицию и «тыловую», но эти «линии» состояли из укреплений полевого типа, с противотанковыми препятствиями и проволочными заграждениями. Когда бои возобновились, ни одна из них полностью завершена не была.

Новая советская 13-я армия имела в своей составе девять стрелковых дивизий, одну танковую бригаду и два отдельных танковых батальона, она должна была нанести удар между озером Муоланъярви и рекой Вуокса. 7-я армия с 12 стрелковыми дивизиями, пятью танковыми бригадами и двумя отдельными танковыми батальонами должна была атаковать сектор Сумма и выйти к Виипури (Выборгу). Специальная группа из трех дивизий и танковой бригады приготовилась форсировать по льду Финский залив, выйти западнее Выборга и обойти с фланга тыловую линию обороны финнов.

Советские активные операции начались 1 февраля. Используя 400 орудий для обработки финских позиций, русские затем бросили в атаку вместе танки и пехоту, танки часто тащили за собой бронированные сани с пехотинцами. С воздуха наступающих поддерживала авиация. Атакующие солдаты и танки систематически уничтожали доты, танки прикрывали пехоту и вели огонь по амбразурам дотов. В этих условиях финнам часто приходилось оставлять доты и оборо-

---

* Комкор В. Ф. Грендаля командовал 13-й армией с декабря 1939 года по март 1940 года.

** Командарм I ранга.

няться в траншеях. Когда наступила ночь, русские отошли, и финны, измотанные боями в траншеях на сильном морозе, попытались восстановить доты. Эту тактику русские повторили на следующий день, а затем еще несколько дней подряд.

Затем 11 февраля 123-я стрелковая дивизия ворвалась в глубь обороны финнов в ключевом пункте сектора Сумма и к вечеру вышла в тыл финских позиций. Из посланного на выручку двумя днями ранее резервного батальона почти никто не уцелел. Финны старались контратаками восстановить линию фронта, но не смогли и 15 февраля Маннергейм разрешил командиру 2-го армейского корпуса отступить на «промежуточную» линию обороны. Таким образом, «линия Маннергейма» была прорвана в этом ключевом секторе после двух недель упорных боев. Во всех других секторах финнам, хотя и с трудом, удалось сдержать русские атаки.

Прорыв в секторе Сумма был поворотным пунктом войны. Тщательное планирование русскими своих атак позволило им полностью использовать слабые места в структуре финской обороны. Решающее значение имели также физическая усталость оборонявшихся и нехватка артиллерийских боеприпасов.

Финны завершили отход на вторую линию обороны к 17 февраля, в результате «линия Маннергейма» от реки Вуоксы до моря была оставлена.

19 февраля Маннергейм освободил генерала Эстермана от командования Карельской армией по его просьбе и заменил генералом Хейнриксом, который в свою очередь передал командование 3-м армейским корпусом полковнику Галвела.

Русские продолжали атаки на «промежуточную» линию и к 21 февраля прорвали ее в двух местах. Командующий 2-м армейским корпусом генерал Экист при поддержке Хейнрикса настаивал на отводе войск, однако Маннергейм, который знал о начавшихся мирных переговорах и хотел удержать как можно больше территории под финляндским контролем, дал согласие только на составление планов отхода. Затем 25 февраля 13-й пехотный полк, находившийся в боях с 11 февраля, не выдержав сильной атаки русских, распался. На следующее утро генерал Экист предпринял контратаку, использовав 15 оставшихся боеспособных танков. Но они оказались бесполезными: более половины были уничтожены, остальные застряли в глубоком снегу, и контратака провалилась. Вечером 27 февраля Маннергейм приказал покинуть «промежуточную» позицию.

Тыловая линия укреплений начиналась перед Виипури (Выборгом), затем поворачивала на северо-восток к озеру Вуокса. Потенциально это была сильная позиция из-за сильно пересеченной скалистой местности, малодоступной для танков, часть которой могла к тому же быть затоплена. Слабый сектор находился в местечке Тали, где имелся сравнительно равнинный участок. Железобетонных укреплений в этой полосе обороны не было, но имелись многочисленные дзоты, полевые укрепления и противотанковые препятствия. К этой полосе обороны русские вышли между 29 февраля и 2 марта.

Согласно выработанному плану, русские намеревались обойти Выборг с двух сторон: одна группа войск наступала по льду Финского залива западнее города, вторая была нацелена на станцию Тали. Третья группа должна была форсировать Вуоксу около Вуосалми на стыке 3-го армейского корпуса и попытаться отрезать его. Финляндское командование осознавало также опасность русского броска по льду Выборгского залива. 28 февраля оно начало срочно укреплять оборону побережья, перебросив туда целую дивизию. Этот район был усеян многочисленными островами, а скалистый берег с глубокими заливами был удобен для обороны.

Бросок по льду

Русское наступление по льду залива было проведено решительно и смело. Лед мог выдержать только легкие танки, но они успешно блокировали удерживаемые финнами острова и поддержали наступающие войска при выходе на побережье. К 4 марта русские захватили плацдарм у Вилайоки, а местные финские контратаки были отбиты.

К 4 марта стратегическая дорога Выборг — Хельсинки оказалась под обстрелом, и финляндское командование начало подбрасывать все имеющиеся подкрепления в этот район. Но одновременно русские начали перебрасывать по льду новую дивизию, и финские части разрозненно втягивались в бои, оголяя главную позицию под Выборгом.

На самом перешейке основные русские силы достигли пригородов Выборга 3 марта и сразу же атаковали 3-ю и 5-ю финские дивизии, оборонявшие город.

Северо-восточнее Выборга находился ключевой сектор Тали, который обороняла 23-я пехотная дивизия. Финны, открыв шлюзы, приступили к затоплению этого района, но лед быстро замерзал и мог выдержать пехотинцев. К 9

марта русские войска глубоко вклинились в полосу укреплений. Один отборный пехотный отряд форсировал затопленный район — по пояс в ледяной воде, несмотря на сильный мороз, — и вышел в тыл финского батальона, который оставил свои позиции и в панике разбежался. Таким образом, к 13 марта Красная Армия фактически прорвала оборону финнов в секторе Тали.

Однако на правом фланге их наступления 13-я армия первоначально не смогла добиться успеха, и 2 марта командующий армией был заменен*. Русские предприняли новые атаки 11 и 12 марта и пробились в глубь финских позиций, вынудив финнов к отступлению.

В целом общая военная обстановка на 13 марта была следующей. Русское наступление на перешейке не прекращалось и русские, очевидно, готовы были продолжать свои атаки по меньшей мере до выхода на линию Выборг—Антреа—Кякисалми (Кексгольм). Кроме того, они приготовились возобновить наступление против 4-го армейского корпуса севернее Ладоги.

У финнов все силы были втянуты в бои, и некоторые части были столь измотаны, что утратили боеспособность. Казалось очевидным, что через несколько дней финские войска будут вынуждены оставить Выборг и отступить. Если бы финнам удалось организованно отвести свои части, а затем продержаться до наступления весенней распутицы, они могли бы получить шесть—восемь недель передышки. Но без крупных подкреплений обученных солдат, артиллерии и средств противотанковой обороны их перспективы были мрачными. Такова была военная ситуация, на фоне которой принималось решение о заключении мира на советских условиях.

Планы англо-французских союзников

Когда 12 февраля произошла катастрофа в секторе Сумма, финляндское правительство не могло еще решиться уступить полуостров Ханко и продолжало изучать альтернативные решения.

Англия и Франция какое-то время обдумывали вопрос о военном вторжении в Скандинавию, но подходили к нему с разных позиций. Французы хотели открыть второй фронт в Скандинавии и тем самым отвести войну подальше от сво-

---

* Командующим 13-й армией был назначен комкор Ф. А. Парусинов.

ей границы, а англичане были заинтересованы в том, чтобы перекрыть доступ Германии к шведской железной руде. Для этого было бы достаточно захватить ключевые порты на побережье Норвегии, прежде всего Нарвик, а затем взять под свой контроль железную дорогу от Нарвика к месту добычи руды. Только по этой железной дороге можно было перебросить войска в Финляндию, и поскольку резолюция Лиги Наций призывала всех членов организации оказывать помощь Финляндии, она могла служить юридическим прикрытием для Англии и Франции в задуманном нарушении нейтралитета Скандинавских стран. Поэтому оказание помощи Финляндии было идеальным предлогом для такой операции.

Правительства двух стран рассмотрели ряд проектов, прежде чем 5 февраля Верховный совет союзников утвердил план действий. Согласно ему две англо-французские бригады в середине марта 1940 года должны будут захватить Нарвик и железную дорогу, ведущую к Лулео на берегу Ботнического залива. Одновременно будут оккупированы Тронхейм и Берген. Затем в апреле будут переброшены более крупные силы союзников, чтобы создать второй фронт против ожидавшегося немецкого вторжения в Южную Швецию. Часть этих сил окажет также помощь Финляндии, взяв на себя оборону северной части восточного фронта финских войск. Но эта помощь Финляндии была, безусловно, второстепенной по сравнению с главной целью кампании.

К 12 февраля финны знали основные положения этого плана и что союзники хотят получить приглашение Финляндии, чтобы иметь предлог для его осуществления. По подробностей, понятно, финляндское правительство не знало. Маннергейм с самого начала высказал сомнения по поводу этого плана и затем твердо придерживался этой точки зрения. Финляндское правительство также не испытывало энтузиазма в отношении план союзников, но надеялось, что его — как возможный вариант — можно использовать для того, чтобы припугнуть Швецию и заставить ее вмешаться в войну или же выторговать у СССР более мягкие условия.

23 февраля русские сообщили шведскому правительству свои условия заключения мира: аренда полуострова Ханко сроком на 30 лет, передача СССР всего Карельского перешейка и северо-восточного побережья Ладожского озера (это примерно соответствовало границе, установленной Петром Великим в 1721 году), а также договор о совместной оборо-

не Финского залива. Взамен Советский Союз соглашался вывести свои войска из района Петсамо.

Финляндское правительство не могло сперва решиться вести переговоры на такой основе. Оно продолжало изучать альтернативные варианты, но в тот же самый день Швеция подтвердила, что она не только не вмешается в конфликт, но и не разрешит проход англо-французских войск через свою территорию. На следующий день английский посланник разъяснил Таннеру обстоятельства, связанные с осуществлением планов западных союзников. Выяснилось: в Финляндию придут не более 20 тысяч союзных солдат и офицеров; они не смогут прибыть ранее 15 апреля; Финляндия должна пригласить западных союзников, а также договориться о транзите их войск через Норвегию и Швецию. Несмотря на неудовлетворительный характер этих предложений, финляндское правительство продолжало колебаться. 26 февраля Таннер снова приехал в Стокгольм, где ему было заявлено, что шведская помощь будет ограничена посылкой 16 тысяч индивидуальных добровольцев, более того, если западные союзники попытаются добиться прохода своих войск через Швецию с помощью силы, им будет оказано сопротивление, и тогда «Швеция окажется в войне на стороне русских и против Финляндии». Шведский премьер-министр настаивал на принятии русских условий. В этом случае Швеция предоставит экономическую помощь на реконструкцию и рассмотрит возможность заключения оборонительного союза с Финляндией для гарантии ее новых границ.

Теперь наконец финляндское правительство вплотную встало перед необходимостью принятия решения. Дальнейшие контакты с англо-французскими представителями не привели к прояснению двусмысленного содержания плана союзников, и правительство Финляндии (за исключением двух министров) согласилось начать переговоры на основе русских условий. К этому его подталкивал обусловленный СССР последний срок принятия предложения о переговорах — 1 марта. Это решение поддержала комиссия по иностранным делам сейма, и был составлен проект ноты Советскому правительству. В этот момент английское и французское правительства, увидев, что их план находится под угрозой срыва, выдвинули более щедрое предложение. Сейчас они обещали 50 тысяч войск к концу марта!

Чтобы уточнить эти новые предложения, финляндское правительство притормозило намеченное принятие совет-

---

ских условий и затянуло ответ, запросив у СССР дополнительные разъяснения. Союзники в свою очередь оказали нажим на Финляндию, добываясь от нее получения приглашения на вооруженное вмешательство до 5 марта, однако не сообщали, что они предпримут перед лицом отказа Норвегии и Швеции разрешить проход войск. Дело в том, что правительства Англии и Франции сами этого не знали, но, по-видимому, убедили себя, что, когда наступит решающий момент, Швеция и Норвегия пойдут им навстречу. Эта неопределенность в планах союзников, а также странные колебания в размерах и сроках предлагаемой союзниками помощи встревожили финнов. В конечном итоге Финляндское правительство разгадало замыслы союзников. Решающим днем стало 5 марта, когда произошли три события: западные союзники согласились отложить срок передачи им приглашения до 12 марта; Советский Союз дал знать, что Финляндия по-прежнему может заключить мирный договор на прежних условиях, несмотря на истечение обусловленного срока — 1 марта; финляндское правительство вернулось к первоначальному решению о проведении переговоров на этой основе.

Мирный договор

6 марта Финляндская делегация во главе с премьер-министром Рюти выехала в Москву. Предложение финнов о немедленном прекращении огня было отклонено. Переговоры начались 7 марта, и советская делегация, возглавляемая Молотовым, отказалась рассматривать какие-либо изменения предложенных ранее условий. Вместо этого русские выдвинули два совершенно новых требования о передаче им части территории в районе Салла—Куусамо и о строительстве железнодорожной ветки от Мурманской железной дороги до Кемиярви и затем далее к Ботническому заливу.

Правительство в Хельсинки было возмущено этим, как оно считало, нечестным приемом советской стороны, но 9 марта оно получило доклад о военной обстановке, который предсказывал возможность полного развала финской обороны в ближайшее время. На основе этого доклада Маннергейм решительно потребовал заключения мира, и правительство уполномочило делегацию — в случае единодушного согласия — подписать договор на русских условиях. 11 марта западные союзники в последней попытке помешать Финляндии заключить мир публично заявили о своем предложении прийти ей на помощь, но на этот раз финны остались верны при-

нятому решению. 12 марта финляндское правительство направило делегации официальный мандат на подписание договора. В самый последний момент посланник Англии заявил финляндскому правительству, что западные союзники преодолеют норвежское и шведское сопротивление их планам, но заявление запоздало.

В этот же вечер в Москве состоялось подписание договора, и военные действия прекратились в 12.0013 марта.

Согласно Московскому мирному договору 1940 года, в состав территории СССР включался весь Карельский перешеек, западное и северное побережье Ладожского озера; территория восточнее Меркьярви с Куолоярви, часть полуострова Рыбачьего. Финляндия сдавала в аренду СССР сроком на 30 лет полуостров Ханко, прилегающие к нему острова и морскую территорию «для создания там военно-морской базы», а также соглашалась на строительство на своей территории железной дороги Кандалакша—Кемиярви. Советский Союз снял свое предложение о заключении пакта о взаимной помощи и обязался вывести свои войска из области Петсамо.

Советские делегаты отстаивали условия договора ссылаясь на соображения военной безопасности. База на полуострове Ханко позволит закрыть проход в Финский залив враждебным кораблям; новая граница обеспечит организацию более глубокой обороны Ленинграда; обладание холмистой местностью в районе Салла (Куолоярви) обеспечит защиту Мурманской железной дороги, а передача полуострова Рыбачьего создаст надежный форпост для обороны Мурманска с запада. Договор, разумеется, обеспечивал не столь широкую безопасность, которую дало бы подчинение Финляндии правительству Куусинена, но он отвечал минимальным требованиям военной безопасности с точки зрения СССР.

Установить, почему СССР в конечном итоге избрал подобное минимальное решение вместо полного завоевания Финляндии, невозможно. Судя по позиции Сталина на переговорах в 1939 году, он всегда предпочитал узкое урегулирование. Он хотел избежать участия в европейской войне, сохранив за собой возможность извлечь, если удастся, из нее выгоды. Для него навязывание Финляндии правительства Куусинена было второстепенным вариантом, да к тому же этот вариант оказался основанным на неверных предпосылках и, таким образом, стал нецелесообразным. К тому же война вышла из-под контроля. Задуманная как небольшая побочная военная операция, она переросла в крупную кампанию. Со-

---

ветский союз выделил на ее проведение 1,2 миллиона солдат и офицеров, 1,5 тысячи танков и 3 тысячи самолетов. Неприемлемо большая часть советских вооруженных сил оказалась вовлечена в действия в критический период времени. Война в Западной Европе вот-вот должна была разгореться, и Сталин хотел высвободить советские вооруженные силы — как для использования открывающихся возможностей, так и для защиты против возможных опасностей.

Последствия

С этой точки зрения согласие русских отказаться от правительства Куусинена 29 января 1940 года представляется разумным. Еще более примечательно то обстоятельство, что последующие военные успехи не ввели Советское правительство в искушение вернуться к более амбициозным планам, но в этом главным фактором, безусловно, явилась растущая угроза военного вмешательства Англии и Франции. Сталин не хотел воевать с этими государствами, если бы мог получить желаемое без войны. Поэтому советское предложение начать переговоры осталось открытым, несмотря на растущие успехи на фронте и колебания финнов.

Советский Союз заплатил высокую цену. Согласно советским данным, советские потери составили 48 тысяч убитыми и 158 тысяч ранеными. Маннергейм считал, что советская сторона, скорее всего, потеряла убитыми 200 тысяч человек. Помимо человеческих жертв русские также потеряли много танков и самолетов. Был нанесен трудно поддающийся оценке урон престижу Красной Армии. К тому же приобретения, закрепленные Московским договором, оказались иллюзорными, тогда как условия договора делали очевидным, что, если Советский Союз когда-либо в будущем попадет в трудное положение, Финляндия не преминет использовать это в своих интересах. Компенсирующих выгод русские не приобрели: ни военная база на Ханко, ни новая государственная граница не принесли русским большой пользы, когда Германия напала на Советский Союз в 1941 году.

Реальным приобретением был военный опыт. Главный военный совет совещался в Кремле три дня — с 14 по 17 апреля 1940 года, анализируя уроки финской войны, и изложил свои выводы и рекомендации о необходимых переменах в приказе № 120 от 16 мая 1940 года. В приказе подчеркивалась необходимость использования пехотой более гибких тактических приемов, улучшения взаимодействия различ-

ных родов войск, надлежащей подготовки к ведению военных действий в зимних условиях, и в первую очередь необходимость интенсивной и приближенной к боевым условиям подготовки войск. Красная Армия в июне 1941 года была более эффективной военной силой в результате опыта, приобретенного в финской войне.

Для финнов ситуация, разумеется, была мрачной. С военной точки зрения положение дел было катастрофическим. Новая государственная граница проходила вблизи от важных промышленных и административных центров, она была длиннее и более открытая, чем старая. Нельзя было больше планировать выигрыш времени для проведения мобилизации путем уступки части малоценной территории противнику в пограничных районах. В будущем финляндская армия должна будет удерживать позиции и сражаться на самой границе. Финские войска потеряли 25 тысяч убитыми и 45 тысяч ранеными из армии, общая численность которой не превышала 200 тысяч человек. Кроме того, необходимо было полностью переоснастить ее современным оружием. Можно отметить, что финляндское командование справилось с этой задачей: к июню 1941 года Финляндия имела армию в составе 16 дивизий, гораздо лучше оснащенных, чем в 1939 году, и высокобоеспособных как в обороне, так и в наступлении.

Имелись также серьезные политические и экономические последствия. Финляндия уступила почти десятую часть своей территории, второй по величине город и важный промышленный комплекс на реке Вуоксе. В ходе реконструкции – помимо бремени военной реформы – Финляндии пришлось компенсировать свои утраченные активы и расселить 400 тысяч беженцев, покинувших отошедшую к СССР территорию. Эта сложная задача решалась энергично: военное поражение не подорвало жизнеспособность финского общества.

Политические последствия преодолеть было не так-то просто, ибо Финляндия оказалась политически изолированной. Горький опыт русского военного вторжения усилил убеждение финляндского правительства и населения страны во враждебности СССР; и финны, естественно, стали искать политическую поддержку повсюду, где ее можно было найти. Это привело к роковому военному сотрудничеству с нацистской Германией и новой войне в июне 1941 года.

«Зимняя война» была еще одним печальным эпизодом в длинной бурной истории отношений между финским и рус-

---

ским народами. Но она, кроме того, была одним из эпизодов, пожалуй ненужным в общей истории второй мировой войны. Помимо того, что эта война побудила Финляндию к нападению на Советский Союз в июне 1941 года, она сыграла важную роль в возникновении иллюзии, что СССР в военном отношении является второсортной державой.

Но эта война к тому же чуть было не привела к еще более серьезным последствиям. Если бы Финляндия приняла предложение англо-французских союзников о помощи, а английские и французские войска нарушили нейтралитет Скандинавских стран и начали военные действия против Красной Армии, кто может сказать, как это повлияло бы на последующий ход мировой войны? Судя по результатам боевых действий англо-французских войск в Норвегии, катастрофы им едва ли бы удалось избежать, а в дополнение к этому Англия и Франция могли бы оказаться в состоянии войны с Советским Союзом, равно как и с Германией. Финляндия заслуживает глубокой благодарности со стороны западных союзников за то, что она спасла их от безумной и глупой затеи.

Энтони Антон

*(От Мюнхена до Токийского залива. Сборник
Взгляд с Запада на трагические страницы истории
Второй мировой войны.) – М.: Политиздат, 1992, с. 91–125).*

Взгляд с другой стороны

Красноармейцы,

Уже наступили холода. Чем замерзать в наших северных сугробах, лучше сдавайтесь в плен нам, финнам.

Мы обращаемся с пленными хорошо, как предписывают международные законы. Вы получите достаточно пищи, одежду, теплое помещение и работу.

Не верьте лживым уверениям ваших политруков, что мы пытаем пленных и обращаемся с ними не по-человечески. Мы не таковы, как ваши политруки.

Забросьте винтовку за плечи, дулом вниз и подвяв руки, переходите к нам.

Большие части Красной Армии, в северной Финляндии уже сдаются нам в плен и все эти ваши товарищи чувствуют себя хорошо и каждый день сыты.

Перед сдачей в плен, уничтожайте ваших кровопивцев политруков.

(Листовка, найденная в одном из ДОТ ов).

«Финская война» 1939–40 годов — один из символов героизма советского солдата, «человека с ружьем», и одно из позорнейших пятен в летописи политических деяний Советского Союза. «Незнаменитой войной» назвал ее поэт А. Твардовский. Пожалуй, самое точное определение.

Вот «вернувшийся с Балтфлота краснофлотец» Дядя Степа рассказывает малышам «про войну и про бомбежку, про большой линкор «Марат», как (он) ранен был немножко, защищая Ленинград». Для подавляющего большинства советских и постсоветских читателей, уже вышедших из среднего детсадовского, но еще не достигших позднего пенсионного возраста, эти строки — о Великой Отечественной, а не о финской... И дело не только в том, что Великая война заслонила войну малую.

Для советских людей сто пять дней войны на Карельском перешейке были, пожалуй, «незнаменитыми» всегда. И в тридцать девятом–сороковом, когда оперативные сводки о боях в газетах и по радио публиковались от имени штаба Ленинградского военного округа, чтобы подчеркнуть ло-

---

кальность конфликта. И в шестидесятых, когда академическая «Краткая всемирная история» уделила «зимней войне» два с половиной абзаца, два из которых посвящены описанию «лихорадочной подготовки правящих кругов Англии и Франции к нападению на СССР». И тем более — теперь, спустя почти шестьдесят лет...

Из-за этого случилось так, что, хотя о «финской войне» в Советском Союзе было написано довольно много, представить ее значение, связь с другими событиями того времени, место в истории Второй Мировой войны, довольно сложно.

Эта война — часть истории СССР, как и часто истории прекрасной соседней северной страны. У нас многие продолжают относиться к «финской войне» как к пограничному конфликту, продолжавшемуся с ноября 1939 по март 1940 — так, как было «рекомендовано» советской историографией в 60-х годах. Российский читатель, интересующийся военной историей, в подавляющем большинстве случаев не подозревает о событиях, предшествовавших боям на Карельском перешейке морозной зимой 1940 года. Почти никто не знает о том, что в понимании финнов «зимняя война» не закончилась 13 марта 1940 года, после того, как был подписан Московский договор: через год с небольшим Финляндия вступила в «войну-продолжение».

Почувствовать все это можно, пожалуй, только посмотрев на события 1939-40 годов «с другой стороны» — с точки зрения финнов.

ПРЕДЫСТОРИЯ

«Единственной внешнеполитической проблемой является нейтрализация той угрозы, которую означает близость России».

*Х. Прокпе,
министр иностранных дел Финляндии*

После рождения финляндского государства в 1809 г., ему понадобилось более ста лет, чтобы добиться полной независимости от России. 6 декабря 1917 г. по инициативе сената, временно исполнявшего обязанности верховной власти в Финляндии, парламент страны провозгласил ее независимость.

После Октябрьской революции Финляндия не признала большевистское правительство. Председатель парламента страны П. Э. Свинхувуд сначала вообще не хотел предприни-

мать никаких шагов, чтобы добиваться признания независимости со стороны Советской власти. Переговоры с Советами, несомненно, вызвали бы недовольство и российских монархистов, и сторонников свергнутого Временного правительства. Внутриполитическая ситуация в Финляндии, как и во всей бывшей Российской империи, в конце 1917 г. была крайне сложной. Портишь отношения с силами, которые вполне могли вернуться к власти, было не в интересах финнов. В сложившихся обстоятельствах они видели прежде всего реальную возможность добиться полной государственной независимости.

Вскоре, однако, стало ясно, что формальное обращение к большевикам для достижения этой цели неизбежно. 4 января 1918 г. правительство Советов признало суверенитет Финляндии.

В России сейчас мало кто слышал о разразившейся затем войне, которую финны называют войной за свою независимость.

Уже 28 января 1918 г. в южной Финляндии вспыхнули вооруженные столкновения между отрядами финской Красной гвардии, которую поддерживали контролировавшиеся большевиками части российской сухопутной армии и Балтийского флота, и отрядами шюцкора (добровольной национальной гвардии), объявленными сенатом правительственными войсками. Боевые действия становились все более широкомасштабными и кровопролитными. Вооруженные финским правительством отряды добровольцев вторглись в Восточную Карелию. В феврале правительство Финляндии обратилось к германскому командованию с просьбой о высадке десанта на побережье Финского залива. Через три дня после подписания мира с большевиками в Брест-Литовске, 5 марта, немцы высадились на Аландских островах. Эта германская дивизия, постоянно угрожавшая северному флангу защищавших Петроград частей Красной Армии, оставила территорию Финляндии только в декабре 1918 г. Российские войска, напротив, были выведены из Финляндии намного раньше — после заключения Брест-Литовского мира (3 марта 1918 г.).

И все же, несмотря на все сложности, правительство Советов политически было выгодно Финляндии: оно по крайней мере формально поддерживало независимость финляндского государства. Ни Временное правительство, ни сторонники монархической России не допускали и мысли о возможности отделения северо-западной территории импе-

---

рии — Великого княжества Финляндского. Поэтому во время похода Юденича на Петроград, ставший президентом Финляндии К. Й. Стольберг воспротивился участию финских войск в этом наступлении. Сдержанность Финляндии и Балтийских государств в этой ситуации позволила большевикам удержать Петроград.

Только 14 октября 1920 г. в Эстонии был подписан Тартуский (Юрьевский, как его тогда называли) мирный договор между Советской Россией и Финляндией. Договор установил Государственную границу между странами. На севере Финляндии был передан Печенгский край и часть п-ова Рыбачий (так называемый Печенгский коридор).

Благодаря этому, Финляндия получила выход к незамерзающему Баренцеву морю, но за Советской республикой сохранилось право транзита через эту территорию (так же как и за финскими судами — право прохода по Неве). Часть пограничных территорий, примыкавших к Баренцеву морю, Ладожскому озеру и Финскому заливу, объявилась демилитаризованной зоной. Финские войска оставляли захваченную ими Восточную Карелию. В текст Тартуского договора была включена декларация о самоуправлении Карелии.

Однако здесь, в Карелии, все было очень непросто. Великобритания, обеспокоенная присутствием вражеских немецких войск на территории Финляндии (в понимании англичан — фактически на территории союзной им Российской империи), неблагоприятными политическими переменами в России и заключением российско-германского мира, попыталась укрепить позиции Антанты на Севере. 27 июня 1918 г. английская эскадра высадила на Кольском полуострове десант, известный под названием Мурманской военной экспедиции. Командовал экспедицией генерал Ч. Мейнандер.

Собственно британских войск в ее состав входило не так уж много, и к крупномасштабным боевым действиям они не готовились.

Это удивляло многих, в том числе и в Британии. Например, знаменитый английский полярный путешественник Э. Шеклтон, только что вернувшийся из длившейся три года антарктической экспедиции, с удовольствием принял предложение о назначении советником по вопросам снаряжения, обмундирования, питания и транспортировки подвижных отрядов при штабе генерала Ч. Мейнандера. «Шеклтон говорил своим друзьям, что наконец-то получил работу себе по сердцу: поездки на санях, а затем сраже-

ние. Но, к сожалению, возможность для вооруженных схваток не появлялась», — писал позже один из биографов Э. Шеклтона.

Действительно, основными задачами Мурманской военной экспедиции были не бои, а организация, приведение в боевой порядок и руководство частями российской армии для противодействия финнам, немцам и большевикам. Эти сформированные британцами части и начали продвигаться к югу вдоль построенной два года назад Мурманской железной дороги.

Как заметил финский историк М. Йокипии, «Восточная Карелия оказалась в силовом поле большой политики». В этом силовом поле переплетались интересы «красной» и «белой» России, стран Антанты, Финляндии, отчасти — Германии, и, конечно, самих карел. Для них пример только что обретшей независимость Финляндии имел большое значение. Еще в январе 1918 г. на народном съезде в Ухте было принято постановление о необходимости создания Карельской республики.

Правительство независимой Финляндии было особенно обеспокоено ситуацией в Карелии. Война за независимость и гражданская война в стране привели к тому, что весной 1918 г. до трех тысяч имевших боевой опыт финских сторонников большевиков перебрались в Россию; преимущественно в Карелию. Возможность нанесения ими удара по Северной Финляндии была достаточно вероятной. Чтобы обезопасить свои тылы, финны ударили первыми: в марте-мае 1918 несколько отрядов финских войск и добровольцев вторглись в Восточную Карелию.

Бои в Восточной Карелии то затухали (в том числе и на время «отпусков для уборки урожая»), то разгорались вновь. Ситуация осложнилась еще и тем, что 1—3 марта 1919 г. в Восточной (Беломорской и Олонецкой) Карелии была образована Карельская трудовая коммуна — одно из буферных государств, которыми Советское правительство старалось окружить контролируемые им территории России.

Возглавила коммуны группа присланных из Москвы «красных финнов» во главе с Э. Гюллингом (в 1935 году он будет отстранен от должности, в 37-м — арестован, и расстрелян в июне 1938).

Хитросплетение политических, этнических, языковых, религиозных и экономических проблем региона привело к тому, что «период племенных войн» в Восточной Карелии, как именуется это время в финской истории, завершился

ся только в феврале 1922 года. Но вплоть до 1925 года Советское правительство с определенной опаской относилось к карелам: по соображениям безопасности они даже были освобождены от службы в армии.

Война Финляндии за независимость, гражданские войны в России и самой Финляндии, «племенные войны» в Карелии — эти бурные события привели к тому, что к 1922 г. в Финляндии оказалось более 35 тысяч беженцев. Их надо было расселять, кормить, лечить, обучать в школах. Финляндское правительство взяло на себя необходимые заботы и финансовые расходы. Работа по оказанию помощи беженцам «первой волны» продолжалась до 1940 года. А потом в стране появились новые тысячи переселенцев...

* * *

Несмотря на наступившее после окончания конфликта в Восточной Карелии смягчение напряженности финско-советских отношений, взаимная подозрительность между государствами не исчезла.

Для нейтрализации угрозы со стороны РСФСР (превратившейся вскоре в СССР) Финляндия стала искать сотрудничества со странами «западной» буферной зоны — Польши, Эстонии, Латвии, Литвы. Однако уже в 1922 г. от этого пришлось отказаться. Становилось ясно, что Балтийские государства испытывают еще большую угрозу, чем сама Финляндия. Кроме того, все большие подозрения финнов стали вызывать претензии Польши на гегемонию в балтийском регионе.

Нужно было изыскивать другие пути к повышению безопасности.

В этот период Финляндия активно сотрудничала в Лиге Наций. Известный политик Х. Прокопе, длительное время бывший министром иностранных дел Финляндии, даже занимал пост Председателя совета этой международной организации. Естественным шагом для финнов было движение по пути, предусмотренному положениями международного права.

Договор о ненападении, заключенный с СССР, был бы одним из приемлемых вариантов. Однако на предложения Советского Союза о его заключении финская сторона дважды отвечала отказами. Это противоречило ее обязательствам как государства-члена Лиги Наций: договор не мог быть заключен со страной, в Лигу Наций не входившей.

Ситуация изменилась лишь в 1933 году после принятия в Лигу Наций Советского Союза. Финляндия согласилась на подписание договора о ненападении с СССР.

Однако уже к середине 30-х годов стала очевидна политическая слабость Лиги Наций. Организации не удалось остановить итало-эфиопской войны, развязанной фашистской Италией в декабре 1934 года. Как стало ясно правительствам небольших стран, в случае агрессии со стороны «великих держав» надежда на помощь со стороны Лиги Наций была призрачной.

Политика нейтралитета, казалось, давала больше перспектив. В 1935 г. правительство Финляндии заявило, что во внешней политике страна будет придерживаться скандинавской ориентации. Финны и скандинавы объявили, что впредь не считают себя обязанными присоединяться к возможным санкциям против страны-агрессора, как это предусматривалось декларациями Лиги Наций. Финляндия подчеркивала, что в возможной войне великих держав она сохранит нейтралитет.

Между тем, такая политика не гарантировала финнам военной помощи со стороны скандинавов в случае необходимости. Интересы Швеции, Дании и Норвегии различались, а их военный потенциал был сравнительно небольшим.

Впрочем, со Швецией нашлась важная точка совпадения военно-политических интересов. Шведов, как и финнов, волновали планы Советского Союза в отношении Аландских островов.

После прихода национал-социалистов к власти в Германии, резко изменилось геополитическое значение стран бывшей «буферной зоны». И Советский Союз, и Германия стремились включить их в сферу своего влияния. Советским политикам и военным представлялось вероятным, что в случае агрессии против СССР вооруженные силы Германии используют территорию Балтийских государств и Финляндии как плацдармы для нападения — либо захватив эти страны, либо с их вынужденного согласия. Ни одно из государств балтийского региона, исключая Польшу, не имело достаточной военной силы, чтобы отразить немецкое вторжение.

Политика СССР в отношении государств Балтии и Финляндии стала более резкой. Уже в 1933 году второй секретарь советского посольства в Хельсинки Б. Ярцев предложил Финляндии военную помощь против Германии и сотрудничество в фортификации Аландских островов. Предложение было достаточно странным: невысокое служебное лицо, от которого оно исходило, наводило на мысли если не о провокации, то во всяком случае о «прощупывании лазеек». Кроме того, финны хорошо помнили о боях января 1918 года с частями россий-

---

ской армии, отказавшимися покинуть территорию страны. Предложение Б. Ярцева было отвергнуто.

Эти события привели к тому, что Финляндия и Швеция решили сообща заняться укреплением Аландских островов. Вероятно, финны рассчитывали на то, что военное сотрудничество со Швецией этим не ограничится. Перспектива была заманчивой, поскольку в тот период шведы единственными из всех скандинавов начали серьезное перевооружение и укрепление своей армии. Финляндско-шведский договор, предусматривавший военное сотрудничество в укреплении Аландских островов, был подписан, и тут же ратифицирован финским парламентом.

Между тем, для реализации этого договора нужно было решить серьезную проблему. Еще в период становления Финляндии как независимого государства шведскоязычное население Аландских островов стремилось присоединиться к Швеции. Разумеется, шведское правительство не хотело упускать шанс получить стратегически важную территорию: Аланды перекрывали вход в Ботнический залив и были идеальным местом для размещения военно-морской базы и батарей береговой обороны.

После переговоров в Версале и Женеве Лига Наций приняла компромиссное решение: острова остались в составе Финляндии, но получили широкую автономию и были объявлены демилитаризованной зоной.

Таким образом, возведение укреплений на Аландских островах не могло быть начато без одобрения со стороны стран-членов Лиги Наций. Разумеется, СССР, как полноправный член этой международной организации, выступил с решительным протестом против «милитаризации Аландов».

«Представляется неясным, каковы именно цели вооружения островов, в каких размерах эти вооружения будут произведены, против кого они направлены и, наконец, в чем заключаются гарантии, что эти укрепления не будут использованы какой-либо агрессивной державой против СССР, расположенного в непосредственной близости от Аландского архипелага». («Известия», 29 мая 1939 года).

План был сорван. Шведское правительство отказалось ратифицировать договор по Аландам, который весной 1939 г. уже был одобрен правительством Финляндии. Нужно подчеркнуть, что после прихода к власти Гитлера основными факторами, которые определяли позиции СССР в регионе Балтийского моря, были военно-стратегические и внешнеполитические интересы. Идеология отошла на второй план. Да-

же реакция Советского Союза на усиление антикоммунистического движения в Финляндии и на запрещение деятельности коммунистов в начале 30-х годов по тогдашним меркам была удивительно вялой.

Декларации военно-политического характера, напротив, были чрезвычайно жесткими. Советский посол в Финляндии прямо заявил финскому премьер-министру, что в случае начала войны в Центральной Европе СССР оккупирует часть Финляндии. В чуть более завуалированной форме об этом говорилось в выступлении секретаря Ленинградского обкома партии А. А. Жданова.

Ситуация становилась все более критической.

Политический пролог к «Зимней войне»

«Большие заботы причиняла Советскому правительству проблема обеспечения безопасности Ленинграда, находящегося всего в 32 км от границы. Сделанное Финляндии предложение об обмене территории на Карельском перешейке на значительно большую территорию в Карелии было отвергнуто, а финские реакционеры после этого только усилили свои военные приготовления под Ленинградом».

*Краткая всемирная история. АН СССР.
Институт истории. М., Наука, 1967*

Совершенно очевидно, что нападение СССР на Финляндию 30 ноября 1939 года не было результатом советско-финских двусторонних отношений. Небольшое государство «все-го лишь» в очередной раз оказалось в зоне столкновения политических интересов «великих держав».

Начиная с середины тридцатых годов наиболее вероятным военным противником Советского Союза была Германия. В случае боевых действий между государствами, кто бы их ни начал — Третий рейх или СССР, — Советский Союз был крайне заинтересован в обладании военно-морскими базами и укреплениями береговой обороны, которые имела прежде царская Россия, и которые оказались теперь на территориях ставших суверенными государствами Финляндии, Эстонии, Латвии.

В марте-апреле 1939 года советское командование начало разрабатывать детальные планы военных действий против северобалтийских государств — Эстонии и Финляндии. Для работы над этими документами в распоряжение опера-

---

тивного управления Генерального штаба был откомандирован слушатель Академии комбриг А. М. Василевский, работавший под руководством К. А. Мерецкова и Б. М. Шапошникова.

Вероятно, уже эта предварительная работа высших штабных командиров РККА привела их к заключению, что война с Финляндией будет тяжелой, требующей концентрации больших сил и людских ресурсов. Начальник Генштаба Б. М. Шапошников доложил об этом наркому обороны К. Е. Ворошилову и И. В. Сталину. Реакция вождей была резкой.

Генеральный штаб РККА был отстранен от разработки окончательных планов ведения финской кампании...

Но пока, весной и летом 1939 года, основное внимание Кремль уделял операциям на дипломатическом направлении.

Выторговывая для себя позиции геополитических преимуществ на переговорах с англичанами и французами в Москве в июле-августе 1939 года, в уплату за вхождение в антифашистский блок в числе прочих условий Советский Союз потребовал передачу ему стратегически важных пунктов — полуострова Ханко, Аландских островов, о. Сааремаа.

Когда западными дипломатами эти требования были доведены до сведения правительств Финляндии и Эстонии, на чьи территории претендовал СССР, те, естественно, отвергли такую возможность.

Одновременно с переговорами с Великобританией и Францией о создании антигитлеровского союза, 23 августа 1939 года советское руководство заключает договор о ненападении с Германией.

Дополнительным секретным протоколом пакта Молотова-Риббентропа оговаривался раздел сфер влияния СССР и Германии в зоне Балтийского моря:

«1. В случае территориальных и политических изменений на территориях, относящихся к прибалтийским государствам (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы будет устанавливать границы влияния Германии и Советского Союза».

В сентябре-октябре 1939 года, пользуясь тем, что «территориальные и политические изменения» уже произошли (1 сентября Вермахт, а чуть позже — Красная Армия вторглись в Польшу), СССР усилил нажим на Балтийские государства. Довольно многочисленное немецкое население региона начало покидать территорию Прибалтики.

28 сентября Эстония, а 5 и 10 октября — Латвия и Литва вынуждены были подписать с Советским Союзом договоры о взаимопомощи. На основании этих договоров в одной только Эстонии было построено несколько советских военно-морских и авиационных баз с общим контингентом около 25000 военнослужащих.

«Огромным вкладом в дело мира являются договоры о взаимной помощи, в том числе и военной, заключенные между Советским Союзом и Прибалтийскими странами. Эти договоры, основанные на равенстве обеих сторон, еще раз демонстрируют миру советскую политику уважения независимости малых стран.

Отныне Прибалтийские страны, расположенные на подступах к Советскому Союзу, не могут быть использованы никакими империалистическими группировками в качестве плацдарма для нападения на СССР. Отныне независимость этих стран обеспечивается всем военным могуществом Советского Союза. Так мудрая политика советского правительства, направляемая великим Сталиным, избавила народы нашей страны от угрозы вовлечения СССР в войну и поставила серьезные преграды на пути распространения военного пожара в граничащих с нами странах». («Великие победы социализма», ноябрь 1939 г.).

Уже через несколько недель после того, как будут напечатаны эти строки, советская бомбардировочная авиация начнет наносить удары по территории Финляндии со своих новых авиабаз, расположенных на территории пока еще независимой Эстонии.

Но в середине осени 1939 года СССР еще только строил планы вторжения в Финляндскую республику.

«Коварные планы поджигателей войны — столкнуть на поле брани во имя своих империалистических интересов Германию и СССР — окончились позорнейшим провалом. Советско-германский пакт о ненападении и договор о дружбе создали условия для прочного мира в Восточной Европе. Масштабы новой империалистической войны оказались ограниченными, и поле военных столкновений в Европе сузилось. Прекратила существование панская Польша — страна бесправия и варварского угнетения. Линия советской обороны протянулась у берегов Балтики», — писали советские газеты той поры.

Новую советскую «линию обороны у берегов Балтики» следовало дополнительно укрепить. 5 октября 1939 года министр иностранных дел Советского Союза В. М. Молотов

передал посланнику Финляндии в СССР А. Ирве-Коскине-ну требование о прибытии в Москву финляндской делегации «для обсуждения политических вопросов, затрагивающих обе стороны». Делегация прибыла в СССР только после повторного требования, выдвинутого, как и первое, в ультимативной форме. Во главе финских дипломатов на переговорах был посол Финляндии в Стокгольме Ю. К. Паасикиви, знавший русский язык.

Переговоры начались 12 октября. Советская сторона под предлогом обеспечения безопасности Ленинграда требовала от Финляндии территориальных уступок: отвода линии границы на запад и предоставления морских баз силам Балтийского флота.

Конкретизированные только на третий день переговоров требования СССР включали:

- Аренду полуострова Ханко, размещение на нем военно-морской базы и нахождение на ней пятитысячного контингента;

- Обеспечение якорной стоянки для судов Балтийского флота в заливе Лаппохайя;

- Передачу Советскому Союзу пяти островов в Финском заливе;

- Проведение корректировки границы на Карельском перешейке с перенесением ее к западу на 20–25 км на рубеж Липпола-Койвисто;

- Передачу Советскому Союзу восточной части полуострова Рыбачий;

- Передачу Финляндии территории площадью 5567 кв. км в области Репола в Карелии;

- Обязательства сторон не возводить новых оборонительных сооружений в зоне новых границ и демонтировать существующие;

- Замену существующего пакта о ненападении новым договором о дружбе, взаимопомощи и сотрудничестве.

Поскольку Аландские острова все еще оставались «болезненным местом» в отношении Финляндии и Швеции, было ясно, что советские претензии на Аланды неизбежно вызвали бы резкую реакцию со стороны Швеции. Вероятно, это могло бы привести даже к политическому сближению Швеции с Германией, чего следовало избегать всеми силами. Поэтому от первоначально выдвигавшегося пункта в отношении Аландских островов советской стороне пришлось отказаться.

Таким образом, согласно советским условиям, Финляндия потеряла 2761 кв. км своих лучших сельскохозяйственных

земель. Акватория вокруг островов, которые требовал СССР, была зоной наиболее интенсивного прибрежного рыболовства. Укрепления оборонительной линии Маннергейма, которые были основной гарантией защиты страны, перерезались линией границы самым неблагоприятным образом — даже если бы удалось добиться отмены пункта о демилитаризации приграничной зоны и демонтаже фортификационных сооружений. Наконец, заключение «договора о дружбе» положило бы конец политике нейтралитета Финляндии, которой страна упорно придерживалась.

Взамен, казалось бы, Финляндия приобретала значительную территорию — в два раза больше той, что отдавала восточному соседу.

Однако получаемые ей карельские болота, валуны и заросли хозяйственного значения иметь не могли.

Выдвинутые пункты «обоюдно важных политических вопросов» ошеломили финскую делегацию. Наивные попытки Ю. К. Паасикиви апеллировать к положениям международного права советской стороной вообще не принимались во внимание. Довольно пассивной была и международная реакция на претензии Советского Союза. Германия прямо рекомендовала финнам пойти на уступки. Теперь ясно, что со стороны немецкого руководства это было одной из форм демонстрации своей верности положениям «пакта Молотова-Риббентропа». Но тогда, в тридцать девятом, отсутствие поддержки со стороны «великих держав» и недвусмысленные «рекомендации» Германии своей неожиданностью произвели достаточно сильное впечатление на правительство Финляндской республики.

Дополнительным аргументом со стороны Советского Союза стало выдвижение им к советско-финляндской границе в третьей декаде октября 25 пехотных дивизий, примерно тысячи танков и восьмисот самолетов.

Финны начали более предметные переговоры. Они соглашались на перенос линии границы на запад на глубину 13 км в непосредственной близости к Ленинграду (район Териоки на Карельском перешейке) и передачу СССР всех отдаленных островов Финского залива и нескольких крупных островов в районе Ханко.

Это было неожиданностью для советской стороны. Уступки ее не устраивали. Советские дипломаты ухватились за тот факт, что финны начисто отвергали возможность передачи СССР материковых территорий и острова Койвисто — одного из важнейших узлов системы береговой оборо-

---

ны страны. 8 ноября Молотова раздраженно заявил, что политики свою работу выполнили, и теперь настало время военных действий. Финская делегация покинула Москву. В советских газетах началась шумная кампания, направленная против «зарвавшихся белофинских авантюристов»:

«Мощная система сооружений на Карельском перешейке отнюдь не преследовала чисто оборонительной цели: по замыслу ее строителей, она должна была служить надежным плацдармом для развертывания наступательных действий против Ленинграда...

Все попытки решить этот вопрос мирным путем успеха не имели. Более того, правители буржуазной Финляндии занялись усиленными военными приготовлениями».

Военные приготовления на финской стороне, действительно проводились. Осенью 1939 года, после начала переговоров в Москве, финские власти эвакуировали жителей из приграничной полосы. Для военной разведки этот шаг — несомненный признак того, что потенциальный противник готовится стать противником реальным. Еще раньше, летом чувствуя нарастание напряженности на восточной границе, финны начали проводить призыв резервистов для «внеочередных учений» в районе границы.

Любой военный специалист признал бы, что противостоять двадцати пяти дивизиям Красной Армии и Балтфлоту финские резервисты не могут. Не хотели признавать этого только сами финны.

Териокское правительство и народная армия Финляндии.

«Первый финской армии предоставляется честь внести в столицу знамя Финляндской демократической республики и водрузить его на крыше президентского дворца — на радость трудящимся и на страх врагам народа».

Заявление Народного правительства Финляндии, 1939 год.

Одновременно с началом советской военной агрессии против Финляндии, в Москве было объявлено о создании Народного правительства Финляндии (Временного правительства Финляндии в эмиграции). В исторической литературе это созданное Кремлем правительство часто именуется Териокским, по названию финляндского городка в нескольких километрах от советской границы, куда после вторжения

Красной Армии «Народное правительство» было перевезено. Возглавил его Отто Вилле Куусинен.

В январе 1918 года Куусинен был инициатором вооруженного выступления социал-демократов, которое послужило началом гражданской войны в Финляндии. На нелегальном положении О. Куусинен оставался в стране еще около двух лет после окончания гражданской войны и бегства основной массы финских большевиков в Россию, преимущественно в Карелию. Только в 1920 году в Советскую Россию перебрался и сам руководитель финских коммунистов.

В Советской России «Отто Вильгельмович» продолжил деятельность профессионального революционера. Он был участником учредительного конгресса Коммунистического интернационала, в 1921 году стал одним из его секретарей. В традициях того времени, и члены семьи О. Куусинена были профессиональными партийными бойцами: в конце тридцатых годов его жена работала в составе группы советского разведчика Р. Зорге (может быть, не так уж случайно в Москве улицы Куусинена и Зорге находятся совсем рядом?). Дочь О. Куусинена Херта в 1939 году стала членом ЦК компартии Финляндии.

О «буржуазной Финляндской республике» О. В. Куусинен всегда отзывался как о «временном явлении». Но сначала, по-видимому, Сталин посчитал, что секретарь Коминтерна — слишком крупная фигура для того, чтобы переместить его на пост главы териокского правительства. Возглавить Народное правительство Финляндии предложили секретарю нелегальной компартии Финляндии Арво Туоминену, жившему в эмиграции в Швеции. Неожиданно для Кремля, А. Туоминен отказался: случай по тем временам, славным «партийной дисциплиной», невероятный. Времени для поиска других «глав правительства» у Кремля уже не оставалось. Было решено утвердить кандидатуру Куусинена.

Некоторые сложности возникли и с формированием «истинно демократического правительства Финляндии»: для него не хватало кадров. «Партийные чистки» тридцатых годов настолько проредили шеренги финских эмигрантов-коммунистов, что в состав Народного правительства пришлось вводить молодые кадры «второго эшелона».

Теперь у Кремля имелось «собственное» правительство Финляндии в полном составе. Можно было снова действовать не только на военном фронте (тут активность пока только разворачивалась), но и на дипломатическом направлении. «Сегодня в гор. Терийоки по соглашению представите-

---

лей ряда левых партий и восставших финских солдат образовалось новое правительство Финляндии — Народное правительство Финляндской демократической Республики во главе с Отто Куусиненом». («Правда» 1 декабря 1939 г.)

Собственно, на первом этапе териокское правительство должно было сделать один-единственный шаг: обратиться к СССР за помощью.

Вторгнуться в Финляндию Красная Армия не могла: Советский Союз, как всем известно, миролюбивое государство. Но Красная Армия могла прийти на помощь братьям-рабочим по их просьбе, могла усилить боевые порядки Первой финской армии, чтобы затем оказать содействие укреплению мощи Народной армии Финляндии.

«Народное Правительство Финляндии обращается к Правительству СССР с предложением заключить договор о взаимопомощи между Финляндией и Советским Союзом и осуществить вековую мечту финского народа: воссоединить народ Карелии с народом Финляндии, присоединив его к единому и независимому государству Суоми». (заявление народного правительства Финляндии, 1939 год).

После этой просьбы Народного правительства Финляндии, Советский Союз в Лиге Наций объявил, что все дальнейшие переговоры он будет вести с народным териокским правительством, а не с угнетающим собственный народ буржуазным правительством Хельсинки.

Между прочим, териокскому правительству, в отличие от только что покинувшей Москву делегации буржуазной Финляндии, очень быстро удалось заключить с СССР выгодный для Финляндии договор о границе. Советскому Союзу отходила южная часть Карельского перешейка. Зато новая граница «Демократической Финляндии» должна была пройти южнее Олонца по восточному берегу Самозера, восточнее Ругозера до Кестеньги и до населенного пункта Салла. Считалось, что это соответствует «языковой границе» между карельскими и финскими населенными пунктами.

Против всей этой комедии выступили даже финские коммунисты. Как государство-агрессор, СССР был исключен из Лиги Наций. Со стороны Советского Союза образование правительства Куусинена было очевидной внешнеполитической ошибкой, что довольно быстро поняли и в Кремле. Уже в январе 1940 года, когда финляндско-советские мирные переговоры только начинались и шли еще полуофициальным путем, о териокском правительстве советская сторона не вспоминала.

У териокского правительства была и армия — Народная армия Финляндии. Собственно, пока только ее часть — Первый горнострелковый корпус Финской народной армии — «прочное ядро будущей Народной армии Финляндии». Военным министром был назначен генерал-майор А. Анттила, имевший к тому времени опыт боев не только в гражданскую, но и воевавший в Испании. Любопытно, что формирование армии началось раньше, чем было образовано правительство, которой эта армия принадлежала: первый корпус Народной армии Финляндии начал комплектоваться 11 ноября 1939 года как 106-й корпус РККА.

Финнов, карел, вепсов в «красную армию Финляндии» пришлось собирать по всему Советскому Союзу: эпоха «чисток», «посадок» и переселений была в разгаре, в одной только Карелии лишь в 1937—38 годах было репрессировано 2746 карел и 1984 финна. В Ленинградской области в 1937 году было расстреляно 13 тысяч финнов и финнов-ингерманландцев. Теперь из лагерей и тюрем спешно освобождали уцелевших бывших командиров Красной Армии «подходящих» национальностей, восстанавливали в званиях и назначали на должности в Первой финской армии. Вновь были собраны части расформированной в 1935 году Карельской егерской бригады — уникальной для Советского Союза части, существовавшей в 1925—35 годах как... собственные войска Карельской автономной республики!

И все же «национальных» военных кадров не хватало. Не стали тратить время и на комплектование частей из представителей других финских народов Союза — зырян, пермяков, удмуртов, марийцев, мордвы. По воспоминаниям очевидцев, многие солдаты Первой финской армии и значительная часть ее высших командиров были русскими, украинцами — только некоторым пришлось переименовать «на финский лад» имена и фамилии. Особенно касалось это командирского и комиссарского состава. Как вспоминал карельский писатель Яакко Ругоев, главным редактором армейской газеты «Касан Армейя» («Народная Армия») был Михаил Иванович Мелентьев, он же капитан Микко-Лахти...

Вот чего у Народной армии Финляндии было в достатке, так это обмундирования. «Красных финнов» одели в захваченные несколькими месяцами раньше на Западной Украине длинные зеленые польские шинели. Вместо петлиц были введены погоны, а вместо буденовок — знакомые теперь всем шапки-ушанки с красными звездами — правда, чуть иного покроя,

---

чем сейчас, с более круглой верхней частью (кстати, именно эти шапки во всем мире и называются «финскими»).

Так что на взгляд советского человека той поры солдаты Первой финской армии были обмундированы совсем «иностранному».

По состоянию на 26 ноября 1939 г., личный состав Народной армии Финляндии был равен 13405 штыкам. К концу войны (в феврале 1940 года) он увеличился вдвое и составлял 25 тысяч человек.

Последнее, что нужно сказать об этой армии — в боях она участия практически не принимала. Очевидно, опасаясь слишком большой концентрации «реальных» финнов в ее рядах, советское командование всю войну продержало ее во втором «политическом» эшелоне...

Силы обороны Финляндии

Военные приготовления Советского Союза и нарастание напряженности на финляндско-советской границе были очевидны. Руководитель Совета обороны Финляндии маршал Карл Густав Эмиль фон Маннергейм понимал, что армия Финляндии должна быть приведена в повышенную готовность. Между тем, материальное обеспечение Сил обороны Финляндии к концу тридцатых годов было недостаточным: чуть ли не все средства, выделявшиеся на нужды армии, последние пятнадцать лет «съедало» строительство укреплений линии Маннергейма. Совет обороны Финляндии и правительство страны это видели. Но парламент одобрил масштабную программу материально-технического обеспечения армии лишь после того, как угроза войны стала очевидной. Как оказалось, слишком поздно: осуществление программы было лишь начато, когда Финляндия оказалась в состоянии войны.

Единственным, что могло компенсировать слабое техническое оснащение Сил обороны, был по-настоящему высокий уровень подготовки личного состава. На высоте был и важнейший «морально-политический фактор»: воля к защите Родины.

В мирное время Силы обороны Финляндии насчитывали 37000 человек (примерно 1% населения страны), включая 2400 офицеров. Главнокомандующим в мирное время был президент страны К. Каллио, начальником Генерального штаба — генерал Л. Эш, должность Инспектора армии занимал генерал-лейтенант Х. Эстерман. Совет обороны, быв-

ший консультативным органом, возглавлял маршал К. Г. Мангергейм.

Сухопутные войска состояли из трех пехотных дивизий и одной бронекавалерийской бригады (60 танков). Пехотная дивизия четырехполкового состава по штату насчитывала 14200 человек. В трех стрелковых полках трехбатальонного состава и отдельном батальоне тяжелого оружия на вооружении имелось 250 пистолетов-пулеметов, 250 ручных и 116 станковых пулеметов, по 1837-мм и 47-мм противотанковых орудий, 18 минометов калибра 81 мм. Артиллерийский полк в двух полевых дивизионах располагал 2475-мм орудиями; в гаубичном дивизионе имелось 12 гаубиц калибра 105 или 122 мм. Корпус охраны границы, не входивший в мирное время в состав сухопутных войск, состоял из четырех бригад общей численностью около 6000 стрелков.

Помимо этого, существовали территориальные войска. В их составе в военизированных отрядах шюцкора (Корпуса охраны) было около ста тысяч человек, а в отрядах вспомогательной женской службы «Лотта Свьярд» числилось 90000 женщин.

Силы обороны Финляндии были оснащены стрелковым оружием в основном собственного производства. На вооружении финской армии состоял пистолет L-35 системы ведущего финского оружейника А. Лахти, и немецкий «парабеллум» (применялся в финской армии под названием «Модель 23»). Внешне L-35 был очень схож с «парабеллумом», но конструктивно сильно отличался от немецкого пистолета.

Основой всех финских винтовок и карабинов была знаменитая винтовка системы Мосина. Ранние образцы (карабин М-91, винтовки М-27, М-28) были переделками русских армейских винтовок, укороченными и с изменениями главным образом в дульной части: мушка снабжалась предохранителем от случайных ударов, устанавливалось новое верхнее ложевое кольцо с приспособлением для крепления ножевого штыка.

Более поздние винтовки собственно финского производства (М-29-30 «Шюцкор», М-30, М-39) представляли собой более существенные переделки системы Мосина, причем изменения касались в основном элементов, обеспечивающих удобство стрелка при пользовании оружием. От исходной модели отличалась конструкция прицельного устройства. Был применен иной прибор. Ложа делалась с шейкой пистолетной формы.

Символом финского стрелкового оружия периода «Зимней войны» стал пистолет-пулемет «Суоми» М-31 кал. 9 мм, системы Аймо Йоханнеса Лахти. Первый вариант этого оружия был разработан в 1922 г., но в производство запущен не был. На вооружение финской армии были поставлены более поздние, последовательно совершенствовавшиеся модели 1926 и 1931 годов.

«Суоми» М-31 имел свободный затвор и специфической конструкции неподвижную рукоятку взведения. Ложа пистолета-пулемета деревянная. Конструкция предусматривала пневматический тормоз отдачи, повышавший точность стрельбы. Оружие имело быстросъемный ствол. Секторный прицел насечен на дальности до 500 м. Скорострельность — 900 выстрелов в минуту. Магазины коробчатые (21 патрон) или барабанного типа (на 40 или 71 патрон; эта вторая конструкция позже была применена на советском ППД). Кроме того, для «Суоми» М-31 был разработан специфический коробчатый магазин с четырехрядным расположением 50 патронов. Он состоял из двух секций, представляя собой как бы два помещенных рядом друг с другом обычных магазина с двухрядным расположением патронов. Выход из обеих секций был один, патроны поочередно подавались из левой и правой секций.

Существовало несколько модификаций «Суоми» М-31. Один из вариантов мог снабжаться приставным штыком. Кроме того, из-за относительно большого веса оружия (снаряженный — 4,68 кг, с магазинами различной емкости — от 5,2 до 7,09 кг) была разработана модификация, снабженная легкой сошкой. Пистолет-пулемет отличался очень высоким качеством изготовления, но соответственно — высокой ценой.

Ручной пулемет системы Лахти-Салоранта по техническим характеристикам был близок к советскому ДП, но разработан на год раньше — в 1926 г. Пулемет снабжался коробчатым или дисковым магазином емкостью от 20 до 75 патронов и, по сути, использовался как единый пулемет: ручной, легкий станковый, зенитный.

Станковые пулеметы финской армии были в основном системы Максима различных модификаций. Некоторые пулеметы, устанавливавшиеся в дотах, снабжались системой принудительного водяного охлаждения ствола.

Единственная бронекавалерийская бригада сухопутных войск Финляндии располагала 60 единицами бронированных гусеничных машин — танкетками «Карден-Ллойд» образца

1933 г. и танками «Виккерс-6 тонн». Британцы не приняли «Виккерсы» на вооружение своей армии, но поставляли их в различные страны, в том числе и в Финляндию.

Эти легкие танки, вооруженные 37-мм пушкой (47-мм орудие у модификации «Виккерс-6 тонн-В») и одним пулеметом, защищенные 13-мм броней, составляли основу танковых сил финских сухопутных войск. В период Зимней войны финские танки не несли опознавательных знаков. Свастику, которая видна на бронированных машинах Финляндии на некоторых фотографиях, финны стали рисовать на танковой броне только после 1940 года. Зимой танки окрашивались в белый камуфляжный цвет с неправильной формы неширокими вертикальными синими полосами.

ВОЕННО-ВОЗДУШНЫЕ СИЛЫ Финляндии (156 учебных и 164 боевых самолета, 172 зенитных орудия) состояли из трех авиаполков (Lentoyhmitti – LeR-1, 2, 4) и батарей противовоздушной обороны. В состав авиаполков входили авиагруппы (Lentolaivue – LLv), подразделявшиеся на эскадрильи.

Административно ВВС страны (командующий – генерал-майор Я. Лундквист) подчинялись министерству авиации, а в оперативном отношении – командованию сухопутных войск. Две авиагруппы находились в оперативном подчинении военно-морских сил.

Несмотря на только что завершившуюся реорганизацию, ВВС Финляндии к началу войны были не доукомплектованы. До 30% самолетного парка приходилось на явно устаревшие образцы; коэффициент технической исправности боевых машин составлял 0,8. До 90% финской авиации было сконцентрировано в районе Карельского перешейка, и около 10% – в Восточной Карелии.

ВОЕННО-МОРСКИЕ СИЛЫ с личным составом 4250 человек располагали на Балтике 21 кораблем, в том числе двумя броненосцами и пятью подводными лодками. В состав Ладожской флотилии входило 10 катеров. На 30 батареях береговой обороны находилось 100 орудий калибром от 120 до 305 мм. В начале войны ВМС Финляндии находились под командованием генерал-лейтенанта В. Вальве, позже этот пост занял контр-адмирал Е. Рахола.

Мобилизационные мероприятия

Ввиду нарастания напряженности в отношениях с СССР, уже летом 1939 г. Финляндия начала скрытую моби-

лизацию, призывая резервистов для прохождения военных сборов. В результате к началу Зимней войны численность финской армии возросла с 37 до 127 тысяч человек. К 30 ноября 1939 г. было развернуто еще 5 пехотных армейских дивизий. Кроме того, две пехотные дивизии находились в стадии мобилизации, и еще три подготавливались к развертыванию.

Вместе с двумя дополнительно развернутыми бригадами, численность Корпуса охраны границы достигла 8 батальонов. К началу войны и в первые ее дни были мобилизованы также силы территориальных войск — Корпуса охраны (шюцкора) и вспомогательной женской службы «Лотта Свьярд». В результате общая численность Сил обороны Финляндии в первые дни Зимней войны достигла 530—550 тысяч человек (включая 100—150 тысяч женщин из отрядов «Лотта Свьярд»). Таким образом, почти 14% всего населения страны вошло в Силы обороны. Каждый седьмой житель Финляндии, считая грудных младенцев и глубоких стариков от Хельсинки и Тампере до тундр Лапландии, встал на защиту независимости страны Суоми — Страны Тысячи озер.

Соотношение сил к началу войны

Формально соотношение сил воюющих сторон по состоянию на 30 ноября 1939 года было таково:

по пехотным дивизиям 1:3

по танкам 1:80

по артиллерии 1:5

по самолетам 1:5

по кораблям 1:8.

Если учесть различия в численности и техническом оснащении финляндских и советских дивизий, превосходство Красной Армии станет еще более впечатляющим.

В стрелковой дивизии РККА в конце 1939 года по штатному расписанию числилось 17500 человек — на 3300 бойцов больше, чем в финской. Каждая пехотная дивизия Красной Армии располагала 30 броневиками и 35 танками, двенадцатью 120-мм минометами и 36 минометами калибра 82-мм, 48 противотанковыми пушками, 36 полевыми 76,2-мм орудиями и таким же количеством гаубиц калибра 152 мм. Количество пулеметов было почти в два раза больше, чем в финской дивизии — 419 ручных и 200 станковых. Не было, правда, пистолетов-пулеметов: в конце 30-х годов наркомат обороны посчитал их «полицейским оружием»,

и с февраля 1939 года все изготовленные к тому времени 4173 ППД-34 были сняты с вооружения РККА и из войск изъяты.

Превосходство Красной Армии в танках было не только ошеломляющим в количественном отношении, но и чрезвычайно существенным по качеству. Финские танкетки с пулеметным вооружением, конечно, не могли противостоят массе советских легких танков Т-26, БТ-5 и БТ-7, снабженных 45-мм пушками. Точно так же и основные боевые машины финских бронекавалерийских частей — «Викерсы» с 37-мм или в лучшем случае 47-мм пушками — не могли дать отпор советским средним танкам Т-28 с 76,2-мм орудием, четырьмя пулеметами и броней в 20–30 мм. О каком-либо сопротивлении тяжелым Т-35 и КВ и испытывавшимся в боевых условиях перспективным моделям КВ-2, СМК и Т-100 речи вообще быть не могло...

Линия Маннергейма

«Такую линию никакая армия не в состоянии разбить».

*Генерал Кэрк, Главнокомандующий
Королевскими Вооруженными силами
Великобритании*

Концепция позиционной войны довлела над умами многих военных теоретиков после Первой мировой. Но если строительство оборонительных линий большой мощности на франко-германской границе было явной стратегической ошибкой (как заметил один военный историк, «линия Мажино была грозным препятствием не столько для германской армии, сколько для французского понимания сути современной войны»), то фортификационное укрепление финляндско-советской границы вовсе не было бессмысленным шагом. Явный перевес сил в пользу Советского Союза и очевидная невозможность ведения войны с использованием больших подвижных соединений на крайне пересеченной и залесенной территории Страны Тысячи озер побуждали финнов начать возведение стационарного оборонительного рубежа.

История «северных войн» XVIII–XIX веков, да и сама география, ясно давали понять, что наиболее вероятный (и скорее всего — единственно возможный) путь вторжения в Финляндию с востока по суше лежит через Карельский пе-

---

решеек. Уже в конце 20-х годов Финляндия начала укреплять границу на этом участке. Строительство мощной оборонительной линии — линии Маннергейма — началось в 1929 году и продолжалось до самого начала Зимней войны. Консультировали строительство крупные специалисты в области фортификации из Великобритании, Франции, Бельгии.

Линия представляла собой примененный к местности укрепленный оборонительный район шириной около 135 км и глубиной до 90 км на пространстве от Финского залива до юго-западного берега Ладожского озера. В состав линии входило почти пять тысяч оборонительных объектов. Основу составляли 160 связанных друг с другом бетонных сооружений. Весь район состоял из нескольких линий обороны. В пограничной зоне, непосредственно примыкавшей к линии государственной границы, финны укреплений не возводили. Передовая позиция отстояла от линии границы на 25—40 км, исключая участок в районе Липпола, где пограничная зона сужалась до 5 км. В пределах передовой позиции были распложены полевые укрепления с опорными точками — двенадцатью железобетонными пулеметными дотами. Пограничная зона, передовая позиция и располагавшееся за ней на глубину около 30 км предполье главной линии обороны охранялось четырьмя бригадами Корпуса охраны границы общей численностью около 13000 человек. Их задача состояла в наблюдении за противником и сдерживании его передовых сил в случае вторжения.

Главная позиция линии Маннергейма состояла из 22 опорных пунктов, шириной 3—4 км и глубиной 1—2 км каждый. В состав опорного пункта входило несколько железобетонных дотов и полевые укрепления (промежуточные узлы сопротивления). Эти узлы состояли из расположенных в лесах поблизости от дорог блиндажей в несколько накатов с амбразурами, с разветвленной сетью траншей полного профиля, укрепленных бревнами. Опорные пункты окружались противотанковыми заграждениями и рядами колючей проволоки. Как часто пишут — «несколькими рядами проволоки». На деле число этих рядов доходило до тридцати, сорока, а на знаменитой «высоте 65,5» было сорок семь рядов минированной колючей проволоки! Учтем, что в конце 30-х годов преодоление противопехотных и противотанковых минных заграждений было весьма сложной задачей: саперные части РККА, например, начали снабжать

ся миноискателями лишь с января 1940 года. По тем временам проволочные заграждения, да еще на металлических кольях, а тем более рельсах или двутавровых балках, сами по себе считались достаточно эффективным противотанковым препятствием. Но в качестве основных противотанковых заграждений использовались рвы, контрэскарпы, бетонные тетраэдры, гранитные глыбы и надолбы. Бельгийский генерал Баду, руководивший строительством укрепления на некоторых участках финской оборонительной линии, писал:

«Величайшую крепость линии Маннергейма придадут сделанные в граните противотанковые препятствия. Даже 25-тонные танки не могут их преодолеть. В граните финны при помощи взрывов оборудовали пулеметные и орудийные гнезда, которым не страшны самые сильные бомбы. Там, где не хватало гранита, финны не пожалели бетона».

Западный участок главной позиции, протянувшийся с юго-запада, от Финского залива, на северо-восток, к реке Вуоксе, включал линии А и В, опиравшиеся на 90 бетонных пулеметных дотов.

«Возьмем для примера всего-навсего один дот и постараемся подробно описать его. На бетонное основание, с расположенным внутри казематом для гарнизона, надет металлический колпак из 300-миллиметровой брони. Сверху этот колпак покрыт еще слоем бетона в пятьдесят миллиметров. Бетон засыпан бутом примерно на высоту в один метр и еще раз покрыт землей и дерном, обеспечивающим почти абсолютную маскировку дота. Внутри дота (дот, о котором я говорю, пулеметный) установлены два пулемета на жестких, для большей точности стрельбы, установках с постоянными секторами обстрела, которые, перекрещиваясь с секторами обстрела других дотов, обеспечивают все вместе многослойную систему огня... Под дотом, как я уже говорил, — каземат. От каземата назад идет укрепленный бревнами полного профиля окоп, соединенный с врытой в землю, открытой сверху, но огороженной с четырех сторон бетоном площадкой для стрельбы прямой наводкой. Если прибавить, что дот, так же, как и многие другие доты, расположен на крутом тридцатиметровом обрыве и, наконец, что перед ним в качестве естественного дополнительного препятствия протекает узкая, но далеко не всюду проходимая вброд река, то картина будет более или менее полной.

...Для того, чтобы разбить такой дот даже наиболее тяжелым снарядом, надо точно выполнить ряд условий: правильно выбрать дистанцию, угол падения и знать градусы округлости самого колпака для того, чтобы избежать рикошетов». (К. Симонов. На Карельском перешейке.)

Восточный участок главной позиции состоял из линии укреплений, протянувшихся вдоль северного берега реки Вуокси: двадцати пулеметных дотов, подобных только что описанному, и пяти артиллерийских фортов. В каждом из фортов размещалось по два пулемета и от двух до четырех 75- или 155-мм орудий. Фланги главной позиции прикрывались орудиями береговой обороны. На востоке, на берегу Ладожского озера, мощное артиллерийское прикрытие обеспечивали восемь 120- и 155-мм орудий трех береговых батарей артиллерийской группы Тайпале. На юго-западе, у побережья Финского залива — артиллерийский опорный пункт Койвисто, с запада и востока прикрытый расходящимися ветвями линий А и В западного опорного участка линии Маннергейма.

«В районе Мурило линия Маннергейма на узком фронте как раз закрывала вход на перешеек, ограниченный слева Бьерке-зундом и справа — озером Кипоноял-ярви... Это тяжелый оборонительный рубеж, почти такой же трудный для преодоления, как и вторая бетонная линия.

Мы осматриваем укрепления. Они начинаются с многочисленных рядов огромных гранитных надолб, перегораживающих вход на перешеек. Вслед за ними идет глубокий и вдобавок еще искусственно эскарпированный овраг. На высотах за оврагом, среди мелкого и частого леса, лежит сама линия. Она состоит из трех рядов укрепленных точек. Во-первых, это... мелкие бетонные точки, подобные во всем той, которую я описывал, говоря о второй линии. Во-вторых — большие бетонные доты... В-третьих — громадные доты «миллионеры»...

...Мин здесь больше чем достаточно». (К. Симонов. На Карельском перешейке.)

Позади главной линии обороны на удалении 8–12 км располагалась тыловая позиция, включавшая укрепления полевого типа. Помимо этого, город Виипури (нынешний Выборг) с востока был прикрыт с суши двумя рядами укреплений (дополнительно 15 долговременных укреплений). С севера город защищала укрепленная позиция над Сайменским каналом, а с юга, со стороны моря — батареи береговой обороны.

TALVISOTA – «Зимняя война»

«Поддерживаемые и подстрекаемые империалистами обеих воюющих лагерей, правители Финляндии в конечном итоге спровоцировали вооруженное столкновение между Финляндией и Советским Союзом».

*Краткая всемирная история АН СССР.
Институт истории
М., Наука, 1967 год.*

«Большевистскую миссию Красная Армия будет считать выполненной, когда мы будем владеть земным шаром».

*Я. Гамарник, выступление
на активе Наркомата обороны,
15 марта 1937 г.*

Начало войны

Одной только просьбы о помощи со стороны правительства О. Куусинена для вторжения советских войск в Финляндию было недостаточно. Требовалось подстраховаться и по возможности наглядно продемонстрировать «агрессивные устремления зарвавшихся белофиннов». В качестве дополнительного предлога для нападения со стороны СССР был использован инцидент с артиллерийским обстрелом — «выстрелами в Майнила».

«Вчера, 26 ноября, финская белогвардейщина предприняла новую гнусную провокацию, обстреляв артиллерийским огнем воинскую часть Красной Армии, расположенную в деревне Майнила на Карельском перешейке. В результате погибли один командир и 3 красноармейца, ранены два командира и 6 красноармейцев и младших командиров. Советское правительство требует наказания этой акции и расследования майнильского инцидента». («Правда» 27 ноября 1939 г.)

В ноте, представленной наркомом иностранных дел В. Молотовым финскому правительству говорилось, что провокационный обстрел такого рода угрожает основе безопасности Ленинграда и является враждебным актом по отношению к СССР. Советское правительство предлагало в целях предотвращения подобных провокаций отвести все финские войска на расстояние 20–25 км от границы.

Финны отрицали свою причастность к обстрелу и настаивали на совместном расследовании происшествия. По мнению советской стороны, совместная комиссия для расследования была не нужна: разумеется, артиллерия Красной Армии тут не при чем, переданные в 1989 году Финляндии советские архивные материалы подтвердили, что в инциденте действительно не были повинны Вооруженные силы ни СССР, ни Финляндии. Согласно этим документам, выстрелы в направлении советской территории были сделаны пограничными частями НКВД. Но новейшие исследования выявили совсем удивительные факты. Изучив документы 68-го стрелкового полка 70-й дивизии РККА, который занимал район Майнила в ноябре 1939 года, архивист П. Аптекарь обнаружил указание на обстрел позиций РККА только в журнале боевых действий полка. При этом число погибших и раненых не соответствует тому, что приводилось в правительственных документах.

Журнал боевых действий имеет право вести только начальник штаба полка или его заместитель. В 68-м полку командиры, занимавшие эти должности, трижды сменялись за короткое время. Между тем, все записи сделаны одной рукой. Кроме того, странно, что ни в оперативных сводках 19-го стрелкового корпуса, в который входила 70-я дивизия, ни в оперативных сводках самой дивизии, ни в ежедневных сводках 68-го полка о численности личного состава никаких упоминаний об обстреле или потерях нет...

Так или иначе, несмотря на заявления советского правительства о том, что оно «не намерено раздувать этот возмутительный акт нападения со стороны частей финской армии», 28 ноября СССР объявил разорванным пакт о ненападении. 29 ноября дипломатические отношения Советского Союза с Финляндией были прекращены.

30 ноября 1939 года без объявления войны части Красной Армии пересекли советско-финляндскую границу и начали боевые действия. «Зимняя война» (Talvisota) началась.

* * *

Согласно оперативным планам командования РККА, война с Финляндией должна была продлиться от 7 до 14 дней. К этому сроку советские войска должны были выйти на рубеж Хельсинки-Тампере-Оулу-Кемиярви, что приводило к захвату до 80% территории Финляндии и ее капитуляции. Реальные события, однако, значительно отличались от этих планов.

В военно-исторической литературе 105 дней Зимней войны обычно подразделяют на три периода:

30 ноября — 26 декабря, 1939 г. Первое наступление частей Красной Армии по всей линии фронта. Неудачные попытки штурма линии Маннергейма. Начало контратак финских войск на некоторых участках.

27 декабря 1939 г. — 31 января 1940 г. Относительная стабилизация обстановки. Бои местного значения, артиллерийские обстрелы. В северном Приладожье — организации финнами обходных маневров и «котлов».

1 февраля — 13 марта 1940 г. Концентрация ударов Красной Армии на ленинградско-выборгском направлении. Прорыв линии Маннергейма и «ледовый поход». Заключение Московского мирного договора.

По плану оперативного развертывания Сил обороны Финляндии, в случае нападения Советского Союза предусматривалось ведение боевых действий четырьмя группами войск: на Карельском перешейке (командующий группой — генерал-лейтенант Х. Эстерман), в Восточной Карелии (командующий — генерал-майор Ю. Хейсканен), в Северной Карелии (командир — полковник П. Ю. Талвела) и в Северной Финляндии (командир — генерал-майор В. Туомпо). Вскоре после начала войны из состава группы «Северная Финляндия» была выделена Отдельная группа «Лапландия» под командованием генерал-майора К. М. Валениуса.

Соответственно этим планам и принятой периодизации Зимней войны мы и рассмотрим ход боевых действий зимой 1939–40 годов.

Первое наступление 30 ноября — 26 декабря 1939 года

Карельский перешеек

30 ноября части Красной Армии в нескольких пунктах пересекли советско-финскую границу. На Карельском перешейке действовали части 7-й армии под командованием командарма 2 ранга В. Ф. Яковлева. На этом участке советские войска имели по меньшей мере трехкратное превосходство в живой силе, шестикратное — в артиллерии и десятикратное — в авиации. Некоторые источники говорят о соотношении численности войск 11: 1 в пользу Красной Армии, но учи-

тывая, что зона линии Маннергейма была участком основной концентрации Сил обороны Финляндии, это представляется маловероятным.

С 8 часов утра первого же дня войны, несмотря на плохую погоду, начались налеты советской авиации. Бомбардировкам подверглись столица страны – Хельсинки, небольшой город Миккели, в котором располагалась штаб-квартира К. Маннергейма, городок Антреа, в котором стоял штаб генерала Эстермана – командующего войсками, оборонявшими укрепления линии Маннергейма, и аэродромы базирования истребительной авиации. В этот день из-за плохих метеоусловий финны не решились поднимать в воздух истребители своего 2-го авиаполка (LeR-2), которые должны были защищать воздушное пространство над Карельским перешейком и линией Маннергейма.

На первом этапе войны советские бомбардировщики действовали эскадрильями по 6–12 машин. Помимо укреплений линии Маннергейма, основными целями были города Турку и Тампере и база флота в Ханко.

Первый в истории страны воздушный бой финские истребители приняли 1 декабря, когда погода немного улучшилась. Первая победа ВВС Финляндии записана за лейтенантом Э. Луукканеном, сбившим СБ-2. По финским данным, всего в этот день, 1 декабря, пилоты авиагруппы LLv-24 (LeR-2) сбили десять машин противника. Один финский истребитель был подбит огнем собственных зенитных батарей: взаимодействие наземных и воздушных подразделений системы ПВО Финляндии было недостаточно отлажено.

Всего же за первый месяц боев летчики LeR-2 записали на свой счет тридцать шесть сбитых советских самолетов, причем все победы принадлежали пилотам авиагруппы LLv-24, имевшей на вооружении «Фоккеры» D-XXI-2 голландской постройки, закупленные в 1937 году, и собственные финские лицензионные D-XXI. Большая часть этих самолетов была вооружена четырьмя 7,69-мм пулеметами FN-Browning M-36, и лишь на единичных машинах (возможно — всего на одной, с бортовым номером FR-76) в подкрыльевых гондолах устанавливались шведские 20-мм пушки «Эрликон». Со всей возможной интенсивностью финны использовали и силы своей немногочисленной бомбардировочной авиации. Бомбардировщики Бристоль «Бленхейм» Mk.I 4-го авиаполка (LeR-4) наносили удары по вмерзшим в лед кораблям Балтийского флота и портовым сооружениям, по советским военным базам на территории Эстонии, по скоплениям частей Красной Армии в районе Ленинграда. От бомбардировок самого Ленинграда финны отказались после первых же налетов: система ПВО города и ее основа — 189-й зенитный артиллерийский полк, имевший на вооружении зенитные пушки образца 1931 года, были достаточно сильны, чтобы отразить налеты немногочисленных финских «бленхеймов».

Потери LeR-4 были велики. За месяц боев авиагруппа LLv-44 потеряла почти половину имевшихся в ее составе бомбардировщиков — три из восьми. Оставшиеся пять самолетов были переданы во вторую авиагруппу полка (LLv-46), а LLv-44 была переоснащена закупленными в Великобритании более совершенными машинами — Бристоль «Бленхейм» Mk.IV.

Но, конечно, основные боевые действия велись на земле. Как и предполагалось, главной зоной боев стал Карельский перешеек. Атаки советских войск предварялись массовой артиллерийской подготовкой, затем начиналось выдвижение танков и пехоты. Финны признавали, что крас-

---

ноармейцы атаковали с исключительной решительностью, не считаясь с потерями.

Однако, вопреки планам командования Красной Армии, финны смогли сдерживать атаки противника достаточно долго. Лишь к 10–11 декабря части 7-й армии РККА смогли преодолеть передовые позиции и предпольные укрепления финской обороны и вышли к главным позициям линии Маннергейма. Таким образом, вместо запланированного продвижения на 200–250 км, к десятому дню наступления частями Красной Армии было преодолено 50–70 километров.

«...Мы не знали еще, что именно здесь, вот на этом участке нашего пути, начинаются укрепления линии Маннергейма. Ни дотов, ни дзотов, ни железобетонных артиллерийских сооружений, ни землянок, ни траншей — ничего не было видно. Доты гнездились глубоко в земле, торчали над ними сосенки, пеньки, а то и могучие сосны. Ничто не указывало на наличие вражеских укреплений на высоте 65,5.

«...Танки быстро проскочили по ложине, прошли через проломы в надолбах, на мгновение спрятались в противотанковом рву, а через минуту были уже на высоте 65,56, не зная, что под ними в земле железобетонные логовища врага. Вскоре на высоту ворвалась и пехота — бойцы 2-го батальона. Наш 1-й батальон занял возвышенность слева от высоты 65,5. 3-й батальон идет в атаку справа. И вот тут-то враг и привел в действие всю систему огневых точек укрепленного района, все пулеметы, минометы, артиллерию». (П. Матюшин, «Бои в Финляндии».)

Советские газеты и радио сообщали, что только плохая погода мешает быстрому продвижению частей Красной Армии. Действительно, холодная и снежная зима наступила уже всерьез. Погодные условия были исключительно тяжелы, особенно для наступавших. Вспомним, кстати, что в то время в армиях едва ли не всего мира считалось, что зимой боевые действия вообще вести не могут. Дважды годами спустя Вермахт располагал утепленным зимним обмундированием только для $\frac{1}{5}$ – $\frac{1}{8}$ личного состава: согласно планам, остальные войска должны были отводиться на зимние квартиры.

Вопреки всем военным теориям, Красная Армия продолжала продвигаться вперед. Только 23 декабря бои на Карельском перешейке закрепились на Выборгском шоссе в районе Сумма, а на приладожской дороге — в районе Тайпале. Советские дивизии уперлись в гранитные и бетонные сооружения линии Маннергейма. Под Сумма по финским по-

зияциям было выпущено около 150 тысяч снарядов. В налетах авиации за один только день 17 декабря было сброшено 15 тысяч авиабомб. Но и это не привело к ожидаемым результатам, как не оправдало себя использование тяжелых и средних танков для ведения огня прямой наводкой по амбразурам дотов. Потери были слишком велики. В наступлении на западный опорный участок главной позиции линии Маннергейма, там же под Сумма, была потеряна треть тяжелой танковой бригады — около 50 боевых машин.

Финны держались. Позиционная война на Карельском перешейке стала реальностью.

Карелия

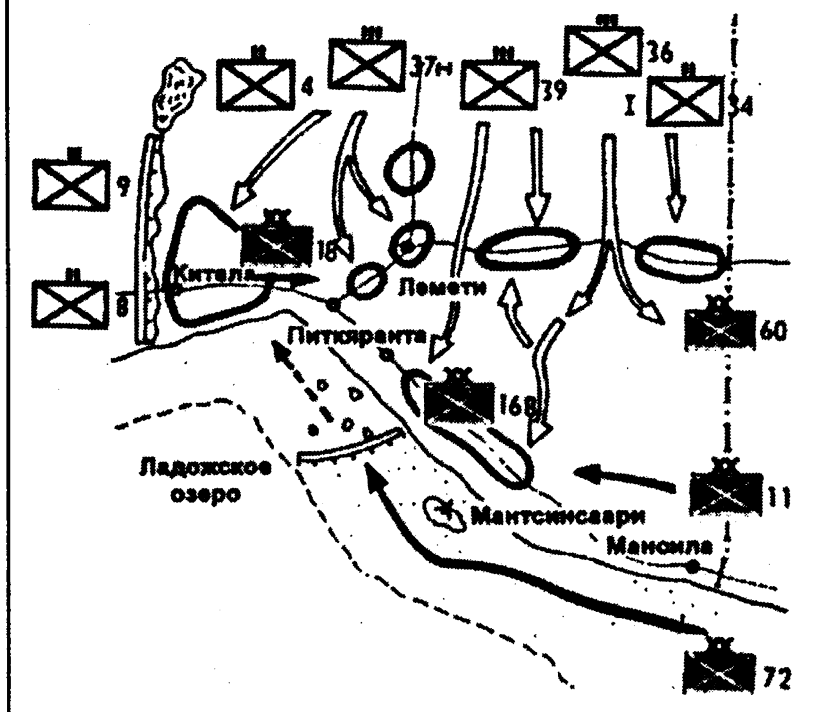
На перешейке между Онежским и Ладожским озерами наступление на финские армейские группы «Восточная Карелия» (IV армейский корпус) и «Северная Карелия» вела 8-я армия под командованием комкора И. Н. Хабарова.

Задачи 8-й армии ставились в зависимости от ситуации, которая могла сложиться на Карельском перешейке. Согласно Плану А, части армии должны были развивать наступление в направлении Сортавала-Тампере. По Плану Б, они могли быть развернуты с севера против укреплений линии Маннергейма, чтобы ударить по ним с тыла.

Два армейских корпуса 8-й армии РККА наступали по нескольким сходящимся направлениям. На участке наступления частей 1-го корпуса 8-й армии (11-я, 18-я, 56-я и 168-я пехотные дивизии) финны имели достаточно сил для сдерживания противника. Командование группы «Восточная Карелия» располагало 8-м, 9-м и 37-м батальонами Корпуса охраны границы, батареями береговой обороны на островах Ладожского озера и 12-й и 13-й пехотными дивизиями IV армейского корпуса (командир — генерал-лейтенант Ю. В. Хегглунд).

Привязанные к дорогам и сильно растянутые колонны советских войск, особенно наступавших по прибрежным дорогам 11-й и 168-й дивизий, подвергались постоянным атакам финских частей охранения, подвижных лыжных отрядов и фланговым обстрелам полевых и береговых батарей. Только к 15 декабря части 1-го корпуса и наступавшая в пределах линии обороны группы «Восточная Карелия» 56-я дивизия 2-го корпуса РККА достигли передовых оборонительных позиций финнов. Эти позиции прикрывали город и железнодорожную станцию Суситамо и расположен-

Бои с окруженными силами 8-й армии РККА

ный несколькими километрами западнее оборонительный рубеж Янисйоки, перекрывавший проход между Ладогой и озером Янисярви.

Преодолеть передовые позиции финнов советским дивизиям было уже не под силу. К середине декабря бои в районе северного побережья Ладожского озера приняли позиционный характер.

Намного сложнее для финнов была ситуация в Северной Карелии. Здесь частям наступавшего 2-го корпуса 8-й армии (75-й, 139-й и 156-й дивизиям) противостояли лишь 10-й и 11-й батальоны финского Корпуса охраны границы, усиленные батареями 75-мм полевых орудий. Каждая финская батарея имела 5–7 подготовленных огневых позиций, которые часто менялись. Помимо обычной для финнов великолепной маскировки позиций, особые сложности для советских войск создавало то, что бои велись в лесистой местности с крайне ограниченным обзором. Артиллерийские наблюдатели час-

то не могли засечь разрывы собственных снарядов, чтобы корректировать огонь своих батарей. Традиционные методы ведения артиллерийской разведки были недостаточны. Приходилось «на ходу» изобретать новые способы.

«В штабе группы по осколкам (финских) снарядов устанавливали систему орудия, а по справочникам — его баллистические данные. По борозде брали направление на батарею и в дальнейшем по карте определяли примерный район ее огневой позиции, к которому и приковывалось внимание органов звуковой разведки. Сопоставление полученных данных, взаимная проверка их различными разведывательными органами с последующим внимательным изучением, нанесение на карту предполагаемых огневых позиций вражеских батарей, — все это позволяло нам в конце концов устанавливать систему огневых позиций противника». (Бакаев, «Бои в Финляндии».)

Основные силы 2-го корпуса РККА вели наступление по двум дорогам, удаленным друг от друга примерно на 75 км. Финские пограничники пытались сдерживать продвижение советских войск, но сил, конечно, не хватало. Тем не менее, все гражданское население успевали эвакуировать вглубь территории страны — в зоне боев мирных жителей не осталось.

«...Нигде я не видел следов поспешного бегства противника, брошенной боевой техники, снарядов, трупов. Чистенькие финские деревушки были абсолютно пусты — и только во дворах белели аккуратно сложенные поленницы заготовленных на зиму дров, а на окошках домиков висели дешевые бумажные занавески. В деревнях не оставалось не только людей, но даже какой-нибудь живности. Лишь случайно, заглянув однажды в печь, я с трудом извлек оттуда одичавшего котенка». (Д. Карпович.)

Часто финны старались при отступлении уничтожить многочисленные деревушки и хутора, чтобы лишить противника укрытий от холода. Это, действительно, создавало огромные трудности для наступающих: зима была уже в разгаре, морозы становились все крепче. Отдых и питание бойцов, техническое обслуживание и ремонт техники должны были организовываться практически «под открытым небом» или в палатках.

Особые сложности были с медицинской помощью раненым и обмороженным, которых становилось все больше. «Утепление» госпитальной палатки внутренним пологом — процедура чисто символическая. Этот полог в какой-то мере

предохраняет от конденсата влаги, но не от мороза. В операционных палатках, придвинув перевязочные столы как можно ближе к печкам, короткое время удавалось поддерживать температуру на 15–20 градусов выше, чем за брезентовой стенкой. А морозы «на улице» уже в декабре доходили до 35°С... И все же даже в таких условиях части Красной Армии продолжали наступление.

Учитывая тяжелое положение группы «северная Карелия», финское командование приняло решение усилить ее 16-м пехотным полком, тремя отдельными батальонами и дивизионом артиллерии. Однако этим частям требовалось время, чтобы достичь места боёв: они должны были выдвинуться из глубины обороны, преодолев расстояние примерно в 200 километров.

К 10 декабря советские дивизии в Северной Карелии продвинулись вглубь территории Финляндии примерно на 75 км. Но к 12 декабря финны накопили уже достаточно сил для окружения 139-й пехотной дивизии РККА, а через несколько дней — и для мощных атак на подходящую ей на помощь 75-ю дивизию.

К концу декабря активные действия сторон в Северном Приладожье практически прекратились. Обе стороны исчерпали свои силы. Финны потеряли 21% личного состава группы «Северная Карелия». Потери 2-го корпуса 8-й армии РККА достигли почти 4000 убитых и 60 танков. Почти полностью была уничтожена 75-я пехотная дивизия. В плен попало около 600 бойцов; несколько советских танков, 18 полевых орудий и 21 противотанковая пушка достались финнам в качестве трофеев. Практически до конца войны части 139-й дивизии РККА оставались блокированными финскими войсками. Финские офицеры докладывали:

«[Русские части] были окружены полностью, но сдаваться отказывались. Мы тоже не атаковали. Зачем? Было ясно, что в конце концов они капитулируют. У них и так оставалось слишком мало живых, и каждую ночь их число сокращалось от морозов».

Помимо военных неудач, командование 8-й армии уже вскоре после начала войны остро почувствовало сложности с материальным и боевым обеспечением войск. Малое число и недостаточная пропускная способность дорог не позволяли наладить необходимое снабжение частей. Для исправления ситуации в декабре 1939 года началось строительство железнодорожной ветки от Петрозаводска. Это требовало уже государственного вмешательства и контроля. На строи-

тельство железной дороги были мобилизованы местные рабочие. Стройка велась без перерывов в самые жестокое морозы зимы 1939–40 годов, но ветка была сдана в эксплуатацию только в апреле 1940 года, когда «финская война» уже закончилась.

Северная Финляндия

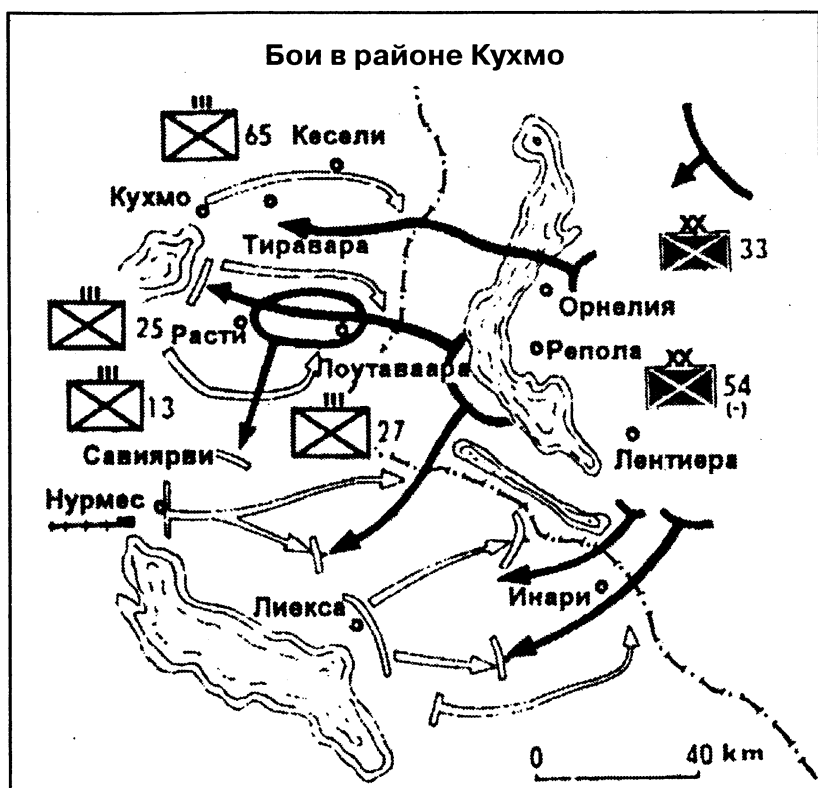
Финское командование не ожидало, что советские войска смогут начать наступление в малонаселенных районах значительно севернее Ладожского озера. Группа «Северная Финляндия» прикрывала почти 800-километровый участок фронта. Против нее на направлении Суомуссалми-Оулу действовала 9-я армия комкора М. П. Духанова, войска которой должны были перерезать территорию Финляндии в самом узком месте — в «талии» страны и выйти к Ботническому заливу.

Между тем, и на этом участке фронта части 9-й армии РККА начали активное продвижение на нескольких направлениях. Здесь советские войска применили иную тактику. Вместо наступления одной колонной, действовавшая на южном крыле наступавших 54-я пехотная дивизия РККА продвигалась пятью группами, использовавшими пригодные для передвижения дороги-зимники. Главные силы сосредотачивались на труднейшем направлении, чтобы обеспечить эффект внезапности.

Эта тактика привела финнов в замешательство. В районе Кухмо ситуация становилась угрожающей. Из-под Оулу в Кухмо был спешно передислоцирован 25-й пехотный полк 9-й пехотной дивизии Сил обороны Финляндии. Только к 18 декабря финнам силами 13-го, 25-го, 27-го и 65-го пехотных полков удалось остановить продвижение частей 54-й дивизии РККА, а затем и начать контратаки. К концу месяца основные силы 54-й дивизии были блокированы, а подразделениям финского 27-го полка удалось выйти на рубеж финляндско-советской границы и укрепиться там.

Севернее Кухмо в направлении Суомуссалми двумя колоннами наступали части 47-го корпуса РККА: 163-я и 44-я пехотные дивизии, пехотный полк и 21-я танковая бригада. Им противостоял только 15-й батальон Корпуса охраны границы. Финским пограничникам удавалось несколько сбивать темп наступления противника, но силы были слишком неравны. При явном несоответствии сил финнам приходилось во многом полагаться на великолепную выучку своих

бойцов. Упорство, отвага и стойкость финских солдат полностью проявились уже в первые дни войны. Необходимо отметить и еще одну характерную черту финнов — выраженный индивидуализм. Как писали финны о своих солдатах — для них сложнее биться в большом сражении рядом со своими однопольчанами, чем в одиночку отражать атаки многочисленных врагов. Финские офицеры и генералы, которые понимали и учитывали эти качества своих подчиненных, добивались наибольших успехов в боях.

Большое психологическое воздействие на противника оказывали активные действия финских снайперов. По воспоминаниям участников «финской войны», на первых ее этапах «снайперобоязнь» была серьезным моральным фактором, снижавшим боеспособность советских войск.

«...Замечаем: пули ложатся вокруг нас. Откуда они? Вдруг падает пулеметчик. Спрашиваем:

— Куда ранен? — В затылок, — отвечает наклонившийся к нему товарищ.

Значит, стреляют с тыла. Начинаем осматривать деревья. Ветви густые, завалены снегом. Замечаю, что ветви одной из елей чуть-чуть колышутся. Всматриваюсь через прицел снайперской винтовки и вижу: «люлька», а на ней ноги в пьексах. Стреляю. С дерева падает человек. Подбегаем: белофинн с автоматом.

Осматриваем другие деревья; на некоторых замечаем тоненькие полоски — круговые срезы коры, вглядываемся — на каждом из таких деревьев устроены «люльки», но людей нет, очевидно, эти деревья подготовлены «про запас».

...В первые минуты мы думали, что сбитые нами белофинны — случайные люди, отрезанные от своих и спрятавшиеся на деревьях, чтобы вредить в наших тылах. Тогда мы еще не знали, что подобный способ войны — система, которую враг станет применять по всему фронту». (И. Кулыпин, «Бои в Финляндии».)

Этот рассказ очень характерен. Вот только неизвестно, насколько слухи о «кукушках» — финских снайперах-одиночках, остававшихся в тылу наступавших советских войск и ведших охоту за красноармейцами с деревьев — были реальны.

Как писал О. Маннинен, у самих финнов «рассказы о «кукушках» вызывали удивление. Никто не встречал таких ветеранов [Зимней войны], которые вспоминали бы о том, как они лазили по деревьям. Финский солдат был... неизменным индивидуалистом. Он, естественно, использовал разнообразие ландшафта, но кажется маловероятным, чтобы солдата могли заставить залезть на дерево, ибо у него всегда должна была быть возможность отступить. Спуск с дерева потребовал бы слишком много времени».

По мнению финских историков, «финские кукушки» существовали в основном... в советских официальных армейских документах и инструкциях, а уже оттуда «перелетели» на страницы газет и книг. Дело в том, что предостережения относительно «кукушек» в советских военных инструкциях появились еще в октябре 1939 года, до вторжения Красной Армии в Финляндию. Возможно, на мысль о размещении финских снайперов на деревьях красных командиров наводили наблюдательные пункты финских пограничников, иногда располагавшиеся на деревьях. Так или иначе, но «финскую «кукушку», которая действительно сидела бы на дереве, пока еще никто не встречал», — подчеркивают сами финны.

Это, однако, ничуть не умаляет действительной активности и самоотверженности финских стрелков, их умения использовать своеобразный рельеф своей лесной и холмистой страны для защиты от врага.

Но, конечно, не снайперы-одиночки решали судьбу сражений. Под Суомуссалми необходимо было перебросить подкрепления. Для этого была предназначена 9-я пехотная дивизия финской армии. Поскольку два ее полка (25-й и 26-й) были переданы соединениям, защищавшим Кухмо и Виипури (Выборг), силы дивизии были существенно ослаблены. По фамилии командира части — подполковника Х. Ф. Сииласвуо — это соединение чаще называли «бригадой Сииласвуо». Бригада перебрасывалась по железной дороге, но из-за железнодорожной катастрофы часть пути пришлось преодолеть пешком. Это задержало прибытие финских подкреплений на два дня. В результате бригада Сииласвуо прибыла на место только 7 декабря. Согласно плану Х. Сииласвуо, финские части должны были отрезать 163-ю дивизию РККА от основных сил корпуса и уничтожить ее. Затем, используя тактику лыжных боев, следовало разделять на части, окружать и уничтожать остальные силы 47-го корпуса РККА. Такая тактика боев получила в финской армии название тактики котлов (montti).

Операция под Суомуссалми была проведена 11–28 декабря. Отвлекающая группа отрезала противнику пути продвижения на запад. Бои шли с исключительной ожесточенностью, вплоть до рукопашных схваток. Против советских танков финны применяли гранаты и бутылки с зажигательной смесью. Именно в этих боях показали свое преимущество финские пистолеты-пулеметы, которых были лишены советские войска.

14 декабря заградительная группа, приняв бой на два фронта, блокировала дорогу Суомуссалми-Раата. Тяжелые бои шли в самом Суомуссалми. Советская авиация наносила штурмовые удары. Тем не менее, финнам удалось удержаться и остановить силы 44-й дивизии РККА. После тринадцати дней непрерывных боев финские войска заставили красноармейцев отступить. К 28 декабря остатки практически разгромленной 163-й дивизии вышли из окружения. На первом этапе битвы под Суомуссалми финны захватили 13 танков, 27 орудий, 150 автомобилей, 500 обозных повозок и около 1100 лошадей.

На правом фланге 9-й армии РККА действовала 122-я стрелковая дивизия. Противостоявшие ей финские части —

батальон Корпуса охраны границы и подразделения шюцкора — не могли сдержать наступление противника. 9 декабря финские отряды покинули поселок Салла. Части 122-й дивизии продолжили наступление двумя колоннами, пытаясь достичь железнодорожной станции Кемиярви, однако это им не удалось.

Лапландия

На самом северном участке фронта, в районах Кольского полуострова и полуострова Рыбачий, против сил группы «Северная Финляндия» действовала 52-я пехотная дивизия 9-й армии РККА, усиленная танковой бригадой. Кроме того, корабли Северного Флота и две пехотных дивизии 14-й армии РККА (командующий — комкор В. А. Фролов) были выделены для охраны мурманского побережья от возможных десантов.

Здесь, на Крайнем Севере, финны располагали двумя ротами Корпуса охраны границы и местным отрядом Корпуса охраны (шюцкора), усиленными артиллерийской батареей. Преимуществом этих частей перед противником было только прекрасное знание местности и условий жизни в тундре: большинство личного состава финских войск в Лапландии составляли либо местные жители — саамы, либо финны и шведы, долгое время жившие в Заполярье. Дать серьезный отпор усиленной дивизии эти три-четыре сотни человек, конечно, не могли.

2 декабря советские войска заняли порт Петсамо и начали продвигаться в юго-западном направлении, к железорудному бассейну Колосйоки.

13 декабря Главный штаб Сил обороны Финляндии принял решение о формировании из дислоцированных в Заполярье частей группы войск «Северная Финляндия» Отдельной группы «Лапландия». Группа «Лапландия» усиливалась двумя батальонами пехоты. Кроме того, из местных жителей (преимущественно саамов) формировался маршевый пехотный батальон численностью около 400 человек. Кстати, нужно сказать, что даже в тяжелейших условиях тундры финны смогли эвакуировать свое мирное население из зоны боев. Они ухитрились даже перегнать в Швецию стада домашних оленей — по некоторым данным, около 200 тысяч животных. 17 декабря, перед приходом советских войск, были разрушены и взорваны рудники в районе Никеля.

Командовавший Отдельной группой генерал-майор К. М. Валлениус избрал единственно разумную в тех условиях и при таком соотношении сил тактику ведения подвижных «лыжных боев» (sissisota). Растянутая почти на 20 км колонна 52-й дивизии постоянно атакровалась с флангов и тыла, финны устраивали многочисленные засады на пути продвижения частей противника.

Погодные условия были чудовищно тяжелы. Началась полярная ночь. Температура опустилась до -50°C . Достигнув рубежа поселка Наутси, советские войска вынуждены были повернуть на север, отступить к озеру Корнеттийоки и закре-

питься на этом рубеже. Вряд ли будет правильно сказать, что и на этом участке фронта началась позиционная война: отряды лыжников как с той, так и с другой стороны постоянно были в движении. Однако передвижение больших контингентов войск приостановилось и на Крайнем Севере. «Зимняя война» перешла в другую фазу.

Период стабилизации 27 декабря 1939 г. — 31 января 1940 г.

Карельский перешеек

Командованию РККА стало ясно, что силами войск одного Ленинградского Военного Округа поставленной задачи не решить. Кроме того, следовало менять тактику.

7 января 1940 года была проведена структурная реорганизация сил. Действовавшие на советско-финляндском фронте части РККА были приданы Северо-Западному фронту (командующий — командарм 1 ранга С. К. Тимошенко) и Северному фронту (командующий — командарм 2 ранга Г. М. Штерн). Решено было сконцентрировать основные силы на Карельском перешейке. На этом участке фронта советские войска могли надежно закрепиться на достигнутом рубеже — только здесь в их тылу не оставалось отрядов противника. Близость и надежность связи с мощной тыловой базой, Ленинградом, наличие хороших дорог создавали условия для удовлетворительного снабжения войск. Только в районе перешейка Красная Армия могла скрытно от противника подвести резервы и сосредоточить ударные группировки. Все это создавало условия для подготовки последующего наступления крупными силами танков и пехоты при поддержке артиллерии и авиации.

Изменения произошли и в подготовке и оснащении советских войск. Прежде всего, были увеличены нормы снабжения боевых частей продовольствием — необходимая мера в условиях зимних боев. Бойцы стали снабжаться концентратами, что повысило автономность подразделений. В частях начали сооружать теплые землянки, обогревательные пункты. Значительно больше внимания стало уделяться лыжной подготовке красноармейцев. Впервые в РККА были созданы специальные лыжные подразделения. Для их усиления и самостоятельных действий (чаще всего для разведки и организации подвижных заслонов) начали применяться аэросан-

ные отряды. Для эвакуации раненых с поля боя начали использоваться санитарные волокуши по типу самских нарт-кережек, похожих на маленькие лодки.

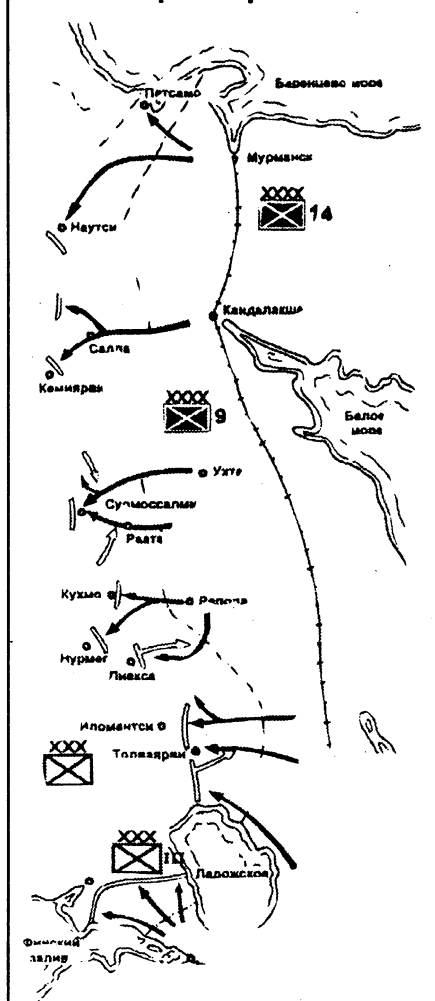
Финны широко применяли минирование дорог. Это приводило к большим потерям советских войск. С начала 1940 года саперные части РККА начали получать техническую новинку — миноискатели, что значительно облегчило поиск мин и их обезвреживание.

Огромные потери личного состава при сближении с противником вызвали необходимость разработки средств групповой и индивидуальной защиты. Для пехоты были изготовлены стальные щитки на полозьях для защиты от пуль при сближении с противником. Использовались щитки разных размеров — как для индивидуальной защиты, так и большие, рассчитанные на укрытие целого отделения. По некоторым данным, в войсках испытывали в боевых условиях стальные противопульные кирасы.

Чтобы повысить темп наступления пехоты и улучшить ее взаимодействие с танками, в войсках начали отрабатывать тактику танковых десантов и использования бронесаней, вмещавших 10–15 бойцов, которые передвигались на буксире у наступающих танков.

Большие потери средних танков, использовавшихся для борьбы с дотами противника, вызвали необходимость усиления бронирования боевых машин. Это привело, в част-

Итоги первой фазы войны

ности, к созданию модифицированной модели танка Т-28 с усиленной экранами броней — Т-28Э. Толщина лобовой брони корпуса возросла с 30 до 80 мм, бортов и кормы корпуса — с 20 до 40 мм. Бронирование башен танка увеличилось с 20 до 50 мм.

Для защиты легких и средних танков от попадания гранат и бутылок с горючей смесью на уязвимые поверхности (верх моторного отделения, воздухозаборник и т. п.) начали использовать дополнительные легкие металлические покрытия поверх основной брони.

Однако вместе с тем командование РККА продолжало повторять некоторые свои ошибки, приводившие к неоправданно большим потерям. Например, считая авиацию ПВО финнов слишком слабым противником, бомбардировочная авиация часто применялась без истребительного прикрытия. Командование же финских ВВС, учитывая явное преимущество советских И-15, И-15 бис и И-16 над своими основными «рабочими лошадками» — «фоккерами», — вообще запретило пилотам этих машин вступать в бои с истребительной авиацией противника. Летчикам LLv-24, действовавшего в небе над Карельским перешейком, было приказано сосредоточиться на борьбе с советскими самолетами-разведчиками и в основном — бомбардировщиками. 6 января произошел воздушный бой, в котором финским летчикам удалось одержать свою самую впечатляющую победу. Пара истребителей Фоккер D-XXI (пилоты — капитан Й. Сарванто и капитан П. Э. Совелиус) сбива семь советских бомбардировщиков ДБ-3. Советские самолеты шли без истребительного прикрытия (по данным некоторых западных историков, они вообще не несли никакого вооружения, кроме бомбового).

Но эти единичные успехи финнов не могли, конечно, привести к коренному изменению ситуации. Массированные налеты советских бомбардировщиков продолжались: 1 января 1940 года, например, позиции линии Маннергейма бомбило около 300 советских СБ и ТБ. 30 января советские ВВС совершили 1400 самолето-вылетов.

На Карельский перешеек перебрасывались войска семи военных округов — в общей сложности, по-видимому, 23 дивизии (разные источники приводят различные данные — 21, 23 и 25 дивизий). Таким образом, на 140-километровом участке фронта на перешейке численностью советских войск удвоилась по сравнению с силами на момент начала войны.

Финское командование предполагало, что наиболее вероятно наступление противника на направлении Сумма-

---

Виипури. Группа войск на Карельском перешейке была усилена 21-й и 23-й пехотными дивизиями стратегического резерва, расположенными на 50- и 150-километровой глубине за укреплениями линии Маннергейма. Авиация основного финского бомбардировочного соединения — 4-го авиаполка (LeR-4) — продолжала действия против скоплений советских войск. За все время боев Зимней войны полк совершил 423 боевых вылета и сбросил 113 тонн бомб. Это не могло, конечно, сравниться с интенсивностью боевой работы советских бомбардировщиков. Кроме того, финнам пришлось перейти только к ночным вылетам — слишком силен был противник. Советские истребители не давали возможности действовать днем. В ходе Зимней войны полк потерял 18 машин.

До конца января советская артиллерия продолжала яркие обстрелы финских укреплений. Все указывало на то, что командование Красной Армии рассчитывает добиться решительного успеха на этом участке фронта до наступления весенней распутицы.

Карелия

Наряду с усилением группировки на Карельском перешейке, командование Северо-Западного фронта стремилось увеличить силы РККА и на других участках. В Приладожскую Карелию было дополнительно переброшено 13 дивизий, прибывших из различных военных округов. Эти перемещения войск были исключительно сложны из-за практического отсутствия дорог, ведущих на запад от колеи Мурманской железной дороги. По двум дорогам (сливающимся в одну возле поселка Койвинойя) вдоль северного берега Ладожского озера прошло пять дивизий, по трем шоссейным дорогам от Петрозаводска — шесть. Чтобы понять, что это означало на практике, приведу нормативы ежедневных потребностей германской дивизии начала II Мировой войны: 54 тонны продуктов и горючего для кухонь, 53 тонны корма для лошадей, 21 тонна горючего и масел, 10 тонн грузов для артиллерии, 12 тонн грузов другого назначения. Заметим, что здесь не указаны объемы перевозок боеприпасов и амуниции личного состава.

Данных по потребностям дивизии РККА у меня нет, но учитывая, что численность их личного состава и техническое оснащение (танки, бронемашины, в некоторых случаях — автомобили) в 1939—40 годах превышали соответст-

вующие показатели дивизий Вермахта, приведенные цифры можно увеличить по крайней мере на 5%. Сама по себе переброска за столь короткий срок такого гигантского количества людей, техники и грузов всего по нескольким дорогам — незаурядное достижение. Между тем, это было жизненно необходимо: советские части в северном Приладожье оставались блокированными финскими войсками.

Два батальона шюцкора из состава IV армейского корпуса финской армии продолжали удерживать позиции Янисйоки, препятствуя продвижению советских войск к западу. Основные силы финнов ударами с севера перерезали в нескольких местах дороги, ведущие вдоль берега Ладоги. В «котлы» попали 18-я и 168-я стрелковые дивизии и 34-я танковая бригада РККА. Подошедшие подкрепления (11-я, 60-я и 78-я дивизии) не смогли исправить положения. Части 72-й дивизии попытались подойти к окруженным частям южнее, по льду Ладожского озера, но были отражены силами финского опорного артиллерийского пункта Мантсинсаари.

Позиционные бои продолжались и на левом фланге финской группы «Восточная Карелия». В ротах финской 12-й пехотной дивизии оставалось по 40–60 солдат, в батальонах — по 200–300. Тяжелые потери несли обе стороны, но советские войска начали получать подкрепления. Подошли части 128-й и 164-й дивизий. Несмотря на сорокаградусные морозы, активизировалась советская авиация. Тем не менее, существенных успехов советским дивизиям достичь не удалось.

Северная Финляндия

В январе 1940, несмотря на тридцатипятиградусные морозы и глубину снежного покрова до 120 см, сражение под Суомуссалми продолжалось. Погодные условия были особенно тяжелы для бойцов 44-й дивизии РККА, переброшенной с Украины.

Четыре боевых группы корпуса Сииласвуо (частей финской 9-й пехотной дивизии), обойдя с юга части 44-й дивизии и приданной ей 21-й танковой бригады, фланговыми ударами разделили их на несколько групп. Были атакованы также опорные пункты, созданные советскими войсками на дороге Раата-Суомуссалми. К 8 января советские войска на этом участке были разбиты.

«Паника окруженных все росла, у противника не было совместных организованных действий, каждый пытался действовать самостоятельно, чтобы спасти свою жизнь... В пол-

---

день 7 января противник начал сдаваться, голодные и замерзшие люди выходили из землянок... Немыслимо большое количество военных материалов, о которых наши части не могли и мечтать даже во сне. Досталось все вполне новое, пушки еще блестящие». (Х. Сииласвуо.)

Под Суомуссалми Красная Армия понесла тяжелейшие потери. Погибло около 18 тысяч солдат, 1300 попали в плен. Было потеряно 131 орудие, 43 танка, 16 мобильных счетверенных зенитных пулеметных установок, 280 автомобилей. Финские потери составили 30% кадрового состава корпуса: 900 убитых, 1770 раненых, 30 пленных. И все же боеспособные части 9-й дивизии были тут же развернуты к югу, против советской 54-й стрелковой дивизии, остановленной в конце декабря в районе Кухмо.

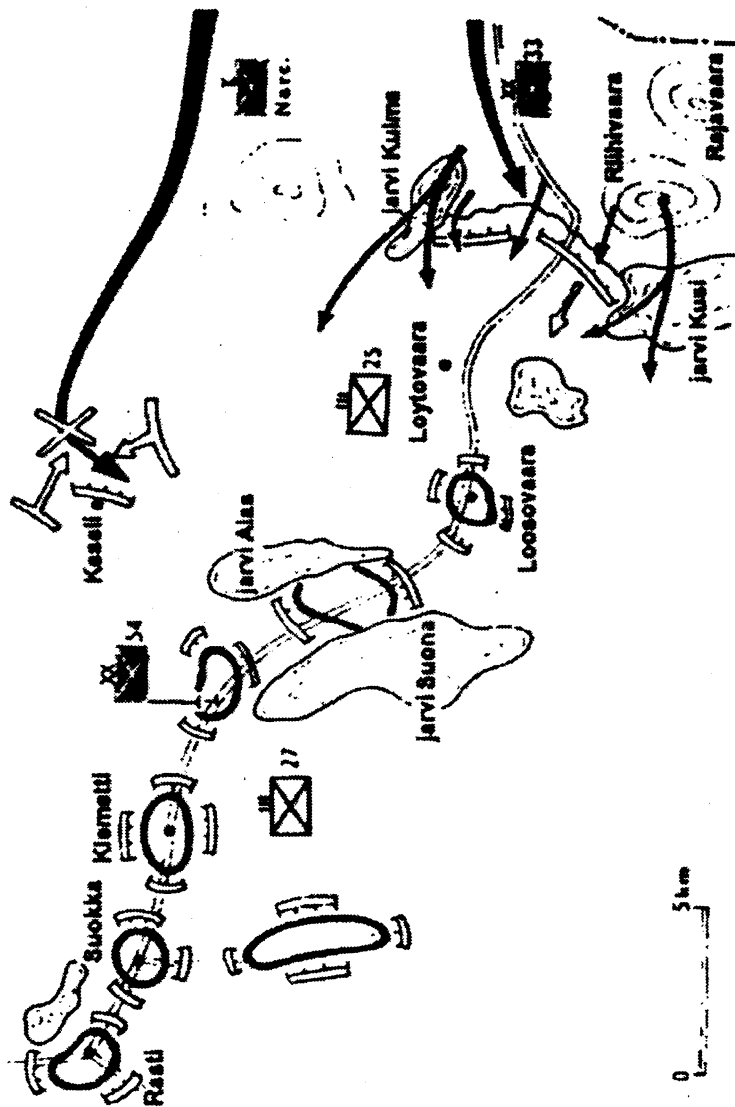
На новом направлении командир финского корпуса Х. Ф. Сииласвуо, который к этому времени уже получил звание генерал-майора, теоретически имел некоторое превосходство над противником в живой силе: 11 батальонов против 9. Но поскольку батальоны финской армии были меньше советских по штатной численности, а корпус был только что выведен из тяжелых боев, это превосходство было незначительным. К тому же 114 советским танкам и бронемашинам и 84 орудиям корпус мог противопоставить лишь 18 своих пушек.

При таком соотношении сил финны могли делать ставку только на подвижность своих соединений и относительную скованность частей противника, привязанных к дорогам. В глубоком снегу танки теряли значительную часть своих преимуществ — фактически, они превращались в мобильные бронированные орудия (кстати, именно так их зачастую и использовали). Нужно учитывать, что у советских танков тридцатых годов еще не было широких гусениц, как у более поздних образцов: например, у основного среднего танка Т-28 ширина трака была 380 мм — лишь на 20 мм больше, чем у немецких PzKrfw.III и IV.

29 января финны нанесли удары с обоих флангов по силам 54-й стрелковой дивизии. В течение двух дней они отрезали противника от границы и затем продолжали атаковать окруженные советские части.

Под Салла 122-я пехотная дивизия РККА смогла избежать окружения, но продолжала вести тяжелые бои с лыжными отрядами противника. Однако, хотя операции вдоль восточной границы были удачными, они постепенно поглотили все основные резервы Главной ставки Сил обороны Финляндии. Для борьбы с великой державой у страны не хватало солдат.

Попытка прорыва из окружения 54-й дивизии РККА

Лапландия

На Крайнем Севере финны продолжали вести бои силами подвижных лыжных отрядов. Советская 52-я дивизия перешла к обороне, но оказалась в невыгодной ситуации: слишком растянутые пути сообщения с главными силами подвергались постоянным налетам финских лыжников. В этих нападениях и засадах дивизия теряла не только красноармейцев отрядов охранения, связистов, водителей, но и высших командиров. В январе 1940 года в одной из финских засад погиб командир танковой бригады 14-й армии. Кроме того, финские патрули постоянно угрожали движению поездов по Мурманской железной дороге.

Ситуация стала настолько серьезной, что советское командование решило перевести на этот участок фронта 104-ю пехотную дивизию, ранее обеспечивавшую охрану побережья Кольского полуострова. Таким образом, четыре финских батальона группы «Лапландия» сдерживали силы двух советских дивизий, танковой бригады и полка пограничников. Подчеркнем, что на этом участке фронта финны к тому же почти не имели авиации. Только 11 января в Финляндию прибыла шведская авиафлотилия (Flygflottily F-19) под командованием майора У. Бекхаммара, которая была дислоцирована в Лапландии. Командир флотилии рассредоточил силы по нескольким зимним аэродромам на льду замерзших озер. Бомбардировщики Хоукер «Харт» В-4А действовали практически только в ночное время: световой день заполярной зимой слишком короток, да и «Гладиаторы» флотилии не могли обеспечить достаточной защиты от советских истребителей.

Тем не менее, попытки частей Красной Армии добиться каких-либо успехов в Заполярье успеха не имели. После неудачной попытки штурма поселка Наутси фронт на Крайнем Севере стабилизировался до конца войны.

«Ворошиловское наступление» 1 февраля — 12 марта 1940 г.

Карельский перешеек

После неудачного начала войны РККА понадобилось больше месяца, чтобы реорганизовать войска и подготовить новые наступательные операции. Последовавшие в феврале

штурмы линии Маннергейма получили название «ворошиловских наступлений».

С самого начала войны в боях участвовали части разных военных округов СССР. Но к концу зимы 1940 года на Карельский перешеек перебрасывались воинские части уже чуть ли не со всего Союза — с Севера, Поволжья, Урала, из Москвы, с Украины (из Киева, Житомира, Бердичева). Только в численности войск превосходство РККА над финской армией на Карельском перешейке достигло как минимум 6 : 1.

С начала февраля советские наступательные операции стали разворачиваться в направлении на Сумма. 1 февраля на Сумма был проведен воздушный налет, в котором участвовало около ста советских бомбардировщиков. На некоторых участках было сброшено до 100 тонн бомб на квадратный километр. Такие налеты приводили к тому, что даже в уцелевших финских дотах приходилось сменять гарнизоны: солдаты теряли слух и зрение, сходили с ума.

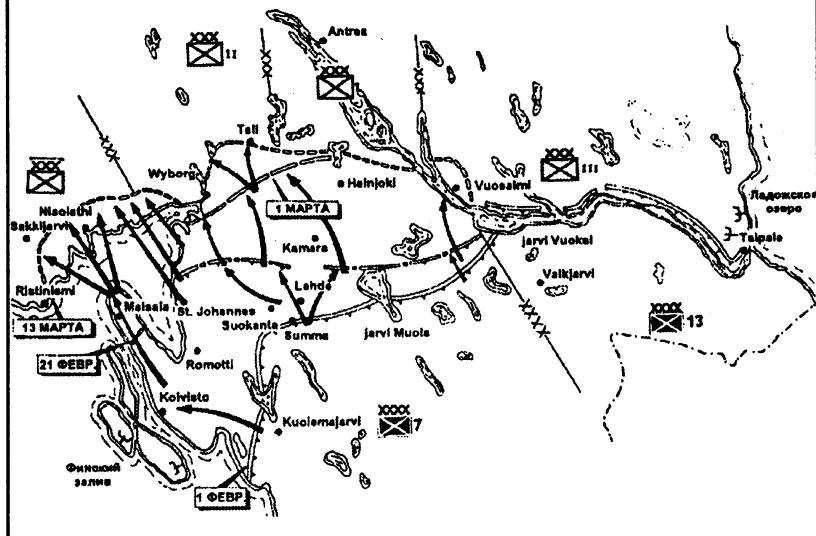
Артиллерия РККА выпустила почти 90 тысяч снарядов. В тыл финских войск был выброшен парашютный десант — по-видимому, один из первых боевых десантов советских ВДВ. Танки и пехота РККА были брошены на укрепления линии Маннергейма. Сражение продолжалось до темноты. Потеряв 20 танков и понеся большие потери, советские части были вынуждены отступить. Не принесли успеха и атаки, предпринятые на следующий день.

Но это было только прелюдией. Штурм, получивший название первого февральского (или первого ворошиловского) наступления, начался через три дня — 5 февраля.

С 7 часов утра на передовые позиции финской 7-й дивизии обрушился ураганный шквал артиллерийского огня. Канонада была слышна в городе Миккели — штаб-квартире К. Маннергейма, за 150 км от поля боя. Как сообщают финские источники, только в одном батальонном районе обороны было зарегистрировано около 20 тысяч разрывов снарядов. На прямую наводку вывелись 203-мм гаубицы артиллерии РККА (согласно уставам РККА такие орудия должны были находиться на удалении 6—8 км от линии фронта!). Противотанковые препятствия были полностью уничтожены.

В 14.30 три советских стрелковых дивизий при поддержке ста танков ударили по главным позициям обороны финнов. Финские войска смогли отбить наступление противника, но первые разрывы в обороне линии Маннергейма уже появились. Финское командование было вынуждено уже

Ход «Ворошиловского наступления» на Карельском перешейке 1 февраля — 13 марта 1940 г.

в первый день сражения привести в боевой порядок свой стратегический резерв — 21-ю и 23-ю дивизии.

6 февраля атаки продолжались. После длительных артподготовок в атаку шли танки, тащившие на буксире блиндированные сани с пехотой. Город Сумма был полностью уничтожен огнем тяжелой артиллерии и авиации. В авианалетах этого дня участвовало 250 советских бомбардировщиков. Бороться с этими летающими армадами финская система ПВО уже фактически не могла. По финским данным, в ходе всей войны огнем зенитной артиллерии было сбито 330 советских самолетов — почти столько же, сколько действовало в один только день штурма.

Только ценой ввода в бой тактических резервов финское командование смогло спасти положение: Советские войска отошли на исходный рубеж, оставив на поле 20 танков. Сражения первого ворошиловского наступления на Карельском перешейке утихли только 7 февраля. Но и в последующие дни продолжались артиллерийские обстрелы финских позиций. 9 февраля был проведен мощный артобстрел по площадям в четырех километрах севернее Сумма — в районе Ляхде. На следующий день красноармейские части попы-

тались занять образовавшийся пояс воронок, используя его как окопы, но были отбиты финнами.

Генеральное наступление («второе ворошиловское») на Карельском перешейке было начато 11 февраля. На вспомогательных направлениях действовали группы «Центр» (правый фланг 7-й армии между оз. Вуокси и оз. Муолаа; 6 пехотных дивизий, 200 танков, 430 орудий) и «Восток» (по фронту 13-й армии между оз. Вуокси и Ладогой; 5 стрелковых дивизий, 3 роты аэросаней, 238 танков, 500 орудий). Эти войска сковали финские силы в центре своих позиций и на правом фланге, но прорвать оборону противника так и не смогли.

Направление главного удара было нацелено все на тот же тридцатикилометровый участок линии Маннергейма на левом фланге советских войск между оз. Муолаа и Финским заливом с центром в районе Сумма и Ляхде, где шли основные бои в начале месяца. Для действий в составе группы «Запад» из сил 7-й армии было выделено 9 пехотных дивизий, пять танковых бригад, одна стрелково-пулеметная бригада — всего 650 танков и столько же орудий. Поддержку обеспечивали десять артиллерийских полков.

Советские источники свидетельствуют, что из-за плохой погоды авиация в первый день наступления не применялась. Однако это было редким исключением: только в период подготовки к февральским наступлениям советская авиация произвела 7532 боевых вылетов (бомбардировщики — 4087, истребители — 3445).

11 февраля 1940 года на направлении главного удара советских войск группа сковывания противника — четыре дивизии группы «Запад» со 136 танками при поддержке 216 орудий — начала локальные атаки финской обороны на всем протяжении фронта главного удара. В следовавшую за ней штурмовую группу входили 123-я стрелковая дивизия, танковая бригада, батальон огнеметных танков и два артиллерийских полка. Командовал группой комбриг Ф. Ф. Алабушев.

Эти силы начали штурм укреплений линии Маннергейма на четырехкилометровом участке Ляхде-Сумма. На левом фланге 123-й дивизии находилось незамерзающее болото Мунасуо, сужавшее фронт наступления ее основных сил примерно до трех километров.

Удар штурмовой группы обрушился на 3-ю пехотную дивизию Сил обороны Финляндии. С 8.30 11 февраля началась артиллерийская подготовка. 360 тяжелых орудий артиллерийских полков РКК (в среднем 90 орудий на километр фронта) обрушили снаряды на финские позиции. После почти

трехчасового артобстрела за огневым валом четыремя эшелонами двинулись силы штурмовой группы.

В первой линии атакующих шли 34 огнеметных танка. Огнеметы, которыми были вооружены танки ОТ-26, выбрасывали горючую смесь на расстояние до 70 м. За ними двигались 50 танков с десантом в буксируемых бронированных саях. Третий эшелон составляли два полка пехоты. Каждое отделение красноармейцев продвигалось, прикрываясь поставленными на полозья стальными щитами. Наконец, в четвертом эшелоне находился еще один пехотный полк со щитами на полозьях для защиты личного состава. В своем распоряжении штурмовая группа имела 118 танков и 144 орудия.

Мощнейшая артподготовка подавила часть финских дотов. Интенсивность и плотность обстрела при артподготовке и создании огневого вала прикрытия были таковы, что советские танки и бронесани были вынуждены снизить темп движения: настолько снег и земля были перепаханы разрывами тяжелых снарядов.

Уже через полчаса после начала наступления передовые части 123-й дивизии захватили центральный дот на высоте 65,5 — важнейшем опорном пункте финской обороны. Через болота на фланге основных штурмовых сил отдельными группами начала подходить советская пехота. К полудню оборонявшаяся 3-я дивизия вынуждена была ввести в бой все свои резервы, а позже бросить на критический участок сводные отряды, составленные из нестроевых тыловых и штабных частей. В районе Ляхде образовался разрыв в финской обороне, который был спешно прикрыт батальоном из резервов 2-го финского армейского корпуса.

К концу дня было уничтожено семь дзотов высоты 65,5. Мощный огонь финских орудий и пулеметов из уцелевших укреплений затормозил продвижение 123-й дивизии, однако попытки финских контратак были безуспешными. Несмотря на потерю 70 танков (как указывают финские источники, только на 200-метровом участке наиболее тяжелых боев было подбито 50 танков), штурмовые части продолжали развивать наступление.

За четыре дня наступающие войска смогли прорвать главную полосу линии Маннергейма на четырехкилометровом фронте и углубиться в расположение финнов на 5—6 километров. В пробитую штурмовой группой брешь были двинуты три стрелковых дивизии 19-го корпуса — 24-я, 90-я и 123-я. Для усиления штурмовой группы и развития наступления на первых его этапах, в 7-й и 13-й армиях РККА были

созданы подвижные группы. Основа подвижной группы — танковая бригада — усиливалась стрелковыми батальонами и саперными частями, которые использовались в качестве танковых десантов.

15 февраля подвижная группа под командованием полковника В. И. Баранова захватила поселок Ляхде, а на следующий день — железнодорожную станцию Кямьяря примерно в 20 километрах от Выборга.

В этот же день подвижная группа комбрига Б. Г. Вершинина овладела станцией Лейпясую.

Финское командование приняло решение ввести в сражение свои стратегические резервы — 21-ю и 23-ю пехотные дивизии. Однако выдвигание их из оперативных тылов оказалось сложным делом: советская бомбардировочная авиация непрерывно наносила удары по железным дорогам в финском тылу. Доставка дивизий автомобильным и гужевым транспортом заняла больше времени, чем это предполагалось. Кроме того, финнам не удалось перебросить дивизии как цельные соединения — к месту сражения прибывали разрозненные части. Это, конечно, резко снижало эффективность принимаемых мер.

Противостоять советской авиации в небе над Карельским перешейком пыталась авиагруппа LLv-24 2-го авиаполка Финляндии (LeR-2). Эта авиагруппа, сражавшаяся на самом напряженном участке фронта, была наиболее результативным подразделением ВВС Финляндии в Зимней войне. Десять летчиков из состава группы стали асами: записали на свой счет по пять и более побед в воздушных боях — всего 61,5 самолет противника. Но финны теряли и этих, лучших своих пилотов. Превосходство советских боевых самолетов вынуждало финских летчиков принимать отчаянные меры. 28 февраля 1940 года, тараня советский истребитель, погиб лейтенант Т. Хуганантти — последний из троих погибших асов LLv-24.

К 15 февраля, однако, критическая для финских войск ситуация складывалась и на земле. Главная Ставка Сил обороны Финляндии приняла решение об отводе сил I корпуса на главные позиции линии А (напомню, что на правом фланге финских войск линии Маннергейма имела несколько рядов укреплений). Правый фланг I корпуса отводился еще дальше — до линии тыловых укреплений (так называемой линии перехвата).

II корпус финской армии, находившийся на направлении главного удара советской 7-й армии, также отводился на ты-

---

ловые оборонительные позиции. Такое перемещение обнажало остров Койвисто — важнейший артиллерийский опорный пункт в прибрежной зоне. Но сил для сдерживания противника по всей полосе главной линии обороны у финнов уже не оставалось. Единственное, что можно было сделать для Койвисто, это усилить его, переведя туда часть 4-й пехотной дивизии.

Лучше для финнов обстояли дела на восточном участке главной позиции — вдоль р. Вуокси до берега Ладожского озера, где держал оборону III армейский корпус. Наступавшие здесь части 13-й армии РККА не смогли добиться такого успеха, как их сосед слева — 7-я армия. До самого конца Зимней войны советским войскам в районе озер Вуокси и Суванто не удавалось пробиться через укрепления линии Маннергейма. 2 марта был смещен командующий 13-й армией командарм II ранга В. Д. Гриндель, которого сменил комкор Ф. А. Парусинов. Тем не менее, на этом участке фронта вплоть до 13 марта бои носили в основном позиционный характер.

Иная ситуация складывалась на направлении главного удара советских войск. Уже в ночь с 15 на 16 февраля финны были вынуждены начать подготовку к отводу своих I и II армейских корпусов. Ранним утром 16 февраля финские войска предприняли попытку контратаки для сдерживания продвижения противника, но она не принесла успеха. Также безуспешными оказались попытки береговых батарей Койвисто разбить лед на пути наступления советской 70-й пехотной дивизии: это привело только к неоправданно большим потерям боеприпасов.

На следующую ночь финские войска оставили линию обороны В и часть позиций правого крыла линии А. Их арьергарды сдерживали наступление противника и днем 17 февраля, но темп продвижения частей Красной Армии возрос до 6—10 километров в сутки. К этому моменту советские войска овладели оборонительными позициями финнов на глубину до 11 километров. Ширина прорыва увеличилась до 10—11 км.

Маршал К. Маннергейм произвел перестановки среди командования армии. Был переведен на должность главного инспектора армии, а позже отправлен в отставку командующий армией Карельского перешейка генерал-лейтенант Х. Эстерман. Официальной причиной отставки было «ухудшение состояния здоровья» генерала. Однако в действительности дело было в серьезных разногласиях, а точнее,

наверное, в столкновении характеров К. Маннергейма и Х. Эстермана. Славившийся своей бескомпромиссностью Х. Эстерман слишком упорно отстаивал свои идеи относительно планов ведения боев на перешейке. В результате пост командующего армией Карельского перешейка занял более способный к компромиссам в отношениях с начальством А. Э. Хейнрикс, получивший звание генерал-лейтенанта.

На правом фланге финских войск была сформирована Прибрежная группа под командованием генерал-лейтенанта Л. Эша. В ее состав вошли некоторые части 4-й дивизии, бронекавалерийская бригада (единственное танковое соединение финской армии), пять батальонов шюцкора и четыре батальона, переброшенных на Карельский перешеек из Северной Финляндии и Лапландии.

К 21 февраля советские войска на фронте наступления 7-й армии вышли ко второй полосе обороны линии Маннергейма. В ночь с 23 на 24 февраля финны вывезли по льду 37 орудий опорного пункта Койвисто и уничтожили остававшиеся там тяжелые пушки береговой обороны.

На несколько дней фронт стабилизировался. Советские дивизии, шедшие в авангарде наступления, были отведены в ближний тыл для отдыха и пополнения. Почувствовав ослабление напора противника, финны попытались контратаковать. 26 февраля они предприняли единственную свою массированную танковую атаку. Практически все бронетанковые силы Финляндии — 50 легких «Виккерсов-6 тонн» — начали наступление на красноармейские части. Сражение длилось несколько часов и успеха финнам не принесло. Большая часть «Виккерсов» была уничтожена огнем советских танковых орудий.

28 февраля советское наступление на Карельском перешейке возобновилось по всему фронту. За сутки была прорвана вторая полоса финской обороны и тыловые укрепления. К 3 марта войска 7-й армии вышли на подступы к Виипури (Выборгу). Сюда было стянуто до 100 новейших тяжелых танков — уже принятых на вооружение КВ-1 и проходивших испытания в боевых условиях КВ-2. Использовались экспериментальные, построенные в единственном экземпляре самоходные установки СУ-14 БР-2 со 152-мм орудием и СУ-100У на базе танка Т-100, вооруженная 130-мм пушкой. Советская дальнобойная артиллерия начала обстрелы города.

2 марта финны эвакуировали население восьмидесятитысячного города — в Виипури осталось не более трех тысяч

мирных жителей. I и II армейские корпуса финской армии были отведены с тыловых позиций линии Маннергейма.

Наступление на Выборг Красная Армия развернула по нескольким направлениям. 34-й стрелковый корпус атаковал город по линии продолжения главного удара. Части 50-го корпуса вышли к Сайменскому каналу и начали наступление с северо-востока. Эти войска столкнулись с неожиданной опасностью. Чтобы помешать наступлению советских частей, финны открыли шлюзы в верхней части Сайменского канала. В этой части Финляндии обилие сообщающихся друг с другом естественных озер служит своеобразным «компенсатором» сезонных колебаний уровня вод. Большинство дог проходит очень невысоко от уровня воды в озерах и реках: паводков здесь не бывает, поэтому когда вода из искусственно созданной и подпираемой шлюзами системы Сайменского канала была выпущена, это привело к возникновению огромной зоны затопления. В некоторых местностях вода поднялась на 6 метров, в районе станции Тали советским частям пришлось форсировать районы, затопленные ледяной водой на 2,5 метра, чтобы потом штурмовать расположенные на высотах финские дзоты.

4 марта советские войска получили приказ о начале «ледового похода». Это наступление должно было привести к обходу правого фланга противника по льду Финского и Выборгского заливов. Группа ближнего обхода (шесть дивизий 23-го и 10-го стрелковых корпусов) должна была выйти к материковой части Финляндии юго-западнее Виипури. Группа была усилена аэросанными отрядами и инженерными частями, снабженными мощными бульдозерами, способными прокладывать в 75-сантиметровом снегу поверх морского льда дорогу шириной до трех метров.

Группу дальнего обхода составляла 70-стрелковая дивизия под командованием комдива М. П. Кирпоноса, располагавшая 34 танками и 7 орудиями. 70-й дивизии пришлось наступать по льду под огнем финских орудий с батареей береговой обороны Ристаниemi, два 305-мм орудия которой могли вести огонь по целям на удалении до 20 км, и Сатаниemi (четыре орудия калибра 155 мм, дистанция огня до 16600 м). Красноармейцы гибли не только от взрывов снарядов, но и в образующихся после разрывов полыньях. Даже когда берег стал виден, положение советских частей не стало легче: с суши их встретил огонь сдерживающих отрядов финских войск. Окопы и стрелковые ячейки пришлось рыть в снегу, покрывавшем морской лед.

Несмотря на невероятные трудности, группы выполнили задачу. Был захвачен плацдарм на западном берегу Выборгского залива. Виипури был окружен, и хотя бои в городе еще продолжались, судьба его была предрешена. Советские войска вышли на шоссеиную дорогу Виипури - Хельсинки. Красной Армии был открыт путь в столицу страны.

В февральских и мартовских сражениях финская армия потеряла убитыми и ранеными 20% личного состава. Во многих батальонах оставалось не более роты боеспособных солдат. Последние резервы, брошенные в бой — 14 батальонов еще не прошедших подготовки — не могли спасти положения.

Маршал К. Маннергейм обратился к Совету обороны Финляндии с предложением как можно быстрее добиться остановки боевых действий.

Перемирие было объявлено в ночь с 12 на 13 марта. Боевые действия прекращались с 12.0013 марта. Фактически уже в 11.0013 марта стрельба затихла по всему фронту. Однако в 11.45 советская артиллерия нанесла массированный пятнадцатиминутный удар по финским позициям. Это привело к большим потерям среди финских войск. Насколько сейчас известно, высшее командование РККА приказа об обстреле не отдавало. Этим позорным актом закончилась Зимняя война.

Карелия

В начале февраля на северном фланге группы «Восточная Карелия» части финской 12-й пехотной дивизии продолжали удерживать подступы к Коллаа. Попытки 128-й и 164-й дивизий РККА пробиться через полевые укрепления финнов следовали одна за другой: 23 атаки в феврале, до десяти — в марте. Однако фронт обороны финской дивизии был удержан до конца войны.

Тяжелые бои продолжались на правом фланге группы «Восточная Карелия», на подступах к Сортавала. 18 февраля в районе Китела силами 8-го и 9-го батальонов Корпуса охраны границы финны предприняли наступление на окруженные месяц назад части советской 168-й дивизии. Потери были очень велики с обеих сторон. Отражая атаки, некоторые подразделения РККА попытались пробиться к своим, но были уничтожены финскими лыжными отрядами.

Несколькими днями позже северо-восточнее, в районе Лемети, финны начали операцию по ликвидации одного из самых крупных «котлов» — «генеральского montti» —

в котором находились части 18-й пехотной дивизии и 34-й танковой бригады. В западной части «котла» круговую оборону держали 25 советских танков. Недостаток артиллерии, в том числе противотанковой, заставил финнов применить необычный способ борьбы с окруженным противником. Из бревен были сделаны большие передвижные (на полозьях) щиты, которыми финны дополнительно прикрыли четыре своих 75-мм орудия. Артиллерия была подведена к танкам по артиллерийским понятиям вплотную — на 150 м. После десятиминутной дуэли полевых и танковых орудий, финские штурмовые группы прорвались к танкам и забросали их гранатами и бутылками с зажигательной смесью.

Атака на восточный фланг окруженной группировки оказалась неудачной. Финский штурмовой батальон, начавший наступление после короткой артподготовки, был внезапно атакован с тыла советскими лыжниками. Навстречу лыжному батальону по финнам ударили три тысячи красноармейцев, стремящихся вырваться из окружения. Финская штурмовая группа была уничтожена.

В это время в северо-западном направлении из «котла» пыталась вырваться группа высших командиров и комиссаров — командование окруженных дивизии и бригады. В штыковом и рукопашном бою погибли все 150 красных командиров. Рассеянные группы красноармейцев были уничтожены и пленены финскими лыжниками.

Всего в этом сражении Красная Армия потеряла убитыми 2500 человек, 105 танков, 58 полевых и 12 противотанковых орудий. 18-я стрелковая дивизия РККА перестала существовать как войсковая часть: ее знамя было захвачено финнами.

Северная Финляндия

Под Салла советские войска, продвинувшиеся в первые дни войны едва ли не на наибольшую глубину в пределы территории Финляндии, так и не смогли развить первоначальный успех. Здесь, на границе Северной Финляндии и Лапландии, сохранялось неустойчивое равновесие сил и продолжались бои местного значения.

Обе стороны получили подкрепления. На помощь 122-й дивизии РККА подошли части 88-й стрелковой дивизии. Два неполных финских батальона сменила часть, сформированная из норвежских и шведских добровольцев — «Группа «Норд-

ланд». В ее состав входили три пехотных батальона, отдельные стрелковая и саперная роты и две артиллерийских батареи. Командовал Группой «Нордланд» шведский генерал-майор Э. Линдер. После подхода Группы «Нордланд», 22 февраля, финские подразделения с этого участка были срочно переброшены на критическое направление — под Виипури (Выборг).

Основные события в Северной Финляндии разворачивались несколько южнее, в районе Кухмо. Здесь еще в декабре были разбиты на отдельные группы и окружены части 54-й дивизии РККА. Дивизия была полностью блокирована от основных сил. Доставка провианта, медикаментов, боеприпасов, горючего была невозможна — финны перекрыли единственную дорогу, ведущую от границы вглубь страны. Советская транспортная авиация пыталась доставлять боеприпасы и продовольствие, сбрасывая их с парашютами или выбрасывая ящики и тюки с летевших на малых высотах самолетов, но это не могло спасти положение. При февральских морозах недостаточное питание приводило к резкому возрастанию случаев обморожений и гибели от переохлаждения. Пытаясь хоть как-то спасти положение, командиры приказали пускать в кухонный котел сначала обозных, а потом — и артиллерийских лошадей...

1 февраля советские войска предприняли попытку деблокирования дивизии. Учитывая опыт финнов, Красная Армия начала использовать лыжные батальоны. Кроме того, во время основного наступления 6 февраля советская артиллерия применила новую схему артподготовки: пятиминутный огневой налет, затем пять минут перерыва, и после — основной массированный артиллерийский удар.

За артиллерийской подготовкой последовали атаки пехоты. 6 и 7 февраля финны смогли отбить атаки противника, но на следующий день советские части предприняли фланговый обход позиции Куусийоки по льду озера. Бои велись с исключительным ожесточением. Противники сближались до 15–20 метров, начинались рукопашные бои. И все же прорваться сквозь финские заслоны не удалось.

13 февраля советские части были усилены 33-й пехотной дивизией. Обход противника с севера предприняла лыжная бригада РККА трехбатальонного состава. После трехдневного боя с частями 27-го финского пехотного полка лыжники были разбиты. Но все же 21 февраля финский батальон под напором советской дивизии был вынужден отойти с позиции Куусийоки, преграждавшей путь войскам противника на главном направлении, по дороге. В некоторых

финских ротах оставалось по 30 бойцов. 22 февраля финские позиции были атакованы 5-м Ленинградским кавалерийским полком, но противника кавалеристы уже не застали: ночью под покровом темноты финны отошли к следующему рубежу обороны.

54-я дивизия оставалась в окружении до конца войны.

Лапландия

Финские отряды продолжали беспокоящие действия, им даже удалось прервать на короткое время движение поездов по Мурманской железной дороге. Однако в целом серьезные изменений не произошло, относительная стабилизация заполярного участка фронта сохранялась до конца войны.

Стоит упомянуть лишь о любопытном эпизоде, произошедшем в феврале 1940 года. В Лапландии огнем советских зениток был подбит бомбардировщик Хоукер «Харт» В-4А с финскими опознавательными знаками, но шведским экипажем. Собственно, и сам бомбардировщик принадлежал ВВС Швеции: машина входила в состав добровольческой Авиафлотилии-19 (Flygflottily F-19), действовавшей на стороне финнов. От плена пилотов спасло то, что экипажи финских и шведских самолетов старались брать в полеты лыжи — на случай вынужденной посадки. Такая предусмотрительность выручила шведских летчиков. Пользуясь тем, что на этом участке сплошной линии фронта не было, они ушли к своим.

Московский мирный договор

«Мирные переговоры с Финляндией, как и сама война, не были обычными. Их предложила не страна, потерпевшая поражение, а государство, одержавшее победу. Велись они в духе уважения суверенных прав Финляндии».

История Великой Отечественной войны, 1960 год

Заявления официальной советской историографии, подобные этому, выглядят столь же нелепо, как и то положение, в котором оказался советский дипломатический корпус в конце 1939 года. Мирные переговоры по советской инициативе, действительно, начались — с созданным самим Кремлем Териокским правительством.

Нужный СССР договор о территориях и военных базах был «заключен». Собственно, и Красная Армия вступила на территорию Финляндии «по приглашению» правительства Куусинена. Однако, когда ожидаемой «победы на 7–14 день войны» не последовало, а «Народное правительство Финляндии», выполнив свою функцию, стало ненужным, возникла необходимость возобновить контакт с настоящим правительством Финляндской республики.

Финны и раньше предпринимали попытки наладить переговоры через третьи страны. Уже через несколько недель после начала войны руководство Финляндии пыталось наладить контакт с советским руководством через правительство Германии и США. Немцы отказали и посоветовали финскому правительству принять предложения СССР. Госдепартамент США также ответил, что считает момент «неподходящим» для заключения мира.

Финнам пришлось искать иные пути для установления контактов с Кремлем. 8 января 1940 года к послу Советского Союза в Швеции Александре Коллонтай по вопросу о возможности заключения мира обратилась финская писательница Х. Вуолиоки. Министр иностранных дел и премьер-министра Финляндии полагали, что переговоры двух дам должны выглядеть менее официально. Такой вариант налаживания межгосударственных отношений был удобен и для Кремля.

Однако эта первая фаза мирных переговоров между Финляндией и СССР, проходивших через Стокгольм в январе-феврале 1940 года, застопорилась. Как отмечают финские историки, финны, ободренные своими военными успехами под Толваярви, Суомуссалми и Раата, сохраняли неуступчивость. В значительной мере повлияли на неуспех переговоров обещания Франции и Великобритании оказать Финляндии значительную военную помощь в случае, если она продолжит сопротивление.

1 марта 1940 года, когда положение на фронте стало крайне тяжелым, правительство Финляндии направило в Москву (опять-таки через посольство СССР в Швеции) предложение о мирных переговорах. В документе говорилось, что финны готовы рассматривать выдвинутые Советским Союзом условия о территориальных уступках как отправную точку для переговоров.

Руководство Сил обороны Финляндии в этот момент явно начало нервничать. 7 марта 1940 года К. Маннергейм предложил правительству принять документы, одобряющие ввод союзного экспедиционного корпуса на террито-

---

рию страны. Однако уже на следующий день маршал изменил свое мнение. Стало ясно, что в любом случае помощь союзников будет слишком мала и подоспеет слишком поздно. 8 марта Маннергейм предложил как можно скорее заключить мир, не дожидаясь прорыва Красной Армией линии фронта.

12 марта 1940 г. был заключен тяжелый для Финляндии Московский мирный договор. С финляндской стороны его подписали премьер-министр Р. Рюти, министр Ю. К. Паасикиви, генерал-майор Р. Вальден и профессор В. Войонмаа. С советской стороны подписи поставили министр иностранных дел В. М. Молотов, член Верховного Совета А. А. Жданов и комбриг А. М. Василевский.

Состав советской делегации подчеркивал локальность советско-финляндского военного конфликта. А. А. Жданов был секретарем Ленинградского обкома КПСС. А. М. Василевский (всего лишь комбриг!) в то время — заместитель по оперативным вопросам 1-го зама начальника оперативного управления Генштаба РККА. Другое дело, что А. М. Василевский был совсем не случайным лицом в советской делегации: год назад он был одним из главных разработчиков плана «контрудара по финской армии после ее возможного нападения на СССР», а после подписания договора (видимо, как основной военный специалист по Финляндии) возглавит смешанную комиссию по демаркации новой советско-финляндской границы...

Согласно договору, Финляндия теряла всю Карелию до границы петровских времен, острова Финского залива, Ханко, арендуемый Советским Союзом под военную базу, и Салла на северо-восточной границе.

Столь ободрявшее финнов стремление Великобритании и Франции поддержать боевые действия в Финляндии на самом деле преследовало несколько целей. Защита территории и политической независимости Финляндии от Советского Союза были наиболее заметными и благородными, но далеко не единственными их задачами.

Соображения стратегического порядка касались необходимости предотвратить возможное расширение сферы влияния СССР как на побережье Балтийского моря (Балтийские государства еще не были «добровольно присоединены» к «счастливой семье советских народов»), так и на северо-запад в Скандинавию.

Но были и другие, на тот период очень существенные цели. Вспомним — Вторая мировая война уже идет. Австрия

«воссоединена» с Германией. Чехия и Моравия присоединены к Третьему рейху. Словакия, как «независимый» союзник Рейха, к моменту нападения на Польшу предоставляет свою территорию для концентрации 14-й германской армии. Польша разбита.

Но к моменту объявления войны Великобританией и Францией, военный потенциал гитлеровской Германии во многом остается для союзного командования неясным. Именно поэтому продолжается то скованное противостояние на французско-германской границе, которое англичане называют «сумеречной», французы — «смешной», а немцы — «сидячей» войной. Британцы и французы, однако, полагают: если им удастся вынудить немцев открыть второй фронт, силы противника будут слишком распылены для того, чтобы оказать серьезное сопротивление союзническим войскам.

В очередной раз обратить внимание на нейтральные скандинавские государства, и прежде всего на Норвегию, союзников заставило стремление удержать контроль над акваторией Северного моря. Кроме того, их военно-морские силы начинали испытывать недостаток ресурсов для поддержания боеспособности. В первую очередь речь шла о необходимости поставок железных и никелевых руд, импортировавшихся из Швеции и Норвегии.

С момента объявления войны и Германия, и Британия считали, что противная сторона не рискнет начать захват Норвегии. Они понимали также, что и для норвежцев нет смысла склоняться к сотрудничеству с их противником. Политика нейтралитета до декабря 1939 года оставалась достаточно надежной защитой для скандинавов.

Война между Советским Союзом и Финляндией могла дать шанс нарушить это равновесие в свою пользу. Если бы Финляндия дала согласие на прибытие союзнического экспедиционного корпуса, единственный путь, по которому он мог следовать к месту боевых действий, лежал бы через территорию Норвегии (выход к Баренцеву морю, который имела Финляндия, был перерезан советскими войсками в первые дни войны). В этом случае возможны были два варианта. Либо группировка англо-французских войск, выдвигающихся из Нарвика через железорудный район Кируна в направлении Финляндии, провоцирует Германию на немедленную переброску своих частей в Норвегию, что приводит к открытию столь невыгодного в этот момент для немцев второго фронта. Либо же немцы воздерживаются от высадки — тог-

---

да союзники получают возможность контролировать норвежские северные порты и шведские рудники, а заодно убеждаются в относительной слабости противника.

Некоторые историки сейчас считают эти планы «лучшей иллюстрацией военных и политических иллюзий союзников». Именно так характеризует их, например, Лен Дейтон в своей книге «Блицкриг». «Дурацкий и провокационный» план союзного командования, по его мнению, мог привести только ко вступлению в войну Норвегии, Швеции и Советского Союза, которые приняли бы сторону Германии.

Так или иначе, но 19 декабря 1939 г. Верховное Союзное Командование по предложению начальника британского Генерального штаба генерала В. Айронсайда рассмотрело возможность посылки в Финляндию международных сил. В течение 1940 года предлагалось сформировать экспедиционный корпус в составе:

- а) первая очередь:
  - 2,5 бригады французских альпийских стрелков (8500 чел.);
  - 2 батальона французского Иностранного легиона (2000 чел.);
  - 1 польский батальон (1000 чел.);
  - 1 британская гвардейская бригада (3500 чел.);
  - 1 британский лыжный батальон (500 чел.).
- б) вторая очередь:
  - 3 британских пехотных дивизии (42000 чел.).

Таким образом, общая численность союзнического экспедиционного корпуса могла достигнуть 57500 человек.

В советской литературе, однако, можно встретить другие цифры. Писали и о сотысячном, и даже о стопятидесятитысячном экспедиционном корпусе. Действительно, премьер-министры Франции и Великобритании в своих выступлениях говорили о 100000 британцев и 50000 французов, готовых прийти на помощь Финляндии. Однако Э. Даладье и А. Чемберлен имели в виду не войска: речь шла о готовности граждан этих стран оказать помощь государству, сражающемуся с мощным агрессором. Отсюда такие круглые и несуразно большие числа.

Финские историки полагают, что, хотя Финляндия и не обратилась за непосредственной военной помощью к западным странам, сведения относительно их планов могли повлиять на то, что СССР быстро пошел на заключение мира. Между прочим, такая операция по «запланированной утечке информации» вполне в духе Интеллиджен Сервис...

Дело в том, что в феврале 1940 г., когда Финляндия уже вела мирные переговоры в Москве, союзники в ходе переговоров с финнами увеличили свои обещания до 100 тысяч человек и 100 бомбардировщиков, которые должны были прибыть в Финляндию к маю. Говорилось также о возможности нанесения воздушных бомбовых ударов из Сирии и Ирака по нефтяному району Баку, о десанте союзников в Архангельске и об организации восстания «кавказских племен» под предводительством французских офицеров...

Такие крупномасштабные военные акции против СССР, конечно, не могли и не должны были быть реализованы в то время, когда война западных держав с Германией, пусть даже и «странная», продолжалась уже полгода. Великобритания и Франции Советский Союз мог представляться потенциальным союзником Германии, особенно после заключения мирного договора между странами. Но напасть на СССР и этим подтолкнуть его к реальному военному союзу с Гитлером — такого правительства Даладье и Чемберлена совершить не могли. Эти соображения и приводят к мысли, что посулы крупной военной помощи Финляндии со стороны западных держав были своеобразной «военно-дипломатической операцией».

Каждая война порождает свои мифы. Одним из мифов Зимней войны было непосредственное участие в ней немцев. Многие финны в 1939-40 гг, да и позже, были уверены в том, что немецкие военные инструкторы, пилоты и танкисты участвовали в боях на стороне русских. В советской литературе время от времени проскакивают сообщения о «тысячах хорошо организованных немецких туристов», прибывших на территорию Финляндии за время Зимней войны. Зачем они там оставались — и говорить нечего...

Это лишь мифы, но мифы, сложившиеся на основании реальной дипломатической игры, которую вела Германия в конце 1939 — начале 1940 годов. С одной стороны, немцы подчеркнуто демонстрировали Кремлю свою верность пунктам секретного приложения к договору Молотова-Риббентропа, согласно которому Финляндия отходила к «сфере влияния» Советского Союза. Уже 2 декабря 1939 года немецкие дипломаты получили предписание избегать любых антисоветских высказываний и оправдывать действия СССР в отношении Финляндии ссылками на «неизбежность» пересмотра границ и «естественной потребности» Советского Союза в действиях по обеспечению безопасности Ленинграда и установлению контроля над акваторией Финского залива.

Интересный штрих: оказывая такую поддержку дипломатам Кремля, немцы в то же время обратились к советскому правительству с просьбой о защите от бомбардировок советской авиации фабрик, находившихся на территории Финляндии, но принадлежавших гражданам Германии. Скорее всего, это тоже было одним из ходов дипломатической партии: «мы вас поддерживаем, но вы уж нашу собственность не бомбите». Так или иначе, но одна из крупнейших целлюлозных фабрик Карелии, принадлежавшая семейству немецких промышленников, бомбежкам не подвергалась. Между тем, целлюлоза — объект стратегический, необходимый для производства пороха! «Союзники» продемонстрировали взаимопонимание...

Как известно, уже в ходе войны Германия отказала Финляндии в посредничестве в переговорах с Советским Союзом и посоветовала финскому правительству принять предложения СССР. Мало того, правительство Германии оказало давление на шведов, когда те начали было склоняться к оказанию полномасштабной помощи Финляндии. В разгар Зимней войны немцы запретили использовать свое воздушное пространство для перегона в Финляндию итальянских истребителей. Поставляемые финнам «Фиаты» были задержаны на территории Третьего рейха.

Но была и другая, более существенная сторона германской дипломатии периода Зимней войны. Немцы были заинтересованы в затягивании боевых действий между Советским Союзом и Финляндией. Поэтому они дали понять шведам, что не возражают против военных транзитов в Финляндию через территорию этой скандинавской страны. Кроме того, Германия тайно компенсировала Швеции военные поставки армии Финляндии, причем размер компенсации доходил до 20—30% стоимости всего военного имущества шведского королевства!

Безусловно, Третий рейх, как и его противники, рассматривал войну в Финляндии как возможный повод для вторжения в Скандинавию («для защиты арийских скандинавских народов от возможной агрессии со стороны Франции и Британии»). Уже через две недели после начала Зимней войны необходимость оккупации Норвегии обсуждалась Гитлером с командующим Кригсмарине адмиралом Редером. Менее чем через месяц после окончания советско-финляндской войны — 9 апреля 1940 года — немцы высадили десанты в Дании и Норвегии.

Как сказал английский премьер-министр Н. Чемберлен, союзники «опоздали на автобус», идущий в Скандинавию...

Помощь Финляндии со стороны других государств

Точно оценить размеры реальной технической помощи, которую оказали Финляндии в период Зимней войны другие государства, довольно сложно. Данные сильно различаются — даже если не принимать в расчет иногда чудовищно-преувеличенные цифры, которые приводились в советских изданиях. Сведения, которые представляются наиболее достоверными, представлены в таблице.

Показать объективную сложность учета размеров поставок военной техники в Финляндию можно на примере самолетного парка военно-воздушных сил. Используем для этого данные, приведенные в лучшем из опубликованных на русском языке обзоров, посвященных военной авиации Финляндии в период Зимней войны (Котловский, 1992).

Несмотря на большие потери, благодаря закупкам и безвозмездной помощи со стороны западных государств, к концу Зимней войны в финских ВВС числилось 196 боевых самолетов (из них 112 боеспособных) — на 43 машины больше, чем в первый день боев. Однако реальные поставки авиационной техники в Финляндию до конца Зимней войны составили лишь 43% от намеченных объемов (см. *Таблицу*).

Помимо этого, в ходе боев финны получили по крайней мере 25 советских боевых самолетов разной степени исправности. Точных сведений о количестве использовавшихся в ВВС Финляндии трофейных самолетов нет, однако различными источниками подтверждаются данные о пяти И-15 бис, применявшихся финнами в начале сороковых годов в качестве боевых и учебных машин

Иностранные добровольцы в Финляндии

Оценивая общий размер помощи западных государств, оказанный Финляндии в период зимней войны, нужно признать, что он был в общем невелик — или, во всяком случае, явно недостаточен. Что делать — «большая война» уже разразилась, дипломатических, экономических и военных проблем у европейских держав было предостаточно.

Тем большее впечатление производит стремление простых людей из разных стран помочь жителям страны Суоми отстоять свою независимость.

Добровольцами в финскую армию вступили граждане 26 стран. Общее число волонтеров приблизилось к составу

дивизии — около 14 тысяч человек. Необходимо иметь в виду, однако, что по крайней мере 70% прибывших в Финляндию добровольцев не были знакомы с военной службой. Для прохождения военной подготовки их приходилось направлять в учебный центр в Кеми-Торнио. На обучение требовалось время, и большинство добровольцев смогло принять участие в боях только в последние недели войны. Но и это удалось не всем. Две тысячи британцев и тысяча эстонцев, например, вообще не попали на фронт — переезд в Финляндию, обучение и формирование частей, несмотря на всю поспешность, не были закончены до 13 марта 1940 года.

Большинство прибывавших в Финляндию волонтеров имело корни, связывавшие их со страной Суоми или с финно-угорскими народами в целом. Очень внимательно следили за событиями Зимней войны родственные по языку венгры. Конечно, заявления регента Венгрии адмирала М. Хорти о подготовке к отправке в Финляндию двадцатипятитысячного корпуса были только словами. Но 400 добровольцев приехали в Финляндию, чтобы помочь в ее борьбе за независимость. 300 граждан США финского происхождения также встали в ряды армии Финляндии.

Поставки вооружения Финляндии в период Зимней войны					
Вид вооружения	Государство-поставщик				
	Великобритания	Франция	Швеция	Другие	Всего
Винтовки	-	-	80000	-	80000
Автомат. винтовки	124	5000	500	-	5624
Орудия противотанковые	200	-	85	-	285
Орудия зенитные	-	-	104	-	104
Орудия полевые	114	160	112	-	386
Самолеты	75	30	29	38	172

Много волонтеров прибыло из скандинавских государств – Норвегии (725), Дании (800), Швеции (8700). Из них была сформирована Группа «Норданд» (иногда ее называют бригадой), которая в конце войны была задействована в сражениях под Салла. Командовал группой шведский генерал-майор Э. Линдер.

Согласно шведским законам, граждане этой страны могли служить в иностранных армиях со своей боевой техникой и принимать участие в боевых действиях. Это позволило шведам направить в Финляндию полностью укомплектованную людьми и техникой авиачасть – Flygföretag F-19 (командир – майор У. Бекхаммар), получившую в ВВС Финляндии довольно странное обозначение LeR-19 (19-й авиаполк).

Помимо этой волонтерской части, в подразделениях ВВС Финляндии служили итальянские, датские, английские, канадские, американские, польские, испанские летчики.

Итоги войны

Зимняя война отняла у Финляндии около 25 тысяч человек убитыми и пропавшими без вести, почти 44 тысячи ранеными, примерно 11 тысяч больными – всего около 80000 солдат. Страна потеряла примерно 0,7% своего населения. Из строя выбыло около 20% личного состава финской армии, причем потери в пехоте достигли 40% списочного состава. Армия лишилась 40% офицеров и 32% унтер-офицеров. Среди самых квалифицированных военных – служащих ВВС – потери составили 304 летчика погибшими, 90 пропавшими без вести и 105 ранеными.

Серьезные проблемы принес стране и заключенный после Зимней войны мир. Финляндия вынуждена была передать Советскому Союзу значительные территории:

– Карельский перешеек и Восточную Карелию с городами Выборг и Сортавала;

– территорию в Восточной Лапландии с населенным пунктом Салла;

– западную часть полуострова Рыбачий.

Территориальные потери страны составили почти 10% ее площади (36 тыс. кв. км). Эти земли приносили Финляндии 25% целлюлозы, 30% зерна, треть добываемой рыбы. За символическую сумму в 8 млн. финских марок Советскому Союзу на 30 лет передавался в аренду под военно-морскую базу полуостров Ханко.

СССР получал право транзита через территорию Финляндии в Норвегию и Швецию (соответственно через Петсамо и Лапландию).

У Финляндии возникли большие внутренние проблемы. Необходимо было разместить, снабдить работой и землей 400 тысяч переселенцев, эвакуированных с передаваемых Советскому Союзу территорий — Карелии, Ханко и Салла. Кроме них, Финляндия эвакуировала всех жителей (несколько более пятидесяти тысяч человек) и с отошедшей к СССР территории Приладожской Карелии. Замечу, кстати, что необходимость экстренного расселения и раздачи земли многочисленным переселенцам (около 12% населения страны — практически, каждый восьмой житель государства) оказала серьезное влияние позже, когда Финляндия была на грани вступления в «Войну-продолжение». Казалось, что многие проблемы могут быть решены военным путем — путем возвращения территорий на перешейке и в Карелии.

«Война-продолжение»

Как стало ясно позднее, начало «финской войны» для Советского Союза оказалось не просто датой развязывания очередного, пусть и достаточно крупного, но локального конфликта. Нападение СССР на Финляндию в ноябре 1939 года в конечном итоге спровоцировало ее военный союз с Германией.

Для финнов Зимняя война не закончилась в марте 1940 года. Последующие события, которые финны называют Войной-продолжением, изложены в трактовке финского историка Мауно Йокипии.

Можно назвать несколько причин, по которым чуть больше года спустя после окончания Зимней войны, в июне 1941 года Финляндия вступила в «Войну-продолжение». Моральная травма и тяжелый урон, нанесенные Зимней войной, в которую, как считали финны, они были втянуты безвинно, были важнейшими стимулами к «получению компенсации».

Большое влияние оказали и последующие события. Одним из наиболее существенных была большевизация стран Прибалтики. 16 июня 1940 года СССР передал Эстонии ноту, в которой, ссылаясь на заключенный год назад договор о взаимопомощи, требовал создания в стране нового, лояльного к Советскому Союзу правительства. За этот год, по эстонским данным, число военнослужащих и военных строителей на советских базах в Эстонии возросло в пять раз — с 25 до

125000 человек (по советскому солдату на каждые 10 эстонцев). Уже на следующий день после передачи упомянутой ноты, 17 июня, Советский Союз оккупировал Эстонию.

Финляндское правительство видело в этом акте, как и в происшедших несколькими неделями раньше «добровольных вхождении в состав СССР» Латвии и Литвы, свое возможное будущее. Кроме того, до правительства Финляндии дошли сведения о требованиях относительно их страны, которые СССР предъявил Германии во время визита Молотова в Берлин в ноябре 1940 года.

В экономическом отношении большую роль сыграл разразившийся в Финляндии «никельный кризис» января-февраля 1941 года, вызванный проблемой владения рудниками в Петсамо. Несколько кризисов в течение года вынуждали правительство страны искать выход по всем направлениям.

Поздней весной 1941 года СССР попытался разрядить свои отношения с Финляндией. В Хельсинки был послан новый, более дружелюбно настроенный посол. Эта акция Кремля была явно запоздавшей: в предшествовавший период политического давления со стороны Советского Союза Финляндия уже успела связать себя с Германией.

Финны опасались, что безусловный нейтралитет, которого они придерживались ранее, приведет лишь к войне на два фронта: в Лапландии и в Финском заливе, одновременно против Германии и СССР.

Лучше было вовремя выбрать одну сторону. Западные державы были слишком далеко, чтобы на них можно было полагаться.

В конце мая 1941 года в Зальцбурге состоялись финляндско-германские военные переговоры. Немецкая сторона выдвинула на них весьма скромные просьбы. Суть их сводилась к тому, чтобы Финляндия с помощью мобилизации отвлекла часть сил противника Германии в случае начала ее войны с СССР. Взамен звучали обещания возвращения Карелии, возможно даже с «округленными» границами.

Несмотря на военные приготовления в Финляндии, поводом к началу войны стали советские бомбардировки финских городов и аэродромов 25 июня 1941 года силами около 480 самолетов. На решающем заседании парламента в тот же вечер было заявлено, что война начинается с того же, с чего Зимняя война — с нападения Советского Союза. Зашедшее далеко военное сотрудничество с Германией можно было замалчивать, поскольку депутаты имели о них смутное представление. Группа под руководством Р. Рюти, К. Маннергей-

---

ма и В. Таннера, руководившая внешней политикой правительства (так называемый «военный кабинет»), пошла на вступление Финляндии в считавшуюся выгодной войну за возвращение Карелии.

С начала войны в Лапландию прибыли четыре немецких дивизии армии «Норвегия»: две по суше из северной Норвегии в район Петсамо, одна — по суше из северной Норвегии в Салла и одна по морю из Германии в Салла. Кроме того, по железной дороге из Осло через Швецию в Ханко должна была быть переброшена 163-я пехотная дивизия Вермахта, чуть более года назад сыгравшая основную роль в захвате нацистами Скандинавии. Однако укрепления Ханко были признаны достаточно мощными, и немецкая 163-я дивизия была передана в резерв К. Маннергейма в Карелии (позже она использовалась на Свирско-Олонецком направлении).

За счет дополнительной подготовки финнам удалось увеличить число своих дивизий до 16. Главная ставка располагалась в Миккели. Самая мощная финская группировка (7 дивизий) составила Карельскую армию в районе Йоенсуу. Штаб немецкой группировки в Лапландии расположился в Рованиеми; стык с финской армией был на широте Оулуярви. III финский армейский корпус в Куусамо был передан под командование Вермахта. Немецкие минеры обеспечили закрытие Финского залива плотным минированием уже ночью 22 июня 1941 года.

Одновременно шесть финских аэродромов (Хельсинки, Утти, Тиккаоски, Рованиеми, Кемиярви, Петсамо) с началом войны передавались в распоряжение немецкого 5-го воздушного флота. Однако осенью военно-морские силы Германии вернулись на свои базы, а силы Люфтваффе в дальнейшем действовали лишь в контролируемой немцами Лапландии.

Вместе с тем, финны стремились контролировать местность перед передним краем обороны в Восточной Карелии, чтобы обезопасить свою восточную границу. После наступления финских войск летом и осенью 1941 года, К. Маннергейм попытался ослабить сотрудничество с немецкой армией, чтобы война Финляндии с СССР осталась обособленной и не растворилась в мировой войне.

Финны, например, не согласились участвовать во взятии Ленинграда, о чем официально было заявлено на переговорах с генералом А. Йодлем в Миккели 4 сентября 1941 г. В октябре-ноябре 1941 года К. Маннергейм отказался участвовать в Тихвинской операции и дал понять командующему

III армейским корпусом Сийласвуо, что Финляндии не следует терять солдат в планируемой немцами Лоухской операции по захвату Мурманской железной дороги.

Была сделана попытка сообщить Великобритании, что финское наступление в районе Масельги вскоре прекратится. Однако англичане успели объявить Финляндии войну. Вести Финляндии «собственную» войну в то время, когда вокруг гремела Вторая Мировая, оказалось невозможным.

Отношения Финляндии с Германией оставались очень непростыми. Государства, по сути, не были политическими союзниками — фактически их объединял только военный союз, в котором они преследовали разные цели. Третьему рейху было крайне невыгодно допустить выход Финляндии из войны. Во многом, как отмечают финские историки, Гитлер продолжал блокаду Ленинграда именно для того, чтобы вынудить финские войска не прекращать боевые действия с Советской Армией.

Между тем, начиная с 1943 года правительство Финляндии предпринимало попытки установить мирные контакты с Великобританией и США, в том числе через нейтральную Швецию, но неудачно.

Мирные контакты с СССР удалось установить в январе 1944 года опять-таки через Стокгольм. Условия, привезенные Ю. Паасикиви в марте из Москвы, были чрезвычайно жесткими. Речь, в частности, шла о репарациях, причем вдвое больших, чем фактически было заплачено позднее. Парламент резко отклонил эти условия.

Военные планы Советской армии на лето 1944 года на финском фронте предполагали одновременное развернутое наступление на Карельском перешейке, Олонецком и Масельгском направлениях и создание большого котла к северу от Ладоги. В июне 1944 года дело дошло до требования о безоговорочной капитуляции Финляндии. Наступление на Карельском перешейке, где теперь СССР располагал многократным превосходством, началось 10 июня 1944 года и после двух недель ожесточенных боев привело к падению Выборга. К. Маннергейм немедленно начал переброску подкреплений из Восточной Карелии и для этого принял 16 июня тяжелое, но важное решение о сдаче практически без боя довольно хорошо укрепленных карельских рубежей.

По-видимому, это решение было удачным. Финской армии ценой больших усилий удалось остановить советское наступление на разных направлениях: в конце июня — нача-

---

ле июля около Выборга, Тали-Ихантала, в середине июля — в Вуосалми на центральном перешейке, в конце июля — в районе Питкяранты, в начале августа — в Лоймола и в конце августа — в Иломанси. Затем СССР вынужден был отвести свои отборные части, поскольку они потребовались на прибалтийском и берлинском направлениях. Советские атаки прекратились.

Последние недели перед перемирием не были похожи на катастрофу — шла обычная позиционная война. При этом потери финской армии были очень велики: около 12 тысяч погибших и свыше 50 тысяч раненых и пропавших без вести за два месяца — больше, чем в ходе прорыва фронта, осуществленного финнами летом 1941 г.

Однако именно бои лета 1944 года привели к тому, что в последующих переговорах с Советским Союзом правительству Финляндии удалось избежать требований о безоговорочной капитуляции и неприемлемых для страны условий заключения мира.

* * *

В 1939–40 годах в финский язык вошло выражение «дух зимней войны». Оно и по сей день остается символом единодушия народа Финляндии в дни испытаний.

«Кладбищами героев» именуют финны все без исключения финские захоронения. В Зимней войне и последовавшей за ней Войне-продолжении 1941–44 годов Финляндия потеряла на фронтах около 2,2% населения страны — 76893 человека погибшими и 6512 пропавшими без вести.

А. И. Козлов.

*(Советско-финская война 1939–40.
Взгляд с другой стороны. Рига, 1995 – 44 с.)*

ЧАСТЬ II

Война на земле

Линия Маннергейма и ее прорыв

Работы по сооружению «линии Маннергейма» велись ускоренными темпами под руководством начальника инженерной службы финской армии генерал-майора Сарлина. За их ходом внимательно следило руководство страны.

Если огневые точки постройки 1929 года были рассчитаны на попадание снарядов орудий калибром до 152 мм, то новые железобетонные доты выдерживали несколько прямых выстрелов могучих 203-мм гаубиц.

Каждая огневая точка, построенная в конце 30-х годов, представляла собой маленькую крепость, способную выдержать длительную осаду: помимо наземных сооружений имелись многоэтажные подземные помещения для личного состава, оснащенные хорошими фильтрами, большими емкостями для воды, значительными запасами топлива и продуктов.

Доты поддерживали друг друга фланговым огнем, подступы к ним прикрывались минными полями, рядами проволочных заграждений (до 45 рядов —!), противотанковыми надолбами и рвами. Доты были замаскированы под валуны настолько искусно, что советская разведка, несмотря на все свои усилия, так и не выяснила, где проходит «линия».

Участник боев так описывал один из дотов постройки 30-х годов: «Огромное серое сооружение около 40 метров в длину, почти невидимое, настолько оно походило на один из многих валунов, уходило вниз на два этажа. Стены его достигали в толщину 2 метров отличного армированного бетона. 6 амбразур, две из которых были орудийными, позволяли вести круговой обстрел. Амбразуры прикрывались броневыми заслонками толщиной 40 мм. Помимо этого над ДОТом возвышались две вращающиеся броневые башни, толщина брони которых достигала 75 мм... Даже полторы тонны тола, взорванные саперами на его крыше, не уничтожили финского чудовища, а оторвали от него левую часть...»

К началу войны на главной оборонительной полосе общей протяженностью 140 км, значительная часть которых приходилась на болота, озера и реки, было возведено 210 долговременных огневых точек и 546 деревоземляных точек. Еще 26 дотов и 61 дзот соорудили на острове Койвисто (Бьорке) и на тыловой оборонительной позиции, прикрывавшей Выборг.

Соединения и части 7-й армии, действовавшей на Карельском перешейке, не сразу столкнулись с укреплениями

главной полосы «линии Маннергейма». Сначала им пришлось встретиться с лесными завалами на дорогах, минными полями, проволочными заграждениями, прикрываемыми отрядами егерей. Для их преодоления пришлось потратить от двух дней до полутора недель.

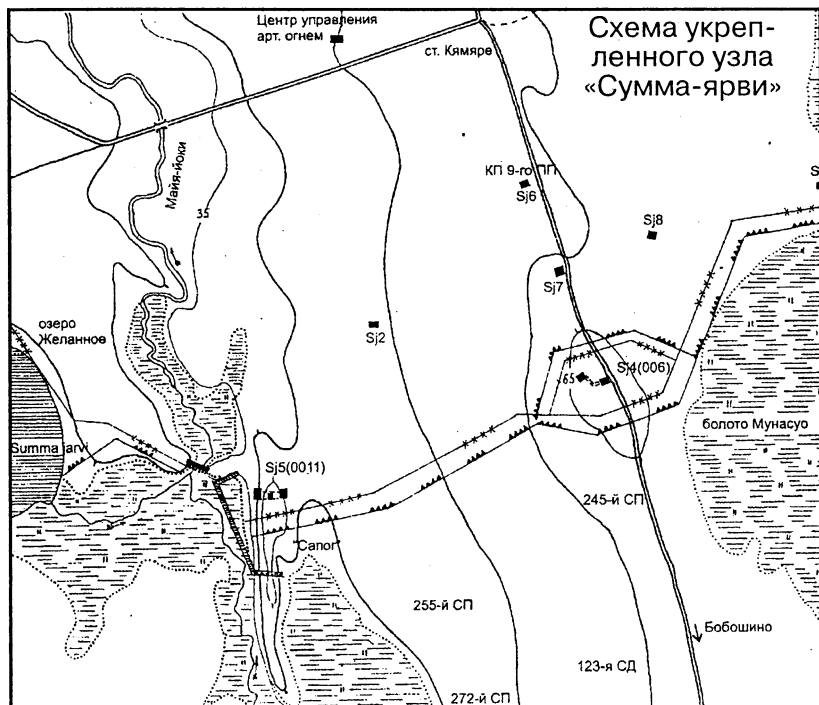

Первой к «линии Маннергейма» подошла 2 декабря 1939 года 49-я стрелковая дивизия 19-го стрелкового корпуса. (Это произошло у устья реки Тайпален-йоки.) Ей предстояло форсировать серьезную (180 м шириной и 8 м глубиной) водную преграду, левый высокий берег которой был хорошо укреплен, а правый, занятый нашими войсками, прекрасно просматривался противником с наблюдательных пунктов.

Утром 6 декабря провели артиллерийскую подготовку, не нанеся финнам особенного вреда. После чего началось форсирование реки в трех местах, но только в одном из них удалось навести наплавной мост. Поэтому 8 декабря подразделениям 15-го и 222-го стрелковых полков пришлось отойти на правый берег. В этот же день вместо понесшего боль-

шие потери 19-го полка на плацдарм были переброшены 469-й и 674-й полки 150-й стрелковой дивизии.

Но и их попытки прорвать оборону противника не имели успеха: он занимал господствующие высоты и расстреливал наступавших почти как на стрельбище. Неудачными были попытки продвинуться вперед и для 469-го и 756-го полков, частей 142-й дивизии.

Везде ситуация повторялась с поразительной точностью: дивизия выходила к главной полосе, многократно атаковала позиции противника без необходимой разведки, пехота останавливалась у надолбов, где отсекалась от танков пулеметным огнем, залегала, несла потери, мерзла и, обремененная, отходила в наспех отрытые окопы. Прорыв танкистов также заканчивался неудачей: не подкрепленные пехотой танки врывались в глубину укреплений противника, попадали на минные поля и расстреливались артиллерией либо, израсходовав боезапас и горючее, возвращались назад.

Финский генерал Х.Эквист, командовавший одним из корпусов армии «Карельский перешеек», писал впоследст-

вии: «Массы легких танков, вводившихся в бой русскими в начале войны, не производили какого-либо впечатления на нашу оборону, их пропускали в глубину. Погоня за ними превратилась в спорт».

Один из участников тех боев, майор С. Степанов, написал впоследствии: «Одной храбростью, отвагой и мужеством не возьмешь укреплений врага. Для преодоления «линии Маннергейма» помимо бесстрашия требовались высокая организованность, выучка и взаимодействие всех родов войск».

Только 30 декабря был отдан приказ о временном переходе к обороне и тщательной подготовке нового наступления.

Финны тоже использовали передышку — стоили новые укрытия для своих немногочисленных орудий, маскируя их сверху белыми полотнищами, возводили ложные позиции, делали завалы и минные поля.

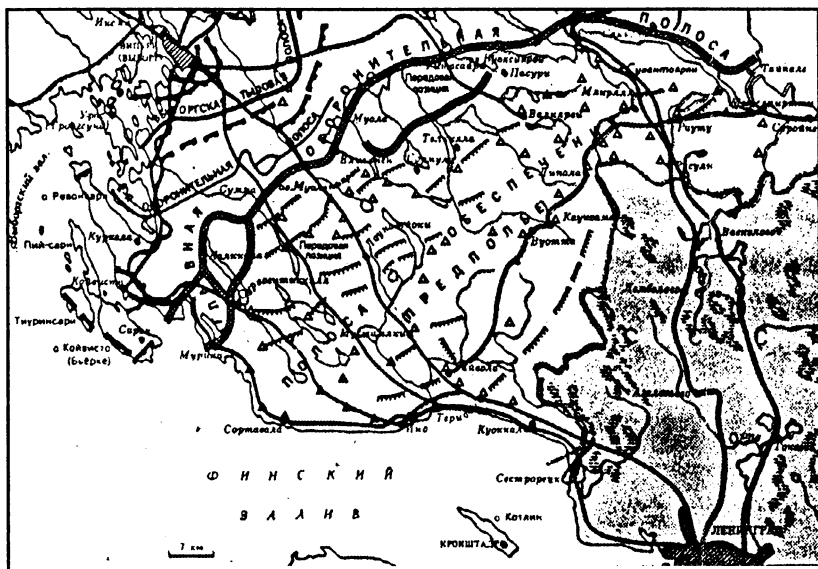
Тем временем советское командование сосредоточило здесь огромные силы. Общая численность их превышала 700 тысяч солдат и командиров, более 5700 орудий и минометов (из них более 4200 — калибром 76 мм и выше), 1800 самолетов и более 2300 танков, среди которых были и первые образцы знаменитых «КВ». Войскам фронта противостояла «армия Эстермана» — всего около 100 тысяч человек, 460 орудий и минометов, 200 самолетов и 25 танков.

В тылу советских дивизий были сооружены учебные полигоны. Как вспоминал командир 123-й стрелковой дивизии, прорвавшей 11 февраля 1940 года «линию Маннергейма», комбриг Ф. Ф. Алябушев, «... день и ночь проводились занятия. То, что обнаружилось в систему укреплений противника, мы старались воспроизвести на учебном поле и тренировались в условиях, максимально приближавшихся к боевым. Главное внимание обращали на движение пехоты за огневым валом, взаимодействие с танками и артиллерией».

Штаб Северо-Западного фронта разработал план операции по прорыву «линии Маннергейма», окончательно утвержденный 3 февраля. Он предусматривал нанесение главного удара смежными флангами 7-й и 13-й армий на более чем 50-километровом участке от озера Вуокси-ярви до местечка Кархула силами 14 стрелковых дивизий и 5 танковых бригад.

На план советского командования явно повлияло увлечение основной идеей «Брусиловского прорыва» — преодоления укреплений противника в нескольких местах одновременно, что привело бы к распылению живой силы и артиллерии. Советские стратеги явно не учли разницы между летом 1916-го и зимой 1940-го. В первом случае русские армии

наступали на широком фронте, имея очень небольшое превосходство над противником, располагавшим значительными резервами и территорией для отступления. Теперь же ограниченное пространство Карельского перешейка и недостаточность резервов не позволяли финскому командованию применить стратегический отход.

С начала февраля советская авиация и артиллерия увеличили мощь огня и бомбовых ударов по противнику. Пользуясь огромным превосходством в силах, советские артиллеристы вели огонь, вытаскивая на прямую наводку даже 203-мм гаубицы, которые, согласно всем уставам того времени, должны были находиться в 6–8 км от линии фронта. Несколько выстрелов хватало для того, чтобы гарнизон скрывался в убежище. Бомбардировщики постоянно висели над укреплениями, превращая их в обрезки арматуры и обломки бетона. Конечно, после такой обработки (в некоторых районах было сброшено 80–100 тонн бомб на квадратный километр) боеспособность гарнизонов резко падала: люди теряли слух, зрение, а некоторые сходили с ума.

Тогда же начались и частные операции с целью нащупать слабые места в обороне противника. Наиболее успешно одна из них велась в полосе 100-й стрелковой дивизии, той самой, которая через полтора года овладеет Ельней и станет

Первой гвардейской. 3 февраля подразделения 355-го стрелкового полка стремительным броском преодолели проволочные заграждения и надолбы и окружили один из дотов. Попытки противника уничтожить стрелков артиллерийским огнем не увенчались успехом. С наступлением темноты саперы подвезли несколько зарядов и взорвали часть дота. На следующее утро остатки его гарнизона были сметены ураганным огнем артиллерии. Через день был блокирован и уничтожен еще один.

В 8 часов 40 минут утра 11 февраля 1940 года ураганный огонь советской артиллерии возвестил о начале нового наступления на Карельском перешейке. В 11 часов передовые части ринулись вперед. 245-й стрелковый полк 123-й дивизии при поддержке батальонов 20-й танковой бригады через полтора часа после начала атаки овладел двумя важными высотами и пятью дотами, а соседний 255-й полк с помощью 20-й и 1-й танковых бригад также занял важные позиции.

Контратаки противника легко отразили части введенной из резерва 7-й стрелковой дивизии. К 14 февраля прорыв достиг 8–10 км в глубину и 5 км в ширину. В тот же день была сформирована подвижная группа, которая 16 февраля овладела главным пунктом снабжения противника — железнодорожной станцией Кямьяра.

17 февраля командование армии «Карельский перешеек» отдало приказ об отходе: брешь, пробитую частями 50-стрелкового корпуса в железобетонном щите, закрыть было нечем. 20 февраля командующий армией перешейка Х.Эстерман был отстранен от занимаемой должности, его пост занял генерал А.Э.Хейнрикс. Однако это не спасло положения.

За героизм и мужество, проявленные при прорыве финской обороны, 123-я и 100-я стрелковые дивизии были награждены орденом Ленина, 7-я стрелковая — орденом Красного Знамени. Орденоносными стали многие полки и батальоны. Тысячи участников боев были удостоены орденов и медалей.

Добытый ценой большой крови опыт прорыва «линии Маннергейма» зимой 1939/40 был успешно использован летом 1944 года, когда войска Ленинградского фронта за десять дней вышли к Выборгу.

*П. Александров
(Журнал «Родина»,
№ 12/1995, с. 77–79)*

ДОТы позиции Энкеля

Зимняя война 1939–1940 гг. и «Линия Маннергейма» стали в общественном сознании неразделимыми понятиями. Причем жители Карельского перешейка называют «линией Маннергейма» все, что по их представлениям может иметь отношение к войне и сделано из бетона. Это и ДОТы «Карельского вала», сооруженные финскими саперами и строителями в 1941–1944 гг., и казематы КаУРа (Карельского укрепрайона) – плод титанического труда красноармейских фортификаторов, начатого еще в конце 20-х годов, продолженного в 50-е и еще ждущий своих исследователей, и даже гражданские постройки.

А между тем название «Линия Маннергейма» родилось на страницах финской и европейской прессы для обозначения рубежа на Карельском перешейке, на котором были остановлены дивизии советского вторжения. Собственно же система долговременных укреплений на Перешейке в финской военно-исторической литературе носит название «Позиция Энкеля» – по фамилии ее строителя генерал-майора Р. О. Энкеля. Попутно отметим, что линия фронта, на которой на полтора месяца задержались советские войска, на 70% своей протяженности соприкоснулась с этой линией укреплений.

Скелет «позиции Энкеля» составляли долговременные огневые точки (ДОТы). Они были разных лет постройки: от примитивных, с минимумом арматуры каменно-бетонных казематов начала 20-х годов, до весьма мощных и сложных по конструкции сооружений 1936–1939 гг. Наиболее крупные из них получили из-за своей непомерной для того в те годы бюджета Финляндии стоимости (100 марок за 1 кубометр) название «миллионных дотов», «миллионеров» («миллионников»). Число их не превышало десятка из более, чем 190 ДОТов главной оборонительной полосы «позиции Энкеля». «Миллионеры» сооружались на наиболее опасных, с точки зрения возможного направления прорыва советских войск, участках.

Одним из них являлся район между шоссе Териоки (Зеленогорск) – Виипури (Выборг) и железной дорогой Ленинград–Виипури. Через него проходила единственная дорога, связывавшая два дорожных узла – село Бобошино (Каменка) и станцию Кямья (Гаврилово).

11 декабря 1939 г. части 123-й стрелковой дивизии (СД) в ночном бою заняли Бобошино. 12 декабря передовой 245-й

рехватывал пояс надолб и проволочных заграждений. Встреченные ружейно-пулеметным огнем подразделения, проводившие разведку боем, понеся серьезные потери, отошли на исходные рубежи: было ясно, что финны через эту лощину постараются никого не пропустить.

На 15 декабря было назначено общее наступление. Подтянувшаяся артиллерия обстреляла надолбы, танки рванулись вперед, пехота — за ними. То, что произошло в последующие 5 дней в этой мало кому доселе известной лощине, требует отдельного описания. Оставив на поле боя около 20 подбитых танков, потеряв свыше 1800 убитых и раненых, 123-я СД была вынуждена на 2 месяца остановить свое победное наступление и перейти к обороне. Каждый день финны вводили в бой все новые и новые огневые точки. Вскоре стало ясно, что часть из них является ДОТаи. Один сравнительно быстро удалось обнаружить на высоте 65,5 (ему присвоили номер 006), сложнее было с другим, хорошо замаскированным на возвышенности у озера Сумма. Последний, получивший номер 0011, прикрытый с фронта огнем ДОТа 006, фактически контролировал всю лощину и подступы к высоте 65,5. Эту лощину красноармейцы быстро окрестили «долиной смерти».

Что же представлял собой этот ДОТ? Каменистая возвышенность «Палец» («Язык») протянулась с севера на юг почти на 700 м. В северной, возвышающейся над озером на 15–17 м части гряды, летом 1938 г. начались строительные работы. В отличие от дотов серии «Инкеля» (монолитных), ДОТ 0011 строился в несколько этапов, так называемыми «плавающими секциями». Отрывался на глубину 8–10 м котлован, заливался фундамент, ставился арматурный каркас, секционная опалубка и производилась послойная заливка бетоном. По окончании работ переходили к возведению следующей секции. В отличие от дотов 20-х годов, арматура в дотах 1936–1939 гг. была значительно тоньше. Это делало железобетон излишне «мягким», как отмечал известный советский фортификатор генерал Д. М. Карбышев, обследовавший летом 1940 г. все захваченные финские ДОТы. Эта слабость железобетона стала причиной успешной «долбежки» ДОТов орудиями, выведенными на прямую наводку. Не поправило положение и то, что в дотах 1936–1939 гг., используя бетон «600», финским военным инженерам удалось увеличить сопротивление сжатию до 450 кг/кв. м (в более ранних моделях дотов — 350 кг/кв. м). Потолочные перекрытия были рассчитаны на сопротивление сжатию до 550 и даже 600 кг/кв. м и могли выдерживать отдельные попадания

280-мм снарядов. В результате расчетов и испытаний, которые, кстати, проводились в 30-е годы рядом с высотой 65,5 были определены требования к подобным сооружениям:

толщина стен боевых казематов — 130 см

крыша казармы (туннеля) — 60–80 см

боковые, вспомогательные стенки — 30 см

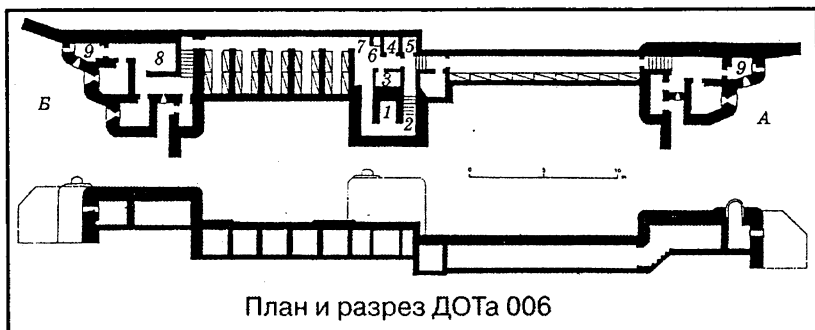
После окончания бетонных работ производилась засыпка сооружения. На потолочное перекрытие укладывался слой песка в 2–3 метра, 1,3–1,5 м камней, причем передняя часть казематов и наблюдательный пункт (НП) покрывалась 5-метровым, а задняя — 2-метровым слоем валунов.

В конструктивном плане ДОТ 0011 представлял собой капонир с казематами системы «ля Бурже» фланкирующего и косоприцельного огня. Западный каземат (А) (см. схему) простреливал все заболоченное пространство до озера и его северный берег. Восточный каземат (Б) держал под прицелом весь западный склон высоты 65,5, подходы к ДОТу 006 и дорогу на станцию Кямряя. Казематы имели соответственно 1 и 2 пулемета системы Максима обр. 1910 г., установленных на специальных казематных станках. Имелись также амбразуры ближнего боя для ведения огня из винтовки, автомата или ручного пулемета. В случае опасности амбразуры закрывались броневыми заслонками, рассчитанными на сопротивление 37-мм снарядом. Оба каземата были снабжены специальными прожекторами, дававшими узкий луч света. Их включали после получения тревожного сигнала от электрических датчиков в проволочных ограждениях или по просьбе подразделений, занимавших прилегающие к высоте позиции (полевое заполнение).

Над каждым казематом, как и на наблюдательном пункте, были установлены бронеколпаки. Толщина стенок колпака составляла 18–20 см. Смотровые щели (2,5x20 см) обеспечивали наблюдателям круговой обзор и в случае опасности могли закрываться вращающейся внутри на роликах стальной полосой толщиной около 3 см практически без малейшего зазора. Наблюдатель поднимался по прикрепленной к стене лесенке и оказывался стоящим внутри купола на специальной платформе. При необходимости там могли находиться 2 человека, имея телефонную связь с командиром укрепления.

19 декабря во время обстрела финских позиций из 280-мм мортир одним из снарядов был сбит бронеколпак на НП. ДОТ со стороны фронта «ослеп». Срочно прибывшее фортификационно-ремонтное подразделение под командованием прапорщика К. Хелминена приступило к работе. Были сняты

остатки колпака, в отверстие вставлен перископ, а основание армировано и залито свежим горячим бетоном. Работать ремонтникам приходилось лежа на животе под непрерывным пулеметным огнем красноармейцев. Бетон в ведрах через вспомогательный вход НП подавали из ДОТа.

Под блоком наблюдательного пункта находилось 3 помещения. Одно (1) — занимал командир укрепления, рядом с ним, под лестницей, ведущей на НП и к вспомогательному выходу, было рабочее место связиста (2). В помещении (3) находился склад боеприпасов. Напротив располагался продуктовый склад (4) и склад дров и хозяйинвентаря (5). Рядом был оборудован колодец, откуда брали воду для приготовления пищи и охлаждения пулеметов (6). Несколькими ступенями ниже находилась кухня, в которой имелась кирпичная плита с тремя конфорками и рабочим столом (7).

Питание прожекторов (9) и электрическое освещение ДОТа предусматривалось от бензинового «движка» и электрогенератора (8). Освещение жилых помещений, где находились двухъярусные нары на 40 человек, а также туннеля с двухъярусными нарами для отдыха внешнего боевого охранения также обеспечивалось движком, а в случае остановки последнего — керосиновыми лампами.

Специальной системы отопления ДОТ не имел, хотя не исключено, что в сильные морозы могли использоваться какие-либо тепловые элементы вроде жаровен. Воздухоочистительная система состояла из ручных вентиляторов для проветривания помещений и пассивного забора воздуха через очистительные фильтры.

На случай захвата противником отдельных секций ДОТа была предусмотрена блокировка их стальными дверями. На этот же случай, а также для оперативной связи ДОТ 0011 был связан телефонным кабелем глубокого залегания

с ДОТом 006, центром управления артиллерийским огнем узла сопротивления, командным пунктом 8-го пехотного полка. Эта кабельная сеть глубокого залегания была создана еще в 20-е годы, часть ее связывала огневые точки и НП тех лет постройки, а остальная — законсервирована.

Место для ДОТа 0011 выбиралось очень тщательно. Непосредственно перед высотой с юга, частично с востока и с запада до озера простирались болота, через которые протекал незамерзающий ручей. Местность к востоку от высоты, наоборот, покрытая редким лесом, представляла собой ровное пространство с незначительным подъемом к идущей с севера на юг дороге Кямря — Бобошино. Финским строителям потребовалось провести минимум фортификационных работ для того, чтобы максимально затруднить подход к ДОТу бронетехники и пехоты противника,

Западный склон «Пальца» был срезан, и там оборудовали 2,5-метровый эскарп, на речке Майя-йоки (Лиснянка) осенью 1939 г. построили насыпную плотину, что позволило поднять уровень воды на 1,2 м и произвести подтопление местности перед высотой. Кроме того, перед высотой отрыли противотанковый ров, который потом пересекал ее.

Несколько севернее рва на возвышенности брала начало 4-х рядная полоса гранитных, сравнительно невысоких надолб. Последние были опутаны колючей проволокой, закрепленной на низких металлических кольях. Далее в 15—20 метрах шло 4-х рядное проволочное ограждение перед пехотными позициями, заполнявшими промежутки между ДОТа 0011 и 006.

Точное месторасположение «Миллионера» удалось выявить командиру отделения Парминову в конце декабря, во время одного из разведывательных ночных рейдов-поисков за линией финских траншей. Попытка разрушить обнаруженный ДОТ артиллерией большого калибра не принесла ДОТу сколько-нибудь заметных повреждений. Крепость оставалась неуязвимой.

В конце декабря финны заменили один из пулеметов восточного каземата на 37-мм противотанковую пушку «Бюффорс» шведского производства образца 1936 г., а в январе в помещении, где находился прожектор, установили 12,7-мм противотанковое пятизарядное ружье системы Бойса. Получив в декабрьских боях кровавый урок, 123-я СД больше не предпринимала массированных атак пехотой, зато танки, особенно Т-27 и Т-35 доставляли финнам все больше и больше хлопот...

К середине января на соседних участках фронта был отработан новый способ борьбы с ДОТами. Танки подвозили к ДОТу бронесани со взрывчаткой и блокировочной группой, а сами корпусом закрывали амбразуры. Блок-группа и приданные ей подразделения выбивали противника из прилегающих траншей и окопов, окружали ДОТ и укладывали на крышу взрывчатку. Но многочисленные попытки уничтожить подобным образом «Миллионер» лишь увеличивали число потерь среди красноармейцев и танков. Особенно большие потери несла бронетехника от использования финнами бутылок с зажигательной смесью — «коктейля Молотова», как окрестили финские окопные острословы это весьма эффективное оружие.

11 февраля после 2,5 часовой артиллерийской подготовки, в которой было задействовано свыше 100 орудий, включая и 280-мм мортиры, части РККА в 12 часов перешли в наступление. 255-й СП наступал на высоту «Палец» («Язык»). 272-й СП, 123-й СП шли во втором эшелоне. Им противостояли 2 батальона, понесшие большие потери от артподготовки. Непосредственно высоту «Палец» обороняла рота 11-го батальона под командованием лейтенанта Эриксона.

В 12 час. 30 мин. красноармейцы захватили высоту 65,5, а в 13 часов прогремел взрыв, уничтоживший ДОТ 006. По другому разворачивались события на высоте «Палец». Двигавшиеся вместе с атакующими блокировочные группы младших лейтенантов Маркова и Емельянова несли большие потери и были вынуждены залечь в надолбах. Подбитые танки застряли в проделанных в надолбах проходах, загордив дорогу другим, а успевшие проскочить — горели. Финны то и дело переходили в контратаки.

Только после ввода в бой 272-го СП с западной стороны высоты, удалось выбить финскую пехоту из траншей и блокировать западный каземат. Началась укладка ящиков со взрывчаткой на его крышку. Гарнизон ДОТа перешел в восточную часть, закрыв за собой все двери, но даже после произведенного взрыва финны не оставили попыток отбить ДОТ. Их атаки следовали одна за другой. Лишь около 4 часов ночи прапорщик Скаден с командой покинул ДОТ. Советские саперы спешно начали готовить ДОТ к взрыву, подтаскивая ящики со взрывчаткой к стенам восточного каземата. Вскоре 2 тонны тротила превратили «Миллионер» в развалины.

В. И. Смирнов
(Альманах «Цитадель»)

Советские танки в «зимней войне»

Применение в этой войне различных родов войск представляет несомненный интерес в силу своей уникальности. В частности, это единственный в истории войн случай использования большого числа танков для прорыва сильно укрепленных позиций в условиях суровой северной зимы.

* * *

К ноябрю 1939 года войска Красной Армии располагали четырьмя танковыми корпусами по две танковых и одной стрелково-пулеметной бригаде в каждом, тридцать одной отдельной танковой бригадой и большим числом отдельных танковых батальонов в составе стрелковых дивизий. Первоначально для действий против Финляндии использовались один танковый корпус (ТАК), пять танковых бригад (ТБР) и 27 танковых батальонов, большая часть которых действовала в направлении главного удара на Карельском перешейке в составе 7-й армии и группы комкора Грендаля (впоследствии 13-й армии).

Вся территория Карельского перешейка была покрыта крупными лесными массивами, допускавшими движение танков только по дорогам и просекам. Реки и озера с болотистыми или круглыми берегами, овраги, не замерзающие болота, валуны — все это представляло для танков труднопроходимые естественные препятствия. Дорог было мало, и это еще больше затрудняло использование танковых частей; движение даже по проходимым участкам леса требовало от механиков-водителей высокого мастерства. Кроме того, суровая зима 1939–40 гг. с морозами, достигавшими в середине января 40–45 градусов, и снежным покровом толщиной 90–100 см создала дополнительные трудности в применении танков.

Естественные препятствия были усилены финнами, создавшими систему мощных укреплений, известную под названием «линия Маннергейма». Она состояла из полосы заграждений (предполья), главной и второй оборонительных полос и большого числа отдельных позиций и узлов обороны. «Линия Маннергейма» имела множество мощных железобетонных ДОТов и противотанковых инженерных заграждений: надолбов, противотанковых рвов, эскарпов, «волчьих ям» и минных полей. Все это прикрывалось хорошо продуманной системой артиллерийского и пулеметного огня.

Действия советских танков на Карельском перешейке условно можно разделить на три этапа. Первый этап (с 30 ноября 1939 г. по 1 февраля 1940 г.) — преодоление предполья и выход к основной оборонительной полосе; второй (с 1 февраля по 25 февраля 1940 г.) — подготовка к прорыву и прорыв главной оборонительной полосы; третий этап (с 28 февраля по 13 марта 1940 г.) — развитие прорыва и штурм Выборга.

К моменту перехода границы насыщение танками войск 7-й армии и группы Грендаля было значительным: на девять стрелковых дивизий (СД) приходилось шесть ТБР, одна стрелково-пулеметная бригада (СПБР) и десять отдельных танковых батальонов (ОТБ) — всего 1569 танков и 251 броневая автомобиль. 1-я, 13-я ТБР и 15-я СПБР, входившие в состав 10-го ТАК, и 20-я ТБР в составе 19-го стрелкового корпуса использовались для самостоятельных действий. Остальные бригады были побатальонно распределены между стрелковыми дивизиями.

Все танковые бригады, кроме 40-й, сформированной из 2-го запасного танкового полка, были кадровыми. Состояние боевых машин было удовлетворительным, хотя в ряде танковых бригад матчасть была сильно потрепана маршами по 500–800 км, совершенными во время выхода на эстонскую и латвийскую границы в октябре 1939 г., а затем и на Карельский перешеек. Экипажи имели хорошую огневую и тактическую подготовку, особенно хорошо были подготовлены механики-водители. Весь личный состав, командиры и политработники отлично знали друг друга, что было немаловажным в боевых условиях. Однако было слабо отработано взаимодействие с пехотой и артиллерией, и особенно слабо поставлена разведка.

Слабей и неорганизованней вышли на войну отдельные танковые батальоны стрелковых дивизий. Бойцы, командиры и политработники еще толком не знали друг друга, вопросы взаимодействия были отработаны хуже, чем в танковых бригадах. Батальоны состояли из машин разных марок, — в основном старых выпусков, — многие из которых требовали ремонта. Большинство командиров стрелковых дивизий совершенно не понимало природы танкового боя и не знали возможностей бронетехники. В результате с началом боевых действий командиры стрелковых дивизий использовали свои отдельные танковые батальоны для охраны штабов и делегатской службы. Пехота же была воспитана в вере в способность танков самостоятельно сокрушить любые укрепления и уничтожить любого врага.

Первый период боев характеризовался «польским» настроем войск: все рассчитывали, что неудержимый бросок вперед не встретит особого сопротивления финнов. Однако активная оборона финских войск, опиравшихся на мощную полосу заграждений, уже на третий день сильно сбавила темп наступления Красной Армии. К этому времени стало очевидно, что без танков пехота в атаку не идет даже при поддержке артиллерии всех калибров.

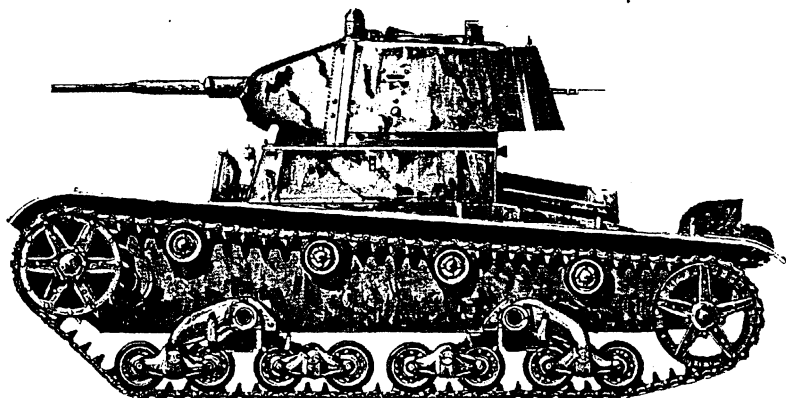
На всем пути к основной оборонительной полосе отставание пехоты от танков было систематическим. Танкисты вынуждены были сами, под прикрытием своего огня, проделывать проходы в надолбах и эскарпах, отыскивать и уничтожать цели и возвращаться за пехотой, чтобы вести ее вперед.

Плохое взаимодействие различных родов войск было вообще «большим местом» Красной Армии в первый период войны. Иногда же это служило причиной возникновения чрезвычайных происшествий. Так, в декабре 1939 г. из-за отсутствия договоренности между батальоном 35-й ТБР и танковым батальоном 90-й СД под Липола танки 35-й ТБР открыли огонь по танкам ОТБ, расстреляв три машины и выведя из строя пять человек. По той же причине в первых числах февраля танки 20-й ТБР обстреляли свою пехоту, что тоже привело к жертвам. Вопросы взаимодействия были удовлетворительно отработаны только к началу прорыва главной оборонительной полосы.

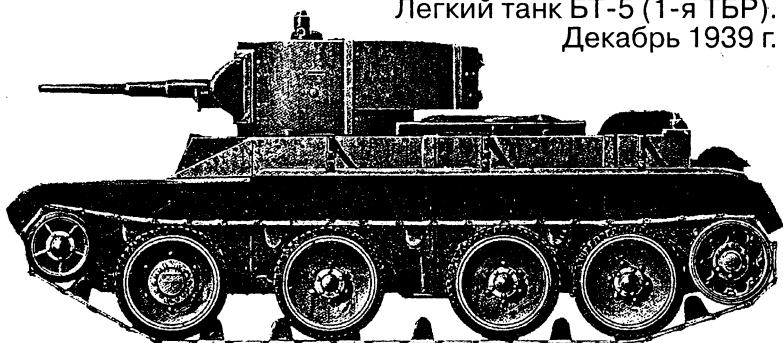
В первые дни войны командование 7-й армии пыталось использовать 20-ю ТБР и 10-й ТАК для форсированного продвижения вперед и быстрее разгрома финнов вне связи с пехотой. 1 декабря 1939 г. на правом фланге был введен в бой 10-й ТАК с задачей: внезапным броском захватить переправы через реку Вуокса и, оставив заслон, повернуть на запад. А затем, соединившись с 20-й ТБР, наступавшей в центре, окружить и уничтожить финские войска в восточной части Карельского перешейка. Корпус действовал побригадно, усилив танковые бригады стрелково-пулеметными батальонами. К 15 декабря 1939 г. корпус вышел к переправам, уничтожив противника. Однако мосты через реку Вуокса были взорваны, и финны встретили 1-ю и 13-ю ТБР огнем с главной оборонительной полосы. К тому же части корпуса были вынуждены преодолеть зону сильных заграждений — они прошли до 10 рвов и эскарпов и до 20 линий надолбов, что значительно снизило темп наступления. Момент внезапности был утерян, блестяще задуманного броска танков по финским тылам не вышло, и 6 декабря 1939 г. корпус был выведен в армейский резерв.

Легкий танк Т-26 (35-я ТБР).
Февраль 1940 г.

Легкий танк БТ-5 (1-я ТБР).
Декабрь 1939 г.

Средний танк Т-28 (20-я
ТБР). Март 1939 г.

В результате этих операций командование Красной Армии убедилось, что самостоятельное применение крупных танковых частей в условиях финского театра боевых действий невозможно.

К 5 декабря 1939 г. части Красной Армии преодолели полосу заграждений и вышли к главной оборонительной полосе на всем ее протяжении. Попытки преодолеть ее с хода, без подготовки, не увенчались успехом, так как из-за плохо поставленной разведки войска не имели сведений о характере укреплений. Особо тяжелые бои развернулись на высоте 65,5 и в районе Сумма-Хоттинен. 16 декабря 1939 г. командир 138-й СД доложил в штаб 50-го стрелкового корпуса, что «противник оставил Хоттинен и бежит». Командир корпуса комкор Горленко без проверки этого отдал приказ — артподготовку отменить, уйти с дорог и пропустить вперед для преследования 10-й ТАК, нацеленный побригадно в двух направлениях. Узнав об этом, начальник Автобронетанкового управления Красной Армии Д. Г. Павлов лично выехал на поле боя и выяснил, что пехота 138-й СД ночью отошла, а финны расстреливают из минометов нашу артиллерию, оказавшуюся без прикрытия.

Для выяснения обстановки вперед были брошены две роты танков, которые обнаружили наличие мощных ДОТов и противотанковых препятствий, прикрытых хорошо продуманной системой огня. Ценой невероятных усилий удалось остановить выходящие в бой батальоны 1-й и 13-й ТБР, не пустить их на верную гибель.

* * *

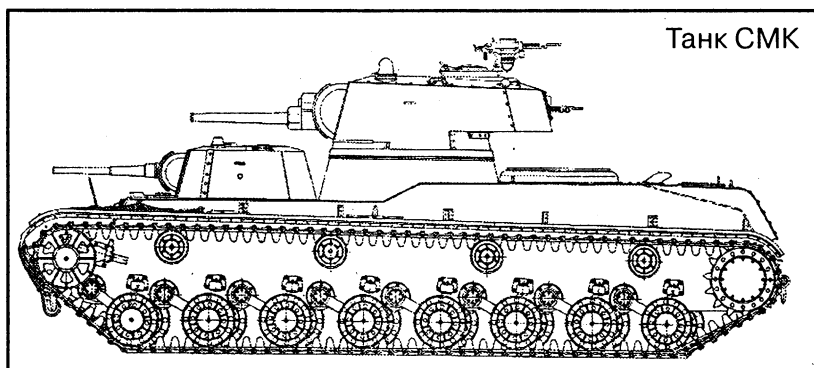
Танки СМК, Т-100 и опытный КВ составили роту тяжелых танков, включенную в состав 91-го танкового батальона 20-й тяжелой танковой бригады. Командиром роты назначили капитана Колотушкина. 17 декабря 1939 г. рота вступила в бой в районе Хоттинен.

Во многих отечественных и зарубежных публикациях история боевого применения СМК и Т-100 описана достаточно подробно. Общий смысл ее везде почти одинаковый и сводится примерно к следующему.

Двигаясь во главе танковой колонны, СМК наехал на груды ящиков, под которыми находился замаскированный фугас. Взрывом повредило ленивец и гусеницу, и танк встал. Т-100 и КВ встали рядом, прикрыв подбитый СМК. Пользуясь этим, экипаж СМК пытался в течение нескольких часов

поставить машину на ход. Однако сделать этого не удалось, и SMK пришлось оставить на нейтральной полосе. Далее из книги в книгу кочует детективная история о том, как отважные финские разведчики пробрались к танку и ухитрились снять крышку люка механика-водителя. А эта крышка, сделанная из обычной (неброневой) стали, так как кондиционную прислать не успели, попала потом к немецким инженерам, которые решили, что SMK целиком сделан из сырой брони. И это якобы сыграло большую роль в одержании победы над немецко-фашистскими войсками.

Однако исследования архивных документов показывают, что все вышесказанное не соответствует действительности. Первый раз рота тяжелых танков вступила в бой 17 декабря 1939 г., в районе Хоттиненского укрепрайона финнов. Однако атака закончилась неудачно. На следующий день атака было повторена дважды и вновь безрезультатно. Причем, во время последней атаки, у танка KV был прострелен ствол орудия. Машина встала на ремонт.

Танк SMK

19 декабря SMK и T-100 получили задачу поддержать наши части, которые прорвались в глубину финских укреплений в районе Хоттинен. Обе машины выступили вперед в сопровождении пяти танков T-28. Танки были уже далеко в глубине обороны противника, когда под шедшим впереди SMK прогремел сильный взрыв. Рядом с подбитым танком остановился T-100 и один T-28, а остальные четыре машины ушли вперед и скрылись за поворотом. Экипаж SMK пытался спасти танк, соединил разбитые гусеницы, но завести машину не сумел. Многочисленные попытки T-100 взять на буксир поврежденный SMK не увенчались успехом: из-за гололедицы гусеницы «согки» пробуксовывали и сдви-

нуть с места танк не удалось. Не удалось сдвинуть СМК и совместными усилиями «сотки» и оставшегося Т-28. В течение пяти часов танки вели бой в глубине финских позиций. В этом бою был тяжело ранен сержант Могильченко и легко ранен водитель Игнатьев. Расстреляв весь боезапас, экипаж СМК перебрался на Т-100. Перегруженная «сотка» (с 15 членами экипажа!) в сопровождении танка Т-28 вернулась в расположение 20-й танковой бригады. За этот бой экипажи машин были награждены орденами и медалями.

Потеря опытного танка вызвала гнев у начальника АБТУ Д. Г. Павлова. По его личному приказу 20 декабря 1939 г. для спасения секретной боевой машины были выделены рота 167-й МСБ и 37-я саперная рота, усиленные двумя орудиями и семью танками Т-28. Командовал отрядом капитан Никуленко. Отряду удалось прорваться за финские надолбы на 100–150 м, где он был встречен сильным артиллерийско-пулеметным огнем. Потеряв убитыми и ранеными 47 человек, отряд отошел на исходные позиции, не выполнив приказа.

Поврежденный СМК простоял в глубине финских позиций до конца февраля 1940 г. Осмотреть его удалось только 26 февраля, после прорыва главной полосы «линии Маннергейма». В начале марта 1940 г. СМК с помощью шести танков Т-28 отбуксировали на станцию Перк-Ярви и в разобранном виде отправили на Кировский завод. По заданию АБТУ РККА завод должен был отремонтировать танк и передать его на хранение в подмосковную Кубинку. Но по ряду причин ремонт произведен не был. СМК пролежал на задворках завода до 50-х гг., после чего пошел в переплавку.

Что же касается истории со злополучной крышкой люка, то все это фантазия чистой воды. Во-первых, крышка была изготовлена из броневой стали, как и весь остальной танк. Во-вторых, при освобождении захваченного района и осмотре танка крышка была на месте. И в-третьих, финским разведчикам не нужно было, рискуя жизнью, проникать в СМК и что-то с него скручивать. Машина стояла в глубине финских позиций и при необходимости они могли спокойно разобрать танк на части и вывезти его. Ведь сумели же они с помощью пленных танкистов отремонтировать и отбуксировать в тыл два Т-28, а в качестве запчастей для них снять и увезти со многих танков, подбитых в том же бою, что и СМК, не только оптические приборы, радиостанции, элементы внутреннего оборудования, но и башни, двигатели, радиаторы, коробки перемены передач и т. д. Без сомнения, финское командование

в качестве трофеев интересовали прежде всего серийные Т-28, которые можно было восстановить и использовать, нежели какая-то машина неизвестного типа, одиноко стоящая в 50 метрах от штаба Хоттиненского укрепрайона.

* * *

17 декабря начались атаки танков и пехоты под прикрытием артиллерии, бившей по площадям. Но каждая атака заканчивалась тем, что как только финны открывали пулеметно-минометный огонь, советская пехота, бросая танки, в панике бежала. Если же пехоте все же удавалось занять очищенный танками район, то с наступлением темноты она отступала. Например, в ночь на 23 декабря для охраны штабов полков и штаба 138-й СД от нападения мелких групп противника были использованы танки 35-й ТБР, поскольку стрелковые части в беспорядке оставили свои позиции и открыли подходы к КП. Пехотные командиры были настолько неуверены в своих подчиненных, что пехотные задачи ставили танкам и требовали их выполнения, грозя расстрелом.

Так, по донесениям командования 40-й ТБР, командир полка 24-й СД приказал танкам нести службу ночного боевого охранения у надолбов противника, грозя в случае отступления забросать машины гранатами. (Надо отметить, что такое положение сохранялось до конца войны. 12 марта 1940 г. 1-я легкотанковая бригада была придана 91-й СД с задачей овладеть Костела и Авунен. Весь день батальоны бригады прокладывали путь пехоте, преодолевая надолбы и минные поля, неся значительные потери. Пехота же в это время не только не продвигалась вперед, но даже не вела огня, и посаженная на танки, при первом же обстреле разбежалась. Поэтому начальник штаба 91-й СД по просьбе танкистов выделил небольшую группу бойцов, щедро обещая награды тем, кто на ночь останется на занимаемом танками рубеже.)

Атаки, продолжавшиеся до 20 декабря 1939 г., закончились безрезультатно. Основной причиной, без сомнения, являлось нежелание пехоты идти вперед. Так, 19 декабря два батальона 20-й ТБР при поддержке частей 138-й СД и дивизионной артиллерии атаковали Хоттиненский укрепленный район.

Танкисты, буквально «подлезая» под свой артогонь, прошли две полосы заграждений, «оседлали» укрепрайон и продвинулись на глубину до 3 км, фактически прорвав главную полосу финской обороны. Когда же танкисты потребовали от пехоты броска вперед для занятия ДОТов, финны откры-

ли минометный огонь, и пехота в панике быстро отступила. Финны сначала были настолько подавлены, что даже не вели пулеметного огня и лишь увидев, что танки остались одни, подтянули противотанковые орудия и начали расстреливать машины с флангов и с тыла. Батальоны вели бой до темноты, а затем вернулись на исходные позиции, потеряв 29 боевых машин.

Другие танковые бригады все эти дни яростно атаковали по приказу пехотных начальников, неся большие потери. И практически везде пехота в атаку не шла. 8 декабря при атаке Вяйсянен был случай, когда после приказа «В атаку!» танки 40-й ТБР двинулись вперед, а пехота лежала и кричала «Ура», но за танками не шла. Оскорбленный таким поведением пехоты, военком 112-го батальона 35-го ТБР запрашивал начальника политотдела 13-й СД: «Неужели у нас вся пехота такая трусливая?» Мало того, что танкисты вели в бой свои танковые части, — нередко, выйдя из машин, они возглавляли пехоту... Так, 17 декабря 1939 г., поднимая в атаку части 123-й СД, был тяжело ранен командир 35-й ТБР полковник Кошуба. Стало ясно, что до тех пор, пока не будут подтянуты резервы, пока пехота не пополнится и не научится взаимодействовать с танкистами, успех сомнителен. К концу декабря танковые бригады были выведены в тыл для пополнения, восстановления матчасти и боевой подготовки.

31 декабря 1939 г. в Ленинградском горкоме ВКП (б) под председательством А. А. Жданова было проведено специальное совещание Военного совета Ленинградского военного округа, на котором рассматривалось много предложений по усовершенствованию танков. Так как испытание 30 декабря доэкранированного образца танка Т-26 дал положительный результат, завод № 174 и Кировский завод получили задание на оснащение боевых машин дополнительной броней толщиной 30—40 мм. Всего до конца войны части 7-й и 13-й армий получили 80 экранированных танков. Кроме этого, совещание постановило начать производство дисковых тралов, предназначенных для преодоления танками минных полей, а также отремонтировать опытные образцы танков, пригодных для действий на Карельском перешейке.

Для более успешных действий пехоты Ижорский и Кировский заводы в январе-начале февраля 1940 г. изготовили более 55 тыс. бронещитков на лыжах для одиночных бойцов и 250 танковых бронесаней Соколова. Сани предназначались для перевозки отделений пехоты под огнем и отцеплялись от буксирующего его танка при подходе к позициям противника.

Тем временем на фронте шла усиленная боевая подготовка, отрабатывалось взаимодействие танков с пехотой и артиллерией. Командование танковых бригад посылало в стрелковые части лучших танкистов, рассказывавших бойцам о том, как надо действовать совместно с танками. Пехотинцы привыкли пользоваться боевыми машинами как бронированной стеной, не отрываться от них в атаке, ведь многие красноармейцы считали, что весь огонь противника сосредоточен на танках и что поэтому безопаснее следовать от них на расстоянии. На деле же финны легко отсекали пехоту огнем от бронемашин.

Чтобы исправить это ошибочное представление, бойцов сажали в сделанные из снега ДОТы и заставляли их смотреть на поле боя через «амбразуры» глазами противника. «Смотри, вон за танками ползут пехотинцы. Собрази сам, кого легче поразить из ДОТа — отставших от танков или ползущих рядом с ними?»

Действия пехоты сильно затруднял глубокий снежный покров. Однако эта проблема была остроумно решена. При движении танков в атаку по снежному полю за каждой машиной оставались две глубокие узкие колеи. Пехотинцы с успехом пользовались этими дорожками, чтобы ползти в них на боку вслед за танком, укрываясь от пуль. Этот способ был узаконен: механики-водители получили приказ не давать во время атаки заднего хода, чтобы не раздавить ползущих за танком солдат.

Всего с 30 ноября 1939 г. по 1 февраля 1940 г. войска Северо-Западного фронта потеряли в боях 540 танков; еще 570 танков вышло из строя по техническим причинам. То есть всего за первый период войны было потеряно 1110 боевых машин. Большие потери по техническим причинам объяснялись перенапряженной эксплуатацией в трудных условиях местности, низким качеством ремонта в полевых условиях и несоблюдением его сроков.

К началу второго периода, к февралю 1940 г., на Северо-Западном фронте было 1558 танков и 257 броневых автомобилей. Число танковых частей увеличилось за счет двадцати танковых батальонов стрелковых дивизий.

В период подготовки к прорыву главной полосы «линии Маннергейма», с 1 по 11 февраля, войска проводили активную разведку боем, которая вылилась в ряд частных, однако крупных операций. Особенно сильные бои развернулись за Хоттиненский укрепленный район. Здесь батальоны 20-й и 35-й ТБР, поддерживая части 110-й СД, продвинулись впе-

ред, уничтожив часть ДОТов и выявив всю систему противотанкового огня финнов. Несмотря на большие потери (только 20-я ТБР потеряла здесь 59 танков), главным результатом было то, что атаки Хоттиненского укрепрайона сковали противника и вынудили его перебросить сюда войска с других участков, что способствовало прорыву главной полосы в районе высоты 65,5. В этот период танки стали тесно взаимодействовать с пехотой, артиллерией и саперами на переднем крае и в тактической глубине обороны финнов.

Одной из важнейших задач, решаемых танками, было их участие в составе блокировочных (штурмовых) групп по захвату и уничтожению ДОТов. Как правило, в состав каждой блокировочной группы включалось три пушечных и три огнеметных танка, взвод саперов, взвод или рота пехоты, два станковых пулемета или одно-два орудия. Чаще всего работа велась в ночное время. Взрывчатка подвозилась танками на бронесанях Соколова (для подрыва ДОТа требовалось от 1000 до 3000 кг ВВ).

Пушечные танки огнем по амбразурам и прилегающим к ДОТам траншеям обеспечивали подход огнеметных танков, которые заливали амбразуры и двери ДОТов огнесмесью и поджигали ее. В это время саперы вели работу по подрыву, а пехота прикрывала саперов от контратак финнов. В первое время действия штурмовых групп были неудачными, так как атаке подвергался какой-то один ДОТ, и танки расстреливались огнем соседних огневых точек. В последующем, когда атаковали сразу три-четыре близлежащих ДОТа, действия блокировочных групп стали более успешными. Особенно удачно эти группы действовали на участках 39-й и 20-й ТБР.

С помощью блокировочных групп удалось ослабить оборону финнов и подготовиться к прорыву главной полосы. В районе высоты 65,5 особенно успешно действовала 1-я рота 91-го батальона 20-й ТБР под командованием старшего лейтенанта Хараборкина, приданная стрелковому батальону капитана Сороки из 123-й СД. Хараборкин предложил пехотинцам засучить правый рукав маскхалата, чтобы танкисты могли отличать их от финнов.

Кроме того, было решено обозначать синими флажками те стрелковые подразделения, которые находились ближе всего к противнику, — таким образом, синий флажок означал, что впереди нашей пехоты больше нет, и танкам можно открывать огонь по противнику. К моменту окончания артподготовки рота Хараборкина подошла к первым надолбам и по проходам, проделанным в них саперами, преодолела их. Затем с ходу была преодолена вторая линия надолбов, в которой не было проходов. Причем некоторые машины расстреливали надолбы из пушек, а другие, включая танк Хараборкина, прошли по верхам надолб, за которыми оказался противотанковый ров. При помощи фашин, лежавших на танках, экипажи сделали два прохода через ров, преодолели его, а затем, развернувшись, завязали бой с ДОТами, сдерживавшими наступление пехоты. Танк командира роты оказал

ся позади одного из ДОТов; бронбойными снарядами танкисты разбили его бронедвери и заставили ДОТ замолчать. Пользуясь поддержкой танков, пехота батальона Сороки перебралась через ров и пошла на штурм. К вечеру высота 65,5 была взята. Таким образом, благодаря проведенной разведке и подготовке взаимодействия танков с другими родами войск, 11 февраля был осуществлен прорыв главной полосы обороны. На участок прорыва были немедленно переброшены все танки 2-й ТБР и с их помощью прорыв был расширен и углублен. К 15 февраля 1940 г. главная оборонительная полоса была прорвана на всем ее протяжении.

Командование Северо-Западного фронта решило использовать танки в составе временных подвижных групп с задачей развить успех в общем направлении на Выборг. К 14 февраля были сформированы три такие группы. Группа комбрига Вершинина в составе батальона 13-й ТБР и стрелково-пулеметного батальона имела задачу захватить станцию Лейпясую. В течение 14 февраля отряд встретил противотанковые препятствия и сильное сопротивление финнов.

Продолжая с боями движение к Лейпясую, группа 17 февраля сумела захватить эту станцию. К тому времени отряд из 46 танков имел только 7 боеспособных машин. Группа полковника Баранова — 13-я ТБР (без одного батальона) и 15-я СПБР (без одного батальона) — с 14 февраля выполняла задачу по овладению станцией Кямаря с целью развития успеха 123-й СД. Преодолев сопротивление финнов у Ляхде, отряд продолжал наступление на Кямаря, которое с боем захватил 16 февраля. Дальнейшее продвижение группы было остановлено организованным огнем.

Группа комбрига Боршилова — 20-я ТБР, 1-я ТБР и два стрелковых батальона — с 16 февраля выполняла задачу по разгрому финских войск в районе Випура, отрезая им пути отхода с юго-восточной части перешейка. 17 февраля группа подошла к Кямаря, а на следующий день начала наступление в двух направлениях. Встретив сильное сопротивление финнов, группа, неся большие потери, вела бои до 20 февраля. После этого приказом по 7-й армии 1-я ТБР была выведена в тыл для восстановления матчасти, а 20-я ТБР продолжала действовать совместно со 123-й СД.

Во всех этих случаях подвижные группы своей задачи не выполнили, так как характер местности затруднял действия не только танковых бригад, но и танковых батальонов.

К 23–25 февраля 1940 г. части Красной Армии, преодолев отсечные позиции, подошли ко второй оборонительной по-

---

лосе «линии Маннергейма». Она не имела таких мощных ДОТов, как главная полоса финской обороны, но противотанковые препятствия были ничуть не хуже. Не сумев преодолеть ее с ходу, войска остановились для перегруппировки и подтягивания резервов. Всего с 1 по 25 февраля 1940 г. на Северо-Западном фронте было потеряно 1158 единиц бронетехники (746 составили боевые потери, 411 вышли из строя по техническим причинам). После трехдневной передышки, 28 февраля 1940 г., советские войска начали штурм второй оборонительной полосы, завершив ее прорыв ко 2 марта.

К началу штурма на фронте действовало 2019 танков и 463 броневедомоцили. Увеличение числа боевых машин произошло за счет прибытия на фронт 29 легких танковых бригад, семи легких танковых полков и пяти броневедомоцильных. Последние предназначались для преследования отходящего противника; каждый по штату имел 49 броневедомоцильных. Но из-за сильно пересеченной местности эта техника в боях не участвовала.

В этот период танки использовались не только для непосредственной поддержки пехоты, но и в составе небольших подвижных групп: батальона или роты танков с десантом. Основной задачей этих групп было развитие прорыва, пересечение путей отхода, окружение и уничтожение мелких групп противника. Кроме того, на участке 23-го стрелкового корпуса к 28 февраля была подготовлена группа прорыва под руководством комбрига 30-й ТБР Лелюшенко. Она состояла из двух батальонов 39-й ТБР, 204-го химического танкового батальона (огнеметные танки), батальона пехоты, саперной роты и двух дивизионов артиллерии. Группе была поставлена задача овладеть станцией Хейниоки. Лелюшенко провел необходимые мероприятия по подготовке к вводу группы в прорыв, включая лично проведенную воздушную разведку местности. В результате группа разгромила противостоящие части противника и к 1 марта овладела станцией, чем способствовала успешному продвижению вперед 23-го стрелкового корпуса.

К 10 марта войска Красной Армии практически полностью прорвали укрепления «линии Маннергейма» и начали бои за Выборг. 12–13 марта в штурме города принимала активное участие 20-я ТБР.

На левом фланге фронта в начале марта был сформирован 28-й стрелковый корпус в составе трех стрелковых дивизий, трех танковых полков и танкового батальона (всего 261 танк) с задачей — действуя по льду Финского залива, выйти в тыл выборгской группировке противника. Особенно успешно тут

действовали 28-й и 62-й танковые полки, которые к 5 марта, в условиях тридцатиградусного мороза и пурги, преодолели по льду Финский залив и закрепились на материке. К окончанию войны, 13 марта 1940 г., танкисты во взаимодействии с пехотой расширили плацдарм, перерезав шоссе Хельсинки – Выборг. Всего с 25 февраля по 15 марта 1940 г. танковые части 7-й и 13-й армий потеряли 912 танков, из которых 294 машины вышли из строя по техническим причинам. За весь же период боевых действий на Карельском перешейке, с 30 ноября 1939 г. по 13 марта 1940 г., Красная Армия потеряла 3179 танков, из них 1904 машины в боях, а 1275 из-за различных поломок. Если взять за основу, что в среднем на Карельском перешейке находилось 1500 боевых машин, то каждая из них дважды выходила из строя, восстанавливалась и снова шла в бой.

Решающую роль в этом сыграло Управление Военно-технического снабжения Северо-Западного фронта, созданное 10 января 1940 г. В его задач у входило обеспечение танковых частей техникой, горюче-смазочными материалами, запчастями, эвакуация и ремонт машин. Несмотря на тяжелые условия работы и отсутствие необходимого числа автоцистерн (требовалось 2932, а имелось только 766), Управление сумело обеспечить бесперебойную подачу горючего в танковые части на все время боевых операций.

Хуже обстояло дело с ремонтными средствами. Не хватало ремонтных летучек, ощущался острый недостаток запчастей. Несмотря на это, танковые части отремонтировали во время боевых действий почти 10 тыс. машин. В январе 1940 г. ремонтно-восстановительные батальоны танковых бригад были усилены специальными группами рабочих ленинградских заводов. К капитальному ремонту боевых машин были привлечены Кировский завод, завод № 174, завод подъемно-транспортного оборудования им. Кирова. Однако они не смогли полностью удовлетворить нужды фронта из-за частых перебоев со снабжением электроэнергией.

Но, пожалуй, самым слабым местом советских танковых частей в финскую кампанию были эвакуационные средства. Не только танковые батальоны, но и некоторые танковые бригады не имели тракторов для вывоза с поля боя подбитых танков. Полученные из народного хозяйства по мобилизации тракторы оказались маломощными, многие из них требовали ремонта или были не на ходу. Специальных тягачей «Коминтерн» и «Ворошиловец» было очень мало. В основном эвакуация подбитых боевых машин войсковыми частями на фронте производилась танками.

В условиях суровой морозной зимы 1939–40 гг. поддержание танков в «горячем» состоянии требовало большого расхода горючего. Поэтому части 7-й и 13-й армий применяли обогрев по опыту 13-й ТБР: танк ставился в специально вырытую полуземлянку, накрытую брезентом или накатом из бревен, а под его днищем постоянно горел костер. В результате, в случае необходимости, двигатель машины легко запускался при любом морозе. С конца января 1940 г. в части стали поступать специально разработанные танковые обогреватели. Однако были случаи, когда отремонтированные на заводе танки перевозились по железной дороге к линии фронта с работающими на холостом ходу двигателями.

При всех достоинствах и недостатках боевой техники главная роль в войне принадлежала не ей, а людям. Советско-финская война дала немало примеров мужества и героизма танкистов. Только в четырех из шести танковых бригад орденами и медалями СССР был награжден 1291 человек, 51 танкист получил звание Героя Советского Союза. В качестве иллюстрации можно привести несколько эпизодов из боевого пути 39-й легкотанковой бригады. В декабре 1939 г. в одном из боев командир танковой роты лейтенант Прошин, увидев, что приданная ему стрелковая рота отсекается фланговым пулеметным огнем противника, принял необычное решение. Он выстроил танки стенкой и укрыл их в канаве так, что в сторону финнов были направлены башни, ведущие непрерывный огонь. Прикрываясь стальным забором, Прошин лично, выйдя из танка, повел пехоту в атаку. Командир танка, заместитель политрука Константинов, уничтожил пулеметную огневую точку, огнем по амбразурам вывел из строя ДОТ и прорвался в тыл финнов. Когда же огнем ПТО была разбита ходовая часть и танк встал, экипаж Константинова огнем из пушки и пулемета отбил шесть атак финнов, пытавшихся подойти и поджечь танк. Когда кончились боеприпасы, танкисты, выйдя из машины, с гранатами в руках пробились к своим. Взвод старшего лейтенанта Курганова в составе двух Т-26 и химического танка ХТ-26 атаковал железобетонный капонир противника без пехоты. Стрельбой бронебойными снарядами и огнеметанием по амбразурам и входным дверям танки подавили огонь ДОТа, а затем, выйдя из машин, танкисты забросали ДОТ гранатами, пользуясь пробойнами в амбразурах и дверях, и таким образом уничтожили весь гарнизон.

Танкисты проявляли смекалку и изобретательность не только на поле боя, но и в быту. В условиях суровой мороз-

ной зимы, при отсутствии жилья, далеко не всегда удавалось найти ночлег в землянке или утепленной машине. В танке же было слишком тесно, при выключенном двигателе — слишком холодно, а при работающем можно было угореть. Танкисты нашли выход: брезент, которым укрывали танк от непогоды, спускали с орудийной башни так, что он образовывал навес над броней моторного отделения. Для отопления своей «палатки» экипаж использовал горячий воздух, отбрасываемый от мотора: с помощью специального щитка его направляли внутрь брезентового навеса. Иногда в «палатку» проводили электрическое освещение, используя 12-вольтовые лампочки с питанием от танковых аккумуляторов. С помощью тех же брезентов устраивали себе баню: палатку натягивали прямо на снегу или на льду, сооружали теплый пол из соломы, хвойных веток и досок, вместо печки использовали бочки из-под бензина, а воду наливали в цинковые ящики от патронов.

Без сомнения, танковым войскам принадлежала решающая роль в прорыве «линии Маннергейма». Несмотря на отдельные неудачи, они являлись броневым тараном, взломавшим оборону финнов. Часто им приходилось действовать без поддержки пехоты и артиллерии. Хотя танковые части составляли небольшой процент от общего числа войск, участвовавших в войне, можно с уверенностью сказать, что без них прорыв линии обороны финских войск затянулся бы на пару месяцев. Наглядным примером тому служит и тот факт, что из шести танковых бригад, бывших на фронте на протяжении всей кампании, четыре были награждены орденами: 39-я ТБР — орденом Ленина, 20-я, 35-я и 40-я ТБР — орденами Боевого Красного Знамени. В четырех из шести танковых бригад 52 человека были удостоены звания Героя Советского Союза, 2926 человек были награждены орденами и медалями СССР. Для сравнения: из 30 стрелковых дивизий были награждены орденами только 10.

В публикациях сегодняшнего дня советско-финская война называется захватнической со стороны СССР и справедливой со стороны Финляндии. Но, несмотря на это, мы не должны забывать героев этой войны, многие из которых годом позже вступили в смертельную схватку с фашизмом и победили.

*М. Коломиец
(Журнал «Танкомастер»)*

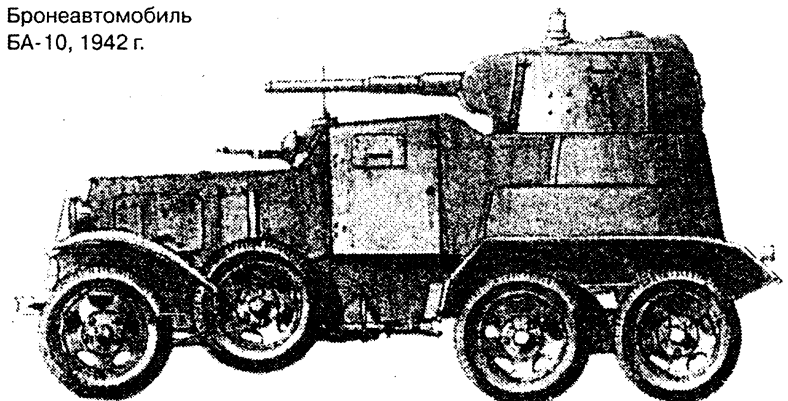
Финская танковая часть

Военная мобилизация 7 октября 1939 г. застала танковые части Финляндии далеко не в лучшем состоянии — большинство матчасти либо устарело, либо находилось в небоеспособном состоянии. Танки «Рено», находившиеся в строю уже более 20 лет, не годились для боевых действий в первой линии. Два дивизиона «Рено» FT получили приказ вкопать свои машины на оборонительных рубежах и пополнять свой парк за счет захваченной техники. Этот приказ был выполнен лишь частично — в районе Няйккярви (оз. Лебединое) и Тайпале (р. Бурная). Все танки, за исключением четырех машин, были потеряны на этих оборонительных рубежах. Шеститонные танки «Виккерс» с 37-мм пушками приняли участие в первом для финской армии танковом бою под Хонканиеми (Лебедевкой) 26 февраля 1940 г. 4-й бронедивизион потерял в этом бою семь машин. Восьмой танк был сильно поврежден, эвакуирован в тыл, но не восстанавливался.

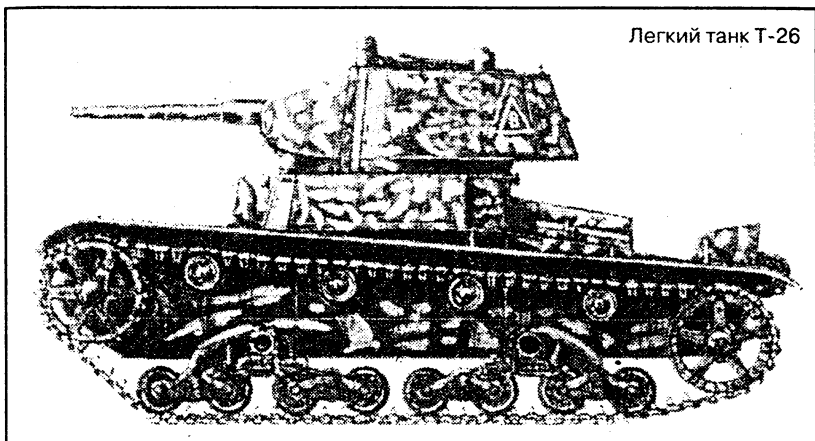
В ходе Зимней войны финский парк бронетанковой техники пополнился значительным количеством трофейных машин. 167 единиц захваченной техники было переделано под стандарты финской армии и передано в танковые войска Финляндии. Шесть из ранее захваченных у СССР артиллерийских гусеничных тягачей Т-20 «Комсомолец» были впоследствии отбиты Красной Армией.

В г. Варкаус, на производственной базе машиностроительного завода «А. Альстрем лтд.» были учреждены Центральные танкоремонтные мастерские, чьей основной зада-

Бронеавтомобиль
БА-10, 1942 г.

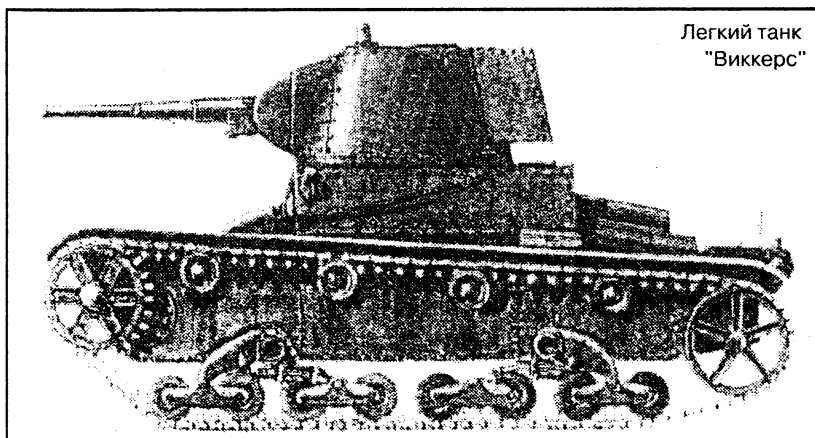
Легкий танк Т-26

чей была переделка трофейных танков. Вплоть до конца войны эти мастерские являлись центральной ремонтной базой финских сухопутных сил.

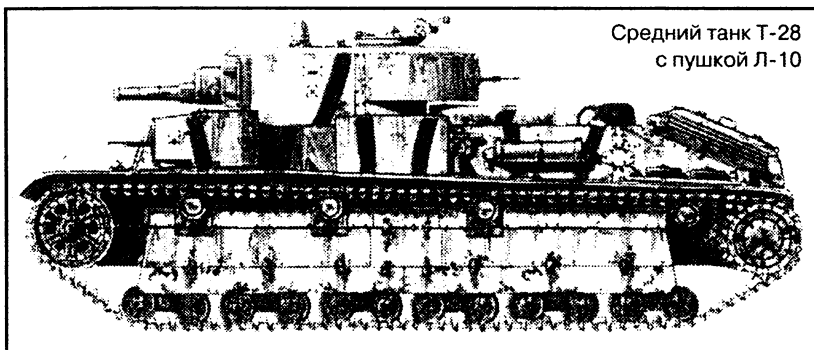
В качестве трофеев были взяты легкие танки Т-26, огнеметные танки на их базе – ОТ-26 и ОТ-130, два средних танка Т-28, легкие плавающие танки Т-37А и Т-38, арттягачи Т-20 «Комсомолец» и 21 броневедомитель различных типов. 56 тягачей «Комсомолец» пришлось весьма кстати в дивизионах противотанковой артиллерии. Броневедомители и легкие разведывательные танки были сведены в отдельные броневзводы.

Любопытно отметить, что среди трофеев не было ни единого легкого танка БТ. Части РККА использовали танки

Легкий танк
"Виккерс"

БТ-2, БТ-5 и БТ-7 в массовом порядке, и часть из них попала в руки финнов, но ни один не удалось эвакуировать в тыл из-за быстро перемещающейся линии фронта и подписания перемирия.

Средний танк Т-28
с пушкой Л-10

Танки Т-26 послужили основой для стандартизации финских танковых войск. Для упрощения системы снабжения боеприпасами оставшиеся в строю танки «Виккерс» были оснащены трофейными советскими 45-мм орудиями. Пушка устанавливалась вместе с маской и спаренным 7,62-мм пулеметом ДТ и прицельной оптикой. Позднее эти танки получили наименование Т-26Е. Модернизация их была проведена во время мирной передышки между Зимней и Продолжительной войнами.

*Э. Мунку, Ю. Пурхонен
(Журнал «Техника и вооружение»,
1998, № 10, с. 35–36)*

«Котел» под Кителем

Эта трагедия, один из эпизодов короткой, но жестокой и кровопролитной войны, случилась зимой 1939–1940 гг. в лесах северо-восточнее Ладожского озера. Многие ее эпизоды удалось восстановить по воспоминаниям ветеранов, участников той войны, записанным только в 1989–1993 гг.

30 ноября 1939 г. войска Красной Армии перешли границу Финляндии. На Петрозаводском направлении в первые дни войны, успех наступления очень напоминал небезызвестные сентябрьские походы в Западной Украине и Белоруссии. Части 8-й армии с ходу занимали хутора и населенные пункты: Каркку, Салми, Маткаселька, Касняселька, Хаутаваара. Сопrotивление противника было эпизодическим и довольно слабым. Финны, избегая серьезных столкновений, повсеместно отступали.

Однако к 10 числам декабря первоначальный разбег наступления заметно сбавил темп. Сопrotивление IV армейского корпуса финнов усиливалось с каждым днем, но воинская удача была еще полностью на стороне командующего 8-й армией комкора В. Н. Курдюмова.

Беда грянула внезапно: 12 декабря Особая группа войск полковника П. Талвела и «Группа А» полковника Эххольма разящим контрударом опрокинули наступление правофланговых частей армии. В короткий срок была практически полностью разгромлена 139-я СД (стрелковая дивизия). Затем неудача постигла 75-ю и 155-ю стрелковые дивизии, а в районе Коллаао финский укрепленный рубеж разбилось наступление 56-й СД. С середины декабря на участке Коллаа-Толвоярви-Иломантси фронт надолго замер в глухом позиционном противостоянии.

Эпицентр боевых действий сдвинулся на левый фланг 8-й армии, где близ Ладожского озера медленно, но верно намечалось окружение ряда советских частей.

История войн сохранила немало примеров классических окружений. Принцип одного из них достаточно прост: демонстративным отступлением оторвать наиболее боеспособные части противника от тыловых подразделений и баз снабжения, остановиться на выгодном рубеже, фланговыми ударами перерезать растянутые коммуникации и блокировать войска противника. После чего остается лишь крепко удерживать котел и приступать к его уничтожению. Имен-

---

но так в декабре 1939 г. поступил командующий IV армейским корпусом генерал-майор Э. Хеглунд.

В азарте наступления командующий 8-й советской армией не замечал, либо не желал замечать надвигающейся катастрофы и действуя по шаблонам гражданской войны — вдоль железных и шоссейных дорог, упорно продвигался левофланговыми частями в умело подготовленную ловушку. Когда же В. Н. Курдюмов понял свой просчет, окружение группировки стало уже неизбежным.

В середине декабря в районе Кителя финны на оборонительном рубеже в жестоких боях остановили продвижение советских войск в направлении Сортавала, а в последних числах года обрушились лавиной внезапного контрнаступления. Подвижные лыжные отряды намертво перехватили близ озера Лаваярви участок фронтальной дороги между Уомас и Касняселька, блокировав советские части со стороны Петрозаводска. Последней сумела проскочить этим путем автоколонна ст. лейтенанта Золотарского из автовзвода 34-й танковой бригады. Накануне она доставила в распоряжение бригады боеприпасы и продовольствие. Водители машин собирались здесь заночевать, но благодаря плохому предчувствию красноармейца Супруна, сумевшего уговорить командира, ночью же выехали в направлении Петрозаводска. Утром Золотаревский горячо благодарил спасителя: «Какой же ты, Супрун, молодец, наших там окружили финны!» (Из воспоминаний красноармейца 34-й ТБР Г. Г. Супруна).

Другой удар лыжники нанесли по советским коммуникациям со стороны Питкяранта и в начале января 1940 г. главные силы финского корпуса, обходами с флангов, замкнули в кольцо окружения левофланговую группировку 8-й армии. В приладожских лесах и болотах на участке Китель-Койриоя-Лемитте-Уомас были блокированы 168-я, 18-я Ярославская Краснознаменная стрелковая дивизии и 34-я танковая бригада (ТБР) им. К. Б. Калиновского.

Недалеко от побережья Ладоги в окружении оказались передовые части 168-й СД.: «Сложилась тяжелая обстановка. Участок дороги, перерезанный финнами, составлял примерно 8–10 километров и чтобы проникнуть в расположение окруженных войск, нужно было преодолевать этот участок под большой охраной. Первоначально это удавалось, но постепенно финны наращивали мощь и в конце концов полностью изолировали передовые части от тыла». (Из воспоминаний уполномоченного особого отдела дивизии мл. лейтенанта К. И. Огаркова).

С потерей дороги Китель-Питкяранта, связывающей дивизию с тыловыми подразделениями и базами снабжения, положение ее ухудшилось. В начале нового года финны внезапным ударом перерезали дорогу Питкяранта-Салми вплоть до деревни Ала-Ууксу, окружив и тылы дивизии, сосредоточенные в районе города Питкяранта. Вскоре удалось сбить финские заслоны и снять блокаду Питкяранты, но на большее — освободить из окружения передовые части дивизии — не хватило сил.

«Почему так получалось, что за причина, в чем дело? Тут однозначно не ответишь. Причин много, а в общем, можно сказать, одна — легкомыслие нашего правительства и военного командования: что, мол, нам Финляндия! Мы оказались в окружении, в мешке, на осадном положении. Все подразделения держались вместе и была между ними связь, помню, на мотоцикле развезжал связной, так что оборону держали. Раз я сказал политруку роты: «Почему так получилось, сидим в мешке?» Он ответил: «Не мы одни, у всех такое положение». Я сказал: «Вот и плохо, что не мы одни. Мы одни — то полбеда, а все — это уже беда, никто не выручит». (Старшина 402 сп (стрелкового полка) 168-й СД А. В. Крутов).

На участке, где в кольцо попали 18-я СД и 34-я ТБР, обстановка складывалась еще безнадежней. Здесь советские части, разбросанные на обширном лесисто-болотистом участке Лемитте-Уомас, оказались блокированными в десятке разобщенных котлов. Каждая из групп была вынуждена сражаться самостоятельно, надеясь лишь на собственные силы и воинскую удачу. Связи между ними не существовало; о том, что соседний батальон или полк жив, бойцы узнавали только по звукам боя.

В начале января активность противника многократно возросла. Окруженные части отбивали упорные атаки финских егерей, случалось, по 10–12 атак в сутки:

«Нашу группу спасало то, что мы имели много огневых средств. У нас было две установки спаренных зенитных пулеметов на полоторках, два броневика, шесть противотанковых пушек, одна батарея крупного калибра. Свой район круговой обороны мы оборудовали сплошной траншеей, по которой могли ходить пулеметные установки и броневики, запаслись горючим, слив его с неподвижных танков. На попытки финнов наступать мы давали массу огня, и они откатывались. Обычно при отражении яростных атак геройски действовали наши пулеметчики. При появлении противника взвод лейтенанта Плотникова стремился по

окружной траншее выехать в зону наступления и огнем спаренных пулеметов сметал не только финнов, но и кустарники, в которых они укрывались». (Зам. политрука 34 ТБР И. М. Макачук).

Отдельные группы окруженцев на свой страх и риск пытались пробиться на соединение со штабом дивизии или бригады, в район развилки дорог Сортавала-Петрозаводск-Питкяранта, но подобные попытки заканчивались либо новым их окружением, либо гибелью.

Провал декабрьского наступления на Петрозаводском направлении и в ряде других мест фронта, потребовал от Генерального штаба РККА принятия решительных мер по исправлению ситуации.

«Считаю необходимым провести радикальную чистку корпусов, дивизий и полков. Выдвинуть вместо трусов и бездельников (сволочи тоже есть) честных и расторопных людей. Для проведения этой работы нужно послать Кулика или Щаденко», — писал в своем донесении на имя Сталина и Молотова маршал К. Е. Ворошилов.

В конце декабря на Петрозаводское направление в целях детального ознакомления с театром военных действий прибыл командующий Белорусским военным округом М. П. Ковалев.

«После неудачных действий в армию стали прибывать, в качестве консультантов и помощников, представители штаб округа и Наркомата обороны, но это результатов не дало, только вносило неразбериху... Можно было услышать от командиров: «Что вы здесь так долго возитесь, не можете справиться с Финляндией?» (Инспектор финансового отдела 8-й армии лейтенант П. Ф. Подвинский).

Новым командующим 8-й армии был назначен герой Хасана и Халкин-Гола командарм 2-го ранга Г. М. Штерн. Нескончаемым потоком под Петрозаводск двинулись воинские соединения из приграничных и внутренних военных округов страны. Боевые порядки занимали прибывающие на фронт части 25-й кавалерийской, 37-й мотострелковой, 164-й, 128-й, 72-й, 60-й стрелковых дивизий, 201-й, 204-й и 214-й авиационно-десантных бригад, отдельные батальоны лыжников-добровольцев... В 8-ю армию с инспекционной проверкой нагрянул грозный Г. И. Кулик. Заместитель Наркома обороны, заходясь криком, проинспектировал передовую и тылы, нагнал страху на правого и виноватого и, «внеся сумятицу и неразбериху во всем», вскоре убыл с докладом в Москву.

Штаб 8-й армии приступил к разработке наступательной операции по деблокаде окруженной группировки. Положение ее к середине января 1940 г. стало угрожающим.

Бойцы 168-й СД по-прежнему отбивали атаки противника, но все чаще и чаще в финскую сторону вместо пуль и снарядов летели полновесные матюги. К концу подходили запасы медикаментов, и продовольствия.

Участок дороги Китель-Питкяранта крепко охранялся финскими войсками. Поэтому решили добраться от Питкяранты до заблокированных частей по льду Ладожского озера мимо занятой финнами группы небольших островов. Первыми на лед ступили разведчики из 187-й отдельной разведроты. Поиск прошел удачно и следом за разведкой по Ладоге двинулись тяжело груженные конные обозы.

Они доставили окруженцам боеприпасы, медикаменты, продовольствие. Обратным рейсом вывезли раненных и обмороженных. В дивизии воспрянули духом, но очень скоро проводка обозов сделалась делом сложным и кровавым.

«Когда поехали другой раз, то дорога оказалась перегороженной. В лед были вморожены столбы и натянута колючая проволока в два ряда, и сделано это, как рыбу ловят сетью — обоз попадал, что вперед ехать под пулеметный огонь, что назад — под пулеметы. Поехало 106 подвод, а прорвалось только 5». (Красноармеец 168 СД А. Ф. Тюкавин).

Каждую ночь на санной дороге гремели жестокие бои. Под разрывы мин и стук пулеметов, под вопли, визг и ржание, нещадно нахлестывая и матеря лошадей, теряя людей и сани, обозы прорывались на материк.

Вскоре финские гарнизоны, укрепившиеся на островах, буквально намертво перекрыли ледовую трассу.

«У нас оставался единственно возможный путь по льду Ладожского озера, между побережьем и группой островов, занятых финнами. Дорога эта проходила от 0,5 до 1,5 километра от берега и получила название «Дорога Смерти». В дневное время суток по дороге не было движения, а в ночное время финны нащупывали наши обозы прожекторами и били артиллерийско-минометным и пулеметным огнем. Мы несли большие потери, а цели не достигали. Многие попытки наладить безопасное движение успехом не увенчались. Танковый батальон, на который возлагалась эта задача, был разгромлен, попытки разведчиков, в том числе и моя разведка, пользы приносили немного — устанавливалась только связь, а конкретной помощи оказать было нельзя. Силы дивизии таяли. К середине января «Дорога Смерти» во-

---

обще стала непроходимой. Появилась реальная угроза полного уничтожения дивизии». (Мл. лейтенант К. И. Огарков).

«Для людей продовольствие кончилось, им — голодный паек. Фуража для лошадей не стало, они объедали друг у друга хвосты, всю кору у хвойных деревьев съели до предельной высоты, насколько достанет лошадь. Командование решило оставшихся забивать и сдавать на кухню. Когда и этот резерв кончился, питались, кто чем. Смотришь, красноармеец еле сам идет, винтовку по снегу тянут и тащит найденную голову, ноги или копыта какой-нибудь павшей лошади. В общем, кто что найдет все в ход идет. Люди окончательно ослабели, валились с ног, все стало безразлично. Бродили в поисках пищи, рылись в снегу в надежде найти пищевые остатки, уши или копыта от лошади. Жуткая картина: боец Красной Армии бредет оборванный, закоптелый, грязный, ткни его и упадет. А в землянках тепло, тело разогрелось, распарилось, зачесалось, зудит, ползают вши. Выйдешь из землянки, снимешь штаны до колен и давай вшей в снег стряхивать, навалится их, как льняного семени на снег набросано. Личный состав в отчаянии: «Да когда же все это кончится! Неужели у нас не будет выхода из создавшегося положения?! Где наше высшее военное командование, где правительство?! Знают ли они о нашем положении, что они думают, что хотят предпринять?!» (Старшина А. В. Крутов.)

Еще в более безысходной ситуации оказались заблокированные группы частей 18-й СД и 34-й ТБР.

«Кухня не работала, варить было нечего. Ходили с котелками туда, где раньше стояла кухня, тогда варили больше всего пшенку или перловку, а то что оставалось после раздачи вываливали в снег, вот эти остатки нас некоторое время спасали. Наберешь в котелок, поставишь на огонь и греешь, перевариваешь, а потом ешь. Потом пришло время, когда раскапывать снег и искать что-нибудь съестное стало бесполезно. Финны начали забрасывать в наше расположение листовки, напечатанные в несколько красок. К примеру, стоят длинные столы, за ними сидят красноармейцы, их кормят и написано: «Следуйте примеру некоторых ваших товарищей, которые сдались в плен и спасли свою жизнь, иначе вас ждет неминуемая голодная смерть, мы знаем, что вам нечего есть!»... Правда, я не слышал, чтобы кто-нибудь сдался. А финны поставили репродукторы и продолжали агитировать за сдачу в плен. Из наших никто не поколебался и не послушал их обещаний. Весь бензин, который оставался в машинах, слили и отдали в землянку, где находилась радио-

станция, там работал движок, все время держали связь со штабом армии. Старшина нас информировал, что получена радиограмма из штаба и в ней говорится: «Героические кондрашевцы, держитесь, не сдавайтесь! Вы все будете представлены к правительственным наградам. К вам идет подкрепление, вас вызволят из окружения!» (Красноармеец командантского взвода 18 СД П. А. Осветимский).

В январе началась операция 8-й армии по деблокаде окруженных соединений. Главный удар наносился силами 1-го стрелкового корпуса и оперативной группы Денисова. Встретившись в упорном сопротивлении финнов наступление быстро выдохлось. Войска не достигли поставленной цели и по приказу командарма заняли оборону.

Окруженные в котлах советские части продолжали еще удерживать свои позиции. Над ним и кружили краснозвездные самолеты, сбрасывая вниз мешки с продовольствием, боеприпасами, медикаментами, теплой одеждой, бочки с горючим и кипы листовок с призывом держаться:

«39-й СБАП (скоростной бомбардировочный авиационный полк) получил приказ оказать помощь окруженцам, в первую очередь продовольствием. На наш аэродром привезли мешки с продуктами питания. Мы поместили их в бомболюки самолетов по 8—10 мешков на самолет. Обозначив на своих маршрутных картах район расположения окруженного батальона, поднялись в воздух. Поскольку батальон занимал небольшую площадь, мешки надо было сбрасывать с низкой высоты, на бреющем полете. Для этого мы были вынуждены снизиться над территорией противника, который встретил нас интенсивным пулеметным и ружейным огнем. Среди экипажа убитых и раненных не было, но на фюзеляже и крыльях самолета появилось много пулевых пробоин. Сбросив мешки мы резко пошли на набор высоты. Через несколько минут развернулись и снова пролетели над расположением батальона и увидели необычную картину. Наши и финские солдаты бросились к мешкам без оружия, началась драка и растягивание в разные стороны сброшенных мешков. Помочь своим мы никак не могли. При вторичном полете такой картины не наблюдалось». (Ст. лейтенант 39-го СБАП И. Ф. Ременюк).

Летчики оказали серьезную поддержку бойцам 168-й СД, благо котел был довольно приличных размеров:

«К нам стали летать самолеты. Мы все смотрели, наши или нет, своих мы знали, они летели в виде треугольника... сбрасывали нам медикаменты и продукты. Я в одном мешке

обнаружила записку от летчика, помню его фамилию — Синица, имя-отчество не писал, просто написано: «Я сталинский сокол, мужайтесь! Мы вас не забудем!» Я с этой запиской ходила по землянкам и читала ее бойцам. Они радовались, что нас не забыли, оказывают помощь». (Техник-интендант 2 ранга, 216 МСБ 168-й СД О. П. Герман).

Для нормального снабжения частей 18-й СД и 34-й ТБР, разбросанных отдельными очагами сопротивления, требовалось огромное мастерство и ювелирная точность. Как правило, сбрасываемый груз попадал на ничейный участок, либо напрямиком к финнам, оравшим всякий раз по-русски: «Спасибо товарищу Сталину за гречневую кашу!»...

К концу января финским войскам удалось здесь уничтожить большую часть окруженных частей. Продолжали существовать лишь считанные очаги сопротивления.

В феврале боевые действия на Петрозаводском направлении, как и в предыдущем месяце, отличались редкостными упорством и кровопролитием. 12-го числа из 8-й армии была выделена 15-я армия в составе шести стрелковых дивизий и частей усиления (командарм 2-го ранга М. П. Ковалев). Совместными усилиями командующих этих армий разрабатывался дальнейший план действий. Он строился по нескольким направлениям: подготовка решительного наступления и деблокада окруженной группировки, кроме того, предусматривалось овладеть прибрежными островами Ладожского озера.

С декабря 1939 г. эти острова-крепости расположенные близ побережья от Салми до Питкяранты держали в постоянном напряжении весь приозерный фланг советских войск.

Операция по захвату островов проходила исключительно неудачно. Советские стрелковые соединения, усиленные танками и авиацией, овладели лишь рядом никчемных островков. Такие острова, как Мансинсаари и группа островов в районе Питкяранты, против которых и был нацелен основной удар, противник сумел удержать.

В начале февраля финские войска вновь пытались уничтожить окруженные советские части. Однако бойцы 168 СД стойко выдержали натиск егерей. Воздушный мост действовал бесперебойно, снабжая обороняющихся всем необходимым.

Силы же воинов 18-й СД и 34-ТБР в феврале иссякли; кончились запасы продовольствия, достреливались последние боеприпасы. Финны методично добивали последние очаги сопротивления:

«Когда кончились продукты и живые кони, начали подбирать побитых коней, а когда кончилась и эта еда, то принялись искать кто что — кожу, копыта, кишки, кровь, а кровь неизвестно чья, конская или людская. Сваришь кровь, а она с еловыми иголками, пихаешь в рот, а она лезет обратно». (Младший командир 18-го арт. полка 18 СД Л. П. Горобченко).

«В последние дни положение было самым критическим. Погода стояла нелетная: большие метели. Самолеты не могли прилетать. Стали кушать конскую кожу. Раскопаешь снег, достанешь кожу, она замерзла, как кость, притянешь к землянке, разрезаешь, а иногда и рубишь по кусочкам. Получишь свой кусок, режешь на ленточки, а потом ножиком трешь эту ленту, срезаешь шерсть, а потом крошишь в котелок, как лапшу, снегу подсыпаешь и кожа эта варится, прет в котелке без соли. Надо, чтобы кожа прела долго, тогда будет мягкая, как макароны. Когда кожу доели, стали приносить конские копыта с подковами. Подкову отрубишь и копыто в огонь, смолишь, греешь, пока сок не потечет, сок соберешь в котелок и выпьешь этого соку. Старшина каждый день ходил в штаб дивизии, приносил сообщения, и каждый день там было: «Героические кондрашевы, держитесь, не сдавайтесь, к вам идет новое подкрепление, вас освободят и вы все будете представлены в наградам!» Но этому уже никто не верил...» (Красноармеец П. А. Осветимский.)

Приказы и посулы командования падали в пустоту, брошенные на произвол судьбы воины окруженных гарнизонов умирали достойно, как и подобает солдатам — в бою.

«Идет февраль месяц, а мы все в окружении. Выхода из окружения нет. Наше положение ухудшается с каждым днем. Оборону держать почти некому, да и боеприпасы на исходе. В первом батальоне здоровым остался один красноармеец — Касев, а остальные убиты или ранены; во втором и третьем батальонах в строю также горстка людей. Наш комбат Кожекин и командир взвода связи лейтенант Сутугин не выдержали... и застрелились. 8 февраля меня ранил снайпер, пуля задела мускул левой руки. Сергей Жадовский порвал подол нижней рубашки и перевязал мою рану. Я остался в строю, но не надолго. 16-го снайперская пуля попала в левое плечо и разбила плечевую кость. Перевязку мне опять сделал Сергей. 23-го числа финны решили кончить с нами канитель. Я и красноармеец Степанец раненные лежали в землянке, к нам зашел Жадовский и сказал, что финны сегодня решили с нами покончить, но лейтенант Копыток собрал солдат, человек 16, которые могли сражаться и решили стоять до последне-

го. Сергей попросил у меня гранату РГД (ее хранили в землянке на всякий случай), взял ее и ушел воевать. Больше я его не видел и не слышал о нем ничего. Мы лежали в землянке, долго все было тихо, вход в землянку был закрыт плащ-палаткой. К вечеру снаружи стали ходить и разговаривать не по-русски. Степанец взял винтовку и на четвереньках пополз к выходу, отодвинул плащ-палатку и высунулся из землянки. Ему выстрелили в спину. Он закричал от боли и пополз назад. Финны бросили в землянку ручную гранату. Степанец схватил ее и выбросил обратно. Финны кинули вторую. Я только успел подтолкнуть ногой радиостанцию ближе к гранате и она взорвалась. Помню, очнулся ночью от разрывов снарядов и мин. Они рвались близко от землянки. Потом опять потерял сознание. Очухался только днем, после полудня. Не мог ни встать, ни двигаться, был завален по грудь землей и снегом, но чувствовал — живой. Одно меня удивило... сижу я в той же землянке в углу, где был постоянно, но наката надомной нет, труп Степанца лежит снаружи, небо чистое и солнце светит. Тут подошли два финна, один с автоматом, другой с винтовкой, что-то сказали и рукой сделали знак встать и идти к ним. Я отрицательно покачал головой — не могу. Финны поговорили между собой, подошли и вытащили меня из ямы, поставили на ноги, но я сразу же свалился, ноги не действовали. Вокруг ходили финские солдаты, проверяли землянки, выносили раненных, собирали по группам. Ходячим указывали направление и они шли самостоятельно, а тяжело раненных повезли на 6—7 подводах. Привезли в большую зеленую палатку с красным крестом. Здесь нас покормили кашей, но не все успели поесть, как финны начали выгонять из палатки и грузить на машину. Они очень спешили и даже оружием угрожали, чтобы мы быстрее шли к машине. Я не мог передвигаться, меня поволокли по снегу и бросили в кузов. Причина спешки: появление в воздухе нашего самолета. (Младший командир 52 СП 18 СД Н. С. Конин).

К концу февраля уцелели лишь несколько окруженных гарнизонов. В районе развилки дорог Сортавала-Петрозаводск-Питкяранта отбивался наиболее крупный и боеспособный отряд во главе с командованием 18-й СД и 34-й ТБР. В районе Южного Лемитте держалась небольшая, но упорная группа бойцов 52-го стрелкового полка (СП) под командованием старшего лейтенанта К. Березы.

В марте 1940 г. войска 8-й и 15-й армий перешли в решительное наступление. 168-я стрелковая дивизия наконец-то вышла из окружения, а группам бойцов 18-й СД и 34-й ТБР

избавления больше не требовалось... В конце февраля остатки прославленной в боях Гражданской войны Ярославской Краснознаменной стрелковой дивизии и не менее славной танковой бригады, оборонявшиеся в районе развилки дорог, пошли на прорыв. Командиры окруженных советских частей приняли это единственно верное, но запоздалое решение, убедившись в невозможности дальнейшего сопротивления. (По свидетельству ветерана И. А. Есаулова (бывший старшина из состава 34-й ТБР) командир 1-го танкового батальона бригады капитан Рязанов, настойчиво предлагавший прорвать кольцо окружения еще в декабре 1939 г., был застрелен представителем особого отдела, как «трус и паникер»). –

Прорываться к своим было решено одновременно двумя группами. Первую возглавил командир 34-й ТБР комбриг С. И. Кондратьев; вторую – начальник штаба 18-й СД полковник Алексеев (командир дивизии комбриг Г. Ф. Кондрашев был ранен). Около 120 тяжелораненых бойцов и командиров оставили в землянках на месте обороны (финны их потом перебили).

Ночью 29 февраля поднялись в атаку.

«Люди идут, стреляют, кричат «ура». Я у одного спрашиваю: «Куда стрелять, ты видишь?», а он отвечает: «Люди стреляют, кричат, и ты так делай». Я так и делал. Наши сперва шли, а потом попадали врассыпную, не прекращая стрелять и кричать, и поползли, потому что не было сил, и к тому же большой снег был. Когда миновали финскую оборону, стрельбу и крики прекратили, шли по протоптанной дорожке один за одним и никто не знал куда идем. Остановились, я спросил у переднего: «Куда идем?», он мне ответил: «Люди идут и ты иди, куда-нибудь да придем». Шли потихоньку, остановимся и один другому говорим: «Не садись, а то потом не поднимешься». Темно, лес большой, по сторонам ничего не видно, видишь только, кто идет впереди и сзади, а где начало колонны, где конец, не разглядеть. Очень медленно шли, прямо «ползли» и так всю ночь. Стало развидняться, еще немного прошли и вышли на поляну или озеро – не разобрать, но место ровное. Как только колона вышла туда, так финны начали стрелять из пулемета по нам с левой стороны. Но люди шли и ползли, не обращая внимания на огонь – другого выхода не было. Сколько там наших осталось, страшно посмотреть! Идешь, а он лежит раненый и просит: «Застрели меня, что я буду здесь оставаться, все равно замерзну!», обойдешь и идешь дальше, и сам думаешь, что может, рядом

ляжешь. Стало совсем светло, когда проползли эту «поляну» были бы здоровые, то пробежали бы быстро. Я оглянулся назад, жутко смотреть, сколько людей осталось, и не верилось, что прошел и жив остался! Вошли в лес и поползли дальше. Никто не знал, сколько еще идти. Люди падали; упадет человек и подняться не может, и помочь ему некому, потому что сам еле тащишься. Так еще часа два шли, а то и больше». (красноармеец П. А. Осветимский)

«...Нас встречали санитары на собачьих упряжках. Они брали по 2 человека и везли к пункту первой помощи. Там были мешки с продуктами и люди, которые выдавали еду. Когда мы подошли, оборванные, опаленные, заросшие, то все бросились на съестное. Страшно было смотреть! Расхватили сухари, масло, кто чем «гребли», кто куда — в каску, в подшлемник, в карман. Нас успокаивали, уговаривали, начали перевязывать...» (Младший командир 18 арт. полка 18-й СД Л. П. Горобченко).

Группа полковника Алексеева вышла в расположение частей 15-й армии. Колонна комбрига Кондратьева во время прорыва практически вся погибла под ударами финских лыжников.

Командир, комиссар, начальник штаба 34-й ТБР и комиссар 18-й СД покончили жизнь самоубийством. Командир 18-й СД был арестован в госпитале (дальнейшая его судьба неизвестна). Командир 56-го корпуса комдив И. Н. Черепанов застрелился. За время окружения 168-й СД потеряла около 60% личного состава. Потери 18-й СД и 34-й ТБР оказались настолько велики, что боевой путь этих соединений окончился на финском походе.

В. Н. Степаков
(Альманах «Цитадель»)

Драма у Суомуссалми

Судьба Финляндии решена! Так думали многие, узнав о начале военных действий на советско-финляндской границе 30 ноября 1939 года. И действительно, соотношение только в живой силе на разных участках границы было в лучшем случае один к двум, в худшем — один к ста. Финнам катастрофически не хватало артиллерии и противотанковых средств. Орудия достались им в основном еще с 1918 года от бывшей царской армии. Мало было и боеприпасов. Колонны призванных резервистов двигались по дорогам в гражданской одежде и обуви, с фанерными чемоданами в руках — обмундирование хватало далеко не всем. Пришлось портным и скорнякам срочно отдать армии все свои запасы...

Однако время шло, а на фронте особых перемен не наблюдалось. Части Красной Армии, пытавшиеся с ходу преодолеть «в лоб» укрепления «линии Маннергейма» на Карельском перешейке, несли тяжелые потери. Севернее, вдоль границы от Ладоги к Баренцеву морю, финская оборона была намного «прозрачнее». На большей части ее держали не регулярные войска, а отряды ополченцев. Здесь финны мощного удара не ожидали, полагаясь на почти полное бездорожье.

Но удар все-таки был нанесен. Замысел Красной Армии стал ясен, когда в финском генштабе прочертили линию от Суомуссалми до Оулу (Улеборга). Это был самый короткий путь от восточной границы Финляндии до ее западного побережья. Самое выгодное и заманчивое как с военной, так и с политической точки зрения направление, позволявшее стремительным броском разрезать Финляндию надвое.

...Наступление 163-й дивизии, срочно переброшенной к границе по неизвестной финской разведке трассе из Ухты, шло по намеченному плану. Надо было занять деревню Суомуссалми, выйти к развилке дорог и, соединившись с 44-й дивизией, двигаться дальше на Оулу. Наступление не предвещало никаких осложнений. Но случилось так, что операция в Суомуссалми разом стала и трагической, и малоизвестной страницей «той войны незначимой». 163-я стрелковая дивизия под командованием Зеленцова наступала с северо-востока (через местечко Юнтусранта) и с юго-востока (по дороге Раате). За первые четыре дня дивизия, несмотря на сложный рельеф местности, прошла 50 километров в глубь фин-

---

ской территории. Но из Москвы торопили. Вот текст телеграммы от 2 декабря 1939 года:

*Немедленно
Ленинград.
Комвойск ЛВО Мерецкову, тт.
Кулику, Мехлису.*

Продвижение наших войск на фронте 9 и 8 армий, несмотря на незначительные силы финских войск, проходит недопустимо медленно и нерешительно. Мы не можем долго болтаться в Финляндии, двигаясь по 4-5 километров в сутки. Нужно поскорее кончить дело решительным наступлением наших войск.

Приказываю:

9 армии всемерно форсировать продвижение наших войск на Улеборгском направлении, категорически потребовав от командующего армией. Командиров и комиссаров дивизий решительных и быстрых действий по овладению районом Улеборга. Для помощи командованию армий по ускоренному продвижению войск тов. Мехлису немедленно выехать на фронт 9 армии...

*К. Ворошилов
Б. Шапошников*

8 декабря 1939 года красноармейцы взяли деревню Суомуссалми и вынудили финнов (их было всего около полутора тысяч) отступить к озеру Киантаярви. На «освобожденной» территории, откуда местное население не успело эвакуироваться, всюду развернулась пропагандистская работа. Финнов зазывали на сходы, где избирали трудкомы – комитеты трудового народа. У части жителей подобное не вызвало отрицательных эмоций. Жили здесь бедно, и наступление советских войск вселяло надежды на перемены к лучшему. Вера в возможность установления, как казалось тогда, более справедливого порядка, по воспоминаниям старожилов, была вполне искренней. Директивы советского командования призывали красноармейцев не обижать и не грабить местное население. Трудкомовцы и сочувствующие им налаживали торговлю, обучение детей в школах, порывались даже начать строительство дорог, дабы облегчить продвижение Красной Армии. Развернуть свою деятельность трудкомы так и не смогли, энтузиазм быстро иссяк, а после

войны «строители новой жизни» угодили под суд — за сотрудничество с оккупантами.

Ситуация коренным образом изменилась с прибытием в район Суомуссалми подкрепления — боевой группы, сформированной в основном из резервистов во главе с полковником Хьялмаром Сииласвуо, который получил приказ от самого главковерха Маннергейма. Тактика была избрана простая: рассекать силы противника на части и постепенно уничтожать их. У финнов было 5 батальонов против двух полков 163-й дивизии. Заняв узловые пункты дороги Раате и преградив бойцам Зеленцова для дальнейшего продвижения практически все направления, полковник Сииласвуо начал штурм Суомуссалми. После недели ожесточенных боев к финнам подошло подкрепление. Появились даже полевые и протivotанковые орудия.

Из телеграммы от 19 декабря 1939 г. командующему 9-й армией:

Немедленно, по прямому проводу.

Дело в Суомус-Сальми ухудшается. Приказываю принять все меры и срочно без промедления бросить все силы 44 СД для того, чтобы не дать противнику окружить и взять в плен два полка 163 стрелковой дивизии. Бросить всю авиацию для помощи 163 стрелковой дивизии...

Непосредственное руководство и ответственность за проведение боевых действий по оказанию помощи 163 стр. дивизии возлагается лично на Вас. Предупреждаю, что за возможную катастрофу 163 стр. дивизии лично будете отвечать Вы.

Немедленно донести о Ваших действиях и распоряжениях.

Главнокомандующий — К. Ворошилов.

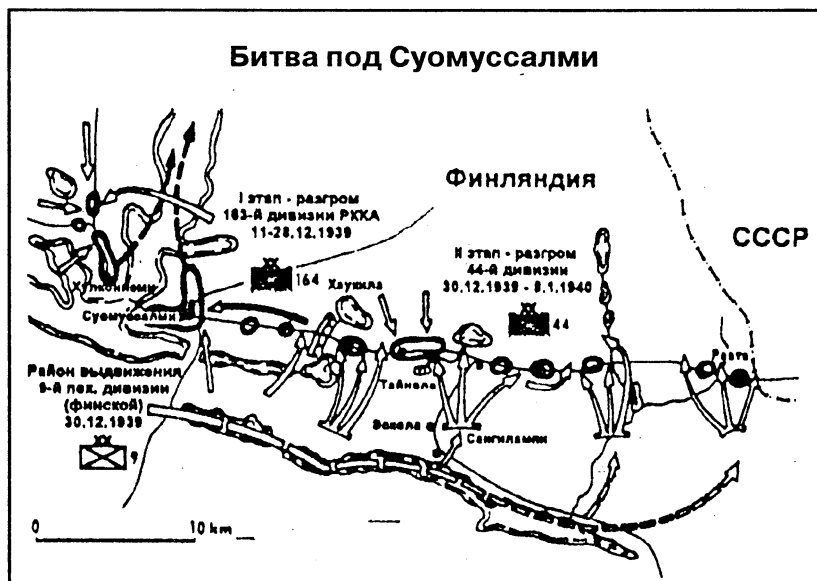
Член Главного военного совета — И. Сталин.

Начальник Генерального штаба — Б. Шапошиков.

В это время финская радиоразведка уже перехватила сообщения о спешившей на помощь окруженцам 44-й дивизии Виноградова. И тогда полковник Сииласвуо пошел на большой риск. На узкой перемычке между озерами Куйваярви и Куоманярви он выставил заслон на пути двигавшейся по дороге Раате дивизии, а из близлежащих лесов стал наносить упреждающие удары силами отрядов лыжников.

28 декабря командование 163-й дивизии неожиданно приняло решение, не дожидаясь подхода 44-й дивизии, выходить из окружения. Трагизм этой ситуации заключался в том, что обе дивизии в тот момент отделяло друг от друга всего 10 километров. Несмотря на интенсивный обстрел, 163-й дивизии удалось в организованном порядке начать отступление по льду озера Киангтяярви под прикрытием бронетехники и авиации, а также благодаря арьергарду, который, вызвав огонь на себя, позволил основным силам отойти обратно к границе. Дивизия Зеленцова ушла на северо-восток, потеряв около 30 процентов личного состава. Кроме того, среди бойцов было много обмороженных. Потери тяжелого вооружения и военной техники составили около 15 процентов.

Тем временем полковник Сииласвуо все имевшиеся у него силы направил на окружение и постепенную ликвидацию 44-й дивизии. Она, продвигаясь на соединение со 163-й, растянулась и оказалась зажатой между лесов и болот на дороге Раате. Запасы продовольствия и боеприпасов быстро таяли. Не было возможности отправить в тыл раненых и больных. В радиограмме от 4 января, перехваченной финнами, отмечалось, что продуктов осталось на один день, бойцы голодают, лошади не кормлены около недели, серьезная нехватка боеприпасов. К тому же финнам удалось уничтожить

приграничный мост, тем самым полностью отрезав дивизию от тыловых коммуникаций. С 5 по 7 января дивизия Виноградова вела тяжелейшие бои, пытаясь всеми возможными способами вырваться из окружения. Отдельные столкновения и перестрелки продолжались до 10 января.

Положение усугубляла полная неподготовленность 44-й дивизии к ведению боевых действий в условиях суровой зимы. До войны местом ее постоянной дислокации был Житомир. Дивизия была переброшена на север, не имея ни теплых полушубков, ни валенок, ни рукавиц. Между тем, ночь с 3 на 4 января 1940 г. была одной из самых холодных за все время «зимней войны» (до 45-50 градусов мороза!). Много позже финские историки, основываясь на документальном материале, отмечали, что «жуткая темнота Приполярья, где зимнее время превращается в одну сплошную мглу без утра и вечера, лишила многих красноармейцев, приехавших с Украины, рассудка. А красота северного сияния воспринималась ими как зловещие призрачные огни».

Таким образом были сорваны планы советского командования по соединению двух дивизий и их стремительному броску самым коротким путем к западному побережью Финляндии. Остатки 163-й дивизии ушли обратно на северо-восток и до конца войны закрепились в местечке Юнтсуранта. 44-я дивизия (численностью около 17 с половиной тысяч человек) была разгромлена. Потери личного состава дивизии превысили 70 процентов, около 1200 бойцов и командиров попали в плен. В общей сложности финские войска потеряли под Суомуссалми около 800 человек, советские — около 23 тысяч!

Выйти из окружения удалось лишь немногочисленным группам и одиночкам, которые сразу попали в руки НКВД.

...Этот документ надо привести полностью:

*Совершенно секретно
Начальнику Генерального штаба
Красной Армии т. Шапошникову
(для ставки)*

Докладываем: суд над бывшим командиром 44 СД Виноградовым, начальником штаба Волковым и начполитотдела Пахоменко состоялся одиннадцатого января в Важенвара под открытым небом в присутствии личного состава дивизии. Обвиняемые признали себя виновными в совершенных преступлениях. Речи прокурора и обще-

---

ственного обвинителя были одобрены всеми присутствующими. Суд тянулся 50 минут. Приговор к расстрелу был приведен в исполнение немедленно публично взводом красноармейцев.

После приведения приговора в исполнение состоялось совещание начсостава, на котором намечена дальнейшая разъяснительная работа. Выявление всех предателей и трусов продолжается.

В 44 СД работает комиссия Военсовета, на обязанности которой лежит детальное расследование всех причин и обстоятельств поражения 44 СД.

*Чуйков
Мехлис
11 января 1940 г.*

Через восемь дней последовал приказ Главного Военного Совета Красной Армии за номером 01227. В нем говорится:

«В боях 6–7 января на фронте 9-й армии в районе восточнее Суомуссалми 44 стр. дивизия, не смотря на свое техническое и численное превосходство, не оказала должного сопротивления противнику, позорно оставила на поле боя большую часть ручного оружия, ручных и станковых пулеметов, артиллерию, танки и в беспорядке отошла к госгранице.

Основными причинами столь постыдного для 44 стр. дивизии поражения были: трусость и позорно-предательское поведение командования дивизии в лице командира дивизии комбрига Виноградова, начальника политотдела дивизии полкового комиссара И. Т. Пахоменко, начальника штаба дивизии полковника А. И. Волкова, которые вместо проявления командирской воли и энергии в руководстве частями и упорства в обороне, вместо того, чтобы принять меры к выводу частей, оружия и материальной части, подло бросили свою дивизию в самый ответственный период боя и первыми ушли в тыл, спасая свою шкуру.

Основные виновники этого позора понесли заслуженную кару Советского закона.

Позорный отход 44 стр. дивизии показывает, что не во всех частях Красной Армии у командного состава развито чувство ответственности перед Родиной, что в тяжелом, но далеко не безнадежном положении, командиры иногда забывают свой долг командира, и у них иногда берут верх шкурнические интересы.

Позорный отход 44 стр. дивизии показывает, далее, что в бойцах также не развито чувство ответственности за вверенное им Родиной оружие и они иногда при первом серьезном нажиме со стороны противника бросают оружие и из бойцов Красной Армии, которые обязаны бороться за Родину с оружием в руках до последнего вздоха, превращаются в безоружную толпу паникеров, позорящих честь Красной Армии...»

Гибель почти целой дивизии в маленьком приграничном районе Финляндии полвека оставалась в нашей историографии «белым пятном». Ни абзаца, ни строчки, ни слова. Трагедия, оставшаяся только в памяти чудом вырвавшихся из этого снежного ада участников сражения, узкого круга военных специалистов и безмолвных стеллажей государственных архивов. Рассказывать о победах легче, чем о поражениях, а тем более о таких поражениях, которые были предрешены военно-политическими просчетами.

Финские специалисты, рассматривая причины разгрома 44-й дивизии, особое внимание уделяют психологическим факторам. На дороге Раате столкнулись, по их мнению, два разных образа военного мышления. Один из них безоглядно верил в технику, другой – в более подходящего к здешним условиям легковооруженного бойца. Но тяжелая советская техника проламывала хрупкий лед (озера здесь промерзают только к середине января), вязла в болотной топи. Финны же перевозили свое вооружение и боеприпасы на удобных саях-волокушах, на них отправляли в тыл раненых.

Одежда финских солдат была именно одеждой, а не униформой. Многим резервистам не хватило обмундирования, они пошли воевать в своих тулупах, теплых свитерах и носках домашней вязки. Называлась такая неуставная «форма» по имени тогдашнего премьер-министра Каяндера «каяндеровкой». Он так сэкономил, что денег хватило лишь на ремни до кокарды. Но в конечном счете эта теплая одежда ручной выделки очень пригодилась в лютые морозы. Она грела куда лучше казенных полушубков.

Красноармейцы были фактически лишены теплой одежды. Тонкие шинели, шапки-буденовки, обмотки. Лишь немногим достался ватник или полушубок, валенки. Зато имелись в изобилии тоненькая «Инструкция по предупреждению обморожений» и брошюра «Лыжная подготовка в РККА». Однако у тех, кому они предназначались, вместе с теплой одеждой отсутствовали и лыжи. А если кое-где лыжи были,

---

то самого низкого качества, совершенно непригодные для здешних условий. Полевые карты, имевшиеся в распоряжении красных командиров, оказались настолько неточными, что им приходилось пользоваться финскими картами для туристов. На советских картах отсутствовали даже обозначения шоссейных дорог. К тому же красные командиры, не говоря уже о рядовых бойцах, очень плохо ориентировались на местности.

Что касается защитников Суомуссалми, то здесь воевали в основном люди из этих краев. Они знали каждое озеро, каждый холм, каждую ложину. И главное, они защищали свою землю, свои дома, свое отечество...

«Зимняя война» вошла в историю как легенда о «финском чуде». Маленькая, недавно ставшая независимой страна проявила невиданную стойкость, мужество и военное мастерство в схватке с гораздо более сильным врагом. Советские историки называют ее незначительной, хоть и увенчанной победным итогом, бесславной и даже позорной. Хочется к этим определениям добавить еще одно – забытая война...

М. Беляева
(Журнал «Эхо планеты»,
№ 45/1994, с. 20-23, с сокращениями)

«Красные финны»

Осенью 1919 г., подготавливая захват Финляндии, советское руководство пыталось объяснить свои действия «желанием» финского народа освободиться от капиталистического ига и вступить в дружную семью советских социалистических республик.

Одним из слагаемых будущей победы было наличие некой армии Финляндской демократической республики. Это формирование, созданное по указу правительства СССР, должно было свести (хотя бы в глазах мировой общественности) участие РККА в «освобождении» финнов к минимуму. Однако никакие меры не помогли — уже 14 декабря 1939 г. Лига Наций квалифицировала действия Советского Союза как агрессию.

Официальная советская версия начала войны такова: «...1 декабря в разных частях Финляндии народ восстал и провозгласил создание демократической республики. Красная Армия пришла в Финляндию на помощь финскому народу по приглашению народного правительства, чтобы помочь в его борьбе против политических шулеров». На следующий день все советские газеты опубликовали текст договора о дружбе и взаимопомощи между правительствами Финляндской демократической республики (ФДР) и СССР. Так советский народ и мировая общественность узнали о финской «революции», о создании «народного правительства» Куусинена и его вооруженных сил.

Принципиальное решение о войне с Финляндией было принято в Москве в начале ноября 1939 г. Тогда же возник вопрос о «революционном правительстве освобожденной Финляндии». Генеральный секретарь ЦК компартии Туоминен получил предложения от Коминтерна и ВКП(б) возглавить финское правительство после «победы революции» в стране. Туоминен, однако, отказался. Тогда будущее правительство возглавил Куусинен, сначала негласно, а со 2 декабря «официально» стал премьер-министром и министром иностранных дел ФДР. Военным министром и главнокомандующим будущих вооруженных сил стал комдив А. М. Анттила.

Вопрос о создании армии ФДР был решен еще до объявления войны Финляндии. 11 ноября 1939 г., согласно директиве наркома обороны К. Е. Ворошилова, началось формирование 106-й стрелковой дивизии РККА — костяка будущей Финляндской народной армии (ФНА). Затем эта дивизия

была развернута в 1-й горнострелковый корпус ФНА и начался призыв резервистов. Набор личного состава осуществлялся военкоматом Карельской АССР ускоренными темпами. 26 ноября 1939 г. корпус насчитывал 13405 человек, 17 декабря — 17973, а к 1 марта 1940 г. — уже 22773 чел., не считая личный состав не до конца сформированных 3-й и 4-й стрелковых дивизий (соответственно 2839 и 1924 человек). Командиром 1-го горнострелкового корпуса стал А. М. Анттила, начальником штаба — комбриг Ф. Н. Романов (он же Райкас), военным комиссаром — бригадный комиссар Ф. И. Егоров, начальником политотдела штаба корпуса — полковой комиссар В. П. Терешкин (он же Тервонен).

Формально корпус состоял примерно из 66,34% финнов, 26,74% карел и 6,92% представителей других национальностей. Однако, несмотря на все старания, командование не смогло набрать в ФНА достаточное количество финнов. Решили призвать на службу карел, проживавших в Калининской области. Но, вопреки всем принимаемым мерам, состав 1-го корпуса ФНА оставался в значительной мере славянским. Тогда многих русских, украинцев, особенно офицеров, в отчетах записывали финнами или карелами. Был издан приказ о присвоении этническим славянам финских фамилий. Так, комиссар Ф. И. Егоров стал карелом, а комиссар В. П. Терешкин превратился в Тервонена. Можно предположить, что количество реальных финнов и карел в корпусе составило около $\frac{2}{3}$ от его личного состава.

Все бойцы и командиры были советскими гражданами. Формирование частей ФНА из финских военнопленных и не предполагалось, тем более что их численность была незначительной. К февралю 1940 г. было взято в плен всего около 1000 финских военнослужащих.

Управление корпуса по штату насчитывало 260 человек: командный состав — 40 человек, политический — 29, административный — 27, технический персонал — 12, медицинский и ветеринарный — по 2; младший командный состав — 30 человек; рядовых — 112 человек; вольнонаемных — 6 человек.

К 8 декабря 1939 г. в составе 1-го горнострелкового корпуса ФНА были следующие соединения:

Управление.

Управление 1-й ГСД, 5-й ГСП

Управление 2-й ГСД, 3-й и 4-й ГСП

Танковый полк

Артиллерийский полк, артиллерийский парк, батарея ПВО.

Саперный батальон, отдельный батальон связи, отдельный

кавалерийский эскадрон, зенитно-пулеметная рота, взвод НКВД, авторота.

Медсанбат, госпиталь, ветеринарный лазарет.

Полевой хлебозавод

Несмотря на внушительную численность, 1-й стрелковый корпус ФНА слабо напоминал реальную боевую единицу. Комплектование, снабжение и обучение войск оставляли желать много лучшего. 3-я и 4-я стрелковые дивизии существовали только на бумаге, а сформированные 1-я и 2-я имели значительный некомплект личного состава. По состоянию на 7 марта 1940 г. в 1-й дивизии не доставало против штатной численности 1439 человек, из них — комначсостава — 67 человек, младшего командного состава — 252 и рядовых — 1120 человек. По состоянию на 15 марта во 2-й дивизии не хватало 1445 человек, а всего по корпусу (на 1 марта) некомплект составил 2799 человек.

К 10 декабря 1939 г. структура корпуса и место дислокации подразделений изменилась.

2-й ГСП и 1-й дивизион артполка сосредоточились в Териоки. Саперный батальон, кавалерийский эскадрон, батарея ПТО, минометная батарея, батальон связи и Управление корпуса располагались в Куоккала. 11 декабря туда же прибыли зенитно-пулеметная рота, авторота, госпиталь и ветеринарный лазарет.

3-й ГСП и 2-й дивизион артполка выступили из Петергофа в Териоки и 10 декабря находились в районе Ривьера-Уусикюли.

4-й ГСП находился в окрестностях Куоккала, в стадии передислоцирования в Сестрорецк.

Артиллерийский парк, медсанбат и 3-й дивизион артполка (в стадии формирования) оставались в Ленинграде.

5-й и 6-й ГСП находились в Пушкине.

К концу декабря были сформированы 5-й и 6-й полки и началось создание 3-й и 4-й дивизий.

Одновременно корпус был переименован в стрелковый, а его организация приобрела следующий вид:

Управление Корпуса.

Части корпусного подчинения: 7-й отдельный СП, отдельный батальон связи, отдельный саперный батальон, отдельный зенитно-артиллерийский дивизион, отдельный стрелковый взвод НКВД, Прокуратура и Трибунал корпуса, полевая почта № 71, полевое отделение Госбанка № 80.

1-я СД: 1-й и 2-й стрелковые полки, части дивизионного подчинения под № 1, 2-й саперный батальон и 2-й батальон связи.

2-я СД: 3-й и 4-й стрелковые полки, части дивизионного подчинения под № 2, 3-й саперный батальон и 3-й батальон связи.

3-я СД: 5-й и 6-й стрелковые полки, части дивизионного подчинения под № 3, 4-й саперный батальон и 4-й батальон связи.

4-я СД: 8-й и 9-й стрелковые полки, части дивизионного подчинения под № 4, 5-й саперный батальон и 5-й батальон связи.

В корпусе остро ощущалась нехватка боевой техники, стрелкового вооружения и военного имущества. Некомплект против положенного по штату количества составлял: винтовок — 1242 штук, ручных пулеметов — 288, станковых пулеметов — 100, минометов — 20, автомашин всех типов — 1601, тракторов и тягачей — 2808.

Уставы и наставления на финском языке были доставлены войскам с большим опозданием. Наблюдалось нерациональное размещение личного состава и вооружения в подразделениях. Излишки передавались во вновь создававшиеся части, а не на доукомплектование уже сформированных!

Интересна униформа военнослужащих ФНА.

1. Шапка-ушанка без знаков различия. Верх суконный, цвет хаки.

2. Шинель суконная, цвета хаки, с малиновыми петлицами и погонами шинельного материала, чистыми.

3. Мундир (френч) суконный, цвета хаки, с двумя нагрудными карманами, застегивающимися клапанами на одну пуговицу. Два боковых накладных кармана, застегивающиеся на две пуговицы каждый. Сзади мундира разрез от талии.

4. Шаровары суконные, цвета хаки с двумя боковыми карманами, по шву.

5. Сапоги обыкновенные армейского образца.

Вышеописанные образцы были в основном ни чем иным, как трофейной польской военной формой. С учетом ношения шапок-ушанок вместо буденовок и наличия погон, военнослужащие корпуса внешне отличались от бойцов РККА и производили впечатление солдат иностранной державы.

Боевая учеба корпуса должна была начаться 1 декабря 1939 г., но большинство подразделений не уложились в установленные сроки. Сохранилось немало документов, посвященных плохому состоянию боевой подготовки войск. Например, в приказе по корпусу № 29 отмечалось, что «в зенитно-артиллерийском дивизионе сбор младшего командного состава не был организован. Расписание занятий имелось всего на один день. Классы не оборудованы». Из приказа по корпусу № 34 от 29 декабря 1939 г.: «...боевая и политическая подготовка частей корпуса еще по-настоящему не органи-

зована... Строевая подготовка не на высоте; дисциплина оставляет желать много лучшего. Качество политико-воспитательной работы находится еще не на должном уровне».

Боевая подготовка должна была проводиться в соответствии с уставами РККА, задачи политической подготовки оговаривались особо — уже упомянутый приказ № 34 предписывал: «Главное внимание должно быть сосредоточено на глубоком усвоении каждым бойцом и командиром тех задач, которые стоят перед нами в деле освобождения финского народа от террористической диктатуры Маннергейма-Таннера и проведения в жизнь мероприятий, намеченных декларацией Правительства ФДР. Каждый боец должен стать агитатором и пропагандистом среди населения Финляндии».

Но, однако: «бойцы не понимали целей войны, а политработникам было трудно обосновать эти цели». Дисциплина в частях корпуса была еще одной проблемой. Уже в приказе № 1 по корпусу от 23 ноября отмечалось: «21 ноября в городе Петрозаводске ряд лиц явились со сборных пунктов в столовые, магазины и др. места в пьяном виде, дебоширили и производили другие безобразия в общественных местах города». Из приказа, изданного пять дней спустя: «Воинская дисциплина в частях корпуса стоит на весьма низком уровне. Особенно плохо обстоит дело с внутренним порядком в частях: в помещениях грязь, курят в общежитиях, суточный наряд не инструктируется, службу знает плохо и несет ее неудовлетворительно». Положение, несмотря на строгие меры, принимаемые командованием корпуса, ухудшалось с каждым днем. Как результат, прокуратура и трибунал корпуса рассматривали по 10–15 дел в месяц. Например, согласно докладной записке прокурора корпуса Терентьева, за время с 1 декабря 1939 г. по 10 января 1940 г. было рассмотрено и передано в военный трибунал 13 дел (контрреволюционных — 1, неисполнение приказа — 1, уклонение от службы, самовольное оставление части — 7, нарушение правил караульной службы — 1, промотание обмундирования — 1, уничтожение предметов казенного обмундирования — 1). Согласно приговору Трибунала было осуждено на разные сроки заключения 11 человек и к расстрелу — 1 человек.

Практически всю войну корпус находился в тылу советских войск, действовавших на Карельском перешейке. Стать «проводником мероприятий, намеченных декларацией Правительства ДФР» войска корпуса по понятным причинам не могли, поэтому они несли гарнизонную службу, собирали трофеи и конвоировали пленных. В одном из приказов гово-

---

рилось, правда, о необходимости очистки «освобожденных» районов от «возможных банд», но самих этих банд практически не было — население покидало занимаемые РККА районы вместе с отступающими войсками.

Из всех войск корпуса лишь бывший 1-й ГСП, ставший 7-й отдельным стрелковым полком в феврале 1940 г. был отправлен на передовую на участке 9-й армии. По имеющимся сведениям, бойцы полка дрогнули в первом же бою, не выдержав сильного огня противника. 5 апреля 1940 г. был отдан приказ о расформировании корпуса. В запас было уволено 1560 человек, в другие части переведено 12052. На 19 апреля в частях корпуса еще оставалось до 9 тысяч человек, которые были распределены по отдельным частям РККА.

*В. А. Андреев
(Журнал «Сержант»,
№ 3/1997, с. 23-24)*

«Белые финны»

«Зимняя война» Финляндии продолжалась всего лишь три с половиной месяца — с последнего дня ноября 1939 года по 13 марта следующего года. «Сто пять славных дней», как говорят финны. Народ, оказавшийся объектом нападения, чувствовал себя оскорбленным и боролся, как раненый лев. В ту рекордно холодную зиму на полях сражений проявился героизм, доходивший до самопожертвования.

* * *

Во время «зимней войны» и последовавшей за ней финляндско-советской войны 1941—1944 годов, а также в послевоенный период отношение финнов к личному героизму было совершенно особенным. Финны считают, что каждый боец и все работавшие в тылу мужчины и женщины выполняли свой долг, делая для родины все возможное, каждый на своем месте. Если кто-то при выполнении задачи добивался исключительного результата, его именовали героем. Сдержанность в этом вопросе объясняется характерной для финнов скромностью, немногословностью, подчас даже угрюмостью тех, кого называли героями, а также завистью финнов друг к другу. Тыл и иностранная пресса, которая была хорошо представлена в Финляндии во время войны, требовали, однако, обнародования фамилий героев, и информационная служба ставки давала сведения для публикации.

Финский солдат — это солдат-одиночка, индивидуалист. Правда, его наилучшие черты не так заметны в условиях великих сражений. Поэтому трудно отыскать проявления личного героизма на основном театре военных действий — на Карельском перешейке. А вот в боях на северном берегу Ладожского озера, на севере от Питкяранта, в Коллаа, на востоке от Лоймола, в Толваярви, на востоке от Вяртсиля, в направлении Лиекса—Репола, в Кухмо, в Суомуссалми, Салла и Петсамо личные подвиги проявлялись ярче. Там в огромных заснеженных лесах было достаточно места для подвига, и именно там боец-одиночка мог проявить свой талант.

Выявление героев среди финнов вызывает определенные трудности еще из-за того, что в Финляндии не было учреждено такого специального ордена для награждения за выдающийся подвиг, как, например, Герой Советского Союза в СССР, «За заслуги» (Pour le Merite) во Франции или Кавалерский крест ордена Железного креста в Германии. Крест

Маннергейма был учрежден только летом 1941 года. Тогда же рассматривалась возможность награждения этим орденом за подвиги, совершенные еще во время «зимней войны». Высшим орденом, которым награждали за заслуги в ней, уже после ее окончания, стала медаль Свободы 1-го класса с розеткой. Ею был награжден маршал Маннергейм в мае 1940 года. Эту медаль с простой лентой давали рядовым солдатам и унтер-офицерам.

В ходе напряженной войны было мало повышений по службе за боевые заслуги. Осенью 1939 года генералитет составлял 18 человек, и его состав увеличился в течение войны всего на 2 лица. Генерал-майору Эрику Хейнриксу было присвоено звание генерал-лейтенанта, когда он был назначен командующим Армией Перешейка. Это было сделано потому, что в его подчинении оказался Харальд Эквист, уже имевший звание генерал-лейтенанта. Звание генерал-майора было присвоено победителю сражения в Толваярви полковнику Пааво Талвела и деятельному помощнику главнокомандующего, начальнику оперативного управления Акселу Айро. Во время войны звание полковника получили три офицера (Ааро Паяри — командир полка в Толваярви, командир направления Лиекса Эрkki Раапана и Мартти Нурми — командир участка в Тайпалеенйоки). Звание подполковника было присвоено только одному офицеру (Нийло Кесямаа, который служил командиром береговой артиллерии Койвисто).

Богатая литература, появившаяся после войны, выявила героев на разных участках фронта, особенно между Ладожским озером и Северным Ледовитым океаном.

Финские лыжные дозоры казались противнику обитавшей в лесах белой смертью. Бесшумно двигавшиеся на лыжах бойцы совершали разведывательные и диверсионные рейды. Они наносили коварные удары прежде, чем дозорный замечал их, и исчезали до того, как утопающий в сугробах противник успевал нанести ответный удар. Многие командиры этих рейдов были выходцами из пограничных войск, но среди них имелись и лесничие, и известные за пределами Финляндии лыжники-рекордсмены.

Юхо Песси тоже начал свою карьеру в пограничных войсках. Этот 42-летний лейтенант командовал ротой, выполнявшей спецзадания в бескрайних глухих лесах, разделявших участки фронта Коллаа и Толваярви. Дозоры и снайперы были готовы выполнить любое задание, однако рассказы о засевших на деревьях финских снайперах-«кукушках» не имеют под собой никакого основания.

Финский плакат времен войны

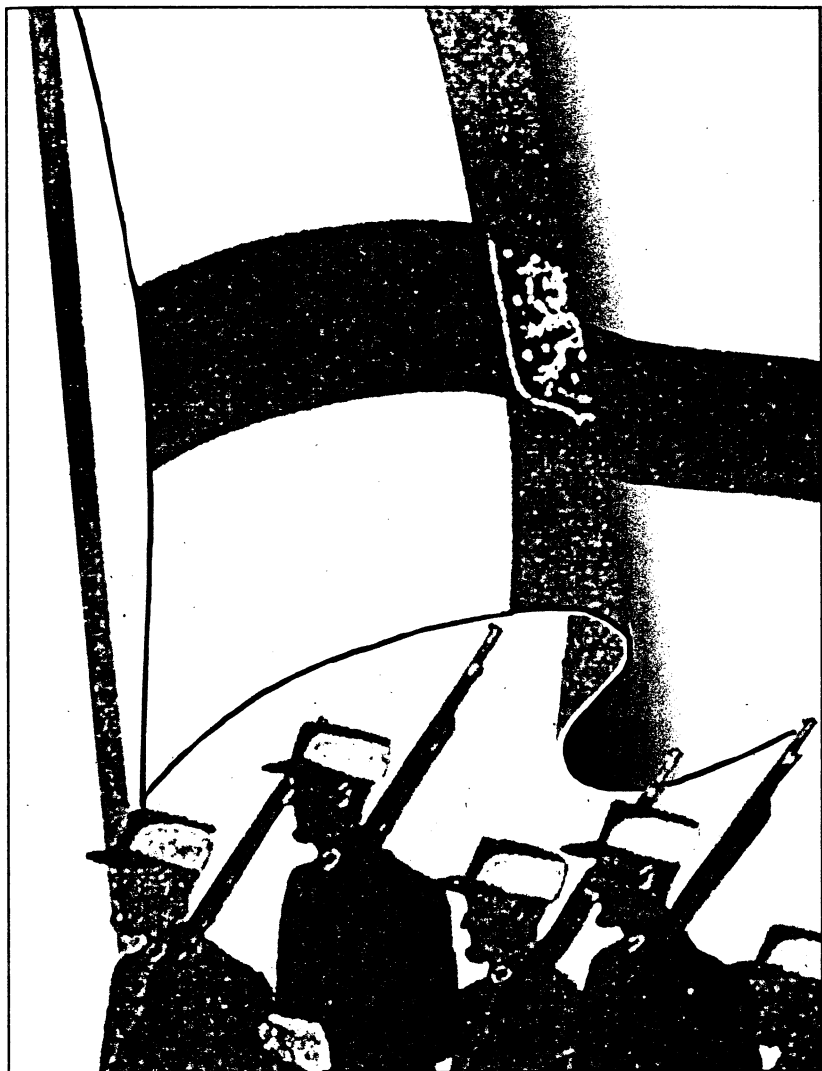
50-летний трубочист Карппинен из Питкяранта отличался от обычных фронтовых героев. Его не брали в армию, так как он не прошел никакой боевой подготовки. Этот человек, однако, обладал таким талантом командира, что о нем говорили как о чуде. Он так проявил себя в боях в своем родном селе, что в конечном счете его приняли на службу. Став ефрейтором, он своим ножом заставил замолкнуть сторожевых псов противника при атаке финнов на Куйваниemi. В походах он двигался, как горностаи на скалистом утесе, и помогал тем, кто был моложе его. В конце войны, уже будучи старшим сержантом, Карппинен в качестве старшины роты отвечал за снабжение 300 солдат.

Снайпер младший сержант Симо Хяюхя был самым знаменитым героем направления Коллаа. До середины февраля этот крестьянин из Раутярви выстрелами из своей винтовки уложил 29 бойцов противника, и столько же убил в рукопашных боях. В марте его ранило в лицо, и главнокомандующий присвоил ему звание младшего лейтенанта.

На том же участке героем стал лейтенант Аарне Юутилайнен. Он служил в иностранном легионе во Франции и воевал в Марокко против тамошних горных племен. За легендарное прошлое, личную смелость и неуловимость в Суоярви и на направлении главного удара в Коллаа этого командира роты прозвали «Ужасом Марокко».

Брат его, Ильмари Юутилайнен, служил в военно-воздушных силах летчиком-истребителем. Во время «зимней войны» он не сбил и двух самолетов противника, но в войне 1941–1944 годов был дважды награжден Крестом Магннергейма. Одержав победу в 94 воздушных боях, он стал самым удачливым летчиком-истребителем страны.

Одним из самых известных летчиков был также лейтенант Йорма Сарванто из Турку. 6 января он получил известие о возвращении с объекта вражеских бомбардировщиков. Два истребителя марки Fokker D. 21 поднялись в Утти в морозное небо, но один из них по техническим причинам немного отстал. Через несколько минут Сарванто заметил перед собой семь бомбардировщиков марки ДБ с красными звездами. Они летели на юг без защиты истребителей. Несмотря на сильный огонь советских самолетов, в течение 4–5 минут Сарванто сбил шесть из них, а уничтожение последнего оставил подоспевшему лейтенанту Пелле Совелиусу. Международная пресса объявила достижение Сарванто мировым рекордом, но он сам комментировал происшествие следующим образом: «Любой из моих друзей сде-

Плакат: «Финляндия марширует!»

лал бы то же самое, представься им такая же прекрасная возможность».

В сражениях на Карельском перешейке личные подвиги совершались редко. Из командиров батальонов специального упоминания заслуживают те, которые оборонялись рядом друг с другом на востоке от Сумма — капитаны Вилье Лааксо и Ауно Куйри.

Из тех, кто был на перешейке, следует упомянуть капитана Онии Саарелайнена. Батальон под его командованием особенно отличился в контратаке в Келя 27 декабря 1939 года.

Очень известен был и служивший на западе Карельского перешейка 19-летний сержант Эйно Рипатти. Во многих боях он проявлял смелость, которая удивляла его командиров. Он один уничтожил из автомата отряд врага численностью в половину взвода, находившийся под прикрытием танка. В следующей войне Рипатти был награжден Крестом Маннергейма.

Известным стал и младший лейтенант Хилле Кайсла, командир партизанского взвода полка запада Карельского перешейка. Этот фехтовальщик, не раз побеждавший в чемпионате Финляндии, водил свой взвод в разведывательные дозоры на восточную сторону озера Хатялахденярви, где находились войска противника. В результате он передал своему полку много полезных разведанных. Этот осмотрительный и спокойный командир первым в своем полку был награжден Медалью Свободы.

Оборонительные бои на самом восточном участке велись на северном берегу реки Тайпаленйоки. Служивший там командиром роты лейтенант Юре Юлхя поведал народу о чувствах и подвигах неизвестных героев великих сражений Перешейка в своем сборнике стихов под названием «Kiirastuli» («Чистилище»). Суровые, мужественные стихи Юлхя, повествующие о боях на реке Тайпаленйоки, которую он сравнивает с рекой Туонела (в «Калевале» название реки, отделяющей царство умерших от мира живых) до сих пор входят в программу патриотических праздников. В них он ярко рассказал о безымянных защитниках, которые устали от тяжелой ответственности быть командирами:

Выполнили то, в чем поклялись,
Другой чести нам не надо.
Благодарность и слава лишь мишура.

А. Юутилайнен
(Журнал «Родина», № 12/1995 г., 92–94)

ЧАСТЬ III

Война в воздухе

Бомбы на финские города

В ночь на 30 ноября 1939 года пограничники сообщили министру внутренних дел Финляндии Урхо Калева Кекконену о том, что советские войска перешли границу в нескольких местах. Тот в свою очередь немедленно информировал о случившемся премьер-министра Каяндера и потребовал немедленной встречи. Непонимание серьезности положения прекрасно иллюстрируется ответом премьер-министра: «Вы действительно считаете, что мы не можем подождать до начала рабочего дня?»

В 9 часов 15 минут по финскому времени первые три бомбардировщика СБ появились над Хельсинки, сбрасывая бомбы на аэродром Малми и пригород Тикурила. Часом позже эскадрилья капитана Ракова (ВВС КБФ) бомбила финскую военную базу Сантахамина, расположенную на острове восточнее Хельсинки. К счастью, эта атака не нанесла серьезного ущерба (Раков получил первую «Золотую Звезду» 7 февраля 1940 года за бомбардировки Хельсинки, вторую — 21 июля 1944 года).

В тот же день новая группа советских бомбардировщиков сбросила свой смертоносный груз на центр города. Эти восемь ДБ-3 также принадлежали Балтийскому флоту. 3-я эскадрилья 1-го авиаполка (ВВС КБФ) под командованием капитана А. М. Токарева получила задание обнаружить и уничтожить прибрежные корабли в Ханко. Корабли найти не удалось. В 16.50 по московскому времени они сбросили 600 бомб на порт. Летчики видели горящие здания, цистерны с нефтью и корабли (Токарев стал Героем Советского Союза 21 апреля 1940 года).

Несколько бомб упало недалеко от парламента и Зоологического музея. Теперь уже не было никаких сомнений — началась война. Бомбовая атака Токарева была самой разрушительной из всех, которым подвергались Хельсинки. Сильно пострадал густонаселенный район между Техническим университетом и автобусной станцией. 91 человек был убит, несколько сот ранено.

Заседания парламента решили перенести в кафетерий на первом этаже. Когда все было подготовлено для работы, министр внутренних дел Кекконен вдруг усомнился в безопасности, и членов парламента срочно увели в другое «секретное» место — рабочий клуб в окрестностях Валлила. В 20.00 (финское время) сессия парламента открылась. Премьер-министр Каяндер зачитал официальное заявление прави-

тельства о том, что Советский Союз нарушил пакт о ненападении, подписанный двумя сторонами 21 января 1932 года (срок действия — до 1945 года), разорвал дипломатические отношения и начал военные действия против Финляндии.

В тот же вечер было решено эвакуировать парламент в Каухаёки, на расстояние более 300 километров от президента и правительства.

«Финское правительство сбежало в неизвестном направлении», — сообщила всему миру советская сторона.

Известие о бомбардировках Хельсинки 30 ноября, гибель мирных жителей, фотографии разрушенного города потрясли мир. Президент Рузвельт немедленно направил протест советскому послу в США. В. Молотов ответил американскому послу в Москве Штейхардту контрпротестом, опубликованным 2 декабря 1939 года в «Известиях». Молотов цинично заявил: «Советская авиация не бомбила и не собирается бомбить город, но наше правительство уважает интересы финского народа не меньше, чем любое другое правительство. Конечно, из Америки, находящейся более чем за 8 тысяч километров от Финляндии, это не заметно».

Советские бомбардировки привели к исключению Советского Союза из Лиги Наций 14 декабря 1939 года.

И тем не менее американский протест возымел действие. После него Хельсинки подвергались бомбардировкам лишь несколько раз — 1, 19, 21, 22, 25 декабря 1939 года, 13 и 14 января 1940 года. Кроме последней, в результате которой погибло 6 человек, все другие обошлись без жертв.

Интересен факт: некоторые советские летчики в своих воспоминаниях отмечали, что бомбардировки Хельсинки были запрещены, так как он был объявлен «открытым городом». На самом деле финское правительство таких заявлений никогда не делало. Истинные причины бомбардировок Хельсинки до сегодняшнего дня неизвестны. Если таким образом хотели заставить Финляндию принять условия советской стороны, то действия были явно несоординированными.

Таблица

1. Статистика воздушных операций в «зимней войне»	
Общее число операций советской авиации:	84 397
– истребительная авиация.....	40 266
– бомбардировочная авиация	44 041
– из них совершено ВВС КБФ.....	16 663
Общее количество сброшенных бомб:	23 146 т
– из них ВВС КБФ	2600 т

Финские вооруженные силы потеряли:	62 сам.
— из них во время боев с врагом	47
Советские вооруженные силы потеряли сам.:	640-650
— финская авиация сбила	190
— финская противоздушная артиллерия сбила.....	300

Финский плакат времен войны

2. Города, которые сильнее всего пострадали во время «зимней войны»

город	число налётов	кол-во самолетов	кол-во бомб	число убитых
Хельсинки	8	70	350	97
Турку	61	440	2550	52
Тампере	12	260	1000	17
Лахти	23	300	1500	23
Риихимакки	40	620	1700	20
Ханко	72	260	1100	6
Хамеенлинна	8	50	200	13
Вааса	6	85	600	22
Сейна-Йоки	1	27	150	10
Коувола	39	850	1200	28
Миккели	10	110	440	63
Кууопио	5	80	400	38
Йисалми	11	80	450	41
Виипури	64	1400	4700	38
Лапеенранта	36	550	1800	37
Елисенваара	39	280	1000	35
Сортавала	23	200	1050	31
Йанис-Йарв	36	220	900	49
Урмес	37	150	600	22
Рованиemi	19	170	700	25

Всего во время бомбардировок финских городов было убито 956 человек, 540 были серьезно и 1300 легко ранены.

256 каменных и около 1800 деревянных зданий было разрушено.

*Карл-Фредрик Геуст
(Журнал «Родина»,
№ 12/1995, с. 58-59)*

Авиация Балтийского флота в «зимней войне»

Война с белофиннами (30.11.1939–13.03.1940 г.) явилась проверкой боеготовности армии и флота перед Великой Отечественной войной. Вместе с войсками ЛВО, кораблями и береговой артиллерией БФ в боях участвовала авиация БФ и СФ.

Авиацией Балтийского флота в ту пору командовал комбриг В. Ермаченков, военным комиссаром был бригадный комиссар Л. Пурник, начальником штаба майор А. Зенкин (до января 1940 г.) и полковник П. Квадэ. К началу боевых действий ВВС БФ имели 469 самолетов, из них: 111 бомбардировщиков ДБ-3 и СБ, 246 истребителей И-16, И-15, И-153, 102 самолета-разведчика МБР-2 и другие.

В начальный период войны (до февраля 1940 г.) финны имели 315 самолетов. Лучшими из них считались истребитель «Фоккер Д-21» (максимальная скорость 440 км/ч) и бомбардировщик «Бристоль Бленхейм» (скорость 320–400 км/час). Таких самолетов насчитывалось 50–60, остальные были устаревших типов. Поэтому противодействие финских ВВС не носило активного характера.

На заключительном этапе (с февраля до конца войны) противник имел свыше 450 самолетов, несмотря на то, что ВВС БФ и ЛВО за первый период уничтожили более 200 вражеских самолетов. Эти потери были восполнены рядом капиталистических государств, поставивших в Финляндию за все время войны более 350 самолетов. Сопrotивление финской авиации стало более упорным, в ее летном составе появились иностранные добровольцы.

Балтийские авиаторы в суровых зимних условиях наносили удары по аэродромам, кораблям, батареям, портам, транспортным на вражеских коммуникациях, а также ставили минные заграждения в шхерных районах и на фарватерах. Они осуществляли ПВО Ленинграда, главной базы Кронштадта, кораблей в море, баз авиации и обеспечивали с воздуха десантные операции флота. С 18.2.1940 г. ВВС БФ вошли в объединенные ВВС фронта и основные их усилия были направлены на поддержку наступления левого фланга частей Красной Армии.

Летчики-балтийцы в боях с белофиннами проявляли героизм и мужество, волю к победе. Особо отличились в ходе

боевых действий 3 АЭ 1-го МТАП (командир Н. Токарев), 57 БАП (командир Е. Преображенский), в составе которого эскадрильей СБ командовал В. Раков, авиаторы 15 АП (полковник Д. Бартновский). Отважно сражались с врагом летчики-истребители 13 ИАП (командир полка И. Романенко), 12 и 13 ОИАЭ.

В марте 1940 г. война с белофиннами завершилась. За период боевых действий балтийские авиаторы произвели 16663 боевых вылета, из них 881 — ночью, сбросили на объекты врага 2600 т бомб, поставили 45 мин, уничтожили в воздушных боях и на аэродромах 65 самолетов. Потери нашей морской авиации в воздушных боях составили 12 самолетов, от зенитного огня 5.

За образцовое выполнение боевых заданий 12, 13 ОИАЭ и 3 АЭ 1 МТАП ВВС БФ были награждены орденом Красного Знамени. 14 отважных воздушных бойцов Балтики удостоены звания Героя Советского Союза.

Опыт боев с белофиннами вместе с положительным выявил и значительные недостатки. Важнейшим из них была некачественная подготовка значительной части летного состава к полетам в облаках и ночью, на малых высотах, с полной бомбовой нагрузкой. Сказалось упрощенчество в предвоенной боевой подготовке, пренебрежение расчетами на поражение целей, вызвавшее низкую точность бомбометания, особенно по кораблям и другим малоразмерным целям. Невысокой оказалась и штурманская подготовка, проявились слабые знания театра боевых действий. Вследствие этого в двадцати случаях была потеряна ориентировка, восемь полетов закончились аварией и катастрофой. Летный состав не имел достаточных навыков ведения групповых воздушных боев, опыта бомбометания с пикирования и применения бортового оружия ночью. В начале войны была недооценена роль воздушной разведки, слабым местом являлась точность дешифрирования снимков.

Ряд недочетов был выявлен в организации управления и взаимодействия между родами авиации и кораблями флота, в подготовке командных пунктов, в техническом оснащении авиачастей.

Опыт советско-финской войны оказал заметное влияние на дальнейшее развитие морской авиации и ее оперативно-тактическое использование. Была подтверждена прямая необходимость скорейшего создания новых, более совершенных самолетов истребительной и разведывательной авиации. Для воздушной разведки нужны были скоростные,

---

маневренные самолеты с хорошим обзором и самой современной аэрофотоаппаратурой. Но этим требованиям не отвечали ни морские разведчики МБР-2, ни бомбардировщики СБ, привлекавшиеся к выполнению задач воздушной разведки. Опыт военных действий также показал необходимость расширения аэродромной сети флота, подготовки достаточного количества оперативных аэродромов, чтобы исключить ту чрезмерную и опасную скученность авиации, которая была на аэродромах в тот период.

*В. Мельников
(Журнал «Морской сборник»,
1990, № 3, стр. 47-49)*

ВВС Финляндии в «зимней войне»

Когда 30 ноября 1939 года Сталин бросил красноармейцев на доты линии Маннергейма, он рассчитывал «малой кровью, могучим ударом» покончить с независимостью Финляндии, уготовив ей судьбу, которая вскоре постигла прибалтийские государства. Однако, финны оказали ожесточенное сопротивление как на земле, так и в воздухе, а Красной Армии пришлось расплачиваться крупными жертвами и потерями за авантюризм «величайшего полководца всех времен и народов». Одной из причин столь тяжелых последствий была недооценка высшим руководством страны и РККА вооруженных сил Финляндии — уровня их боевой подготовки и намерения солдат сражаться до конца, отстаивая независимость своей Родины. Это в полной мере касается и финских ВВС.

В предлагаемой статье автор сделал попытку рассказать о том, что представляла из себя военная авиация Финляндии накануне и в ходе конфликта и о ее участии в боевых действиях.

В 1939 г. накануне войны, финские ВВС подверглись серьезной реорганизации. Ко времени конфликта административно они подчинялись министерству авиации в Хельсинки, а в оперативном отношении командованию сухопутных войск. Организационно боевые силы ВВС Финляндии разделялись на три полка (*Lentoryhmentti — LeR*). На 1-й авиаполк (*LeR-1*), штаб которого находился в г. Суур-Марийоки, возлагалась задача непосредственного взаимодействия с войсками. Оборона воздушного пространства страны была возложена на 2-й авиаполк (*LeR-2*). Штаб его располагался в г. Утти. Для действий по ближним тылам вероятного противника предназначался 4-й авиационный полк (*LeR-4*) со штабом в г. Иммола. Полки, в свою очередь, подразделялись на группы (*Lentolaivue-LLv*), а группы — на эскадрильи.

Для действий на морском театре предназначались две отдельные группы: *LLv-36* и *LLv-39*.

LLv-36 имела шесть «Райопонов» в варианте поплавкового гидросамолета и находилась в районе Каллвика.

LLv-39 имела всего два поплавковых К-43, переданных из *LLv-16*. Машины базировались на Аландских островах, что являлось, вообще-то, нарушением договора о демилитаризации Аландов, согласно которому на архипелаге запрещалось держать войска, военную технику, материалы и т. д.

Сразу после войны советская историография начала утверждать о наличии у финнов около пятисот боевых самолё-

тов, правда, в более поздних публикациях это число снизили до двухсот шестидесяти.

Подготовка военных летчиков осуществлялась в авиашколе (г. Каухава) и в учебной авиагруппе TLLv-36 (г. Сантахамина, где находилась и школа авиамехаников). Парк учебных самолетов был весьма разнообразен. Применялись машины: германского производства – Фокке-Вульф FW44J «Штиглиц» (FW44 Stieglitz), чехословацкого – Аэро А-32 и Летов S-218А (Letov S 218А), английского и финского – Де-Хевилленд «Мом» (De Havilland DH-60 Moth), а также самолеты местной разработки – «Туйску» (Tuisku), «Саас-

К 30 ноября самолетный парк ВВС Финляндии составляли:

авиаполк	авиа-группа	тип самолета	кол-во	Место базирования
LeR-1	LLv-10	Фоккер СХ	13	г. Лаппеенранта
	LLv-12	Фоккер СХ	13	г. Суур-Мерийоки
	LLv-14	Фоккер CV-E	7	н. п. Лайкко
		Фоккер СХ	4	н. п. Лайкко
	LLv-16	Блэкбери «Райпон» PF	9	г. Вяртсиля (2 эск.)
		Юнкерс E-43 (поплавковый вариант шведского производства)	5	север страны В распоряжении командования
		Фоккер D-XXI	3	
LeR-1		Учебно-тренировочные и связные самолеты, в т. ч. 2 Fi-156 «Шторх»	36	г. Иммола
LeR-2	LLv-24	Фоккер D-XXI	36	г. Иммола
		Глостер «Геймкок»-II	9	г. Иммола
	LLv-26	Бристоль «Бульдог» IVA	10	н. п. Раудампи
LeR-4	LLv-44	Бристоль «Бленхейм» Mk. 1	8	обе группы на аэродроме Луонетьерви
	LLv-46	Бристоль «Бленхейм» Mk. 1	6	
		Авро «Энсон» Mk. 1	3	
		Итого	145	
		Из них боеготовых	115	

ки», «Виима» (Viima) и «Котка» (Kotka). С началом военных действий часть этих аппаратов была передана в боевые подразделения для использования в качестве связных.

Своеобразным резервом военно-воздушных сил была местная авиакомпания «AERO OY». После начала войны она передала в военную авиацию по два пассажирских самолета Юнкерс Ju 52/3 м (Junkers Ju 52/3m) и Юнкерс F-13 (Junkers F-13). Кроме того, в ходе военных действий в интересах ВВС использовались два Дугласа DC-2 (Douglas DC-2) и два Де-Хевилленда DH-89А «Дрэгон Рапид» (De Havilland DH-89A Dragon Rapid). Резервом было также общество авиационной обороны, где под руководством военных летчиков осуществлялась первоначальная летная подготовка на «мотах». Наряду с этим из частного сектора для использования в качестве связных были мобилизованы еще один «мот» и одна Сессна С-37 (Cessna C-37).

Часть авиатехники закупалась за границей, другая — выпускалась на заводе государственной компании «Валмет» (Valtion Lento konetehtas) в г. Котка, где также производился и ее капитальный ремонт. За предвоенное десятилетие, с 1929 г. по 1939 г., там было выпущено около двухсот боевых и учебно-тренировочных самолетов.

Таков был авиационный потенциал финнов в преддверии драматических событий зимы 1939—1940 годов.

С началом боевых действий самолеты 1-го авиаполка перелетели на полевые аэродромы, где они вели разведку советских позиций в прифронтовой зоне и бомбардировки.

Машины полка, в первую очередь Фоккер СХ (Fokker CX), применялись и для выполнения штурмовых задач. Надо отметить, что в боях выявилась весьма высокая живучесть самолетов этого типа.

Группа LLv-12 взаимодействовала с войсками II армейского корпуса финнов, воевавшего на Карельском перешейке. Там же дислоцировалась и группа LLv-14, поддерживая части III армейского корпуса.

Как уже упоминалось, группа LLv-16 была вооружена поплавковыми гидросамолетами. Надо сказать, что автору не удалось найти никаких данных о действиях этой эскадрильи «юнкерсов». Можно лишь предположить, что они осуществляли единичные разведполеты против сил Северного флота, а затем применялись для различного рода транспортных перевозок.

Что касается «райпонов», то на них с замерзанием гидроаэродрома в Вяртсиле заменили поплавки лыжами и стали действовать против войск Красной армии, наступавших на участке между Ладожским и Онежским озерами.

Первые же бои показали, что матчасть LeR-1 устарела и имеет крайне мало шансов уцелеть при встрече с советскими истребителями И-16 и И-153.

Экипажи «фоккеров» и «райпонов» надеялись только на живучесть своих машин, которая оказалась весьма неплохой. Кроме того, летчиков выручали имитация подбития своего самолета и уход на бреющем полете. Боевые вылеты полка пришлось почти полностью перенести на ночное время. Если же возникала необходимость посылать в дневное время за линию фронта одиночный разведчик, то ему давалось весьма сильное истребительное прикрытие — до шести самолетов. Без подобного эскорта днем летали лишь в плохую погоду.

В ходе боев группы полка понесли серьезные потери. Так, ко времени окончания конфликта часть имела шестнадцать исправных СХ и шесть — CV-E. Правда, за этот период LeR-1 пополнился и новыми самолетами. Три CV-E, полученные из Швеции, были направлены в LLv-16. LLv-12 получила из группы LLv-26 (первооружавшейся на «фиаты») восемь «гладиаторов», а LLv-14 — шесть.

Перед истребителями 2-го полка (LeR-2) стояла первоочередная задача по прикрытию крупных населенных пунктов страны, важных магистралей, военных и промышленных объектов стратегического значения. Выполнение этих заданий затруднялось крайней малочисленностью самолетного парка, не способного противостоять количественно превосходящим силам советских ВВС. Кроме того, обстоятельства войны вынуждали использовать скудные силы полка для выполнения штурмовых задач, а также сопровождения своих разведчиков и бомбардировщиков.

Налеты советской авиации начались с первого же дня конфликта: уже в 8 часов утра 30 ноября ВС РККА сбросили первые бомбы на столицу и другие города Финляндии. Финские истребители из-за плохой погоды оставались на земле. На следующий день налеты на Хельсинки повторились. Ударам советских бомбардировщиков также подверглись аэродромы в Иммоле и Суур-Мериоки, где базировались «фоккеры» группы LLv-24, принявшей на себя основную тяжесть борьбы в воздухе. Погодные условия 1 декабря были несколько лучше, чем днем раньше, и истребители группы вылетели на перехват. Завязались воздушные бои. В этот же день зарегистрирована первая победа в истории финских ВВС: лейтенант Эйно Луукканен встретил в районе Выборга пару СБ и сбил один из них. Всего же к концу второго дня боев группа, как утверждают западные источники, сбивала десять совет-

ских самолетов. Но в результате недостаточно отработанного взаимодействия с собственной ПВО подразделение потеряло от огня финских же зенитчиков один истребитель.

Весь декабрь, несмотря на посредственные метеоусловия, налеты советской авиации продолжались, поэтому группа все время находилась в боях. За этот период было зарегистрировано еще тридцать шесть побед. Все сбитые самолеты являлись бомбардировщиками. К концу года две эскадрильи были перебазированы на новый аэродром — Йовтано. С первых дней января 1940 г. погода кардинально улучшилась. В связи с этим обеими сторонами было существенно увеличено число самолето-вылетов, и воздушные бои приняли более ожесточенный характер.

6 января произошел наиболее знаменитый, с точки зрения финнов, воздушный бой. В этот день пара «фоккеров» в составе ведущего — капитана Йормы Сарванто и ведомого — капитана Пера-Эрика Совелиуса встретила семерку бомбардировщиков ДБ-3, шедших без истребительного прикрытия. Встреча закончилась для советских самолетов трагически: Сарванто сбил шесть машин, а седьмая — стала добычей Совелиуса. Дело происходило в районе города Куопио. В советских источниках по поводу этого боя, как и о многих других, ничего не говорится, поэтому данные об этом эпизоде пока односторонние. Некоторые западные авторы утверждают, что бомбардировщики были не вооружены. Кроме того, в советской литературе говорится о недостаточной живучести многих типов самолетов ВВС РККА того времени. В частности, отмечается отсутствие протектирования топливных баков и системы заполнения их инертным газом.

В тот же день одержал свою вторую победу лейтенант Луукканен. Надо сказать, что основной мишенью финских истребителей были бомбардировщики и разведчики, но не истребители. Это связано с численным и качественным превосходством советских самолетов этого класса (особенно И-16 последних серий) над D-XXI. Поэтому финское командование запретило на «фоккерах» ввязываться в бои с истребителями противника. Наиболее рациональным было использование скудных сил LLv-24 именно против бомбардировщиков.

Однако не все финские легчики подчинялись приказам своего командования. В январе в боях с советскими истребителями группа потеряла двух своих асов: 19 января был сбит сержант Пенти Тилли, имевший пять побед, а 30 января — лейтенант Яакко Вуорела, за которым числилось шесть сбитых самолетов, 28 февраля, за две недели до окончания кон-

фликта, погиб третий ас — лейтенант Хуганантти. Свою последнюю победу он одержал, таранив, как утверждается, советский истребитель.

В феврале группа продолжала отражать налеты советских бомбардировщиков.

В марте LLv-24 приняла участие в боях за Выборг, притом в последнюю неделю войны она перенесла свои усилия на штурмовые действия против советских войск.

За время войны группа потеряла двенадцать «Фоккеров», из них половину — в боях, а остальные — в результате различного рода летных происшествий. В строю было двадцать девять машин, из них двадцать две исправные.

К исходу боев в группе LLv-24 насчитывалось десять летчиков, одержавших пять и более побед, т. е. ставших асами. Ниже приводятся их имена и число побед.

Капитан Йорма К. Сарванто — 13

Ст. сержант Виктор Пьетса — 7,5

Капитан Пер-Эрик Совелиус — 7

Ст. сержант Келпо Вирта — 7

Лейтенант Тату Л. Хуганантти — 6

Лейтенант Яакко Вуфрела — 6

Капитан Йорма Кархунен — 5

Майор Г. Е. Магнуссон — 5

(командир LLv-24)

Сержант Пенгги Т. Тилли — 5

Ст. сержант Ирве О. Туркка — 5

Упомянутый выше лейтенант Луукканен одержал за время конфликта две персональные победы и одну — в группе.

Другим подразделением полка, как уже отмечалось, была группа LLv-26, вооруженная устаревшими «бульдогами». В ходе боев она одиннадцать раз меняла места своего базирования.

Успехов никаких пока не было. Лишь в феврале «бульдогам» удалось одержать одну единственную победу — сбить СБ.

В этом же месяце началось перевооружение: подразделения начали получать первые «гладиаторы». «Бульдоги» же были переданы в учебно-тренировочный полк TLeR-2. Одну из первых побед на новой технике одержал 2 февраля старший сержант Ойва Туоминен, сбивший в бою два И-16. (Ранее он был откомандирован в LLv-24, где на «Фоккере» одержал одну личную и одну групповую победы. К концу войны на счету Туоминена числилось восемь побед.)

Однако «Гладиаторы» несли серьезные потери, и, как уже отмечалось, в начале марта четырнадцать уцелевших машин этого типа были переданы в 1-й авиаполк (LeR-1). Груп-

Финский летчик-истребитель

па начала перевооружаться на итальянские истребители Фиат G.50 «Фрешия» (Fiat G.50 Freccia). Первый из них прибыл в подразделение 11 февраля. Победа на «Фиатах» была достигнута 26 февраля, когда лейтенант Пугакка сбил И-16. На счету его же звена был и последний в этой войне успех группы – сбитый 11 марта ДБ-3. К концу боев, кроме Туоминена, в группе был еще один ас, лейтенант Урхо Неминен, одержавший пять побед на «гладиаторах». (Пугакка сбил четыре само-

---

лета). Всего за время боев группа одержала более двадцати побед. На последний день войны подразделение имело 26 «фиатов», из них четырнадцать боеготовых.

С прибытием из Франции тридцати истребителей Моран MS-406C1 (Morane-Saulnier MS-406C1) в полку была организована еще одна группа, LLv-28, которой командовал майор Ниило Юсу. Подразделение вступило в бой 4 февраля в районе Выборга и действовало с трех аэродромов: Саакилаа, Холлола и Утти. Его основной задачей было отражение налетов советской авиации. Кроме того, в последнюю неделю боев самолеты группы прикрывали истребители LLv-24, действовавшие в качестве штурмовиков. Итог боевой работы LLv-28: 259 боевых вылетов, 28 проведенных боев, 16 подтвержденных и 4 предположительные победы. Наиболее результативным летчиком стал лейтенант Кару, сбивший три самолета. В боях группа потеряла один самолет, и десять были серьезно повреждены. Ко времени прекращения конфликта в LLv-28 оставалось девятнадцать боеспособных истребителей.

Всего за время войны через полк LeR-2 прошло 142 самолета пяти различных типов. Проведено 493 воздушных боя, в которых, как утверждает, было сбито 293 советских самолета. Кроме того, полку записано еще пятьдесят предположительных побед. Потеряно двадцать девять машин, и сорок одна получила крупные повреждения. В боях погибло пятнадцать летчиков, и шестнадцать было ранено.

* * *

Напряженную работу вели бомбардировщики 4-го полка (LeR-4). Они наносили удары по скоплениям советских войск вокруг Ленинграда, по портовым сооружениям и вмерзшим в лед кораблям Балтийского флота, а также по советским военным объектам в Эстонии. Были также предприняты попытки совершить налеты на Ленинград, которые после понесенных потерь больше не предпринимались. Отмечены также полеты в направлении Мурманска — с целью разбрасывания листовок. На заключительном этапе конфликта часть действовала исключительно в районе Выборга.

Ввиду интенсивного боевого применения полк нес серьезные потери. Так, к концу года в группе LLv-44 осталось лишь пять «бленхеймов», которые она передала в LLv-46. Взамен получила десять прибывших к тому времени из Англии бомбардировщиков «Бленхейм» Mk. IV (Blenheim IV). С получением в феврале 1940 г. оттуда же двенадцати бомбардировщиков «Бленхейм» Mk. I в составе полка было сформировано еще

одно подразделение — группа LLv-42. Однако, как можно судить по имеющимся данным, эта группа не успела принять участия в боях из-за незавершенного процесса подготовки экипажей.

За время боев LLv-44 и LLv-46 совершили 423 боевых вылета, сбросив 113 тонн бомб. Было сбито семь «бленхеймов», из них четыре — Mk.IV. Три Mk.IV получили серьезные повреждения. Еще одиннадцать машин было потеряно по другим причинам. К концу боевых действий полк имел двадцать девять бомбардировщиков, из них боеспособных всего лишь одиннадцать. В ходе боев в группе LLv-44 применяли в качестве ночного бомбардировщика транспортный самолет Дуглас DC-2, полученный от шведов.

* * *

Морские эскадрильи, LLv-36 и LLv-39, выполняли патрульные полеты над Финским и Ботническим заливами, а также Аландским морем, пытаясь воспрепятствовать действиям советских подводных лодок. Кроме того, «юнкерсы» из LLv-39 занимались транспортными перевозками. Один из патрульных самолетов был сбит зенитным огнем советской подводной лодки С-1. С наступлением ледостава на «районах» из LLv-36 плавки были заменены на лыжи, и самолеты начали действовать на сухопутном направлении. В марте 1940 г. эта группа получила пополнение в виде двух прибывших из Швеции FK-52.

Транспортные самолеты действовали, главным образом, в интересах командования ВВС, а также авиачастей.

Определенные потери понесли самолеты связи. Так, из имевшихся полтора десятков «мотов» к концу войны осталось восемь.

Большая работа была проведена в авиашколах и учебных частях: в ходе Зимней войны было подготовлено около пятисот новых летчиков и почти двести наблюдателей.

* * *

Особо нужно отметить ту поддержку, которую оказали многие страны мира маленькой Финляндии, борющейся за свою независимость с могучим соседом. Иностранцы летчики в первую очередь оказывали помощь тем, что перегоняли туда из других стран различную авиатехнику. Ряд зарубежных летчиков-волонтеров приняли участие в боях в составе финских авиачастей. Так, в LLv-26 на «фиатах» воевала группа итальянцев. Один из них, сержант Манзоччи, погиб, разбившись при вынужденной посадке на замерзшее озеро. В LLv-24 в последней фазе конфликта сражались датские

летчики. Двое из них одержали победы в боях: И. Ульрих — три, а Е. Фрийс — две. К сожалению, датчанам не удалось проявить подобные бойцовские качества при отражении гитлеровской агрессии против их страны, последовавшей вскоре после окончания советско-финляндской войны.

В ходе боев на авиабазе Холлола было сформировано подразделение (группа LLv-22), состоящее из летчиков-иностранцев: датчан, поляков и испанцев. Группой командовал финский офицер, капитан Эрки Хейнилаа. Она предназначалась для действий на истребителях Брюстер В-239 (Brewster В-239). Сорок четыре экземпляра которых были закуплены в США. Первый из них прибыл в Финляндию 20 февраля 1940 г. Однако следующая партия из пяти машин прибыла в страну буквально накануне перемирия. Поэтому участия в боях группа не принимала и после войны, летом того же года, была расформирована.

Особое место занимает поддержка Швеции. Правительство этой страны, встревоженное развитием событий, увидело в них потенциальную угрозу для себя и решило оказать сильную помощь соседу. Законы Швеции, несмотря на ее нейтралитет, разрешали военнослужащим армии страны служить на добровольной основе в вооруженных силах других государств и принимать участие в военных действиях. В этой связи было сформировано подразделение, состоящее из летчиков-волонтеров. По шведской классификации оно получило наименование «Авиафлотилия-19» (Flygflottily F-19). Командиром был назначен майор Уго Бекхаммар. На вооружении части было семнадцать самолетов: двенадцать истребителей Глостер J8 «Гладиатор» Mk. I (Gloster J8 Gladiator I), четыре бомбардировщика Хокер «Харт» В-4А (Hawker Hart) и один транспортный.

11 января 1940 г. флотилия прибыла в Финляндию. У финского командования она получила обозначение LeR-19. Часть действовала на севере страны, в Лапландии. Базировалась она на льду замерзшего озера Кеми. Несколько позже майор Бекхаммар рассредоточил группу по отдельным площадкам с целью максимально охватить возможный район боевых действий и уменьшить ее уязвимость от ударов авиации РККА.

Первый день начался неудачно: из-за ограниченных размеров полосы на озера столкнулись два «харта», что сразу уменьшило потенциал флотилии. Только в феврале для восполнения потерь из Швеции прибыл еще один самолет того же типа. «Харты» поначалу действовали днем, под охраной «гладиаторов». Однако прикрытие не всегда было возможно, из-за чего угроза быть сбитыми для устаревших разведчиков резко воз-

росла. Вскоре один из них, подбитый огнем советской зенитной артиллерии, совершил вынужденную посадку на территории противника. Однако шведы этот случай предусмотрели: экипажу, имевшему с собой лыжи, удалось уйти к своим. После этого «харты» перешли исключительно к ночным действиям. «Гладиаторы» осуществляли оборону объектов в Лапландии, а также сопровождение своих бомбардировщиков. Шведские истребители на равных дрались с И-15 бис и И-153. Однако И-16 являлся для них более серьезным соперником. Из двенадцати сбитых советских самолетов, о которых заявили шведы, было шесть истребителей и столько же бомбардировщиков, в т. ч. один ТБ-3. Свои потери — три «гладиатора».

После окончания боев 19-я флотилия вместе с техникой вернулась в Швецию.

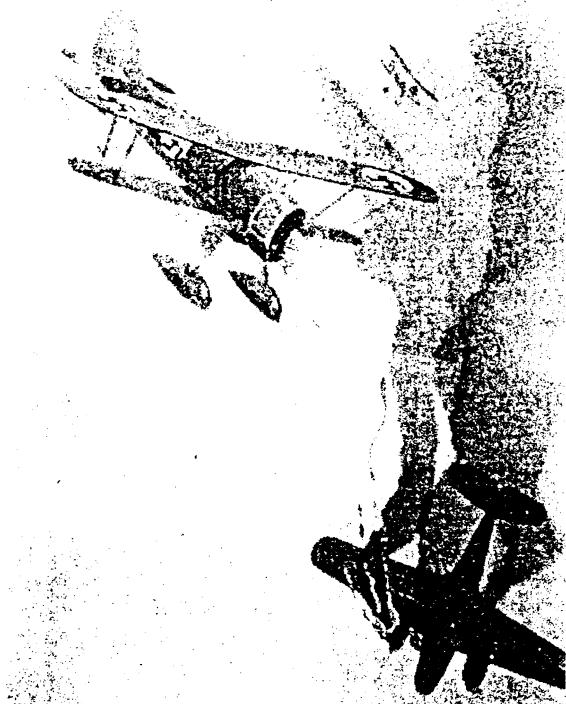
Довольно значительными были поставки авиатехники. В советской историографии приводятся данные о 350 либо 376 самолетах, доставленных в Финляндию за время войны. Западные источники приводят несколько меньшее числа — 225 машин. При этом несколько из них разбилось по пути в Финляндию, а часть — прибыла лишь по окончании боевых действий. До 13 марта 1940 года, даты прекращения конфликта, было получено и успело принять участие в боях около ста самолетов различных типов.

Из Англии в Финляндию были отправлены машины: двадцать четыре «бленхейма» (один Mk.IV разбился в пути, а другой был сильно поврежден), тридцать «гладиаторов», двенадцать «лизандеров», одиннадцать «харрикейнов». Из них только десять «гладиаторов» были переданы безвозмездно, а остальные — в рамках торгового соглашения.

Южно-Африканский союз, британский доминион, безвозмездно передал двадцать два учебно-тренировочных истребителя Глостер «Гонтлет» II (Gloster Gauntlet II).

Италия отправила в Финляндию тридцать пять истребителей Фиат С.50. На некоторое время они были задержаны в Германии. Как уже указывалось, принять участие в боях успела лишь половина этой партии. Пять истребителей разбились при перелетке либо освоении личным составом.

Большие усилия по оказанию помощи финнам предприняла Франция. Решено было безвозмездно передать ВВС Финляндии двенадцать двухмоторных истребителей Потэ 631 (Potez 631), а также сорок девять одномоторных: тридцать «моранов», пятнадцать Кодрон С. 714 (Caudron С.714) и четыре Коолховен FK-58 (Koolhoven FK-58). Кроме того, приближалось подписание соглашения о продаже пятиде-

Финский плакат времен войны

сяти пяти «кодронов», сорока шести «коолховенов», а также двадцати пяти многоцелевых Анрио С. 232 (Hanrton С.232). За время войны, как известно, финны получили лишь тридцать «моранов», а шесть «кодронов» поступило уже в мае 1940 г. Прекращение военных действий остановило поставку остальных машин и сорвало подписание соглашения.

Не осталась в стороне и Швеция, откуда пришло одиннадцать самолетов различных типов: три истребителя «Як-фалк» J-6А и два истребителя Бристоль «Бульдог» Mk.II (все они годились только для использования в авиашколах), три разведчика Фоккер CV-D, два — Коолховен FK-52 и один транспортный самолет Дуглас DC-2. При этом отметим, что оба «коолховена» и «дуглас» приобрел на свои средства известный шведский летчик граф Карл-Густав фон Розен. В печати также были сведения о получении в этот период из Швеции двух истребителей «бульдог» Mk.IV.

В США было закуплено сорок четыре «брюстера», но они, как указывалось, принять участие в боях не успели.

Своеобразным источником пополнения стали трофеи. В руки финнов досталось двадцать пять советских самолетов, находившихся в различной степени исправности: пять И-15 бис, один И-16, восемь И-153, пять ДБ-3 и шесть СБ. Многие из них нашли применение в финской авиации.

Пару слов о действиях наземной ПВО Финляндии: финские зенитчики числят за собой 330 сбитых советских самолетов.

Финны признали потерю шестидесяти семи своих самолетов, из них двадцати одного — в воздушных боях. Серьезные повреждения получили шестьдесят девять машин. Погибло 304 авиатора, 90 пропало без вести, 105 — ранено.

Надо отметить, что, благодаря поставкам с Запада, финские ВВС в последний день войны, невзирая на потери, насчитывали 196 боевых самолетов, в т. ч. 112 боееспособных, т. е. больше, чем накануне — 30 ноября 1939 г.

Недавно в отечественной печати были опубликованы данные о потерях советской авиации в данном конфликте. Что касается ВВС, то в боях было потеряно 219 самолетов, а в авариях и катастрофах — 203. Правда, в книге Шумихина «Советская военная авиация 1917–1941» говорится, что боевые потери составили 261 самолет и 321 авиатор. Авиация Балтийского флота потеряла восемнадцать машин: двенадцать в воздушных боях, а пять — от огня зенитной артиллерии. С другой стороны было заявлено об уничтожении 362 финских самолетов. Как видим, данные бывших противников весьма и весьма расходятся между собой.

...Итак, война завершилась. Финляндия проиграла и была вынуждена уступить Советскому Союзу часть территории. Наша страна ценой огромных жертв одержала победу, которая теоретически должна была усилить ее обороноспособность, отодвинув границу на северо-запад. На практике же финны не смирились с поражением и при первом удобном случае, представившемся им 22 июня 1941 г., вооруженные опытом «зимней войны», попытались взять реванш...

*А. Котловский
(Журнал «Мир авиации»,
№ 1/1992, с. 11–15)*

«Королевские спаниели» на «зимней войне»

Это произошло 14 декабря 1939 г... Расстилавшиеся под крыльями 3 краснозвездных «чаек» карельские леса были плотно укутаны толстым снежным покровом. По дорогам, пробитым в сугробах, медленно продвигались к «линии Маннергейма» колонны войск Ленинградского военного округа. Внезапно из туманной дымки вынырнул двухмоторный самолет, напоминавший СБ. Спустя несколько мгновений, командир звена понял свою ошибку: это не СБ. Силуэт самолета был ему незнаком и он, качнув крыльями, повел свою тройку курсом перехвата, постепенно набирая высоту.

Приближавшиеся со стороны солнца истребители остались для экипажа двухмоторника незамеченными, в то же время контрастные белые круги с голубыми свастиками на его плоскостях показали советским летчикам, что перед ними враг. Пропустив бомбардировщик под собой, пилоты «чаек» пошли в атаку. В ответ открыла огонь хвостовая турель. Разойдясь на виражах, истребители атаковали снова, но и на этот раз без видимых последствий. Однако командиру финского экипажа обстановка нравилась все меньше и, поймав момент, когда советские истребители вновь легли в разворот, он приказал стрелку опустить турель и дал полный газ. Оба почти 1000-сильных двигателя взвыли на предельных оборотах и, когда «чайки» развернулись, советские летчики с удивлением наблюдали, как двухмоторная машина с неубирающимися лыжными шасси(!), оставляя позади шлейфы перегретого воздуха и выхлопных газов, растаяла в туманной дымке.

Так состоялось знакомство ВВС РККА с основным финским бомбардировщиком «Бленхейм» MkI, который серийно выпускался с конца 1936 г. Но родиной его была не «страна Суоми», а «туманный Альбион». Именно там, в Филтоне, в конструкторском бюро фирмы «Бристоль Эйрплейн Компани» и спроектировали эту машину на основе «самолета для бизнесменов» «Бристоль» 142, создававшегося для владельца лондонской газеты «Дейли Мейл» лорда Ротермира.

Превратить «воздушный лимузин» «Бристоль» 142 в боевой самолет оказалось довольно просто. На нем смонтировали двигатели «Бристоль-Меркурий» VIII, развивавшие на взлетном режиме по 725 л. с. Наиболее кардинальной переделке подверглись узлы стыковки консолей с фюзеляжем:

чтобы освободить место под бомбоотсек, конструкторам пришлось «поднять» крыло в среднее положение. Также было увеличено по размаху и по площади хвостовое горизонтальное оперение. Для защиты от истребителей в хвостовой секции фюзеляжа смонтировали полуубираемую турель с пулеметом «Льюис» калибра 7,71 мм. Второй пулемет того же калибра «Браунинг» FN, имевший ленточное питание, установили в левом крыле. В результате общий вес конструкции планера возрос на 900 кг и 1,5-кратное увеличение мощности силовой установки не смогло удержать максимальную скорость на величине 494 км/ч, показанную прототипом на испытаниях в исследовательском центре Королевских ВВС. Теперь расчетная скорость бомбардировщика на режиме форсажа оценивалась лишь в 447 км/ч, но и этот показатель, по мнению специалистов; «был не лишен привлекательности». Спустя 1,5 года после начала производства, к середине 1938 г. новыми бомбардировщиками были оснащены 17 эскадрилий Королевских ВВС, имевших в боевом составе свыше 350 самолетов.

Английские летчики считали «Бленхейм» самой скоростной машиной в своем классе: по максимальной скорости бомбардировщик превосходил более чем на 50 км/ч недавно принятый на вооружение истребитель «Гладиатор». Пилоты прощали ему тенденцию к развороту влево при разбеге и ограниченный обзор в стороны из кабины. Для своего времени он был, несомненно, быстроходен: при нормальной взлетной массе в 5600 кг самолеты первых серий развивали максимальную скорость 459 км/ч. На высоту 4570 м машина поднималась за 9 мин 12 с, а ее рабочий потолок составлял 9200 м, дальность полета при наивыгоднейшей скорости в 265 км/ч равнялась 1570 км.

Хотя «Бленхейм» разрабатывался и запускался в производство в первую очередь для модернизации Королевских ВВС, министерство авиации считало его «переходным» типом, необходимым до появления более совершенных бомбардировщиков, разработанных по специальным заданиям. Поэтому не возникло препятствий, когда фирма «Бристоль», получив в 1935 г. предложения от ряда иностранных государств, запросила разрешение на экспорт нового самолета. Одной из первых проявила свой интерес Литва, но эта сделка так и не состоялась. Более многообещающим стал заказ Финляндии, которая купила 18 «Бленхеймов» MkI. Одновременно она приобрела лицензию на производство этих машин на новом заводе, который строился в Тампере. Выпущенные

для финнов «Бленхеймы» имели несколько измененную систему подвески, рассчитанную на использование шведских бомб. Договор с фирмой «Бофорс» на поставку авиабомб финская сторона заключила в 1937 г. Доработанные «Бленхеймы» могли нести различные комбинации из 50-, 100- и 250-кг авиабомб, при этом максимальная суммарная нагрузка не превышала 800 кг. Помимо бомбового вооружения финские «спаниели» отличались от своих английских собратьев более старыми радиостанциями «Маркони» P-12 и P-14.

Поставка самолетов началась с июля 1937 г. Они перегонялись английскими пилотами в Хельсинки по маршруту Филтон — Кройдон — Амстердам — Хампури — Мальме — Туколма — Хельсинки. Бомбардировщики получили бортовые номера от VL-104 до VL-121. На основе опыта эксплуатации в зимних условиях финские конструкторы спроектировали утепленные обтекатели втулок воздушных винтов, которые защищали от замерзания масло в механизмах изменения угла установки лопастей. Одновременно бомбардировщики получили лыжи, что позволяло отказаться от расчистки взлетно-посадочных полос в зимних условиях. А между тем на восточных границах «страны тысячи озер» уже пахло порохом...

К 30 ноября 1939 г., когда начались боевые действия на Карельском перешейке, в ВВС Финляндии имелись 2 эскадрильи, оснащенные бомбардировщиками «Бленхейм»: LeLv 44 в составе 9 самолетов (командир майор Стенбок) и LeLv 46 с 8 машинами (командир майор Сарко). Организационно они составляли 4-й авиаполк (LeR-4), который базировался в Луонетярви.

Уже 1 декабря тройка «Бленхеймов» из состава LeLv 46 атаковала колонну советских танков и грузовиков в районе Тсалки. Один из самолетов, получивший повреждения от зенитного огня, не вернулся на базу. Однако основной задачей экипажей «Бленхеймов» на этом этапе войны оставалась разведка. Вылеты производились почти в любую погоду, поэтому воздушные бои с советскими истребителями были неизбежны.

Первая встреча произошла, как уже говорилось, 14 декабря 1939 г., когда VL-105 из состава LeLv 44 в ходе разведывательного полета столкнулся со звеном «чаек». Опыт этого боя довели до всех плотов «Бленхеймов», и уход от бипланов И-15 и И-153 на максимальной скорости стал широко практиковаться финскими пилотами.

Советские летчики накануне войны были слабо информированы о состоянии финской авиации. Существовало мне-

ние, что самолеты финских ВВС являются устаревшими и не смогут соперничать по боевым качествам с отечественными машинами. Высшее руководство ВВС Красной Армии, несомненно, располагало достоверными сведениями, но надеялось, что подавляющее численное превосходство при примерно равном техническом уровне лучших машин, обеспечит сравнительно быстрый разгром боевой авиации финнов. Между тем тройки и четверки, реже шестерки и девятки «Бленхеймов» появлялись над разными районами и создавали впечатление о существовании по ту сторону фронта крупного бомбардировочного соединения. Руководство ВВС решило найти авиабазу неуловимых финских «спаниелей» и уничтожить их на земле. К поискам привлекли как штатные разведывательные подразделения, так и наиболее опытных летчиков.

20 декабря экипажи финских бомбардировщиков впервые столкнулись с наиболее грозным противником — советским истребителем И-16. В тот день звено «Бленхеймов» из состава LeLv 46 нанесло удар по колонне войск Красной Армии в районе Саамаярви — Тулемаярви. Сбросив бомбы на колонну советской артиллерии, финны не удовлетворились этим и решили проштурмовать дорогу. Увлечшись штурмовкой, летчики с запозданием обнаружили появление советских истребителей. Избежать столкновения не удалось. Тройки И-16 одна за другой ринулись в атаку. Трассы огня потянулись к финским самолетам, в ответ застучали их хвостовые «Льюисы». Неизвестно чем бы закончился этот поединок, если бы через несколько секунд спасительные облака не укрыли финские бомбардировщики, но буквально за мгновение до этого стрелок самолета сержанта Морски сбил один из атаковавших истребителей. Досталось и всем трем «Бленхеймам»: «Морски пришлось выключить левый мотор, маслбак которого был буквально разодран пулями. На самолете ведущего вышел из строя правый двигатель и его также пришлось выключить. Крыло, изрешеченное пулями, лишилось правого элерона и законцовки. На третьей машине стрелок был убит.

В отличие от летчиков-истребителей ВВС РККА, расчеты советских зенитных батарей довольно быстро стали «доставать неуловимых спаниелей», в результате боевой состав 44-й эскадрильи к Рождеству сократился почти наполовину и составлял лишь 5 бомбардировщиков, из которых 3 были в летном состоянии.

В конце декабря английские пилоты перегнали в Финляндию партию «длинноносых» «Бленхеймов» MkIV, переданную в рамках программы военной помощи. Штурман одного из

них потерял ориентировку и вывел «спаниель» к линии фронта. Это едва не стоило жизни английскому пилоту: патрулировавшие в этом районе две тройки «ишачков» ринулись в атаку. Трагизм положения усугублялся тем, что самолет, летевший через Швецию, был безоружен. Однако «томми» отчаянно повезло: ни его, ни финского штурмана (стрелка в экипаже не было) не задело, а горящий бомбардировщик им удалось «перетянуть» за линию фронта и посадить на одно из озер, где он был отремонтирован. Новые машины получили номера, начиная от VL-122 и кончая VL-133. Все 12 самолетов вошли к состав LeLv 46, которая сдала свои «Бленхеймы» MkI поредевшей LeLv 44. Получил бомбардировщик новой модели и экипаж сержанта Морски. Спустя два месяца его стрелок сумел сбить еще один И-16 и стал рекордсменом в финских ВВС.

Новое советское наступление началось 1 февраля 1940 г. К 17 февраля «линия Маннергейма» на протяжении от берега Финского залива до реки Вуоксы была прорвана. На промежуточной позиции финны удержались до 21 февраля, после чего сдерживать решительное наступление советских танковых соединений, поддерживаемых крупными силами авиации, стало исключительно сложно.

19 февраля 44-я эскадрилья потеряла еще 1 бомбардировщик, сбитый звеном истребителей И-16 над Ладогой, 2 другим удалось ускользнуть в облака. Неудачей закончился вылет двух троек «Бленхеймов» из состава 46-й эскадрильи на советский аэродром, оборудованный на льду замерзшего озера Каркулампи: зенитным огнем были повреждены два самолета. Повторная попытка, предпринятая на следующий день четырьмя экипажами из состава LeLv 44, также не увенчалась успехом.

В конце февраля из Англии была переброшена вторая партия из 12 бомбардировщиков, получивших бортовые номера VL-123 — VL-145, на этот раз это были «единички». Из них финны сформировали третью эскадрилью полка, получившую номер LeLv 42. Ввиду резко осложнившейся обстановки она была брошена в бой, не закончив процесса боевой подготовки. Однако ее экипажи продемонстрировали высокий уровень выучки: 26 февраля 8 самолетов этой эскадрильи атаковали в сложных метеоусловиях советские аэродромы Лотинаннелто и Красная Горка, на которых по данным фотоконтроля было уничтожено 8 и повреждено 7 самолетов. Помимо этого, экипажи смогли нанести несколько точных ударов по позициям советской артиллерии. Но в целом обстановка для финнов осложнялась с каждым днем.

Своеобразным утешением для экипажей «Бленхеймов» были результаты мартовских воздушных боев с советскими истребителями, в ходе которых им удалось 1 и 7 марта сбить по одному И-16 (оба на счету LeLv 46), а 10-го И-153 (этот успех принадлежал LeLv 42), ценой потери лишь одного бомбардировщика. Но развязка приближалась с неотвратимостью рока...

Угрожающе быстрое продвижение советских танковых соединений, вырвавшихся на оперативный простор, заставило финское командование отказаться от рассредоточенного базирования «Бленхеймов» и свести все три эскадрильи LeR-4 на один аэродром в районе местечка Тали.

Одновременно с нанесением фронтальных ударов командование Северо-Западного фронта предприняло дерзкий обходной маневр по льду Выборгского залива с выходом в тыл последней полосе обороны финнов, которая охватывала полукольцом Выборг и упиралась в озеро Вуокса. Этому и должны были помешать «Бленхеймы». 11 марта 1940 г. три девятки 4-го авиаполка под прикрытием истребителей «Фоккер» D.21 из LeLv 24 направились для нанесения удара по советским войскам, двигавшимся по льду залива. Использовать более современные истребители «Моран-Солнье» MS 406 для прикрытия «Бленхеймов» не удалось: им хватало работы над Выборгом, который постоянно бомбили самолеты ВВС РККА.

Советские танки Т-26, тащившие за собой бронированные сани с пехотой, были замечены уже через 20 мин после взлета. Стояла великолепная безоблачная погода, видимость была «миллион на миллион» и финские штурманы уже готовились к бомбометанию, когда группу внезапно атаковали со стороны солнца советские истребители И-16. Они буквально отшвырнули «фоккеров», с ходу сбив 5 из них. После этого «ишачки» занялись «спаниелями». Тут же вспыхнули 2 финских бомбардировщика. Экипажи других поняли, что на этот раз они столкнулись отнюдь не с новичками и, не долетев до цели, стали освобождаться от бомб. Строй самолетов нарушился, а вместе с ним рухнуло и огневое взаимодействие. Одиночные машины оказались легкой добычей истребителей. От полного разгрома группу «Бленхеймов» спасло появление в этот момент на малой высоте в районе цели эскадрильи легких бомбардировщиков-бипланов «Райпон» и «Фоккер» С. Х из состава LeR1, на которых и «переключились» пилоты советских истребителей.

Итоги этого боевого вылета были ошеломляющими: 5 «Бленхеймов» сбиты (из них 4 MkIV) и 14 тяжело повреждены. 4 подбитых машины дотянули до аэродрома Тали, где по-

---

пали под бомбы советских СБ. «Чайки», прикрывавшие группу, набросились на поврежденные самолеты и вынудили экипажи посадить свои машины, где попало, не выпуская шасси. Лишь один из финских «спаниелей» сумел показать «оскал своих зубов». Оторвавшийся от «ишачков» самолет старшего сержанта Хаммарены из LeLv 42 был перехвачен звеном «чаек» уже над своей территорией. На этот раз разминуться не удалось, так как советские истребители шли навстречу и сразу пошли в лобовую атаку. В результате на бомбардировщике загорелся правый двигатель, а один из истребителей был сбит. Ускользнуть на одном моторе было невозможно. Умело маневрируя, отважный экипаж смог отразить еще несколько атак. После чего изрешеченный пулями остановился и левый двигатель, но перед тем, как «спаниель» ткнулся мордой в снежные сугробы, еще одна краснозвездная «чайка», прочертив дымным шлейфом синеву бездонного неба, срезала вершины сосен и взорвалась неподалеку от своей жертвы. В тот же день советские войска взяли штурмом Выборг, а 13 марта в 12.00 вступило в силу перемирие и боевые действия были прекращены.

За три с половиной месяца «зимней войны» эскадрилья 4-го бомбардировочного полка совершила 423 боевых вылета и сбросила 131 тонну бомб. Стрелки «бленхеймов» сбили 5 советских истребителей (три И-16 и два И-153). Собственные безвозвратные потери составили 12 машин, а 19 получили тяжелые повреждения. К моменту заключения перемирия в полку оставалось 29 бомбардировщиков, из них 11 – в летном состоянии.

Когда окончились боевые действия механики сумели восстановить часть поврежденных «Бленхеймов», используя комплекты запасных частей фирмы «Бристоль», но 5 машин из числа поврежденных, оказались непригодными для ремонта. За период с апреля 1940 г. по июль 1941 г. в авариях и катастрофах финские ВВС потеряли еще 4 «спаниеля». В результате, на 22 июня 1941 г. LeR 4 располагал лишь 20 бомбардировщиками этого типа и 4 трофейными машинами ДБ-3М, восстановленными и модернизированными немецкой фирмой «Дорнье».

А. Булах
(Журнал «Авиамастер»)

ЧАСТЬ IV

Война на море

Действия Красного флота

Столь же бездарно, как на суше, проходили действия и на море. Огромный Балтийский флот не смог выполнить ни одной из поставленных перед ним задач: эффективно поддержать приморский фланг армии и обеспечить блокаду Финляндии. Единственные боеспособные финские подводные лодки «Ветехинен» и «Весихииси», против которых, не считая надводных кораблей, было развернуто более пятидесяти советских лодок, чувствовали себя на театре военных действий как дома.

7 декабря «Ветехинен», выставив мины на подходе к Рижскому заливу, обнаружила у Либавы ледокол «Ермак», возвращавшийся с севера на Балтику в связи с началом войны. Ледокол в качестве «смертника» сопровождал транспорт «Казахстан» для — как цинично сказано в документах, — «отвлечения на себя подводных лодок». Такова у нас была методика противолодочной обороны. Очень плохая видимость, сильная метель и сложная ледовая обстановка помешали финской лодке выйти в торпедную атаку. Ледовая обстановка в Финском заливе и восточной Балтике была столь тяжелой, что даже «Ермак» не смог пробиться в Кронштадт. Брошенный всеми ледокол остался зимовать, вмерзнув в лед.

«Ветехинен» под командованием капитан-лейтенанта Паккола рыскала вокруг ледокола, как голодный волк около запертой овчарни. Лодка обстреливала ледокол, посылая на него абордажные партии на лыжах и даже пускала по льду торпеды, привязанные к санкам. «Ермак» отбивался как мог, но о его героической обороне пока не написано ни слова. Стыдно, конечно.

Вторая финская подводная лодка, «Весихииси», вела себя еще более активно. Выставив активные минные заграждения от Палдиски до входа в Ботнический залив, причем без всяких помех, «Весихииси» обнаружила с помощью акустики и едва не утопила советскую подводную лодку «Щ-311», которая, спасаясь от атаки, всплыла и оказалась в видимости финской канонерной лодки «Карьяла». К счастью, из-за плохой видимости они приняли «Щ-311» за свою, что и спасло советскую лодку от неминуемого уничтожения.

На следующий день на минах, выставленных «Весихииси», подорвалась и погибла со всем экипажем советская подводная лодка «С-2». В жажде мести советские подводники перехватили в море и утопили по ошибке немецкий пароход

«Большейм», шедший с грузом станков в Ленинград. На волне «дружбы, скрепленной кровью», этот инцидент удалось забыть. В немецкой печати не было не только никакого сообщения о потоплении парохода, но, более того, 12 декабря, через два дня после гибели «Большейма», адмирал Редер рекомендовал Гитлеру «оказывать России всяческую помощь, например, в вопросах снабжения в море балтийских подлодок, действовавших против финского судоходства». Фюрер согласился на бункерование советских подводных лодок с немецких судов.

А чем же занимались советские корабли? Преступные приказы не жалели ни людей, ни матчасть. Обледенелые подводные лодки возвращались на базу с недействующими орудиями и торпедными аппаратами, с незакрывающимися люками, с выбитыми стеклами на смятых льдом рубках, с разорванными легкими корпусами, с измученными до предела экипажами. Каждый выход в море требовал затем длительно го ремонта.

В еще худшем положении оказались надводные корабли. Скупые строки вахтенных журналов показывают страшную бессмыслицу происходящего.

Новейший по тому времени эсминец «Гордый», возвращаясь в Таллинн после патрулирования, принял радиограмму с эсминца «Грозный»: «обстрелян орудиями крепости Свеаборг. Хода не имею. Прошу оказать помощь. «Гордый», набирая ход, ринулся на помощь. Вскоре открылся «Грозный», вокруг которого выросли столбы разрывов. Прикрывая поврежденный эсминец, «Гордый» открыл огонь по берегу. Финская батарея перенесла огонь на «Гордый», и вокруг него начала кипеть вода — столбы воды и разрывы вспыхивали то с одного, то с другого борта. Командир (капитан-лейтенант Шамраков) сам подавал команды на руль, маневрируя противозенитным зигзагом, приказал поставить дымовую завесу.

Через несколько минут оба эсминца заволокло дымом. Противник прекратил огонь. На «Грозном» удалось устранить повреждение в машине. На «Гордом» из-за малых глубин и большого хода ил и грязь всосались в холодильник. Корабль вернулся в Таллинн. Трюмные машинисты металась от цистерны к цистерне, ручными насосами перекачивая остатки мазута в одну расходную емкость, чтобы дойти до базы...

«Гордый», идя десятиузловым ходом, сопровождал военный транспорт «Луг» на о. Сааремаа. Двое суток трудного штормового пути: сильный мороз, снегопад, снежные заря-

ды. Транспорт разгружался томительно долго. «Гордый», борясь со штормом, медленно курсировал у входа в бухту. Среди ночи на эсминце получили радиограмму с приказом штаба флота выйти в море и оказать помощь потерявшей управление подводной лодке.

30 декабря в два часа ночи «Гордый» вышел в море. Эсминец бросало с борта на борт, он зарывался носом в волну. Из-за ошибки механика, принимавшего на ходу воду в цистерны, крен достиг сорока градусов. Вода начала поступать внутрь корабля, т. к. оказались незадраенными вентиляционные раструбы и грибки.

Подводную лодку «Гордый» обнаружил на рассвете. До полудня, падая с борта на борт, погружаясь в воду по рубку, оказывали помощь лодке, а затем повернули в Либаву. Море по-прежнему бесновалось. После поворота волна стала бить в правую скулу. Огромные водяные валы у низкого корабельного борта вставали на дыбы, с грохотом наваливаясь на палубу. Нарастало обледенение, появился крен на правый борт. «Гордый» вошел в лед, чтобы переждать шторм. Как ни скалывали лед — обледенение нарастало. Командир решил пробиться в Либаву. Но эсминцу уже было не пройти через лед. К нему навстречу выслали ледокольный буксир, но и тот застрял во льдах. На лед были спущены подрывники, которые взрывами пробили дорогу. Когда «Гордый» вошел в узкий Либавский канал, он представлял из себя сплошную ледяную глыбу...

Другой новейший эсминец — «Сметливый» — вышел в море в первый день войны — 1 декабря 1939 года, — сопровождая вместе с однотипным эсминцем «Стремительный» крейсер «Киров», который шел бомбардировать о. Руссаре. Корабли шли с выставленными тралами-параванами. Финская батарея упредила советские корабли с открытием огня, первым же залпом накрыв «Киров». Крейсер, резко увеличив ход, отвернул и стал отходить в море. Финский снаряд с визгом пронесся над самым мостиком «Сметливого» и разорвался у борта.

Забыв о выставленных параванах, командир (капитан 3-го ранга Кудрявцев) дал самый полный ход, чтобы выйти из-под обстрела. Параваны засосало под киль, они перекленулись, оборвались и вылетели за кормой. Кругом рвались снаряды противника, над палубой свистели осколки. Справа, окутанный дымом пожара, шел «Киров»...

20 декабря «Сметливый» вышел из Кронштадта в Таллинн, конвоируя спасательное судно «Коммуна». Однако

пробиться через восьмибалльный шторм не удалось. Встали на якорь в Лужской губе. 22 декабря сделали попытку продолжить движение.

На выходе из губы обнаружили потерпевший аварию и плававший кверху днищем гидросамолет МБР-2. Двое пилотов держались за обломки лыжных шасси. «Коммуна» подцепила самолет краном. В нем был обнаружен мертвый стрелок-радист. Пока оказывали помощь самолету, снова усилился шторм. Только на шестые сутки «Сметливый» привел «Коммуну» в Таллинн и тут же получил приказ идти в дозор. «Сметливый» снялся с якоря и пошел в направлении Осмусаара.

Чем дальше на запад — тем сильнее свистел и бесновался ветер, пенилось и свирепело море, слепила пурга. Корабль обледенел. Невзирая на риск, наверх был вызван личный состав для сколки льда. В подобных условиях эсминiec не мог действовать никаким оружием, но его упорно держали в море. Наконец, поступил приказ следовать в Либаву. Шторм усиливался. Казалось, все потеряло устойчивость, кренилось, падало, заливалось водой. Эсминiec обрастал льдом. Еще дважды объявлялся аврал — на борьбу с обледенением выходил весь экипаж. Несколько матросов смыло за борт — спасти их было невозможно.

На рассвете «Сметливый» подошел к Либаве, пробив взрывами дорогу в гавань. Волною с мостика был сброшен старпом Беляков. От удара спиной о палубу у него отнялись ноги. Командир с хронической пневмонией фактически стал инвалидом. Измученный экипаж уже не мог нести службу.

Неизмеримо хуже приходилось старым эсминцам. Эсминiec «Карл Маркс» дореволюционной постройки вместе со всеми кораблями своего типа был задействован с первых же дней войны, конвоируя десант на о. Сейскар. 6 декабря эсминiec в условиях страшного шторма снимал с мели подводную лодку «Щ-311». Работа длилась более суток, измотав до предела личный состав. Без всякого отдыха «Карл Маркс» получил приказ обстрелять финскую батарею «Свааренпя», где чудом избежал гибели, потеряв убитыми двух человек.

8 декабря «Карл Маркс» получил приказ поддержать огнем сухопутные войска в районе деревни Муурилла. Льды сжимали эсминiec. Ледяная гора по правому борту выросла выше палубы. Турбины работали на полную мощность, но эсминiec не двигался. Появились две пробоины между шпангоутами. Переборки трещали, непрерывный скрежет заглушал все звуки. Матросы забивали клиньями пробоины, но вода

продолжала поступать. В это время финская батарея Киркамансаари открыла огонь. Первые же снаряды упали в пяти метрах от корабля, засыпав ют осколками и выкосив прислугу кормовых орудий. Следующий залп финнов лег у самого борта. Осколки засыпали шкафут, полубак, мостики и ростры. Падали убитые и раненые. Укрывшись дымзавесой, эсминец с трудом вышел из зоны огня. На переходе в Кронштадт обнаружили еще одну пробоину в носовой части. Оказался затопленным форпик.

18 декабря, спешно залатав пробоины, «Карл Маркс» вышел в море для сопровождения линкора «Октябрьская Революция», который должен был бомбардировать о. Бьерке. Пробившись через лед, выставили параваны. Сильный юго-западный ветер поднял крутую волну. Она заливала корабль, грозя смыть за борт людей и боезапас.

Как всегда, финны открыли огонь первыми, сразу же накрыв линкор. Началась артиллерийская дуэль, закончившаяся быстрым отходом советских кораблей от убийственно меткого огня противника.

24 декабря эсминец вышел из Кронштадта в Лужскую губу для соединения с эсминцами своего дивизиона. Корабль сжимало льдами. Два ледокола с трудом пробивали ему дорогу. Обшивка левого борта прогнулась. Ребра-шпангоуты еще держали, но деформированная обшивка зияла пробоинами. Лед забил решетки холодильников. Левая машина надолго вышла из строя...

Уничтожив или захватив в результате подобных действий несколько финских каботажных пароходов и около дюжины барж и шаланд, флот, фактически не оказав никакого содействия сухопутным войскам, сам понес чудовищный урон. Практически все задействованные в войне корабли были искалечены, кончив войну с разбитыми машинами, загубленными котлами, с деформированными корпусами, погнутыми винтами и изуродованными системами.

К началу Великой Отечественной войны их так и не удалось довести до довоенного проектного номинала. Пневмония, радикулит, ревматизм, обморожения также невосполнимо уменьшили личный состав — драгоценные кадры специалистов.

*И. Р. Бунич
(По книге «Операция «Гроза»,
или ошибка в третьем знаке»)*

«Факел» над Балтикой

В 0 ч 15 мин 30 ноября 1939 г. всеми средствами связи Балтийского флота был передан условный сигнал «Факел» о начале боевых действий против Финляндии.

Официальные источники тех лет единодушно сообщали, что боевой приказ везде «был встречен с энтузиазмом». Оптимизмом, уверенностью в нашей правоте, ожиданием скорой победы дышат пожелтевшие от времени, хрупкие листы советских газет той поры. В 1939–1940 гг. о событиях советско-финляндской войны писали охотно и много. Но лишь в восторженных тонах.

Впоследствии эта тема как бы исчезла из поля зрения и прессы, и наших историков. Та война, по образному выражению А. Твардовского, стала «войной незначительной» и долго скромно именовалась «конфликтом». Трагическое и героическое четырехлетие Великой Отечественной заслонило в народном сознании 105 дней суровой зимы 1939/40 г. Тогда война вошла во многие дома, но не в каждый. Погибли тысячи, но не миллионы...

Об участии в боевых действиях «незначительной войны» Балтийского и Северного флотов в большинстве трудов не найти ни строки. Думается, причина не только в том, что флот был тогда самостоятельным наркоматом, так сказать, «по другому ведомству». В те годы принижение (вплоть до отрицания) роли флота в сухопутных операциях было свойственно и нашей, и зарубежной военной науке.

Верная в принципе теория о подчиненной роли флота в войне на континентальном театре на практике обернулась отказом от широкого применения морских сил. Их действия почти не увязывались по целям, месту и времени с операциями армейских соединений.

Война 1939–1940 гг. высветила многие недостатки. Даже снисходительный разбор операций Балтийского флота являет нам картину существенных упущений в планировании и организации боевых действий. Плотная опека флота двумя заместителями наркома ВМФ (И. Исаковым и Л. Галлером) кардинально не улучшила положения.

В июле 1941 г. многие ошибки были допущены вновь. Но в отличие от финнов немцы сумели этим воспользоваться, и последствия для нас были тяжелее. Одной из причин допущенных просчетов было то, что за предыдущие 10 лет (с 1930 по 1939 г.) потери начсостава Советского ВМФ в ре-

---

зультате репрессий превысили суммарную убыль офицерских кадров российского флота в двух его последних войнах: русско-японской и мировой. На смену брошенным в лагерья флагманам и комбригам, комдивам и командирам кораблей пришли очень молодые люди.

Командующий флотом 39-летний В. Трибуц, за три года стремительно выдвинувшийся от командира эсминца до командующего флотом, опирался на штаб, который только что возглавил капитан 1 ранга Ю. Пантелеев, 38 лет, недавний комбриг и черноморец, еще не освоивший ни новых обязанностей, ни флота, ни тяжелого театра... К тому же атмосфера всеобщей подозрительности, враждебности к самостоятельной мысли, к неординарному поступку, господствовавшая в стране, сковывала волю и инициативу людей.

Впрочем, со всем этим порой паразитально сочетались недисциплинированность, своеволие, невыполнение требований уставов и руководств...

В архивах сохранились данные о повышении оперативной готовности сил Краснознаменного Балтийского флота еще в июле и развертывании подводных лодок на позициях в октябре 1939 г.

В то время Балтике наркомат ВМФ уделял особое внимание, что вполне объяснимо: операционная зона БФ могла стать частью главного театра военных действий. В соответствии с предварительной директивой наркома от 3 ноября 1939 г. в случае войны с Финляндией флоту ставились задачи: прикрытия районов боевых действий от возможного вмешательства шведского флота, поиск и уничтожение финских броненосцев береговой обороны, пресечение морских коммуникаций противника в Финском заливе, овладение островами Гогланд, Большой Тютерс, Лавенсари (Мощный), Сейскари (Лесной), высадка десантов оперативного и тактического масштаба, оказание огневой поддержки войскам Красной Армии.

21 ноября 1939 г. на флот поступила аналогичная директива военного совета Ленинградского военного округа (ЛВО), которому БФ с 13 ноября был подчинен в оперативном отношении. Она не противоречила требованиям наркома ВМФ, но несколько расширяла рамки поставленных флоту задач. В частности, БФ поручалась защита воздушного пространства над Ленинградом и Кронштадтом со стороны моря. Следует отметить, что нарком ВМФ постоянно стремился повысить уровень взаимодействия флота и Красной Армии, а военный совет ЛВО полагал, что представителей

связи от флота достаточно иметь лишь в штабе 70-й стрелковой дивизии, наступавшей на приморском фланге, то есть в тактическом звене. О десанте с оперативными целями речи не было. Как показали дальнейшие события, обеими директивами Балтийскому флоту было поставлено больше задач, чем он мог выполнить.

На основании указанных директив и в соответствии с «общим планом боевых действий» командующий флотом 23 ноября издал приказ № 5оп, который, увы, не устранял противоречий, заложенных в директивах. Более того, основным соединениям БФ — эскадре, воздушным силам, 1-й и 2-й бригадам подводных лодок в соответствии с этим приказом надлежало действовать в одних и тех же районах, решая сходные задачи. Однако указаний об организации взаимодействия между ними не было. Будь в штабах типовые, заранее отработанные в ходе учений планы операций и систематических боевых действий, этот приказ был бы действенным. Но таковых не имелось...

Впрочем, следует учитывать, что тогда в ВМФ еще не было единого руководящего документа по подготовке и ведению операций. Он появился только в 1940 г. Безусловно, его созданию способствовало осмысление опыта советско-финляндской войны.

Знакомящегося с упомянутыми документами БФ, составленными при подготовке к войне, охватывает ощущение, что советской стороной владела одна главная забота — как перехватить финнов, когда они побегут в Швецию. «Малой кровью, могучим ударом...» И разгром немцами Польши, и наш Халхин-Гол были еще так свежи в памяти! Да и простое механическое сопоставление сил (см. таблицу) вселяло уверенность.

Однако финны опирались на выгодные для них особенности театра. В шхерах, где до предела были затруднены действия советских кораблей, они использовали большое число катеров, флотилию вооруженных ледоколов, заблаговременно подготовили скрытые фарватеры. Надежно прикрывая входы в шхеры минными заграждениями и системой береговых батарей, они смогли почти беспрепятственно, до ледостава, питать морем свои войска, осуществлять маневр силами, угрожать нашим коммуникациям. Планы финской стороны были очерчены границами возможного, ни о каком единоборстве в открытом море они и не думали. Правда, и финны реализовали не все преимущества, которые представились им по мере развития событий.

А на нашей стороне «Факел» сразу же высветил многое из того, что долгие годы оставалось непродуманным, недоделанным, неорганизованным, отложенным «на потом», что не вызывало беспокойства командующих и традиционно захлестнутых текучкой штабов. Не знал, например, значения полученного сигнала командир отряда легких сил капитан I ранга Б. Птохов. Пришлось связываться со штабом БФ. Не понял его и капитан-лейтенант А. Трипольский — командир подводной лодки С-1, находившейся в дозоре. Для него обстановка прояснялась лишь на второй день войны с получением оперативной сводки. Эсминец «Гневный» вообще не принял сигнала. Утром 30 ноября он вышел в район Хельсинки для несения дозорной службы и был обстрелян финской батареей с острова Изосаари.

В первые дни боев нередко возникали опасные недоразумения. Так, 30 ноября 1939 г. два эсминца — «Карл Маркс» и «Володарский» — были обнаружены в море нашей воздушной разведкой, осуществлявшей поиск финских броненосцев. Не имея данных обстановки, не зная как следует внешнего вида своих кораблей, наши летчики приняли их за вражеские. Бомбы легли в 30 метрах от борта «Володарского». В свою очередь эсминец едва не сбил СБ.

2 декабря 1939 г. корабли отряда особого назначения после мощной огневой подготовки высадили десант на о. Гюгланд. Противник вопреки ожиданиям не оказал сопротивления. Однако потери были — шестеро раненых из подразделений, попавших под удар своей авиации. Командование флота, управлявшее силами, не успевало реагировать на изменения обстановки, и наши самолеты нередко штурмовали своих.

В первый же день войны в шхерах у о. Руссала звено майора Е. Преображенского обнаружило оба броненосца береговой обороны. Летчики бомбили их с высоты 200 метров, но безрезультатно. Ударная группа самолетов, спешно собранная штабом ВВС, вылетела лишь через 2 ч 40 мин. Естественно, за это время корабли ушли.

Отсутствие опыта управления силами и недостатки предвоенной подготовки обусловили резкое возрастание радиообмена. Особенно «отличилась» подводная лодка Ш-317 (командир — старший лейтенант А. Андронов). За пять ночей пребывания на позиции в районе Турку она сделала 38 передач, из них 14 — только в ночь на 1 декабря. Да и другие командиры включали передатчики в среднем по 4–5 раз в сутки, ибо и с началом боевых действий радиообмен с подводными лодками остался квитанционным. Командование не

доверяло другому способу. Однако при этом оно очень мало снабжало командиров разведывательной информацией.

Не всегда решения руководства флота отвечали обстановке. К примеру, действия подводных лодок были предусмотрены одновременно на всех 11 позициях, намеченных планом блокады побережья Финляндии. Вскоре командованию пришлось пожалеть о том, что «спланировали» чрезмерное напряжение сил. Лодки начали выходить из строя.

1 декабря 1939 г. командиру отряда легких сил радиогруппой было приказано орудиями главного калибра крейсера «Киров» обстрелять батарею на о. Руссарэ. Других указаний капитан 1 ранга Б. Птохов не получил. Цель этого набегает остается неясной и сегодня. Бои на суше шли в нескольких сотнях километров к востоку, а флот не планировал операций, которым бы могла помешать эта батарея, к тому же не было установлено ее точное местонахождение. Не было дан-

Состав морских сил СССР и Финляндии на 30.11.1939 г.			
Классы кораблей, виды авиации	СССР		ВМС Финляндии
	БФ	СФ	
Корабельный состав			
Линейные корабли	2	-	-
Броненосцы береговой обороны	-	-	2
Крейсеры	1	-	-
ЭМ и лидеры	13	7	-
ПЛ (из них малые)	29(2)	16(6)	5(2)
Канонерские лодки	3	1	12
Сторожевые корабли	12	16	9
Минные и сетевые заградители	3	2	7
Тральщики (всех типов)	28	8	30
Торпедные катера	62	-	7
Другие боевые катера	33	8	-
Авиация			
Истребители	246	-	-
Бомбардировщики	111	-	16

ных и о финском минном заграждении на подходах к острову. Предварительная разведка не планировалась, да и тральщиков не хватало.

По пути к острову корабли отряда обнаружили в рассветной мгле силуэт подлодки и... едва не потопили свою С-1. ЦАСы уже выработали данные для стрельбы, когда ее командир, заподозрив неладное в действиях охранявших «Киров» эсминцев, подал опознавательный сигнал... Приблизившись к острову, отряд пошел прямо на мины. Подойдя к маяку Руссарэ на дистанцию 110 каб. «Киров» лег на боевой курс 240°, который как и прежний, вел на минное заграждение. Финны открыли огонь первыми. Имея приказание не ходить под обстрелом, командир отряда увеличил ход до 24 узлов и лег на курс 210°. Это спасло корабль. На отходе крейсер открыл огонь и за 9 минут израсходовал 35 снарядов, стреляя по площади. Последний залп противника лег с недолетом 70–80 м за кормой... В результате удалось лишь установить, что дальность огня батареи достигала 120 каб.

Этому набегу позднее была дана следующая оценка: «Неосторожная посылка крейсера «Киров» для обстрела батареи на о. Руссарэ без тральщиков и воздушного прикрытия, достаточного противолодочного охранения могла стоить потери единственного крейсера БФ».

Наиболее слабо была организована разведка. Об отсутствии достоверных данных о противнике свидетельствует множество примеров. В невыгодном свете она предстает и тогда, когда действия Балтийского флота в целом выглядели вполне удачными. Это, в частности, относится к операции по овладению островами восточной части Финского залива в период с 30 ноября по 3 декабря 1939 г. Острова, которые финны практически не защищали, усиленно обстреливали корабли, бомбила авиация. Только на эти цели ВВС флота произвели 387 самолетов-вылетов, израсходовали 2110 бомб и 4425 снарядов.

Впрочем, излишний расход боеприпасов не такая уж горькая потеря, если есть результат. Между тем именно из-за отсутствия разведанных, вернее некачественного из сбора и анализа того, что добывалось в ходе боевых действий, чаще всего оставались безрезультатными значительные усилия.

Таким образом, с первых часов войны командование БФ столкнулось с целым рядом трудностей, многие из которых ему так и не удалось преодолеть.

Иное развитие событий являет боевая деятельность Северного флота (командующий — флагман 2 ранга В. Дрозд).

И здесь имели место недостатки, однако они не помешали флоту выполнить поставленные задачи, которые, следует заметить, были значительно скромнее и более реально учитывали небольшие возможности СФ. В первую очередь это оказание поддержки войскам 14-й армии по овладению полуостровами Рыбачий, Средний и городом Печенга (Петсамо) с прилегающей к Варангер-фьорду территорией. В дальнейшем Северный флот обеспечивал защиту своих коммуникаций и оборону собственных баз. Действия его в советско-финляндской войне, безусловно, заслуживают интереса, однако они не дают нам таких типичных примеров, которые характерны для боев на Балтике.

А на Балтийском театре обстановку определяли два основных фактора: неудачи Красной Армии, с трудом продвигавшейся вперед, и преждевременное начало необычайно суровой зимы.

Военные будни БФ были теснейшим образом связаны с развитием событий на Карельском перешейке. В соответ-

---

ствии с поставленной задачей огневое содействие 70-й, а затем 123-й дивизиям оказывал дивизион канонерских лодок капитан-лейтенанта Э. Лазо.

Деятельность этого соединения заслуживает положительной оценки уже потому только, что оно было сформировано в считанные дни перед самой войной из мобилизованных и вооруженных грунтовозных судов. С 30 ноября по 21 декабря 1939 г. они поддерживали огнем 130-мм орудий продвижение приморского фланга сухопутных войск. Результаты стрельбы по береговым целям, как правило, армейским командованием оценивались высоко, хотя велась она чаще всего без корректировки, по площади. В те дни, когда по метеоусловиям стрельба по берегу была невозможна, пехота обычно успеха не имела.

Между тем руководство Красной Армии, столкнувшись с упорным сопротивлением финнов и убедившись, что линия Маннергейма не «пропаганда», стало понимать, что необходима десантная операция, так как иного реального способа кратчайшим путем обойти мощные финские укрепления не было.

4 декабря 1939 г. военному совету БФ была поставлена задача совместно с командованием 7-й армии проработать вопрос о высадке тактического десанта силой до дивизии. При этом выявились недостатки предвоенной подготовки флота: не было составленных и отработанных в ходе совместных учений планов десантных операций, не хватало транспортов, отсутствовали десантные корабли специальной постройки, не доставало тральщиков, кораблей огневой поддержки, пригодных для действий в шхерах. Не имелось даже некоторых необходимых карт и лоций, без чего на столь сложном в навигационном отношении театре не то что воевать — в море выйти было рискованно. К тому же не все командиры и штурманы были подготовлены к плаванию в шхерных районах.

5 декабря Главным командованием было принято решение о проведении десантной операции силами БФ и 7-й армии и назначено место высадки — район Питкяпаси. Действия наших сил могли помешать минные заграждения финнов и батареи на островах Выборгского залива, вооруженные мощными орудиями калибра от 152 до 254 мм. При этом не имелось точных сведений о количестве финских артиллерийских установок, их местонахождении, дальности огня и секторах обстрела. Предназначенные для авиационной разведки МБР-2 с малой скоростью и низкими летными характеристиками для выявления

этих данных оказались непригодны. Пришлось вооружать фотоаппаратурой бомбардировщики СБ, обучать экипажи новым для них видам действий.

В течение трех недель удовлетворительных результатов от аэрофоторазведки получить не удавалось. Между тем ледовая обстановка в Финском заливе усложнялась, и наиболее вероятным вариантом стала высадка десанта на лед.

Борьба против береговых батарей неожиданно оказалась сложным делом и потребовала большого напряжения всех сил эскадры БФ и взаимодействующих с ней частей ВВС флота.

Понимая, что без данных о батареях эффективность ударов по ним будет весьма низкой, советское командование предприняло несколько попыток установить их координаты. Так, 6–7 декабря к о. Килписари выходили лидер «Минск» и два эсминца — «Карл Маркс» и «Володарский», которые обстреливали остров и демонстративно приближались к нему на дистанцию до 10 каб., стараясь вызвать огонь на себя. Пробовали выявить орудия, установленные на о. Бьёрке, при помощи самолетов, действующих на предельно малых (20–30 м) высотах. На огонь кораблей финны, как правило, не отвечали, по-видимому, раскрыв замысел советского командования. Хорошо замаскированные тяжелые орудия летчики также не обнаружили, зато понесли урон. Из-за плохих метеоусловий и сильного зенитного огня было потеряно три И-15 и два Р-5.

Имели успех лишь демонстративные действия группы эсминцев против о. Кирккомансари (в районе Котки) 15 декабря 1939 г. «Гневный», «Карл Маркс», «Энгельс» вызвали огонь на себя и смогли уточнить расположение 254-мм батареи, но при этом «Карл Маркс» подсек параваном две мины, что позволяет усомниться в безупречности решения — рисковать ценными кораблями ради обнаружения батарей. Тем более что данными разведки никак не удавалось обеспечить операции на главном направлении — по подавлению батарей на островах архипелага Бьёрке, которые, с одной стороны, перекрывали огнем кратчайший маршрут к месту высадки предполагаемого десанта, а с другой — препятствовали дальнейшим действиям дивизиона канлодок, продолжавшим поддерживать огнем приморский фланг частей Красной Армии, вплотную приблизившихся к южному входу пролива Транзунд.

Позднее в директиве от 14 февраля 1940 г. нарком резко упрекнул военный совет БФ за стремление «проявить ак-

---

тивность», «нанесение слабых ударов одновременно по большому числу боевых объектов противника», которые «фактически... были бесцельными, безрезультатными и даже вредными». На первый взгляд нарком безусловно прав. Но ведь своевременно ни И. Исаков, ни Л. Галлер, ни, наконец, сам Н. Кузнецов командование флота не поправили...

Батарею Саренпя на о. Бьёрке корабли эскадры и самолеты ВС БФ обстреливали и штурмовали неоднократно. С 10 по 25 декабря для этих целей привлекались оба линкора, два лидера, пять эсминцев, четыре сторожевых корабля, четыре базовых тральщика, шесть катеров типа МО, а 19 декабря — крупные силы ВВС: 35 бомбардировщиков и 52 истребителя. Было израсходовано 402 305-ми, 176 130-ми снарядов, 15 БФАБ-1000, 88 ФАБ-500, 111 ФАБ-250, 338 ФАБ-100, 8 БТАБ и 1717 мелких авиабомб.

В результате этих усилий лишь однажды, 18 декабря 1939 г., одно 152-мм орудие было выведено из строя попаданием 130-мм снаряда.

Анализируя действия кораблей эскадры, стрелявших без данных о целях, без корректировки, по площади, нельзя не увидеть, что причиной неудач, помимо отсутствия неудовлетворительной разведки, было и неумение организовать взаимодействие с авиацией. К тому же ледовая обстановка, становившаяся день ото дня тяжелее, существенно ограничивала возможности для маневрирования. Нельзя не учитывать и того, что положение на фронте становилось все более напряженным. Победоносного наступления наших войск не получилось. Более того, финские войска начали наносить контрудары. На всем протяжении линии Маннергейма боевые действия приобрели позиционный характер. На этом фоне по-иному выглядит стремление командования флота если и не добиться успеха, то по крайней мере «проявить активность».

Последняя попытка достичь перелома в действиях против батареи на о. Бьёрке была предпринята 30 декабря 1939 г. Совместный удар кораблей эскадры и авиации флота из-за тяжелых ледовых и метеоусловий был сначала перенесен на 1, а затем на 2 января 1940 г. Однако в 11 ч второго января стало ясно, что он не состоится (к тому же десантная операция в район Питкяпаси была отменена директивой наркома ВМФ 30 декабря).

Боевые действия кораблей эскадры в Финском заливе на этом прекратились. Огневую поддержку частей красной Армии осуществляли железнодорожные батареи морских укрепрайонов (Южного, Западного и Северного), переброшенные на Карельский перешеек. Сухопутным войскам оказыва-

ли активное содействие ВВС БФ. Моряки защищали подступы к главной базе в составе Зимней обороны. На приморском фланге совместно с частями Красной Армии наступали отряд сопровождения и батальон лыжников.

Подводные лодки и авиация продолжали наносить удары по финским коммуникациям до конца января 1940 г. Однако значительного успеха ни подводники, ни летчики добиться не смогли. Одним из самых серьезных препятствий было строгое указание командирам подводных лодок руководствоваться призовым правом, что исключало атаки транспортов без предупреждения, делало невозможным действия против конвоев. Ошибочным выглядит и первоначальное решение руководства авиации выделить для ударов по вражеским коммуникациям 28 устаревших самолетов МБР-2, из которых около трети постоянно находилось в ремонте. Наиболее современные для того времени бомбардировщики СБ и ДБ-3 целенаправленно, но безрезультатно охотились за финскими броненосцами. Перед возвращением на аэродромы они, как правило, бессистемно бомбили порты и предполагаемые военные объекты в районах Хельсинки и Турку.

8 декабря 1939 г. Советское правительство объявило «блокированными побережье Финляндии и прилегающие к нему воды от устья реки Торниониоки, на севере Ботнического залива, до меридиана $23^{\circ}51'$ восточной долготы на Финском заливе». В этот день на позициях находилось 11 подводных лодок. Авиация базировалась на Палдиски и аэродромы Моонзундского архипелага. Разведка устья Финского залива подтвердила очевидную вещь — прекращение движения транспортов в открытой части моря, так как они стали осуществлять переходы исключительно шхерными фарватерами.

Как уже отмечено, МБР-2 не могли существенно влиять на морские сообщения противника, поэтому бремя блокады в основном легло на подводников. Молодые командиры ПЛ обретали боевой опыт, прямо скажем, в условиях экстремальных. Кто должен был учить их? Комдивы в подавляющем большинстве сами были молоды и неопытны. Из восьми командиров дивизионов лишь трое были старшими офицерами, остальные — в звании капитан-лейтенанта. Среди командиров «шук» и «эсок» (кораблей второго ранга) 39% были старшими лейтенантами. А подводной лодкой М-76 командовал лейтенант Г. Жаворонков. Но главная причина низкой эффективности их действий заключалась все же в неудовлетворительной работе штабов, слабой разведке и отсутствии взаимодействия с другими родами сил.

Гибкое, адекватное обстановке и постоянное по времени управление подводными лодками отсутствовало. Это и дало о себе знать после объявления блокады. Ошибкой была и организация управления одновременно с двух командных пунктов, что перегружало связь, приводило к неразберихе. Так, получив 22 декабря 1939 г. почти одновременно два противоположных по сути приказания — пройти пролив Ю. Кваркен, ведущий в Ботнический залив, в 10.0023 декабря и... в Ю. Кваркен до особого распоряжения не входить, командир С-1 был поставлен в трудное положение.

Находясь в назначенных районах неделями и не встречаясь с противником, ПЛ не имели запасных позиций и не получали приказаний на смещение. Лишь 29 декабря 1939 г. нарком ВМФ приказал определить «широкие районы в зоне блокады и установить между ними разграничительные полосы».

Неясность обстановки вынуждала командиров наших лодок быть излишне осторожными, подчас во вред делу. Так, 5 и 9 декабря 1939 г. Щ-324 (капитан-лейтенант А. Коняев) дважды обнаруживала в надводном положении в чрезвычайно выгодных для себя условиях финскую ПЛ «Ветехинен». В первый раз командир побоялся потопить свою С-1, в отношении местонахождения которой у него ясности не было, а второй раз атаковать не сумел.

О действиях балтийских летчиков во время той войны нарком ВМФ в директиве от 3 февраля 1940 г. отозвался так: «В боевом использовании авиации еще продолжает иметь место крайнее упрощенчество и пренебрежение к выработанным практикой и боевыми уставами формам оперативного руководства... Постановка боевых задач в ряде случаев исключительно обща, зачастую не исходит из тщательного анализа обстановки, подкрепленного оперативно-тактическими расчетами, а поэтому иногда является неконкретной и невыполнимой... Поздняя постановка задач... приводит к тому, что на уничтожение одного орудия летят чуть ли не всем полком...». Такие же недостатки проявились и в действиях нашей авиации на коммуникациях врага.

Врио командующего ВВС флота комбриг В. Ермаченков пытался исправить положение: 20 декабря 1939 г. с целью усиления блокирующих действий против Финляндии им дополнительно было выделено 18 бомбардировщиков и 15 истребителей, а позднее число СБ и ДБ-3 доведено до 30.

29 декабря 1939 г. нарком ВМФ приказал начать постановку мин с самолетов в узловых точках шхерных фарватеров. В минных банках в дневное время их было выставлено 45. До-

стоверных сведений о потерях на них мы не имеем, но можно считать, что финское судоходство они затруднили.

Для того чтобы подвести итог действиям наших морских сил, надо соотнести то, что было доставлено в основном морем в Финляндию из других стран Европы за время войны, с достоверными данными о ее потерях от сил ВМФ. Всего поступило 376 самолетов, 1132 орудия, 2,5 млн. снарядов, свыше 6 тыс. пулеметов, 100 тыс. винтовок, 510 тыс. гранат, 216 млн. патронов. В страну прибыло 11 тыс. добровольцев. Наши лодки уничтожили четыре судна общим тоннажем около 5000 брт. Причем одно из них было потоплено вне зоны блокады, на что В. Трибуцу строго указал нарком ВМФ 13 декабря 1939 г. Морские летчики числят за собой 14 потопленных финских транспортов и барж.

К потерям финнов от действий Советского ВМФ следует (по нашим данным) прибавить 65 самолетов, уничтоженных авиацией БФ, и еще один, сбитый С-1 (командир — А. Трипольский) 18 января 1940 г. Кроме того, 13 января 1940 г. в Аландском море при выходе в атаку на нашу Ш-324 взорвалась (скорее всего из-за детонации боеприпаса) финская вооруженная яхта «Аура».

Как бы там ни было, вывод об эффективности блокады можно сделать однозначный: она не состоялась. Поэтому вряд ли можно согласиться с утверждением историка В. И. Дмитриева, что действия флота по срыву морских перевозок финнов «имели стратегическое значение».

По данным, приведенным авторами труда «Советско-финляндская война 1939–1940 гг. на море», балтийцы потеряли 198 человек убитыми, 52 пропали без вести, 392 ранено. В число убитых не были включены погибшие на С-2, которая в начале января 1940 г. подорвалась на финских минах в проливе Ю. Кваркен. Кроме этой подводной лодки, Балтийский флот потерял 18 самолетов, немного меньше 4% от первоначального боевого состава (469 машин). Основные причины — слабая подготовка летчиков к полетам в сложных метеословиях.

В ходе войны более или менее успешно были выполнены лишь некоторые задачи: флот овладел островами в Финском заливе, оказал непосредственную огневую поддержку частям приморского фланга сухопутных войск, защитил Ленинград и Кронштадт, аэродромы и базы от ударов финской авиации со стороны моря, была организована Зимняя оборона в покрытом льдами Финском заливе, сформирован отряд сопровождения, который оказал содействие дивизиям, наступав-

---

шим вдоль северного берега Финского залива. Флот огнем железнодорожных батарей, переброшенных на Карельский перешеек, поддержал войска 7-й и 13-й армий во время решающего наступления в феврале–марте 1940 г.

Вместе с тем действия командования БФ в ходе советско-финляндской войны были неоднократно подвергнуты резкой критике наркома ВМФ. При этом он акцентировал внимание на существенных недостатках в подготовке сил, присущих и другим фронтам, что, собственно, и было предметом его серьезной озабоченности. Прежде чем перечислить эти недостатки, уместно сказать, что в то время советское военно-морское искусство еще не ответило на целый ряд вопросов, возникновение которых было обусловлено процессом развития советской военной доктрины в 20–30-е годы и в ходе боевых действий на морских театрах второй мировой войны. В этом позднее откровенно признавался Н. Кузнецов.

Во всяком случае концепция «малой войны», определившая на долгие годы направленность строительства и подготовки флотов, явно просматривается в том, что БФ собирался воевать с противником, имеющим сильный флот, но не с Финляндией. Как следствие в штабах отсутствовали заранее составленные и отработанные в ходе учений планы действий на финских коммуникациях, активных минных постановок, операций по противоминному обеспечению своих сил, по защите наших коммуникаций и оказанию огневой поддержки приморским флангам сухопутных войск. Потребностям такой войны не отвечал и состав флота. Намеренно выпячивая «классовый метод», по сути дела противопоставив его методу исторического материализма, неокрепшее советское военно-морское искусство в «священном походе» против «реакционной буржуазной доктрины владения морем» нечаянно вооружилось ее перевертышем — теорией «малой войны». И все 105 дней флот воспринимал идущую войну как не совсем настоящую, как прелюдию к иной, ожидаемой...

И все же, все же... Те, кто шел в бой в 1939–1940 гг., верили свято, что воюют за правое дело, за родину Октября, за ее лучшее будущее.

Однако отсутствие необходимого опыта и недостаточная подготовленность, особенно высшего командного состава, обусловили крупные недочеты в управлении силами. Война заставила руководство ВМФ серьезно задуматься над организацией всех видов обеспечения действий сил. Плохими оказались не только разведка, но и, например, навигационно-гидрографическое обеспечение. Тяжело сказались на работе ор-

ганов тыла незавершенность оборудования новых баз в Прибалтике, организационные просчеты и отсутствие запасов.

Особое внимание при разборе итогов советско-финляндской войны нарком уделил оперативно-тактической и боевой подготовке, критике подвергли деятельность штабов. Было отмечено, что совместные с ЛВО учения по взаимодействию в наступательных и десантных операциях не проводились. Осуждены практика учебы в упрощенных условиях, отработка задач в ограниченном объеме. Налицо были и слабая штурманская подготовка, и недостаточная изученность театра. Многие командиры кораблей, частей и соединений оказались неготовыми к действиям при организации совместных ударов группами разнородных сил.

Есть еще один трудный вопрос. Была ли эта война неизбежной? О том, что рано или поздно она начнется, убежденно говорили наши военачальники и теоретики: Б. Жерве — еще в начале двадцатых, позднее — М. Тухачевский и Б. Шапошников. Но в отличие от Сталина они с неизменным уважением относились к финнам, к их армии как к противнику серьезному.

По-моему, при том «раскладе» объективных и субъективных факторов советско-финляндская война была неотвратима.

*М. Монаков
(Военно-исторический журнал,
1990, с. 24–31)*

Бой у острова Руссарэ

От береговой обороны западной части Финского залива и островов района Турку, образованной 8.06.1921 г., берет свое начало Отдельный береговой артиллерийский дивизион Турку, созданный по приказу № 45 с 1.08.1921 г. В его состав вошли батареи Руссарэ, Эрэ, Утэ и Люпертэ, которые до этого сначала были отдельной батареей Руссарэ, а затем пятым дивизионом 1-го полка береговой артиллерии, а также Управлением конторы военных трофеев. Позже наименование дивизиона изменилось на Отдельный дивизион береговой артиллерии. В настоящее время группа известна как Ханковский береговой дивизион, которому летом 1996 г. исполнилось 75 лет.

Оставленное русскими в Первую мировую войну как военные трофеи артиллерийское оборудование было многочисленно и не изношено. Это было лучшее, что в то время могла создать промышленность. Однако реально оно могло использоваться лишь ограниченно и в 1930-е годы начало заменяться технически обновленными орудийными системами, что позволило значительно увеличить эффективность действия орудий.

Стремление увеличить дальность стрельбы и обеспечить возможность отражения воздушных налетов привело к модернизации и изменению механизмов наведения орудий и орудийных лафетов так, чтобы они могли стрелять под большими углами. Зарядное устройство обновили полностью, что позволило за счет удобства подготовки к стрельбе увеличить скорострельность. Тяжелая артиллерия электрифицировалась, и это обеспечило механическую подачу снарядов для заряжания.

Артиллерийской снаряжение 1-го Отдельного дивизиона береговой артиллерии также стало обновляться в начале 1930-х годов. Работы выполнялись людьми дивизиона, под руководством техника по вооружению Хавери. Его помощником был поступивший на службу в дивизион в 1928 г. старший сержант Рейно Ниemi. Из Ниemi получился отличный оружейник, прослуживший в дивизионе до 1960-х годов. Оставаясь на пенсии в чине капитана, Рейно Ниemi был начальником технического управления берегового дивизиона Ханко.

Обновление орудий на Эрэ началось, когда первые 305-мм пушки отладили для опробования и испытания

стрельбой. В это же время на островах Макилото и Куйвасари построили 305-мм двухорудийные башни. Батарея Эрэ также была заменена на двухорудийную, с выполненным в виде круга открытым сзади орудийным двором. Орудийные башни были защищены сверху, наводка и зарядание орудий были электрифицированы.

Затем в 1-м Отдельном дивизионе береговой артиллерии началось обновление 6-дм пушек Канэ. Их пружинные механизмы наведения также расположили над стволом. В 1935 г. начались работы по переоборудованию шести 234-мм пушек фирмы «Бетлехем Стил компани». Эти тяжелые орудия обновлялись поочередно, и работы продолжались несколько месяцев. Вместе с военными специалистами работали ханковцы из механических мастерских Маннера. В 1936 г. на Люпертэ пушки Канэ заменили 152-мм морскими пушками. Старые пушки демонтировали и без происшествий на баржах отправили в Хельсинки.

Время для подготовки оборонительных сил независимой Финляндии фактически было не слишком большим — лишь пара десятков лет. Зимняя война началась на Ханко 30.11.1939 г. воздушной бомбардировкой. С южной стороны, с советской военной базы в Эстонии, прилетели три самолета СБ и бомбили форт Руссарэ и город. Во второй половине дня было еще три бомбардировки. Бомбы, сброшенные на город, очевидно, предназначались для пристанционных участков и механических мастерских Маннера, выпускавших военную продукцию. Однако они не легли в цель, а упали на Лесной улице (современная Дорога к портовой часовне), где бомбардировка повлекла первые жертвы.

В тот же день было получено сообщение штаба военноморских сил в Хельсинки, что новый крейсер советского флота «Киров» вышел из базы Лиепая в направлении на север и обходит с запада остров Хииденмаа. «Киров» сопровождали два эсминца. Немедленно по получении этого сообщения был отдан приказ подводным лодкам «Весико» и «Весихииси» выйти навстречу «Кирову» в устье Финского залива, однако из-за бомбардировки Хельсинки их выход задержался и они оказались в море только в 3.00 следующего утра. Подводные лодки не успели принять участия в бою на подходах к Ханко. Однако они остались с тех пор на Ханко до 4 декабря, на всякий случай, если противник вновь попытался бы напасть на город.

На Руссарэ 1 декабря стояла хорошая погода. Дул слабый западный ветер, и видимость была превосходная. В течение

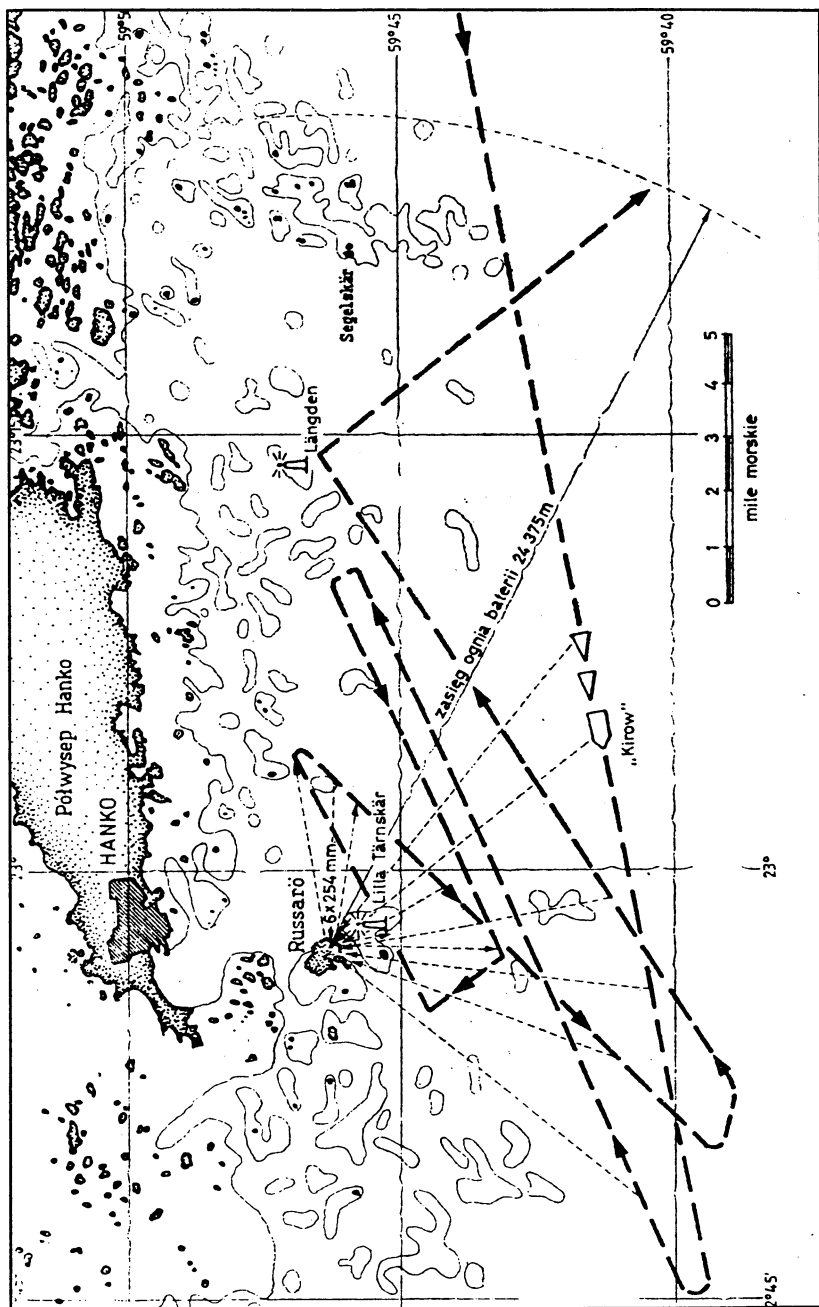
утра от морских наблюдательных постов были получены сообщения о приближении к Ханко конвоя. Первым сообщение передал Бэгскар, затем Юссарэ и последним — Порскар. Голоса наблюдателей, сообщавших о результатах наблюдений, были напряженными. Все вместе гадали, что за этим последует.

В начале дня, когда на батарее Руссарэ как раз начиналась учебная тренировка, измерительная станция на Порскаре передала в 9.35 по телефону, что видит с юго-восточной стороны на горизонте дымы. Вскоре после этого те же дымы заметили с центральной башни батареи. Когда расстояние уменьшилось до 35 км, увидели, что дымы идут от одного большого и двух меньших кораблей. На расстоянии 28 км опознали крейсер «Киров» и два эсминца. Но Руссарэ уже был готов к команде открыть огонь. Это успокаивало людей, находившихся на посту управления.

Когда конвой подошел на расстояние 24 км, командующий артиллерией района Ханко майор Викстрем отдал приказ левому сектору батареи открыть заградительный огонь против нарушителей. В 9.55 орудие правого сектора сделало первый выстрел. После нескольких выстрелов с форта в 9.57 крейсер «Киров» развернулся правым бортом к Руссарэ и ответил огнем. Форт произвел несколько залпов накрывающего огня, а затем в продолжение пяти минут с расстояния 20 км четырьмя орудиями вел огонь на поражение. В «Киров» попал один выпущенный с Руссарэ снаряд, и на крейсере вспыхнул пожар. Командир «Кирова» Фельдман направил поврежденный корабль под прикрытием дымовой завесы из района действия огня Руссарэ. На форте скомендовали прекратить огонь в 10.10. Так закончился этот короткий, но столь значительный бой.

У другой стороны утверждали, что крейсер «Киров» и сопровождавшие его миноносцы «Стремительный» и «Сметливый» не получили в бою повреждений. Однако «Киров» возвратился в Лиепаяу, где был отремонтирован. Людские потери на «Кирове» составили 17 человек убитыми и около 30 ранеными.

Первые выпущенные с «Кирова» 180-мм снаряды легли в море перед Руссарэ, следующие выстрелы были точнее и снаряды стали падать на остров. Большая часть, пролетев над батареей, упала в северной стороне острова и в районе пристани. Два-три снаряда остались неразорвавшимися. Разрушения, однако, были минимальными, столовая и пристань получили небольшие повреждения, прямое попадание было

в домик смотрителя маяка. Единственной жертвой боя был смотритель маяка, который потеряв дом переселился на материк.

Центральный и левый секторы Руссарэ в течение 15 минут доказали, что то дело, которое 1-й Отдельный дивизион береговой артиллерии готовил 18 лет, не было бесполезным. Противник, безусловно, знал об орудиях Руссарэ, но вместе с тем был неприятно удивлен тем, что дальность стрельбы благодаря произведенной финнами модернизации выросла в огромной степени, а потому подошел к форту слишком близко. Меткость огня также оказалась хорошим показателем уровня подготовки батареи.

На второй день войны большое значение для финского народа приобрели противовоздушные силы. В то время как на восточной границе наши войска отступали, оказывая упорное сопротивление, на побережье остановили продвижение противника. При этом в очередной раз доказали, что укрепления береговых фортов представляют высокий порог, который противнику трудно преодолеть. После боя у Руссарэ военно-морские силы противника оставили Ханко в покое.

Этот бой высоко поднял дух людей Ханковского укрепрайона. Все были благодарны испытанию, потому что это было настоящее дело, в котором команда форта действовала в хорошем единстве. Было несколько осечек, но, к счастью, все же огонь был метким и все закончилось хорошо. «Жертвы» в результате сражения все же были — в столовой Руссарэ пища несколько недель после боя состояла из трески и салаки, застигнутой «Кировым». Снаряды, взорвавшиеся в воде, убили большое количество рыбы, которую собирали на берегу и использовали в пищу.

Воздушные бомбардировки, однако, продолжались все время — Ханко оказалось удобно расположенным на маршруте самолетов, пролетающих с аэродромов Эстонии в Турку. Если над Турку была плохая погода, они, прежде чем возвратиться на свой аэродром, сбрасывали бомбы на Ханко. В городе были объекты, интересующие противника. Один из них — механические мастерские Маннера, которые изготавливали оборудование для траления мин, а также артиллерийские снаряды. Маннеровское производство расширилось в период войны и рассредоточивалось вдоль полуострова. В мастерские завода в начале 1940 года произошло прямое попадание, в результате вся их деятельность была перенесена в Лохья. В общей сложности Ханко бомбили 8

дней в декабре, 11 в январе и 8 в феврале, хотя бомбардировки бывали и по-нескольку раз в день. Всего Ханко бомбили 72 раза. В бомбардировках участвовало 260 самолетов, сбросивших на город 1100 бомб. Людские потери в результате многочисленных бомбардировок были на удивление малы, всего шесть человек. Это отчасти объясняется тем, что многие ханковцы, особенно женщины, дети и старики, добровольно эвакуировались, когда начались бомбардировки зимней войны. Зенитных средств как на Руссарэ, так и на Ханко, крайне недоставало. Достаточное количество зенитных орудий для форта и города получили только во второй половине войны. Причиненные бомбардировками материальные потери оказались очень велики, многие здания были разрушены или повреждены. Примечательно, однако, что Ханко ни разу не бомбили в марте, в несколько последних дней войны, хотя пристань Руссарэ получила в это время прямое попадание. Очевидно, русские хотели сберечь город, передачу которого внесли в предварительные условия мирных переговоров первейшим объектом. Эти условия мира были переданы финнам через Стокгольм 22 февраля 1940 года.

П. Сильваст
(Альманах «Цитадель»)

На береговой батарее в Эстонии

30 ноября 1939 года, в первый день войны, десанты, высаженные балтийскими кораблями, захватили острова Сейскар и Лавенсаари. 3 декабря полуторатысячный десант высадился на остров Гогланд, почти в центре Финского залива. Правда, противник поспешил оставить остров до прихода десантников, но так или иначе этот военный пункт был занят флотом. Десантники капитана 1 ранга С. С. Рамишвили захватили и остров Большой Тютерс. На Карельском перешейке успешно началось наступление 7-й армии, на приморском участке ей активно помогали флот, его корабли, артиллерия, морская пехота.

Вскоре были созданы из матросов-добровольцев с кораблей эскадры и батареей береговой обороны отдельные лыжные батальоны, а также отряд сопровождения с танками и артиллерией под командованием комбрига Н. Ю. Денисевича и батальонного комиссара В. М. Гришанова.

Эти первые вести с востока радовали и ободряли нас. С каким нетерпением ждали мы с военкомом Дорофеевым часа «последних известий», стараясь освободиться в 23.00 и включить радиоприемник. Газеты приходили регулярно, но с двухдневным опозданием, а живые вестники оттуда, с Большой земли, как мы теперь называли Родину, случались редко. Но уж если кто приезжал, мы каждого выспрашивали до предела. Меня особо волновали действия родных мне фортов — Первомайского, Красноармейского, «Риф», поддерживавших в зоне досягаемости дальнобойных орудий наступление сухопутных войск. Я хорошо знал силу их огня и до мелочей представлял себе прибрежную зону Финского залива.

Гидросамолеты 44-й эскадрильи, входившей в 10-ю авиабригаду моего друга Петрухина, уже комбрига, получили приказ разведывать западную часть Финского залива. Труднейшая в наших условиях задача, но летчики выполняли ее самоотверженно. Им было тяжело летать с гидродрома без специальных спусков для самолетов МБР-2, без ангаров, плавающих средств; мы выделили им в помощь краснофлотцев из береговой обороны, чтобы хоть как-то облегчить работу и жизнь.

Подводные лодки нашего 24-го дивизиона вышли на позиции к устью Финского Ботнического заливов.

А 14 декабря была проведена памятная нам разведывательная операция, в которой участвовали два эскадренных

миноносца из отряда легких сил — «Гневный» и «Грозный» и шесть самолетов МБР-2 из 10-й авиабригады. На «Гневном» шел капитан 1 ранга В. А. Алафузов, осуществлявший практическое руководство блокадой Финляндии с моря. Для моряков и летчиков эта операция оказалась боевым крещением. Ее цель была достигнута: наши эсминцы заставили неизвестную нам батарею противника на острове Лильхару калибром 152 миллиметра открыть по кораблям огонь и обнаружить себя; корабли вели ответный огонь по батарее, летчики сбросили на нее бомбы.

Так начала сказываться вся благотворность создания новых баз (в странах Балтии — ред.) и стоянок флота. Краснознаменный Балтийский флот получал возможность плавания в устье Финского залива.

Конечно, это было лишь начало, и мы не обольщались первыми успехами, каждый день и каждый час чувствуя, как много еще предстоит сделать и как скудны пока наши возможности.

В первых числах декабря из Ижорского укрепленного района пришла хорошо мне знакомая 12-я железнодорожная батарея под командой капитана Григория Иосифовича Барбакадзе — этого замечательного командира в годы Великой Отечественной войны знал весь Ленинград, вся Балтика, весь флот. Четыре транспортера, вооруженных 180-мм пушками, были в хорошем техническом состоянии с отлично подготовленным личным составом. Дальнобойные и скорострельные, они были внушительной силой, присланной для уплотнения обороны новой базы. Но, при всем нашем желании, мы эту силу не могли использовать. Нужна была специальная железнодорожная ветка, чтобы развернуть батарею в боевой порядок. Для этого у нас тогда не было возможности. Час славных действий для этой батареи настал значительно позже.

Пришел вновь в эти дни и транспорт «Луга», на котором с 12 октября туда и сюда плавала злополучная батарея пушек Канэ, назначенных на Даго, и даже часть батарейцев. Теперь на Даго батарею ждали. В середине декабря «Луга» выгрузила наконец пушки на укрепленный пирс в Кярдла; по специально проложенной саперами дороге батарею привезли на мыс Серош, и в конце декабря батарейцы начали зимние работы по установке артиллерийских систем.

А вот с зенитками, доставленными той же «Лугой» в ноябре, было хуже. Тремя батареями надо было прикрыть порт, город, пролив Роггервик, где могут стоять корабли, берего-

---

вую артиллерию на островах и аэродром. Семью хлебами накорми тысячи.

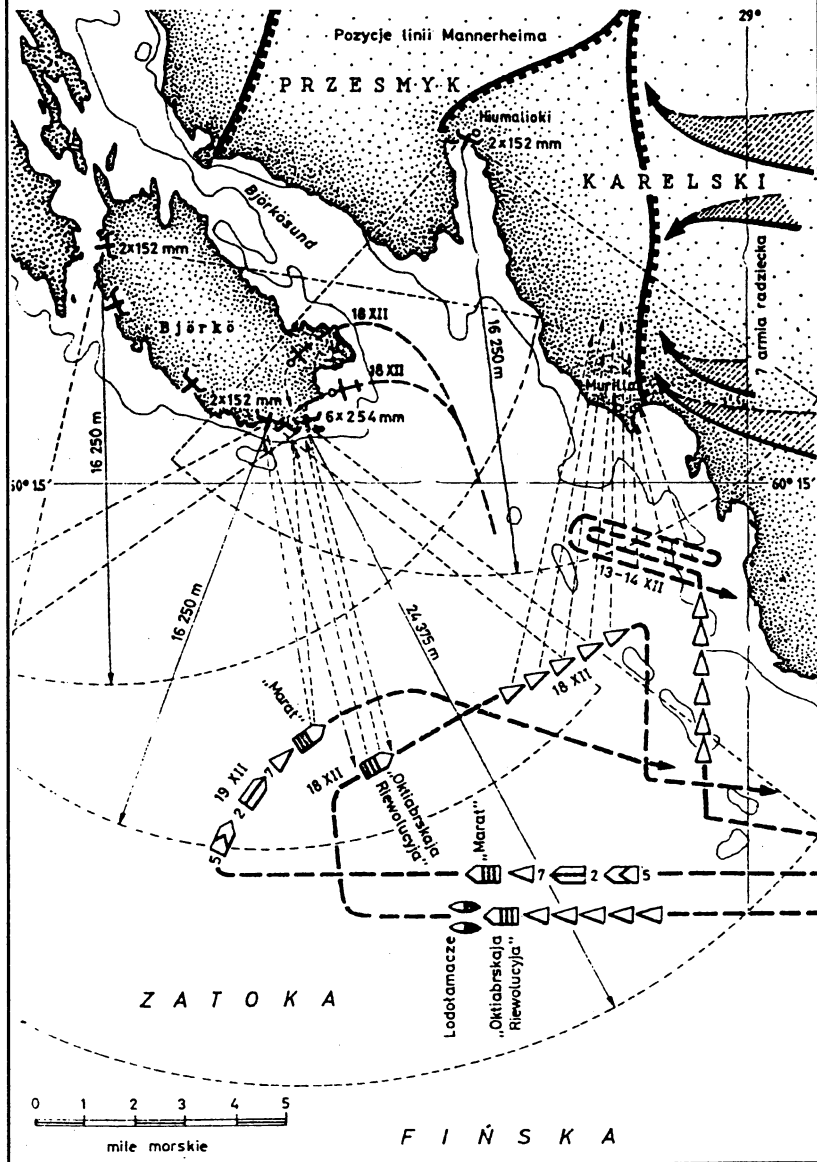
Долго мы и так и эдак прикидывали на кальке секторы зенитного огня, ища наилучшую комбинацию, наконец решили две батареи поставить на полуострове Пакри, одну отправить на Малый Рогге. И вот эта, третья, застряла в Палдиски, не на чем было ее переправить: в проливе у берегов — ледок, резиновые лодки саперов «А-3» для этой цели не подходят. «Пионер» нашего доброго капитана Беклемишева занят переброской войск в восточной части Финского залива; попросили помощи инженерно-понтонного парка «Н-2-П», только что присланного нам на «Луге».

Риск большой, но выхода не было — Палдиски, как морская и авиационная база, должна быть надежно прикрыта от возможных атак с воздуха, и мы не можем держать без дела целую батарею. 26 декабря при резком северном ветре и в зимней полутьме удалось переправить на пароме из парка «Н-2-П» одну пушку и трактор. Второй рейс не удался. Сильно штормило, прогноз на завтра был еще хуже. Мы сняли с парома лишних людей и решили все же попытаться счастья. На середине пролива паром получил сильный крен и вместе с грузом затонул. Но жертв не было. А пушку и трактор подняли и ввели в строй только в апреле сорокового года.

Зима финской войны была суровой. Морозы достигали 35–40 градусов. В декабре весь Финский залив сковало льдом. Замерз и пролив Роггервик. Хотя мы понимали, что появление вражеских кораблей в таких условиях маловероятно, мы держали всю оборону в постоянной готовности, зная, что в любой момент могут вмешаться в эту войну враждебные силы с запада. Я часто бывал на Пакри и на островах и видел, как трудно переносят зиму в палатках батарейцы и строители. Командиры и политработники жили вместе с краснофлотцами в одних и тех же «госпитальных» палатках, температура в которых даже ночью, когда палатка хорошо закрыта, едва поднималась выше нуля. Терпели. Не жаловались. Знали, что на финском фронте их товарищам еще труднее.

К концу декабря, когда наше наступление на Карельском участке фронта приостановилось, мы поняли, что войска подошли к полосе главных укреплений. Находясь в Эстонии, мы, конечно, не могли представить себе прочности укреплений, с которыми столкнулся вновь образованный Северо-западный фронт, хотя о линии Маннергейма трезво-

**Схема обстрелов финских береговых батарей и укреплений кораблями КБФ
13–19 декабря 1939 г.**

нила вся буржуазная печать. Только позднее, когда начался прорыв этой линии в лоб, так дорого стоивший армии, нам стало ясно, какая кровавая идет там борьба и какой героизм надо было проявить нашему бойцу, чтобы прорвать все три полосы долговременных железобетонных и гранитных сооружений, способных выдержать попадание снаряда калибра 203 миллиметра. Командиры, приезжавшие к нам в Палдиски с востока, рассказывали о хитроумных минах-ловушках, оставляемых противником в печах домов, у входных дверей, прикрепленных к игрушкам, к брошенным на дороге домашним вещам... Не слышал я раньше и о «кукушках», ведущих одиночный бой в лесу. Все это надо было запомнить и учитывать.

* * *

В нашу боевую деятельность ледостав тоже внес осложнения. Стало почти невозможно действовать подводным лодкам, хотя некоторые командиры, ставшие вскоре Героями Советского Союза, сумели проникнуть в Ботнический залив на коммуникации противника подо льдом.

Мы закончили строительство сухопутного аэродрома в Палдиски. Наши бомбардировщики действовали в глубоком тылу противника, на путях его внешних сообщений. В декабре, при плохой видимости, в снегопад, к нам в Палдиски сумели перелететь с востока девять истребителей И-15 старшего лейтенанта С. А. Гладченко, восемнадцать бомбардировщиком СБ капитана А. И. Крохалева, ставшего Героем Советского Союза, и капитана В. И. Ракова, позже дважды Героя Советского Союза, шесть истребителей И-153 старшего лейтенанта И. Д. Борисова, имя которого потом носила главная площадь города Гангэ на полуострове Ханко. Из небольшой разведывательной группы выросла наша 10-я авиабригада и превратилась в сильный боевой организм, получив возможность, начиная с 19 декабря, интенсивно блокировать противника. Совместно с дальними бомбардировщиками 8-й авиабригады наши самолеты бомбили транспорты в шхерах, броненосцы береговой обороны и укрепления острова Утэ. Удары по броненосцам береговой обороны наносили с больших высот и поэтому малозффективно. У противника, надо это отметить, была хорошо организована противовоздушная оборона и маскировка. Он довольно успешно создавал ложные батареи, подставляя их под огонь наших орудий и под наши бомбы — на этом горьком опыте мы многому научились и потом, в первый же год Великой Отечественной войны, сами обманыва-

ли врага такими приемами. Всегда надо внимательно изучать и использовать приемы и тактику противной стороны.

В начале января 1940 года в портах Ботнического залива противник поставил дополнительные зенитные батареи, ввел в действие истребители типа «Бристоль-Бульдог». А потом, когда наша 10-я авиабригада, усиленная двадцатью дальними бомбардировщиками, стала с воздуха минировать ледовые фарватеры, срывая движение транспортов с оружием западных стран, тогда в воздухе против нас стали воевать и современные истребители «Фоккер-Д-21» и «спитфайеры», германские и английские машины. Они устраивали засады на льду замерзших лесных озер, внезапно нападали на наши ДБ, СБ и МБР-2.

В середине февраля истребительная авиация, охранявшая базу, разведывавшая и штурмовавшая железную дорогу на полуострове Ханко, получила новую задачу: сопровождать и охранять дальних бомбардировщиков.

Мы помогли летчикам чем только могли: расчищали от обильного снега аэродром, пополняли своими людьми команды техников и вооруженцев, охраняли авиабазу от возможных в наших зарубежных условиях случайностей.

Отношение властей к нам резко ухудшилось. Против нас настойчиво и активно работали белогвардейцы, осевшие в Эстонии после гражданской войны, и местные фашистские формирования.

...11 февраля 1940 года поздно вечером мы узнали о начале нашего нового наступления. Стоял такой мороз, что страшно было выйти на улицу. А наши бойцы шли на линию Маннергейма. Вот герои, так герои!.. Каждый вечер радио передавало сообщения об их тяжелейшей борьбе. Нас больше всего волновало Выборгское направление, взятие приморских пунктов и островов. К концу дня 24 февраля части 34-го стрелкового корпуса заняли Бьёрке, Пийсаари и Тиуринсаари, а на следующий день флотский отряд сопровождения приступил по приказу командующего флотом к организации обороны острова Бьёрке.

Из очень скудных сведений от людей, приехавших из Кронштадта, стало известно, что на этих островах захвачены финские береговые батареи необычной постройки. Меня это очень интересовало. Предстояло всерьез вооружать острова в районе Палдиски и Моонзунда, надо обязательно своими глазами посмотреть батареи, выдержавшие огонь наших линкоров. Война кончалась, но мы понимали, что это жестокая, но малая репетиция — будет, неизбежно будет решающее сражение.

Когда были прорваны все три полосы укреплений линии Маннергейма и должен был пасть Выборг, командование дало мне разрешение, которого я долго добивался, — поехать на Бьёрке.

В Петергофе на аэродроме меня ждал самолетик У-2. Летчик критически осмотрел меня с головы до ног и сказал, что в такой одежде, в какой я прибыл из Эстонии, лететь нельзя. Пришлось переодеться: вместо ботинок — унты, вместо форменной шапки — летный шлем, меховые рукавицы на руки и толстый свитер под китель. Мне сразу стало жарко. Но когда я увидел, что летчик ко всему прочему теплому обмундированию надел себе на лицо защитную маску, мне стало скучновато. Все же — открытый самолет, и все мы были наслышаны про обмороженных в ту злую зиму.

Полетели низко над льдом залива. Кронштадт остался справа. Отчетливо видны все южные, северные и литерные форты, опутанные колючими заграждениями, с целой системой снеговых холмов вдоль них. Очевидно, это были оборонительные укрытия из льда и снега, созданные впервые в эту зиму и позже, в годы блокады Ленинграда и Кронштадта, успешно применявшиеся нашими разведчиками на льду и боевым охранением, состоявшим из матросов гангутского гарнизона. Наконец открылся маяк Стирсуdden, а за ним и Бьёрке.

Странное все же чувство — лететь спокойно над территорией, которую за долгие годы службы на фортах привык рассматривать как угрожающий тебе район за рубежом. Сели на лед возле Бьёрке. Вижу — с острова бегут люди в белых маскировочных костюмах с винтовками наперевес. Может быть, финны?! На севере в воздухе — несколько самолетов...

Но это были наши бойцы. Подбежали краснофлотцы, ухватили за крылья и фюзеляж наш У-2 и покатали его на лыжах к берегу.

Я спросил шагающего рядом летчика, что за самолеты в воздухе. Он ответил: «Похоже, что финские...»

Наш У-2 укрыли и замаскировали в лесу, а нас провели в штаб бьёркского укрепленного сектора. Штаб сектора был сформирован еще в Южном районе и прибыл на остров Бьёрке на третий день после его взятия. В состав сектора пока входили батальон кронштадтского стрелкового полка, размещенный в селениях Койвисто и Муурилла, батальон особой стрелковой бригады на острове Тиуринсаари и береговой отряд сопровождения КБФ, бойцы которого встречали наш самолет.

Вечер потратили на воспоминания, а рано утром пошли на ту батарею, ради которой я и прилетел. На финскую батарею Сааренпя, главную в Выборгском укрепленном районе Приморья, несмотря на устарелость ее систем.

В этот приморский укрепленный район финнов входили форт Хумалиокки на восточном берегу пролива Бьёркезунд (Койвистосалми) — с двумя батареями пушек Канэ калибром 152 миллиметра — двухорудийной и четырехорудийной, такая же четырехорудийная батарея на острове Тиуринсаари и двухорудийная на Бьёрке и, наконец, шесть орудий калибра 254 миллиметра на лафетах Дурляхера, установленных на Бьёрке, на Сааренпя в 1920 году. После 20 января 1940 года этот район, продолжавший линию Маннергейма, закрывавший входы в Выборгский залив и в Бьёркезунд и одновременно прикрывавший приморский фланг финской армии, был усилен еще семью легкими орудиями.

Меня все эти данные интересовали, разумеется, не платонически. Они, к сожалению, не совпадали с теми разведывательными сведениями, которыми мы пользовались, и это было для каждого из командиров береговой обороны серьезным уроком. Помимо того, что нам было известно меньшее число орудий на перечисленных батареях, мы неверно определили и калибр батареи Ристиниеми на противоположном берегу Выборгского залива, где стояли не пушки Канэ, а орудия 305-миллиметровые.

Но меня интересовало не только это. Хотелось внимательно осмотреть устройство позиций и артиллерийского городка. Из городка мы прошли на Сааренпя.

Да, наши батареи строились, к сожалению, иначе. В двадцатые годы при установке двух башенных батарей калибра 203 миллиметра проект предусматривал заключение башен в кольцевой железобетонный дворик. На одной башне форта Красноармейский это успели выполнить. На остальных — и на Красноармейском, и на Первомайском — почему-то отменили. А зря. Кольцевые дворики повышали живучесть башен.

Финские шесть орудий русской системы Дурляхера были размещены на большой площади в отдельных блоках, разнесенных друг от друга на расстояние от 175 до 325 метров. Батарея занимала по фронту — километр, в глубину — полкилометра. Подобное расположение диктовалось необходимостью двух директрис, двух направлений стрельбы: у 1, 2 и 3 орудий — на запад для защиты входа в Выборгский залив, у остальных — на юг для поддержки приморского фланга линии

Маннергейма. Каждый орудийный блок надежно укрывал артиллеристов, боезапас и материальную часть. Чтобы вывести пушку из строя, надо было попасть тяжелым снарядом в ее ствол, торчащий из блока, или в сам блок. При отступлении финны взорвали все стволы и противооткатные приспособления.

Прямой наводкой орудия стрелять не могли: высота бетонных блоков была больше высоты орудийных цапф, что, по моему глубокому убеждению, достоинство, а не просчет. Для такого калибра вряд ли когда-либо потребуется стрельба прямой наводкой. Крупнейший недостаток этой батареи — отсутствие приборов управления огнем. Этим и объясняется, что за все время войны ни один снаряд финнов не попал в наши корабли.

Мы с огорчением убедились, что и наш артиллерийский огонь не достиг желаемого. Трижды вели огонь по этой батарее линейные корабли «Октябрьская революция» и «Марат» из 305-миллиметровых орудий. 10 декабря с 10 часов 57 минут до 12 часов 11 минут «Октябрьская революция» выпустила 60 фугасных снарядов, но после войны выяснилось, что обстреливалось не то место, где стояла батарея, и только одним осколком был поврежден ствол шестого орудия. Батарея на обстрел не отвечала. 18 декабря этот же корабль выпустил по батарее Сааренпя 209 фугасных снарядов, батарея продолжала вести огонь по линкору, но только одним орудием. На следующий день «Марат» за 33 минуты выпустил по батарее 136 фугасных снарядов, но не подавил ее. 405 снарядов большого калибра изрыли всю местность вокруг батареи гигантскими воронками, особенно за ее южным фронтом, повалили и перебили строевой сосновый лес. Картина боя мне, как артиллеристу, была ясна и требовала прямого вывода: это батарея высокой живучести, она построена правильно, хотя ее системы устарели и ее противокорабельный огонь не был эффективным.

С. И. Кабанов
(«На дальних подступах». — М., 1971, с. 54–62)

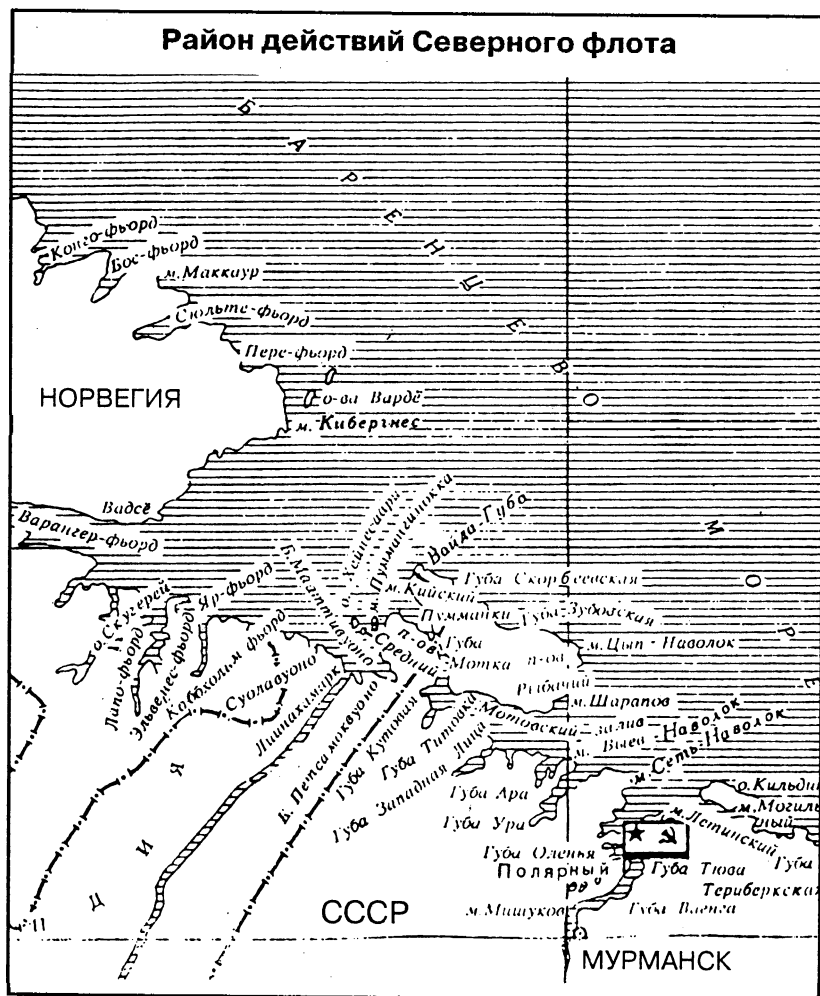
Северный флот в «зимней войне»

Согласно Юрьевскому договору Финляндии запрещалось иметь в Заполярье военные самолеты, подводные лодки, надводные корабли водоизмещением свыше 100 т и вооруженные артиллерией калибром более 47 мм, поэтому серьезного противодействия с ее стороны Советскому Северному флоту не ожидалось. Но, поскольку в конфликт могли вмешаться третьи страны, одной из главных задач Северного флота, наряду с содействием развертыванию и наступлению 14-й армии на приморском фланге, стало недопущение возможного прорыва кораблей вероятного противника в Кольский и Мотовский заливы и высадки неприятельского десанта на Мурманском побережье.

Для овладения контролирующей вход в Петсамо финской частью полуостровов Средний и Рыбачий на правом фланге 14-й армии были созданы две группы войск. Для содействия одной из них, наступавшей на полуострове Средний, командование Северного флота выделило ЭМ «Карл Либкнехт» (командир капитан-лейтенант Д. Г. Нагорный), другой, наступавшей на полуострове Рыбачий — отряд кораблей в составе СКР «Гроза» (командир капитан-лейтенант В. М. Древницкий), двух пограничных сторожевиков и трех тральщиков. С целью достижения внезапности силы флота были скрытно развернуты еще до начала военных действий. ЭМ «Карл Либкнехт», получивший приказ обстрелять становище Пуманки и побережье Мааттивоно, вошел в Мотовский залив и занял назначенную позицию в губе Озерко. Корабли отряда, выделенного для поддержки наступления на полуострове Рыбачий, 30 ноября развернулись вдоль его западного побережья.

Для прикрытия с моря кораблей непосредственной артиллерийской поддержки на подходах к полуостровам Средний и Рыбачий в заливе Вароангер-фиорд маневрировали ЭМ «Грозный» (командир капитан-лейтенант А. Я. Филиппов) и «Куйбышев» (командир капитан-лейтенант Е. М. Крашенинников), а у норвежского побережья в районе Макаура и Вардэ заняли позиции ПЛ «Щ-402» (командир капитан-лейтенант Б. К. Бакунин) и «Щ-404» (командир капитан-лейтенант В. А. Иванов). Воздушную разведку в районе от Варангер-фиорда до Таиа-фиорда на удалении до 200 км от своих берегов вели шесть самолетов МБР-2 из 118-го авиаполка. Для затруднения противнику ориентации все маяки советского побере-

Район действий Северного флота

жья на время военных действий были погашены и зажигались только по приказу командования.

В 8 час. 30 мин. 30 ноября 1939 г. войска 14-й армии перешли советско-финскую границу и начали наступление. Корабли Северного флота открыли огонь по намеченным береговым целям, обстреляв финские пограничные заставы. Боясь оказаться отрезанными от главных сил, небольшие финские воинские подразделения оставили охраняемые ими участки границы и отошли. К концу первого дня войны советские войска полностью овладели полуостровами Сред-

ний и Рыбачий. В тот же день советские тральщики № 895 и № 897 захватили в районе полуострова Средний два финских мотобота.

В это время основные силы 14-й армии из долины реки Титовка, не обращая внимания на фланги, вели стремительное наступление прямо на Петсамо. Для разведки обороны противника и поддержки наступающих войск 1 декабря в Петсамо вошел СКР «Гроза». Чтобы сторожевой корабль не подорвался на возможных минных заграждениях, впереди него по курсу шли два тральщика с поставленными тралями. У входа в залив операцию прикрывали ЭМ «Грозный» и «Куйбышев».

Идя с небольшой скоростью за тихоходными тральщиками в глубину Петсамо, в 11 час 16 мин СКР «Гроза» открыл огонь, обстреливая из орудий все, что казалось похожим на укрепления на его берегах. Не встретив никакого сопротивления и обстрела в по пути порт Лиинахамари, отряд к 14 час. подошел к Петсамо, на подступах к которому уже вели бои части 104-й стрелковой дивизии 14-й армии. Артиллерийской поддержки с моря советским войскам почти не потребовалось. «Грозе» была указана всего одна цель — пулеметная точка; установленная на колокольне и замолчавшая после нескольких выстрелов со сторожевика.

К исходу 1 декабря войска 14-й армии заняли Петсамо и по шоссе на западном берегу залива вошли к Лиинахамари, оставленный не только финскими войсками, но и гражданским населением. Уходя из порта финны 30 ноября затопили входившие в состав ВМС патрульный корабль «Яаамери» и лоцманский катер «Турья». Советским войскам удалось захватить в неповрежденном состоянии брошенный 1 декабря своим экипажем во втором колене фиорда Петсамо тральщик «Суоми-14». Посадив на тральщик советскую команду, его своим ходом привели в Полярный.

После взятия Петсамо и Лиинахамари 14-я армия без паузы продолжила наступление вглубь Финляндии, а командование Северного флота приступило к организации обороны Петсамо с моря. На подходах к нему были выставлены постоянные дозоры надводных кораблей и подводных лодок. Одновременно гидрографы флота провели необходимые работы по навигационному оборудованию этого района моря и, в первую очередь Петсамо и его портов, ставших базой по снабжению действующих к югу от него советских войск. Для наступления на Наутси командование 14-й армии выделило 52-ю стрелковую дивизию и некоторые другие части. Ни шоссе-

ных, ни грунтовых дорог, идущих из Мурманска к линии фронта тогда еще не было, все перевозки для обеспечения боевых действий осуществлялись морским путем. Их организация и охрана были возложены на Северный флот.

Перевозки начались в первых числах декабря и продолжались до 12 марта 1940 года. Погрузка войск на транспорты производилась в различных пунктах Кольского залива. Переходы судов совершались в составе конвоев из двух-трех транспортов и такого же числа кораблей охранения, в качестве которых использовались эскадренные миноносцы и сторожевые корабли. Военские подразделения перебрасывались также сторожевиками и тральщиками, которые обратным рейсом доставляли в тыл раненых и погибших. Прикрытие осуществляли подводные лодки, постоянно находившиеся на подходах к Кольскому заливу и Петсамо. Иногда дополнительно развертывался дозор из надводных кораблей. Систематическую воздушную разведку производила авиация.

* * *

Постепенно продвижение 14-й армии на юг замедлилось. 1-й пограничный батальон финский егерей активной обороной остановил наступление превосходящих советских войск на Наутси и они смогли пройти только до Хейхеньярви, примерно в 100 км от побережья Баренцева моря. До конца войны боевые действия здесь приняли позиционный характер, и интенсивность военных перевозок значительно ослабла. Подвоз войск и снаряжения стал осуществляться небольшими отрядами и партиями, растягиваясь на длительные сроки, что держало в постоянном напряжении службу охраны баз и побережья. Вскоре стало ясно, что транспортные перевозки удобнее осуществлять на военных кораблях, не привлекая для сопровождения корабли прикрытия. Вооруженные рыболовные траулеры поддерживали бесперебойное сообщение между тылом и фронтом, курсируя между Кольским заливом и Петсамо.

Перевозки проходили в тяжелых погодных условиях полярной ночи; при морозах, достигавших 45°С, густом тумане, обледенении и частых штормах. Вскоре Северный флот понес первую небоювую потерю. 29 января 1940 года возвращавшийся из Линахамари в одиннадцатибальный шторм СКР «Бриз» наскочил на скалу у мыса Сеть-Наволок. Зажженные в это время огни маяков не пробивали густой мглы, штурман, видимо, допустил ошибку и сторожевик сбился с курса. Сигнальщики с берегового поста видели, как его

подняла гигантская волна и ударила о камни. Корпус «Бриза» разломился на части и корабль затонул. Находившийся недалеко дозорный корабль приблизился насколько возможно к месту катастрофы и спустил по ветру на легком тросе шлюпку, но спасти никого не удалось. Вышедший на помощь из Полярного дежурный тральщик опоздал и, уже возвращаясь в базу, на воде в Кольский залив тоже наскочил на берег. Только через день, когда шторм утих, его стащили спасательные буксиры. Тральщику после этого понадобился доковый ремонт.

Всего за время войны в Петсамо было отправлено 112 транспортов: из них в декабре — 47, в январе — 48, в феврале — 12, в марте — 5. Было перевезено около 29 тыс. бойцов, 5328 лошадей, 2265 повозок, 89 орудий, 122 танка, 152 трактора, 2012 автомашин, более 35 тыс. тонн различных грузов. Военные перевозки осуществлялись также в Белом море, где в период с 21 декабря 1939 года по 1 января 1940 года из Архангельска в Кемь с помощью ледоколов было переброшено около двух дивизий с полным вооружением и другими военными грузами. Противник противодействия не оказал.

По мере затягивания войны международная обстановка вокруг нее все более обострялась. Советское командование получало сведения о готовящихся в Англии и Франции планах вмешательства в войну на стороне Финляндии. 16 января 1940 года командующий французским флотом адмирал Дарлан в меморандуме, подготовленном с помощью финского представителя полковника А. Паасонена, предложил отправить в Варангер-фиорд отряд кораблей, замаскированных под польские, и включающий также настоящие польские корабли, ушедшие перед началом Второй мировой войны в Английские порты. Переброшенный на них англо-франко-польский десант численностью в 13–17 тыс. человек под видом добровольцев должен был во взаимодействии с финскими частями высадиться в Петсамо. В дальнейшем, под давлением более осторожных англичан, опасавшихся прямого столкновения с СССР, местом планируемой высадки был выбран норвежский порт Нарвик.

Поскольку Заполярье было в то время единственным доступным для кораблей союзников побережьем в Европейской части СССР, советский Главный морской штаб требовал от командования Северного флота принять все меры по недопущению прорыва любого иностранного флота в советские порты и высадки здесь десанта. С этой целью система прикрытия Заполярья с моря была организована следую-

---

щим образом: из числа кораблей ОВР на Кильдинском рейде было развернуто пять линий дозоров, а им в поддержку назначались эскадренные миноносцы и подводные лодки, стоявшие в Полярном в повышенной боевой готовности, а также дежурные батареи береговой обороны. На позициях в Варангер-фиорде, у входа в Кольский залив и в горле Белого моря непрерывно находились советские подводные лодки, отрываясь от базы на 15–20 суток.

Для усиления обороны побережья военный совет Северного флота в январе 1940 года принял решение прикрыть минными заграждениями наиболее десантоопасные участки побережья полуострова Рыбачий на подходах к Петсамо. Предполагалось скрытно выставить более 200 (по другим сведениям более 300) морских мин в несколько линий, а также отдельными банками. Для проведения минно-заградительной операции были выделены три ЭМ типа «Гневный», минный заградитель «Мурман» и, в помощь ему, СКР «Прилив». На «Мурмане» только половина минного запаса находилась на палубе в готовности к постановке, а вторая хранилась в трюме. Для ее подачи из трюма на минную палубу требовался перерыв на целый час, во время которого «Мурман», не имея возможности стать на якорь на больших глубинах, вынужден был маневрировать в районе места прерванной постановки мин. Ориентиром этого места и должен был служить «Прилив», имевший глубоководное якорное устройство.

Применение минного оружия у Мурманского берега кроме больших глубин встречало и другие трудности. Мины, установленные в отлив даже на самое малое углубление, во время прилива оказывались на глубине до 4 м поверхности моря и дважды в сутки над ними могли проходить без риска подорваться довольно крупные корабли вплоть до эсминцев. Кроме того, в проливах мины сильными в этих местах приливно-отливными течениями прижимались ко дну и их опасность для кораблей также значительно уменьшалась. В предвоенное время на Северном флоте отработали методику минных постановок, но первая же боевая минно-заградительная операция выявила отсутствие опыта организации взаимодействия между кораблями отряда, что чуть было не поставило ее на грань срыва.

Приняв мины с плавучего склада «Пушкин», корабли вышли в море, равняясь на скорость самого тихоходного корабля отряда, СКР «Прилив». Погода на этот раз благоприятствовала и отряд прибыл в точку начала постановки в расчетное время. Первыми выставили свои мины эсминцы, и, дав

сигнал «Мурману» заканчивать линию, ушли в базу. Скотив за борт весь палубный комплект мин и поставив в этом месте на якорь «Прилив», минный заградитель начал малым ходом описывать вокруг него циркуляцию, чтобы не быть снесенным на уже установленные мины. После подъема из трюма второй партии мин, «Мурман» продолжил постановку, передав на сторожевик кодированный сигнал с разрешением возвращаться в Кольский залив.

Когда корабли-участники операции собрались в Полярном, СКР «Прилив» среди них не оказалось. На запрос по радио о координатах «пропавшего» ответа также не последовало. К концу дня, когда «Прилив» уже стали считать погибшим, он неожиданно отозвался и его командир, старший лейтенант Я. С. Кагаленко доложил, что все еще стоит на якоре в Варангер-фиорде в том же месте, где его оставил «Мурман». Считая, что находится на минном заграждении и не зная, где ему оставлен выход из опасной зоны, «Прилив» совершенно справедливо опасался сниматься с якоря и, соблюдая условленный режим радиомолчания, все это время маячил в районе минной постановки, демаскируя ее и срывая тем самым скрытность операции. «Приливу» сообщили полосу «чистой воды», сторожевик благополучно вернулся на базу, а советскому командованию пришлось делать необходимые выводы из случившегося организационного конфуза.

В дальнейшем «Мурман» осуществлял минные постановки самостоятельно, выставив в феврале 1940 года в этом районе, между полуостровом Рыбачий и Вардё еще 170 мин. Ожидаемого вторжения противника не произошло и после окончания военных действий с Финляндией Северному флоту пришлось вытравливать только что выставленные собственные минные заграждения. Дело осложнялось тем, что весенние штормы сорвали часть мин с якорей и их течением выносило к советским берегам. Приносило море и мины с западно-европейского театра военных действий. Все это создавало угрозу для мореплавания и рыболовства в этих водах. Поэтому корабли Северного флота искали плавающие мины и расстреливали их.

За время войны 1939–1940 гг. Северный флот не имел непосредственных боевых столкновений с противником на море и поставленные задачи выполнил в целом успешно.

Н. Прудников

(Статья получена в рукописном виде.)

Русско-финская война на море

Под давлением Советского Союза три прибалтийских государства Эстония, Латвия и Литва в сентябре и октябре 1939 г. были вынуждены передать ему свои морские и воздушные базы. В октябре и ноябре 1939 г. он попытался поступить таким же образом в отношении Финляндии. Хотя Финляндия была готова пойти на определенные соглашения по территории, она отклоняла далеко идущие требования Советов. После расторжения советским Союзом пакта о ненападении, 27 октября начались провокации на границе. Советы разорвали дипломатические отношения, начали 30.11.39 г. войну с Финляндией и одновременно создали в своей зоне марионеточное финское правительство. Советским стремлением было оккупировать всю Финляндию. Однако Красная Армия оказалась не в силах выполнить это и первые два месяца войны терпела непрерывную серию мучительных, кровавых неудач.

Операции на море ограничились несколькими обстрелами побережья и десантами, а также атаками подводных лодок и авиации. О далеко идущем плане морской войны против Финляндии речи не шло. Неоднократно складывалось впечатление, что русские убеждены в том, что война будет выиграна за несколько дней одним только использованием сухопутных войск. Русские морские операции носили характер бесплановой импровизации.

В силу географических особенностей различались три театра морской войны: Баренцево море, Ладожское озеро и Финский залив вместе с Ботническим заливом.

1. Баренцево море

По Дерптскому мирному договору от 14.10. 1920 г. Финляндия имела право иметь в Баренцевом море до 15 вооруженных кораблей водоизмещением не более 100 тонн. Небольшие размеры финских морских кредитов не позволяли это осуществить. Там имелось только несколько кораблей, когда русские вскоре после начала войны высадились в Петсамо и захватили город. Слабые финские войсковые соединения (1-й пограничный батальон егерей) помешали русским в их дальнейшем продвижении на юг (до Наутси) интенсивной малой войной, так что во время всей зимы Советы смогли дойти только до Хейхенярви, что находится примерно в 100 км от побережья Баренцева моря.

2. Операции на Ладожском озере

На Ладожском озере Дерптский мирный договор также предусматривал определенные ограничения. Финские военно-морские силы могли состоять только из кораблей до 100 тонн и вооружены максимум 47-мм орудиями. В 1939 г. финны имели 1 сторожевой корабль, 1 ледокол, 1 транспорт и 4

моторных катера. Кроме того, имелось определенное число торговых и рыболовных судов, но лучшие финские торговые суда осенью 1938 г. ушли с Ладоги по Неве, чтобы перезимовать в гаванях Финского залива. В 1939 г. русские запретили этим судам воспользоваться советскими внутренними коммуникациями, так что суда уже больше не смогли вернуться на Ладогу. Финский военно-морской базой на Ладоге была Лахденпохья, на острове Ойтто находился склад мин (200 мин обр. 1908 г., 150 НИС и 30 сигнальных мин). Финская береговая артиллерия состояла из 14 легких и средних батарей (3-й полк береговой артиллерии), а также 23-го отдельного батальона пехоты и 4-й отдельной самокатной роты. При случае можно было использовать также пару гидросамолетов. Уже в октябре 1939 г. финны предусмотрительно реквизируют несколько гражданских судов, но вооружены они были только после начала войны.

Русские военно-морские силы также были ограничены условиями Дерптского мирного договора, но в случае войны крупные боевые корабли могли быть переведены за короткое время с Балтийского моря по Неве на Ладогу. Русская флотилия базировалась на Новую Ладогу, Морье и Никулясы и состояла по меньшей мере из 10 вооруженных пароходов, 20 сторожевых катеров, 1 миноносца и многочисленных транспортов.

а) Финские минные постановки и атаки.

Финский план операций предусматривал защиту своего побережья Ладоги и противодействие вражеским десантам минными заграждениями и береговой артиллерией. Кроме того, финская Ладожская флотилия должна была перевозить войска и обеспечивать гарнизоны островов. Первоначально было запланировано выставить мины между Тайпале и Юлляпя, между Сортанлахти и Коневитса (Коневцом), так же как и севернее Коневитса, кроме того, между Лункула и Пархансаари, южнее Хейнялуото и в проливе у Сирнитса. Сигнальные мины должны были быть выставлены у Сортанлахти, в бухте Яаакима и фарватере за Сортавала. Вскоре после начала войны минный склад Ойтто был разгружен и мины доставлены в Кивсалми, Яаакима и Питкьяранта. Из-за быстрого русского продвижения в начале войны уже было невозможно выставить все запланированные заграждения.

30.11.39 г. минный заградитель «Кивиниеми» выскочил на отмель в Сирнитсазунде и поэтому не смог выставить запланированное заграждение южнее Хейнялуото. Позже судно бы-

ло снято с мели и ночью 1–2.12.1939 г. выставило 30 мин западнее Мантси. Во время последующей операции (постановка ночью 3–4.12. заграждения из 20 мин у Питкяранта) взорвалась одна мина, при этом 4 человека погибли и один тяжело ранен, сам «Кизиниemi» получил легкие повреждения.

Моторные катера УМ 31 и УМ 32 выставили с 4 до 9.12.39 г. 60 мин у Коневитса. Эти катера могли принимать по 5 мин на борт. Корабль «Аунус» 6–7.12.39 г. выставила 16 мин у Пурунсальми и Вуоратсу и катера УМ – 30 других мин с 7 по 9.12. у Антамо (10), Сикосальми (10) и Импидлахти (10). «Юрьё» уже не смог выставить запланированное заграждение у Тайпале, так как русские вечером 30.11.39 г. заняли Саунаниemi. Поэтому 40 мин были выставлены северо-восточнее Цуйкеенлуото. Ночью 1–2. 12.39 г. «Юрьё» вновь выставил 60 мин северо-восточнее Коневца. В общей сложности финны с 30.11. по 9.12.39 г. 146 мин У/08 и 110 мин НМ. Финские минные заградители выставили эти заграждения без сопровождения других кораблей. Русские не приняли никаких мер, чтобы воспрепятствовать этим минным постановкам. В довершение всего финны выставили также сигнальные мины у Яакила (10), Сортанлахти (5) и Сортвала (10).

По ночам финские корабли по мере надобности патрулировали на линии Кивисальми – Хейнялуото – Мёкёриккё – Вааламо (Ваалам). Отрезок Валаамо – Вистисаари – Мантси охранялся лишь от случая к случаю.

10–11.12. Красная Армия достигла Питкяранта и Коиринойя. Финны опасались, что русские смогут пройти через шхеры на запад. Поэтому они заминировали воды у Питкяранта и задали русским работу со стороны моря. С этой целью финские канонерские лодки «Ааллокас», «Вулкан» и «Тармо» с 14.12.39 г. по 12.1.40 г. совершили в общей сложности 11 выходов и обстреливали узлы коммуникаций, здания и обнаруженные войска с хорошим результатом. В среднем в выходах участвовали по два финских корабля. Обстрелы велись с помощью топографических карт лежавшими в дрейфе кораблями. Как всегда, русская реакция на эти разрушительные атаки была очень запоздалой. 4.1.40 г. русские впервые ответили «Ааллокас» огнем из минометов, но мины ложились с недолетом в 1000 м.

5.1.40 г. финны расшифровали радиопереговоры русского генерала, который требовал задействовать советскую авиацию для своей поддержки против надоевших кораблей. 9.1. русская полевая артиллерия безрезультатно обстреляла

финские корабли, а 12.1. (7 бомбардировщиков), 21.1 (6 бомбардировщиков) и 2.2. 40 г. русские самолеты атаковали «Ааллокас». Корабль был легко поврежден и имел несколько человек раненых. Иногда финские корабли также высаживали несколько человек на сушу, чтобы отвлечь внимание русских и создать впечатление, что шхеры заняты. В конце января толщина льда уже достигала от 30 до 35 см, так что можно было использовать только ледокол «Ааллокас», но в начале февраля и этот корабль прекратил свою деятельность. По мнению финнов, эти демонстрации отвлекли от 1 до 2 полков на защиту побережья.

Поскольку телефонная связь между Мантси и Питкяранта была прервана, транспорт «Юрьё» до 17.12. уложил 20-километровый кабель. В ходе усилившегося ледостава деревянные мотоботы с конца декабря уже не могли быть использованы и их должны были заменить буксиры с железным корпусом. Они осуществляли снабжение войск на островах до начала января. При этом 22.1.40 г. моторное судно «Валамон Луостари» было потоплено у Никкана советскими летчиками. Буксир «Вапаус» вышел 19.11.39 г. у Ялайсаари и позже был потерян. Мотобот «Фрисби» (18.10.39 г.) и рыболовное судно РМ 34 (21.12.39 г.) были потеряны из-за льда и плохих погодных условий.

При заключении перемирия 13.3.40 г. финны хотели согласно приказу сами затопить свои суда. 14.3 этот приказ был отменен, так как все суда должны были быть переданы русским. Только 1 землечерпалка, 5 буксиров и 1 моторный катер в Хаавус не получили своевременно этот приказ, поскольку эти суда были там затоплены.

Финнам удалось эвакуировать по железной дороге только 4 хороших мотобота. Финские экипажи судов 16.3.40 г. на лыжах покинули озеро и 20.3. пришли в Савонлинна.

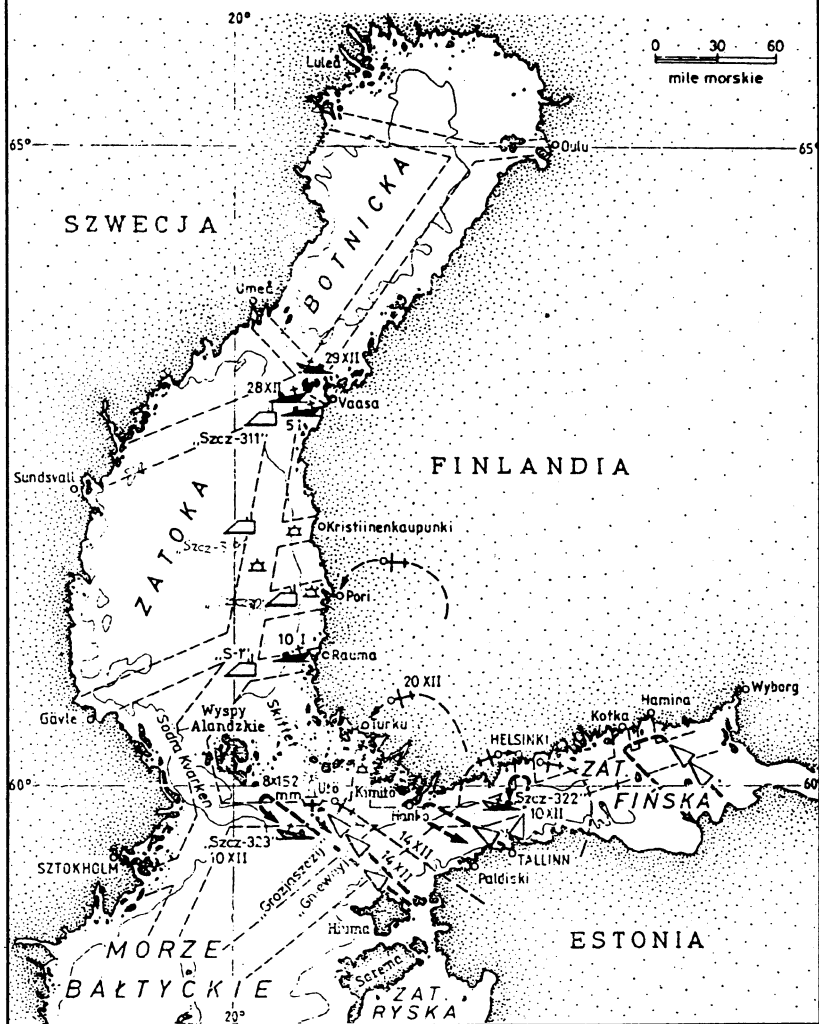
б) Советская деятельность

Советские действия на Ладожском озере были относительно незначительными. После того, как русские 30.12.39 г. заняли деревню Саароинен и гавань Саунаниemi, советские канонерские лодки и сторожевые катера часто выходили в последующие дни, чтобы порознь обстрелять Тайпалеенйоки, Яресева, Юллёпяя, но финские батареи их прогнали. Однако ночью и в плохую погоду русские выпускали по паре снарядов по финским позициям. Против финской морской линии охранения южнее Валаамо русские не предприняли

никаких атак. Правда, 11.12. 39 г. финны доложили о 4 чужих кораблях у Кюисари, однако, как выяснилось, речь шла лишь о рефракции света.

3.12.39 г. советские корабли обстреляли устье реки Тайпале и береговую батарею у Ярисева, но тотчас же скрылись в ту-

Действия КБФ на финских морских Коммуникациях в декабре 1939 г. — январе 1940 г.

мане, как только финны ответили на огонь. Вообще русские питали к финским береговым батареям большое уважение.

в) Финская береговая артиллерия

Во время сухопутной войны различные финские береговые батареи подверглись атакам и образовали опорные пункты граничившего с Ладогой сухопутного фронта. На острове Мантси первоначально находилось только 280 человек персонала береговых батарей, которые впервые были пополнены 15.12. отдельной разведротой (велосипедной ротой) из 190 человек.

Чтобы лучше укрепить остров Мантси, финны вскоре после начала войны вынуждены были добровольно оставить острова Лункула и Ууксалонпяя, но соответственно 20.12.39 г. и 23.1.40 г. они вновь были заняты. Так как слабый гарнизон Мантси не мог обеспечить личным составом эту расширившуюся область, с 5 по 31.12.39 г. с Вааламо также был переброшен на остров 23-й отдельный пехотный батальон. В итоге батарея и гарнизон Мантси господствовали над сухопутной коммуникацией Сальми-Питкяранта и атаковали у Тулема советскую 72-ю дивизию. Русские пытались ослабить гарнизон острова ожесточенными воздушными налетами, особенно с 11.2. по 14.2., однако не добились успеха, только вконец измотали ими финнов.

После того, как действия военно-морских сил прекратились из-за ледостава, финские батареи были атакованы по льду. Эти операции для финнов были опаснее, чем действия советских кораблей.

Вследствие советской пассивности и нехватки финских боевых кораблей операции на Ладого не имели никакого значения. Ледостав и так прекратил использование военно-морских сил. Сокрушительное действие береговых батарей, так же как и их большое воздействие на сухопутные цели были единственным военно-историческим опытом, который дала эта война.

3. Операции в Финском и Ботническом заливах

а) Занятие финских островов в Финском заливе

Согласно Дерптскому мирному договору финны не имели права укреплять острова, находившиеся в центре финско-

го залива. Только остров Суурсаари (Югланд) имел слабый гарнизон береговой охраны без орудий. Вскоре после начала войны финны эвакуировали гражданское население островов на материк.

30.11. и 2.12.39 г. советские корабли, поддержанные авиацией, обстреляли не имевшие гарнизонов острова Сейскари и Лавансаари и в конце концов захватили их без сопротивления. 3.12.39 г. русские захватили маленький островок Суур-Тютерсаари (Большой Тютерс) после того, как находившаяся там немногочисленная береговая охрана была переправлена на материк.

Еще с 30.11. почти непрерывным обстрелам подвергался Суурсаари, в чем участвовало до 10 советских кораблей. Несмотря на это, финский гарнизон численностью до 150 человек в ночь на 2.12. сумел на рыбацких катерах прорваться через линию блокады русских на материк. Русские продолжали обстреливать безлюдный остров и с 5 по 7.12. высадили морскую пехоту, которая без борьбы заняла остров. Маленькие скалистые острова Сомери и Нарви также среди других были «освобождены» русскими.

Советам с их превосходящими силами флота и авиации удалось разместить гарнизоны на островах, столь важных для защиты Кронштадта и Ленинграда.

б) Советская подводная война

Согласно военному пакту с тремя прибалтийскими державами Советский Союз в середине октября 1939 г. смог перебазировать боевые корабли в Таллинн, Палдиски и Либаву. В Таллинне находились подводные лодки М-72, М-79, М-81, М-317 и М-318 вместе с плавучей базой «Полярная звезда». В Палдиски — М-73, М-78, М-80, М-90, М-91, М-92, М-93, М-94, М-95, М-96, М-97, М-98 и плавучая база «Кронштадт» и в Либаве находились Л-1, С-1, С-2, С-3, С-4, С-5, С-6, С-7, С-8, М-309, Щ-310, Щ-311, Щ-320, Щ-321, Щ-322, Щ-323, Щ-324 и плавучая база «Смольный». Всего осенью 1939 года Советы имели на Балтике более 55 готовых и 37 находившихся в постройке или ремонте подводных лодок.

Еще перед началом войны русские подводные лодки наблюдались в Ботническом заливе и финских прибрежных водах. С началом войны 30.11.39 г. размещенные в Либаве большие подводные лодки действовали в Аландском море и Ботническом заливе, в то время как подводные лодки из Палдиски, Таллинна и Кронштадта действовали восточ-

нее Утё. В первые дни война велась в соответствии с призовым правом, но 7.12. 39 г. Советский Союз объявил финское побережье от Торнио до Хельсинки зоной блокады. 17.12. 39 г. в эту зону были включены и Аландские острова.

5.12.39 г. русская подводная лодка возле Утё обстреляла 3 снарядами немецкий пароход «Олива», но после выяснения национальности он был отпущен. 12.12.39 г. советская подводная лодка юго-западнее Сяппи обстреляла и потопила немецкий пароход «Больхейм» (3324 брт). В тот же день немецкий пароход «Хельга Бёге» севернее Ревалштейна (Аэгна) получил 4 попадания снарядов с советской подводной лодки. 18.12.39 г. немецкий пароход «Пиннау» также был обстрелян в Аландском море и 2 других немецких судна 29.12.39 г. у Васы попали под неточный артиллерийский огонь советской подводной лодки, которая в тот же день артиллерией потопила финский пароход «Вильпас» (775 брт). 5.1.40 г. у плавучего маяка «Зюдостбюроттен» 73 снарядами был потоплен шведский пароход «Фенрис» (484 брт). В Финском заливе торпедой был потоплен эстонский пароход «Касари» (332 брт).

Русские подводные лодки действовали нередко по двое и часто обнаруживали себя регулярными переговорами с береговыми станциями. При торпедных атаках часто наблюдалось, как рубка подводной лодки появлялась над поверхностью воды. Русские береговые станции радиосвязи имели задачу пеленговать работу радиостанций торговых судов и наводить на цель подводные лодки. Прорыв подводных лодок в Ботнический залив часто осуществлялся в надводном положении. Вблизи Мёркет 11 и 12.1.40 г. там были замечены подводные лодки, идущие курсом на север, и по меньшей мере одна советская подводная лодка до 19.1.40 г. действовала в Ботническом заливе. Позже они несли дозор у кромки льда до того, как в начале февраля ледостав в Финском заливе не прекратил полностью подводную войну.

3.1.40 г. советская подводная лодка С-2 при погружении у маяка на острове Мёркет наскочила на мину и погибла вместе со всей командой.

Русская подводная война имела чрезвычайно скромный результат. Только одно небольшое судно было потоплено торпедой, в то время как остальные суда были потоплены после мучительно долгого артиллерийского обстрела, что не соответствовало требованиям современной подводной войны. 13.1.40 г. погибла финская президентская яхта «Аура»,

служившая эскортным кораблем. В штормовую погоду 13.1.40 г. в утренней дымке «Аура» с двумя торговыми судами шла курсом на запад, следуя за эскортным кораблем «Турсас» и еще одним торговым судном. В 11.40. «Турсас» неожиданно заметил в 300 м по левому борту над водой ограждение рубки подводной лодки и сетепрорезатель. Торпедного залпа замечено не было и решили, что лодка выскочила на поверхность непосредственно перед самой атакой. «Турсас» безуспешно пытался таранить подводную лодку и «Аура» тотчас же поспешил вперед и сбросил 4 глубинные бомбы, после чего наблюдалось большое пятно соляра. Следующая глубинная бомба попала в центр масляного пятна. В 12.05. корму «Ауры» потряс сильный взрыв, сразу был потерян ход и корабль медленно начал тонуть вблизи шведских территориальных вод. Несмотря на штормовую погоду, «Турсас» и шведские корабли спасли 15 человек, в то время как другие 26, включая и командира, старшего лейтенанта Терё, погибли. По финским данным корабль погиб в течение 5 минут от взрыва своей глубинной бомбы.

в) Действия финских подводных лодок

Финские подводные лодки в начале войны были переведены в шхеры, чтобы оттуда противодействовать высадке советских десантов, как и прорывам в Ботнический залив. При этом они должны были по возможности защищать переходы своих торговых судов.

Как только стало ясно, что русские и не думают высаживать десанты на финское материковое побережье, финские подводные лодки были переведены на патрулирование.

4.12.39 г. «Ветехинен» получила приказ выйти в море, чтобы потопить советский ледокол, который совершал переход от датских проливов в Либаву. Вскоре после этого вышла и «Ику-Турсо», чтобы перехватить шедший из Стокгольма русский пароход. Маленькая подводная лодка «Саукко» направилась к Койвисто для действий против группы советских кораблей у Сааренпяя. На подводных лодках «Весикко» и «Весихииси» в начале декабря проводился ремонт двигателей и они впервые начали боевые действия в середине месяца.

«Весикко» вышла к Койвисто, чтобы сменить «Саукко», в то время как «Весихииси» вышла для минных постановок в Финском заливе. Мины были выставлены перед Палдиски и у Юминды. После получения известий о движе-

нии советских судов и конвоев западнее Таллинна туда по одиночке высылали подводные лодки, однако никакого успеха добиться не удалось. Хотя движение судов между прибалтийскими гаванями было очень оживленным, финские подводные лодки вели войну против торговых судов согласно нормам призового права и не обнаружили ни одного судна под советским флагом. Походы продолжались от 3 до 5 дней на отведенной позиции. Таким же безуспешным было использование 2 подводных лодок против советских кораблей у Сааренпяя. Из-за сильного мороза цистерны погружения замерзли и лодка лишалась возможности погружаться. 14.1.40 г. из-за плохой ледовой обстановки пришлось прекратить операции финских подводных лодок. В общей сложности на выставленных подводными лодками минах у Палдиски и Юминды погибли 2 немецких и 2 эстонских торговых судна, однако их названия до сих пор установить не удалось.

В шхерах подводные лодки находились возле плавучей базы на своей стоянке. Так как 76-мм зенитные орудия 3 больших подводных лодок были сняты и переданы для противовоздушной обороны города Турку, финские подводные лодки оказались в совершенно беспомощном положении перед советскими воздушными силами. Так, «Ветехинен» однажды была атакована целой вражеской эскадрильей, но ей удалось уклониться от этой атаки. Затем подводная лодка была обстреляна одиночным советским самолетом и не смогла отбиться из-за недостатка средств обороны.

Слабое финское подводное оружие ни в тактическом, ни в техническом отношении не подходило для подводной войны. Поступление разведанных о советском судоходстве, что является важным условием подводной войны, было организовано совершенно неудовлетворительно. Финские подводники опасались, что атаки обнаруженных у побережья прибалтийских стран военных и торговых судов вызовут дипломатические осложнения с нейтральными властями. Вероятно, было бы лучше использовать подводные лодки против советского судоходства в Финском заливе.

г) Финская охота за подводными лодками

Осенью 1939 года финский флот имел только 4 примитивных шумопеленгатора, которые нужно было буксировать. Из своих торговых судов, яхт, буксиров и кораблей гражданского подчинения были созданы несколько отдель-

ных конвойных флотилий. Шесть катеров типа «М» образовали особую противолодочную флотилию. 25.10.39 г. на Аландские острова была переведена одна авиационная флотилия с 4 старыми машинами «Рипон». Два самолета участвовали в противолодочном обеспечении финских броненосцев береговой обороны, в то время как два других охраняли морской район Коббаклинтарне — Флётъян — Ледзунд. Они пару раз обнаруживали подводные лодки, но выйти на них в атаку самолеты не смогли.

Финские боевые корабли большей частью охотились за подводными лодками у Фоглё для обеспечения броненосцев и время от времени — также в Аландском море. Особая противолодочная флотилия была задействована в районе Раума-Пори. Никаких отдельных подводных лодок ими обнаружено не было.

Конвойные флотилии начали свою деятельность 4.12.39 г. Путь конвоев в Швецию проходил севернее Аландских островов, или вдоль побережья Кваркена и оттуда в Швецию. В середине января в качестве конвойных кораблей были также привлечены две канонерские лодки в Ботническом заливе. Однако усилившийся ледостав вынудил эскортные корабли прекратить службу, так что до конца использовался только ледокол «Сису». Последний еще пригодный для конвоев путь проходил из Раума-Пори прямо в Швецию и использовался почти до конца января. В декабре и январе в Ботническом заливе в общей сложности были отконвоированы 349 торговых судов, из которых только один, немецкий пароход «Большейм», стал жертвой советской подводной лодки (0,3%).

д) Советская воздушная война над морем

Советские воздушные силы развернули оживленную, но малорезультативную активность над финскими гаванями и судами. Так, к примеру, город Або (Турку) был атакован по меньшей мере 55 раз, но русским не удалось уничтожить находившиеся там ценные ледоколы и торговые суда.

18.1.40 г. одиночный советский бомбардировщик с высоты 5000 м сбросил 2 бомбы на стоявший на якоре в Котке финский ледокол «Тармо». Одна из бомб случайно попала в носовую часть, где обедала команда, и стоила жизни 39 человек. Во время другого воздушного налета также бомбами был поврежден транспорт «Арктурус».

Жертвами советских воздушных налетов стали три торговых судна. При этом постановки мин советскими самолетами

тами не имели никакого успеха. Финские броненосцы, находившиеся на стоянках в шхерах у Або Турку, сбили много советских самолетов.

В ходе советско-финляндской войны 1939–1940 годов финская сторона потеряла 71 единицу, из которых на боевые корабли приходится 14 (в том числе — 4 канонерские лодки, 1 сторожевой корабль, 1 сторожевой катер, 4 минных заградителя, 4 тральщика), а остальные 57 — на вспомогательные суда и плавучие средства (в том числе — 1 ледокол, 2 военных транспорта, 4 парохода, 6 буксиров, 4 шхуны, 40 различных катеров, 2 землечерпательных снаряда).

Ю. Майстер
(Перевод Игоря Устименко)

Заключение

Приказ Маннергейма от 13 марта 1940 года

Солдаты доблестной армии Финляндии!

Мир заключен между нашей страной и Советской Россией, суровый мир, уступивший Советам почти все поля брани, политые вашей кровью во имя всего того, что для вас дорого и свято.

Вы не желали войны, вы любили мир, труд, прогресс, но вам была навязана борьба. В ней вы свершили подвиги, которые вечно будут блистать на страницах истории. Более 15000 из вас, тех, кто пошел на войну, уже не вернутся, чтобы увидеть родной дом, а очень многие из вас навсегда остались инвалидами. Но вы также нанесли крепкие удары, и если теперь двести тысяч ваших врагов покоятся под ледяным покровом или устались своими потухшими взорами в наше звездное небо, то вины на вас нет. Вы ненавидели их, вы не желали им зла, вы только соблюдали жестокие законы войны: убить или пасть самому.

Солдаты! Я сражался на многих полях битв, но еще ни разу не видел воинов, подобных вам. Я горжусь вами, как если бы вы были моими детьми, я равно горд солдатами из тундр Севера, как и сынами широких равнин Похьянмаа, лесов Карелии, улыбочивых общин Саво, богатых хуторов Хяме и Сатакунты, парнями шумных березовых роц Уусимаа и Варсинайс. Я равно горд жертвой, принесенной как фабричным рабочим и парнем из бедной избушки, так и богатым человеком.

Я благодарю вас всех — офицеров, унтер-офицеров и рядовых, но особо хочу подчеркнуть мужество офицеров резерва, их чувство долга и то профессиональное выполнение ими дела, в действительно не являвшегося их делом. Так что их жертва была в процентном отношении самой большой в войне, но они принесли ее с радостью, ни разу не изменив долгу.

Я благодарю офицеров штабов за их искусство и неустанный труд и, наконец, благодарю своих ближайших помощников, начальника Генерального штаба и главного квартирмейстера, командующих армиями, а также командиров корпусов и дивизий, часто делавших невозможное возможным.

Я благодарю армию Финляндии (все ее рода войск с самого первого дня войны совершали прекрасные подвиги) за ту храбрость, с которой они выступали против многократно

превосходящих сил неприятеля, частично вооруженного даже незнакомым оружием, и за то упорство, с которым они цеплялись за каждый кусок родной земли. Уничтожение более 1500 русских танков и более 700 самолетов свидетельствует о подвигах, которые нередко совершались в одиночку.

С радостью и гордостью думаю я о женщинах Финляндии и их вкладе в борьбу — их самопожертвовании и неустанном труде в различных областях, который высвободил тысячи людей для огневых линий. Их благородный дух воодушевляя и поддерживал армию, чью благодарность и признательность они в полной мере заслужили.

Почетное место принадлежит тем тысячам рабочих, которые в жестокое военное время верно и часто добровольно, под воздушными налетами, стояли у своих машин, изготовляя для армии необходимые ей материалы, как и тем, кто без устали под огнем противника трудился на фортификационных работах. Я благодарю вас всех от лица родины.

Несмотря на свою отвагу и самопожертвование, правительство было вынуждено заключить мир на тяжелых условиях, что, однако, имеет объяснение.

Наша армия была небольшой, резервы и кадры недостаточными. Мы не были готовы к войне с великой державой. В то время как отважные воины обороняли наши границы, приходилось чрезмерными усилиями доставать то, чего не хватало, строить линии обороны, которых не существовало, пытаться получить помощь, которая не приходила. Нужно было достать оружие и снаряжение, и это в то время, когда все страны лихорадочно вооружались перед бурей, которая теперь несется над миром. Ваши подвиги вызвали восхищение во всем мире, но и после трех с половиной месяцев войны мы остаемся все столь же одинокими. Из-за рубежа, кажется, мы получили только два усиленных артиллерией и самолетами батальона на свой фронт, между тем наши собственные солдаты, сражаясь днем и ночью бессменно, должны были отражать атаки все новых и новых вражеских формирований на пределе физических и психических сил.

Наступит день, и история этой войны будет написана. Мир должен увидеть, какие подвиги вы совершали.

Без той щедрой помощи, которую нам оружием и снаряжением оказали Швеция и западные державы, мы не смогли бы так долго бороться с бесчисленными пушками, танками и самолетами, брошенными против нас.

К сожалению, данное нам западными державами обещание грандиозной помощи не могло быть исполнено, так как

наши соседи, заботясь о самих себе, отказали в разрешении транзита войск.

После шестнадцатинедельных кровопролитных боев и днем, и ночью, без отдыха, наша армия и сегодня стоит, непобежденная, перед врагом, который, несмотря на колоссальные потери, численно только рос. Наш тыл, где бесчисленные воздушные налеты сеяли ужас и смерть среди женщин и детей, остался непоколебим. Наши сожженные города и лежащие в развалинах села далеко за линией фронта, плоть до нашей западной границы, очевидное доказательство того, что этот народ смог выдержать прошедшие месяцы.

Наша судьба сурова, так как мы вынуждены оставить чужой расе, у которой иное мировоззрение и иные нравственные ценности, землю, которую мы в тяжелом труде возделывали веками.

Но на том, что остается, мы должны подготовить дом для тех, кто остался без крова, и наилучшие условия для существования всех; нам следует быть как никогда готовыми защищать эту ставшую меньшей землю отцов с той же решимостью и силой, с которыми мы защищали нашу неразделенную родину.

У нас есть гордое сознание того, что на нас лежит историческая миссия, которую мы еще исполним, — защищать западную цивилизацию, она издревле была нашей наследственной долей; но мы также знаем, что до последней монетки оплатим свой долг Западу.

*(Журнал «Родина»,
№ 12/1995, с. 116)*

Предел прочности

Могла ли Финляндия продолжать боевые действия?

До 13 марта 1940 года финские войска успешно сдерживали натиск превосходящих сил Советского Союза, хотя в начале войны главнокомандующий вооруженными силами Финляндии маршал К. Г. Маннергейм заявил, что эффективно воевать финская армия сможет всего несколько недель. Он обосновывал свое мнение недостаточной материальной базой. Кроме того, все планы обороны финской стороны основывались на предположении, что Советский Союз не бросит на борьбу с Финляндией большую часть своей армии. Наконец, в Финляндии даже не думали о возможности войны с какой-либо другой страной, кроме Советского Союза.

В последний день войны финская армия находилась на востоке от Выборга, за исключением двух соединений, которые действовали в направлении побережья Финского залива: группа береговой обороны и группа Хамина. Основные силы армии находились на Карельском перешейке, и значительная ее часть была дислоцирована вдоль границы, протянувшейся от Ладоги до Северного Ледовитого океана. По сравнению со всей территорией страны, однако, финны уступили врагу только маленькую ее часть. Кроме отдельных населенных пунктов, которые подверглись бомбардировкам, тылы не были затронуты. Моря были покрыты льдом, и отсюда опасность побережью не грозила.

По мнению командира 2-го армейского корпуса генерал-лейтенанта Харалда Эквиста, отвечавшего за оборону западной части Карельского перешейка, ситуация была чрезвычайно тяжелой. В середине марта была последняя возможность снять части задней оборонительной линии (под Выборгом) и отвести их на новые позиции в глубь страны. Это стоило бы сделать в случае, если бы войска могли хоть как-нибудь сохранить свою боеспособность и продолжать сопротивление. Но он сомневался в способности уставших войск выполнить такую задачу. Генерал-лейтенант Леннарт Эш, отвечавший за побережье Финского залива, был того же мнения.

Оба генерала обосновывали свою точку зрения тем, что на западе от Выборга русскими был создан плацдарм Вилайоки-Нисалахти, а на северо-востоке от Выборга, в Тали, ими был осуществлен прорыв тыловой оборонительной линии. Это создавало серьезную угрозу основным силам защитников запада карельского перешейка, с учетом превосходящих сил

советских войск, их бесперебойного снабжения и пополнения. Выводы генералов представлялись обоснованными. Все сконцентрированные на Карельском перешейке финские войска были задействованы, а получить пополнения с других фронтов не было возможности.

Имевшееся в ставке маршала Маннергейма в г. Миккели представление о положении на фронте и боеспособности армии соответствовало выводам генералом, но там считали, что положение не столь безнадежно, как полагали командиры переднего края.

Генерал Пааво Талвела, командир армейского корпуса в восточной части Карельского перешейка, считал, что в середине марта положение было далеко не безнадежным. Можно было продолжать войну, а предстоящая распутица могла бы значительно осложнить действия нападающей стороны. Он считал также преждевременным отход от Вуоксы.

К северу от Ладоги финнам также угрожало отступление на запад. Только на самом севере Финляндии положение еще как-то контролировалось.

Если бы описанная выше операция по отступлению удалась, то уставшим финским войскам пришлось бы уже в марте без подготовки отражать новую мощную атаку. Сделать это собственными силами и так же успешно, как на Карельском перешейке, было маловероятным, и финским войскам пришлось бы продолжать отступление на запад. Правда, бои в феврале и марте показали, что русские войска не особенно настойчиво преследовали врага.

Всю войну проблема снабжения финских войск боеприпасами оставалась чрезвычайно острой, а с началом широкомасштабного наступления русских в начале февраля 1940 года ситуация стала еще хуже. В самом тяжелом положении оказалась полевая артиллерия. Не хватало орудий, хотя с начала войны их количество почти удвоилось (с 420 до 700). Реальной угрозой была нехватка боеприпасов для полевой артиллерии.

В конце войны на передвижных складах армии запасов хватало лишь на две-три недели. Из-за постоянного натиска русских расход боеприпасов увеличивался, и их, конечно же, не хватило бы для продолжения войны в быстро меняющихся боевых условиях. Положение противотанковой обороны было сложным. Из-за границы боеприпасов больше не поступало. Только Швеция обещала с середины марта поставлять в страну по 75000 снарядов в месяц для полевой артиллерии. Это, однако, было слабым утешением. Даже

в конце войны собственное производство было далеко не достаточным для каждодневных потребностей.

Если бы пришлось осуществить упомянутые планы отступления на запад, то значительная часть металлообрабатывающей промышленности Финляндии, находящейся в Вуоксенлааксо, оказалась бы на территории боевых действий. Относительно иного военного имущества и военной техники подобных проблем не было.

В течение войны финны потеряли всего около 80000 солдат. В это число входят погибшие, раненые, пропавшие без вести и выбывшие из строя по другим причинам. Численность солдат, начавших войну, резко сократилась, и в марте на фронте больше не ждали пополнения. Практически все боеспособные мужчины уже были на фронте. Маршал Маннергейм пишет в своих мемуарах, что как раз на этом этапе, в связи с расширением фронта, необходимы были свежие силы, но фактически использовались только уставшие, изрядно потрепанные дивизии.

По оценкам экспертов, пехота потеряла приблизительно $\frac{3}{4}$ своего состава (в середине марта уже 64000 человек). Так как пехота в то время состояла из 150000 человек, то ее потери составляли уже 40 процентов.

Всю войну финны как в тылу, так и на фронте проявляли поразительную, исключительную стойкость. Одно то, что народ с населением менее четырех миллионов осмелился отстаивать свои права перед лицом врага, превосходящего его в пятьдесят раз, представляет собой уникальное явление в мировой истории. После сражения в Толваярви 12 декабря финны увидели, что в бою можно и победить. Это повысило боевой энтузиазм людей как дома, так и на фронте.

Моральный дух и боеспособность финского народа, несомненно, были далеко не исчерпаны к концу войны. Очевидно, что психологически народ мог выдержать даже очередное отступление.

В конце войны ни среди населения, ни среди войск не было заметно никаких признаков упадничества. Даже в самые последние дни финские соединения, которые понесли большие потери, сражались самоотверженно и результативно. Дисциплина в уставших войсках сохранилась и во время марша до новой границы, и после этого. Поэтому боевая готовность могла бы, очевидно, сохраниться и в том случае, если бы войска отступили далее на запад. Но физическое состояние солдат, длительное время сражавшихся в тяжелых бо-

ях, оставляло желать лучшего. И это могло бы отрицательно сказаться в последующем.

Во время «зимней войны» военное руководство не успело серьезно обдумать возможности продолжения войны партизанскими методами. Если сравнивать ситуацию марта 1940 года с ситуацией осени 1944 года, то, вероятно, можно было бы начать и партизанскую войну, если бы Финляндия получила реальную помощь Запада. В марте поддержка еще имела бы значение, но тогда фронты были бы расположены далеко на западе.

Представляется, что 13 марта был достигнут тот предел, за которым Финляндия уже не могла успешно воевать одна, своими собственными силами. Единственной возможностью была бы помощь Запада, которая, несмотря на все разговоры, так и не пришла. Оставалось только отказаться от продолжения войны.

И. Хакала
(Журнал «Родина», № 12/1995, с. 111–112)

О чем не упомянул Сталин подводя итоги «зимней войны» с Финляндией

Естественно, после завершения этой злополучной войны политическое и военное руководство в Москве серьезно обсуждало ее итоги. В марте 1940 г. по этому поводу состоялась внеочередная пленум ЦК ВКП(б), а в мае того же года в Наркомате обороны был обсужден и утвержден акт сдачи дел прежним наркомом обороны маршалом К. Е. Ворошиловым и приема новым наркомом командармом 1 ранга С. К. Тимошенко. Но для понимания военных итогов конфликта с Финляндией особое значение имело расширенное заседание Главного военного совета с участием руководящего командного состава действующей армии от командиров дивизий и выше, состоявшееся 14–17 августа 1940 г. Именно на нем и выступил Сталин.

В традициях большевистской «скромности» генсек действительно в начале своего выступления пообещал не просто «коснуться», как это сделали другие профессионалы-военные и фронтовики, а «достаточно осветить» сложные политические и военные проблемы этой войны.

Нельзя не признать, что Сталин, конечно, обратил внимание слушателей, хотя они это и сами знали по своему опыту, на некоторые действительно важные моменты хода этой войны. В своем излюбленном стиле он ставил некоторые вопросы и на них пытался отвечать. Как же он это делал?

Возьмем первый поставленный им вопрос: «Правильно ли поступили правительство и партия, что объявили (!) войну Финляндии?». Конечно же, правильно, и тут никакого сомнения у выступившего не было — ведь существовала страшная угроза не только Ленинграду, но и безопасности всего Советского государства. Но вот деталь: если вождя так беспокоила судьба колыбели революции из-за близости этого города к «агрессивной» соседке, то ведь можно было даже без согласия финнов отодвинуть границу на 25–30 км, как это в свое время предлагал В. М. Молотов. Но Сталин умолчал, что у него были совершенно иные цели в этой войне. Ведь оперативным планом предусматривалось пройти не эти два десятка километров, а уже в первую неделю наступления захватить г. Выборг, еще через неделю вступить в Хельсинки.

А что делать дальше? А дальше, как гласила директива командующего Ленинградским военным округом командарма 2 ранга К. А. Мерецкова от 29 ноября 1939 г., подписанная в соответствии с приказом наркома обороны, — достичь шведской и норвежской границ и не забыть поприветствовать пограничников наших новых соседей отданием чести. Именно так говорилось в документе. Об этих своих намерениях Сталин, правда, на совещании умолчал, наверное, потому, что его слушатели знали о них заранее.

В такой же мере категоричен был ответ оратора на поставленный им же следующий вопрос: «Нельзя ли было отложить объявление войны на более поздний срок, чтобы лучше подготовиться, а не в канун наступления зимних морозов?» Конечно же, нельзя, ибо надо было воспользоваться моментом, когда западные державы и Германия вцепились друг в друга и не могли оказывать помощь Финляндии. Если же ждать, пока они помирятся, то для нас этой будет означать беду, заявил оратор.

Еще один вопрос, который пытался растолковать Сталин внимавшим ему генералам, должен был характеризовать его как «радетеля о судьбах малых наций» и как «знатока национальных проблем». Вот что он рассказал присутствующим о переговорах, которые вел с финскими представителями перед войной: «Перед финнами мы с начала войны поставили два вопроса — выбирайте из двух одно: либо идите на большие уступки, либо мы вас распылим, и вы получите правительство Куусинена, которое будет потрошить ваше правительство. Так мы сказали финской буржуазии». Такова была мораль советского партийного и государственного деятеля.

Более чем странно звучит ответ Сталина на его же вопрос, что мешало нашей армии и ее командным кадрам по-серьезному подготовиться к предстоящей войне. Он привел ряд причин — и преклонение командиров перед опытом гражданской войны, и отсутствие некоторых видов современного оружия, и низкий образовательный уровень военных кадров, и некоторые другие. Но Сталин «позабыл» упомянуть о главном — о большом терроре, устроенном им и его палачами Ежовым и Берией, в ходе которого было репрессировано более сорока тысяч командиров и политработников.

Прочитав популярную лекцию перед военными профессионалами и дав им «указание», какой должна была быть Красная Армия, оратор под занавес пришел к выводу, что к началу войны с Финляндией такой подготовленной армии у нас не было. Но в таком случае разве не естествен вопрос

к самому оратору: зачем же было предпринимать подобную авантюру с такой слабой армией? Ответ может быть таков: советское командование рассчитывало на массированное использование «живой силы», как тогда, а кое-где и сегодня именуют солдат и офицеров. Разве не ясно, какие потери должны были нести эти массы слабо вооруженных и плохо обученных солдат, которые позднее атаковали линию Маннергейма по глубокому снегу при морозе 35–40 градусов. Об этих потерях оратор умолчал. Но, по уточненным данным, они составили только убитыми почти 127 тысяч.

Нельзя не упомянуть об одной катастрофе, которая произошла в конце декабря 1939-го – начале 1940 г. В эти дни на центральном участке фронта гораздо меньшими силами (практически батальоном лыжников) финнам удалось разгромить три советские дивизии и захватить почти всю их технику и вооружение. По решению командующего 9-й армией комкора В. И. Чуйкова и заместителя наркома обороны Л. З. Мехлиса командир особо пострадавшей 44-й дивизии

«Как бы не подавиться этим куском!»

комбриг А. И. Виноградов и два его заместителя были расстреляны перед строем оставшихся в живых нескольких сот бойцов дивизии. Хотя уже тогда было ясно, что в этой трагедии были виноваты не только недостаточно опытные командиры дивизии (сам Виноградов, который отличился в боях в Испании, за год вырос от капитана до комбрига), но и высшее командование Красной Армии.

Некоторые из присутствовавших генералов, особенно генштабистов, помнили, как при подготовке оперативного плана войны тогдашний начальник генштаба Б. М. Шапошников предлагал не торопиться, тщательно к ней подготовиться, ибо наши войска будут иметь дело с опытным и хорошо обученным для данного театра военных действий противником. За это предостережение маршал поплатился должностью, и Сталин настоял на осуществлении ускоренного варианта плана. В итоге вместо запланированных десяти дней операция продолжалась 105 дней и ночей.

В своей речи Сталин мог бы не только мимоходом упомянуть, но и обстоятельнее ознакомить генералов с политической авантюрой по созданию марионеточного «правительства» Куусинена, которая показала истинные намерения в отношении Финляндии, но в ходе войны в конечном счете провалилась. Эта авантюра, кстати, еще больше сплотила финский народ независимо от его классовой и политической принадлежности в борьбе за независимость.

И все же Красная Армия «дожала» противника. В конце февраля 1940 г. обстановка на фронте для финнов стала безнадежной, и тогда в итоге острых споров в Государственном совете было решено принять тяжелые советские условия мира с надеждой сохранить армию для достижения реванша в будущем, но теперь уже с помощью Германии. Такая агрессивная со стороны Финляндии попытка, как известно, была предпринята в июне 1941 г., которую некоторые финны и поныне считают продолжением прежней «зимней войны».

Сталин не разъяснил, кстати, и то, почему утром 13 марта 1940 г. советские солдаты, неся большие потери, продолжали штурмовать Выборг, хотя мирный договор был подписан еще 12 марта. А чтобы не «расхолаживать» войска, текст мирного договора с датой прекращения боевых действий был опубликован вообще лишь 14 марта.

В выступлении Сталина ничего не было сказано о численности и судьбе военнопленных с обеих сторон. Хотя в день указанного совещания смешанная комиссия по обмену военнопленными еще продолжала работу. Сталину было допод-

---

лино известно, что мы должны были получить от финнов 5.468 наших военнопленных (99 человек добровольно остались в Финляндии) и вернуть 847 финских военнопленных. И поныне многие советские семьи не имеют никаких сведений об освобожденных из плена своих мужьях, сыновьях и братьях — все они были расстреляны как предатели.

Условия мира, принятые финнами, оказались не из легких: Финляндия потеряла территорию в 40 тысяч кв. км, 11 процентов материального богатства и, что было особенно для нее тяжело, убитыми почти 30 тысяч солдат, офицеров и мирного населения.

У советских людей к советско-финской войне был особый счет. После гражданской войны она стала первой войной, которая так взбудоражила нашу страну, принесла во многие семьи горе и страдания. И если миллионная группировка советских войск сумела все-таки одолеть 400-тысячную армию Финляндии (это была пиррова победа), то в плане международно-правовом, о чем тоже не упомянул Иосиф Виссарионович, и в морально-политическом сталинское руководство потерпело поражение.

*Михаил Семиряга
(Газета «Красная Звезда»,
19 апреля 1997 г.)*

Оправданы ли жертвы? (О потерях в советско-финляндской войне)

Советско-финляндская война явилась одной из военных кампаний конца 1939 — начала 1940 года. Слабо вооруженные силы Финляндии не считались серьезным соперником для Красной Армии. Советское командование планировало нанести по финской армии мощный первоначальный удар крупными силами и средствами. Многие военные специалисты, в том числе и на Западе, считали, что финская армия не сможет долго продержаться. Но произошло неожиданное. Финская армия не только не сдалась, но и оказала активное сопротивление. Войска Красной Армии несли огромные боевые и небоевые потери. Некоторые соединения (такие, как 18, 163, 54, 168, 44 СД) попали в окружение. Личный состав, оставив технику и тяжелое вооружение, пробивался к границе мелкими группами. 6 декабря 1939 года погиб командир 24-й стрелковой дивизии комбриг П. Е. Вещев, после неудачной попытки выхода из окружения застрелился командир 34-й танковой бригады комбриг С. И. Кондратьев, был расстрелян командир 44-й дивизии комбриг А. И. Виноградов. Это всего трое из многих тысяч погибших солдат и офицеров. А сколько же советских солдат полегло, например, на Карельском перешейке, в Междоузерье и Заполярье? Сколько ранено и обморожено? Сколько, наконец, попало в плен?

Ответы даются самые разные.

Так, на VI сессии Верховного Совета СССР (29 марта 1940 г.) сообщалось, что, по подсчетам генерального штаба Красной Армии, количество убитых и умерших от ран составило 48745 человек, число раненых — 158863 человека.

При этом было заявлено, что финны потеряли убитыми в боях более 70 тыс. человек и 15 тыс. их умерло от ран, т. е. доказывалось, что потери противника гораздо больше, чем Красной Армии.

По данным противника, финские войска потеряли меньше: убитыми — 19576 человек, пропавшими без вести — 4101 и ранеными — 43557 человек. Трудно сказать, насколько достоверна эта информация. Однако в течение долгого времени эти цифры никто не опровергал.

М. И. Семиряга в своей работе о советско-финляндской войне пишет, что в ходе ее обе стороны понесли тяжелые по-

тери в людях и боевой технике. Советские войска потеряли 53522 человека убитыми, 16208 пропавшими без вести, число же раненых и обмороженных составило 176 тыс. человек. При этом ни на какой источник он не ссылался, хотя дает цифры с точностью до единицы. Впрочем, нельзя сказать, что его данные разительно отличаются от приведенных выше.

В «Военно-историческом журнале» (№ 7, 1990 г.) говорилось о 72408 убитых, 17520 пропавших без вести, 186129 раненых, 13213 обмороженных, 4240 контуженых.

Как мы видим, эти цифры потерь значительно превышают первоначальные. Однако они взяты из материалов Административно-мобилизационного управления Генерального штаба РККА, которые готовились в мае 1940 года, когда Б. М. Шапошникова на посту начальника Генштаба сменил К. А. Мерецков. Последнему было не слишком выгодно сообщать истинные цифры, поскольку во многом именно он был виноват в том, что операция против Финляндии не была подготовлена надлежащим образом.

Тем не менее не стоит во всем обвинять Кирилла Афанасьевича, ведь сведения, поступавшие из армейских штабов о потерях соединений, входивших в их состав, тогда зачастую были занижены.

Так, например, в сводной ведомости потерь 15-й армии за период боевых действий, составленной по материалам штабов дивизий и бригад, значит: убитых — 12180 человек, раненых — 22871, пропавших без вести — 2909, заболевших и обмороженных — 3061. Всего 41120 человек. Все приведенные цифры даны без учета потерь 18-й стрелковой дивизии и 5-го лыжного батальона.

В Генеральный штаб уже была послана ведомость, в которой общие цифры потерь (т. е. включающие показатели 18-й дивизии и 5-го лыжного батальона) оцениваются в 10275 убитых, 22319 раненых, 2736 пропавших без вести и 2661 заболевших. Всего 37991 человек. Если учесть, что 18-я дивизия недосчиталась после войны более 10 тыс. человек, то станет ясно, что в штабе 15-й армии занизили количество потерь примерно на 30%. К сожалению, этот случай не единичен. Вот еще один пример. Штаб 9-й армии подготовил и отослал в Генштаб следующие сведения: убито — 6719 человек, ранено — 13407, пропало без вести — 3925, обморожено — 1712. Всего 25763 человека.

В действительности же 9-я армия понесла гораздо большие потери. Сводная ведомость, составленная по материалам соединений и отдельных частей (включая пограничные), да-

Итоги Московского договора 12 марта 1940 г.

ет следующие цифры: убито — 9405 человек (из них 900 пограничников), ранено — 19632 (из них 2000 пограничников), пропало без вести — 5207 человек (пограничников — 150), обморожено — 2649 (среди обмороженных, если верить этой ведомости, пограничников не было). Всего — 36893 человека (из них 3150 пограничников). Даже без учета потерь пограничников разница между подготовленными штабом 9-й армии и реальными показателями составила также 30%.

Примерно так же занижены цифры потерь и другими армейскими штабами.

Объясняется это тем, что штаб дивизии был заинтересован в быстрейшем пополнении численности ее частей и доведении последней до штатной или близкой к ней, в армейском же штабе приемом и распределением пополнения ведал организационно-строевой отдел, а учетом потерь кроме него занимался еще и отдел тыла. Поэтому в Генштабе иногда не было полной ясности: потери в армии за такой-то период, скажем, около 9000 человек, а на пополнение просят прислать 12000. И попробуй пойми, зачем им столько нужно.

Сотрудники архива сейчас работают над созданием сводной ведомости потерь дивизий и бригад, участвовавших в советско-финляндской войне, однако до завершения этого труда пока далеко. Все-таки найти данные по более чем пятидесяти дивизиям и десяти бригадам нелегко, пока собраны сведения лишь по 28 дивизиям и четырем бригадам.

В результате работы исследователи выработали и собственную версию о численности потерь Красной Армии в советско-финляндской войне. Получилось это так. В ЦГАСА на хранении находятся книги учета безвозвратных потерь РККА в войне с белофиннами, которые содержат именные алфавитные списки погибших, умерших от ран и пропавших без вести. В них было подсчитано количество фамилий на каждой странице. В разных книгах этот показатель колеблется от 16 до 19 человек. Затем путем простейших математических действий устанавливалось количество зарегистрированных в каждой из книг. Результаты складывались, и получались цифры потерь. Правда, возможность ошибки не исключается, поэтому данные должны быть уточнены.

По подсчетам автора, потери советских войск составили 131476 человек убитыми, пропавшими без вести и умершими от ран. В это число не вошли бойцы и командиры, умершие от ран в тыловых госпиталях. Пока нам не удалось установить точную цифру раненых, поскольку, кроме уже упомянутых данных из документов Административно-моби-

лизационного управления Генштаба, никаких обобщающих сведений не обнаружено.

В разных дивизиях соотношение убитых, пропавших без вести и раненых было различным. Если в 44-й дивизии первых было примерно в 1,7 раз больше, то в 49-й оно исчисляется как 1: 4, а в 720-й как 1: 3. Учтя имеющиеся данные по дивизиям, можно определить, что среднее соотношение между количеством погибших, пропавших без вести и раненых и обмороженных составит примерно 1: 2,5. Приблизительно равное с нашим соотношение получается и из цифр, указанных М. И. Семирягой. В этом случае число раненых и обмороженных достигнет 325–330 тыс. Прибавив к полученным цифрам 130 тыс. убитых, получим 450–460 тыс. выживших из строя из 1,3 млн. участвовавших в войне, т. е. было убито и ранено более трети бойцов и командиров. А теперь сравним первоначальные цифры РККА, приведенные в 1940 году, с данными, полученными в 1990–1992 гг. Получается, что количество безвозвратных потерь было занижено Генштабом в 2,7 раза, а раненых — в 2 раза.

Теперь о пленных. В разных источниках число взятых финнами в плен колеблется от 3 до 12 тыс. человек. Семиряга в своей работе назвал цифру 5469. Она достаточно близка к реальной, так как мы сами видели этот список, в котором оказались в основном военнослужащие 18, 44, 163, 75, 139 и 155-й дивизий, а также несколько десятков летчиков. Однако это хоть и основной список, по которому передавали пленных, но он неполный, есть еще два небольших списка, примерно по 150 человек, переданных советской стороне позже основного. Кроме того, около 200 человек не пожелали вернуться.

Поэтому заявление одного из высших чинов финской армии о том, что в плен было захвачено 6000 советских воинов, представляется нам вполне достоверным. О дальнейшей судьбе пленных, вернувшихся на Родину, мы не знаем ничего, кроме того, что согласно директивам Генерального штаба они направлялись в военные лагеря с целью политической обработки и дальнейшего распределения по частям или увольнения в запас. Насколько эти директивы были исполнены, нам остается только гадать до тех пор, пока не будут найдены соответствующие документы ГУЛАГа и НКВД. Добавим, что до сих пор не известны потери ВМФ и войск НКВД за период войны.

Раскрывая потери в советско-финляндской войне, стоит дать цифры и по различным образцам техники и вооружения. По итогам проведенной исследовательской работы была составлена ведомость учета потерь самолетов по полкам,

в результате чего их общее число получается равным 579, однако нам пока не удалось узнать количество потерь в шести полках, большая часть которых участвовала в боях с самого начала войны. То, что мы пока не считали потери в эскадрильях при управлении бригад и отдельных эскадрильях, дает нам право полагать, что общее количество самолетов, выбывших из строя, было равным 640–650.

Теперь о танках, чья броня оказалась не так крепка, как пелось в популярной песне. По произведенным подсчетам, танковые бригады и батальоны 7-й и 13-й армий потеряли за период боевых действий от огня и мин противника 1903 танка, из которых 358 было утрачено безвозвратно, еще 1275 боевых машин вышло из строя по техническим причинам. Если учесть, что в среднем на линии фронта находилось около 2000 танков, то можно сделать вывод, что каждый из них 1–2 раза выводился из боя по тем или иным причинам.

Значительного количества боевой техники недосчитались танковые части 15-й армии. Правда, большую часть потерь боевых машин составили танки частей, оказавшихся в окружении: 34-й танковой бригады и 218-го химического танкового батальона (огнеметные танки) ХТ-26; всего было потеряно 244 танка, 30 танкеток и 28 бронемашин. Значительную часть этих потерь следует считать безвозвратными. Если же учесть полностью уничтоженные танковые подразделения 18-й дивизии, то цифра потерь возрастет до 310–320 танков и 45 бронемашин, из которых примерно 180–200 танков следует считать потерянными безвозвратно.

Потери в бронированных машинах танковых частей 8, 9 и 14-й армий были значительно меньшими, однако вспомним, что большая часть 312-го танкового батальона 44-й дивизии была уничтожена в боях 30 декабря — 7 января. По нашим подсчетам, в общей сложности в боях было потеряно около 350 машин, из них около 100 — безвозвратно.

Следовательно, всего в боях было потеряно более 2,5 тыс. танков, из них более 650 безвозвратно. Артиллеристы несли потери куда менее ощутимые, так как с начала начала превосходство в силе огня было на их стороне, а к концу войны оно стало подавляющим. Поэтому в основном орудия выходили из строя из-за изношенности материальной части и плохих климатических условий, правда, после боев с 44-й и 18-й дивизиями финны подобрали немало орудий.

Каждый день войны, по подсчетам исследователей, обходился стране в 1247 человек убитыми, 3142 человека ранеными, в 6 сбитых самолетов и 23 подбитых и сожженных танка.

Такая вот грустная арифметика. Кроме того, у многих командиров после этой несчастливой войны зародилось неверие в собственные силы, у наших будущих противников появилась уверенность в слабости Красной Армии. СССР исключили из Лиги Наций, как агрессора, и, наконец, своими собственными руками был создан еще один противник в войне, до начала которой оставался лишь год, три месяца и девять дней.

*П. А. Аптекарь
(Военно-исторический журнал,
№ 3/1992, с. 43-45)*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Часть I ОБЩАЯ КАРТИНА ВОЙНЫ	9
Выстрелы были! Но с другой стороны	10
Северный узел межгосударственных противоречий	15
Политическая подоплека «зимней войны»	34
Ответный удар?	49
Красная агрессия	59
Финская подножка	81
На той войне незначительной	107
Реквием карельских болот	119
Русско-финская война	138
Советско-финская война	147
«Зимняя война»	154
Советско-финская «зимняя война»	178
Взгляд с другой стороны	211
Часть II ВОЙНА НА ЗЕМЛЕ	287
Линия Маннергейма и ее прорыв	288
Доты позиции Энкеля	294
Советские танки в «зимней войне»	301
Финская танковая часть	318
«Котел» под Кителем	321
Драма у Суомуссалми	333
«Красные финны»	341
«Белые финны»	347
Часть III ВОЙНА В ВОЗДУХЕ	353
Бомбы на финские города	354
Авиация Балтийского флота в «зимней войне»	358
ВВС Финляндии в «зимней войне»	361
«Королевские спаниели» на «зимней войне»	374

Часть IV ВОЙНА НА МОРЕ	381
Действия Красного флота	382
«Факел» над Балтикой	387
Бой у острова Руссарэ	402
На береговой батарее в Эстонии	408
Северный флот в «зимней войне»	417
Русско-финская война на море	424
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	438
Приказ Маннергейма от 13 марта 1940 года	439
Предел прочности	442
О чем не упомянул Сталин подводя итоги «зимней войны» с Финляндией	446
Оправданы ли жертвы? (О потерях в советско- финляндской войне)	451

Научно-популярное издание

СОВЕТСКО-ФИНСКАЯ ВОЙНА 1939—1940 гг.

Хрестоматия

Редактор-составитель *А. Е. Тарас*

Ответственный за выпуск *Ю. Хацкевич*

Художник *А. Шуплецов*

Верстка *О. Гришин*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 01.11.99.

Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 29. Тираж 15 000 экз.

Заказ 3815.

ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.

220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35-305.

Ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
ППП им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

OCR - Давид Титиевский, март 2017 г., Хайфа

Война СССР с Финляндией, состоявшаяся в конце 1939 — начале 1940 гг., длилась всего лишь 105 дней и ночей. Однако несмотря на свою скоротечность, она является одной из самых трагических страниц в новейшей истории обеих стран.

Более 50 лет подряд об этой войне у нас либо вообще не упоминали, либо говорили и писали откровенную ложь. Только в последние годы начали появляться правдивые исследования о ней. В предлагаемой хрестоматии собраны лучшие публикации на тему советско-финской войны за последние десять лет. В совокупности они дают достаточно объективную и детальную картину той трагедии.

